

4С (Калм)
В-748
-53536-

**ВОПРОСЫ
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
ГРАММАТИКИ
КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА**

ВЫПУСК 2

ЭЛИСТА
2006

НИИ

**Посвящается светлой памяти
член-корреспондента РАН
Эдхяма Рахимовича Тенишева**

-53536-
ас

Научная библиотека
РАН

ИЦ (КЭИМ)
В-2008

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт языкознания

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Калмыцкий государственный университет

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
ГРАММАТИКИ КАЛМЫЦКОГО
ЯЗЫКА

ВЫПУСК 2

Сборник научных статей

53536-
4e

Настоящее издание осуществлено при финансовой поддержке в форме грантов Министерства образования РФ 2002 г. [ГО2-1.6-105], внутривузовского гранта Калмыцкого ГУ в 2003 г. [511] и РГНФ в 2006 г. [06-04-36402 а/Ю].

Редакционная коллегия:

доктора филологических наук: Р.П.Харчевникова, Т.С.Есенова
кандидат филологических наук Б.В. Бадмаев.

Сборник представляет собой результат основного этапа описания главных проблем будущей "Академической грамматики калмыцкого языка" с позиций современного теоретического языкознания.

В "Академической грамматике" получают новое освещение такие понятия, как единицы словообразования и их отношения, грамматические категории и контекст, синтаксис текста: единицы и их свойства. Впервые даются цельные представления об интонации калмыцкого языка, системно излагаются морфемика, морфонология, словообразование, словообразовательная парадигматика частей речи, морфология и принципы описания частей речи и грамматических категорий, теория и методы изучения синтаксиса, проблемы лексикологии и лексикографии и другие вопросы грамматического строя калмыцкого языка, без углубленной разработки которых невозможно создание научной грамматики калмыцкого языка. Данный сборник предназначен для филологов, студентов, аспирантов, для всех, кто желает принять участие в предварительном обсуждении теоретических вопросов калмыцкого языка и внести свои замечания и предложения.

Редакционная коллегия печатает статьи в авторской редакции и уточняет лишь стиль изложения. Иллюстративный материал продолжаем оформлять с обозначением неясных гласных фонем в непервых слогах слова графемами **ь** - в твердорядных, **е** - в мягкорядных словах, **и** - для обозначения нейтральной фонемы только после палатализованных согласных **т'**, **д'**, **н'**, **л'**. Обоснование дано в статьях Р.П. Харчевниковой "Проблемы реформы орфографии калмыцкого языка" и П.Ц. Биткеева "Проблемы неясных гласных в калмыцком языке" в вып. 1 одноименного научного сборника (2002 г.) и в итогах анкетирования, проведенного среди учителей средних школ в 2005 г. по спорным вопросам в процессе реформирования орфографии (см. с. 188-192 данного сборника).

ISBN 5-230-20231-9

© Калмыцкий государственный университет, 2006

Харчевникова Р.П.

ЗАДАЧА СОЗДАНИЯ НОВОЙ ГРАММАТИКИ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ ПРОДОЛЖЕНИЯ РАБОТ ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ ОРФОГРАФИИ

Историю исследования грамматического строя калмыцкого языка и накопления знаний о нем в послевоенный советский период невозможно излагать в отрыве от последствий депортации народа и реалий сложившейся языковой ситуации. Первая "Грамматика калмыцкого языка" советского времени была написана Г.Д.Санжеевым, она вышла в предвоенном 1940 году. К сожалению, вскоре этот труд оказался недоступным для пользования носителям языка, так как в конце 1943 г. калмыки были репрессированы в числе других малочисленных народов СССР и обречены на 13-летнее дисперсное проживание в иноязычной языковой среде. В годы лишения прав целого народа был нанесен громадный ущерб не только генофонду нации, но и развитию его духовных ценностей - литературного калмыцкого языка, письменности и культуры.

Начавшийся в тот период процесс частичной, либо полной утраты калмыцкого языка младшим поколением 40-х годов и последующих десятилетий на современном этапе привел к уничтожению национальной языковой среды. Калмыцкий язык находится под угрозой исчезновения в ближайшей перспективе. Следует обратить внимание на то, что по существующей классификации ЮНЕСКО, опубликовавшей недавно обновленный "Атлас мировых языков, находящихся под угрозой исчезновения", эксперты считают языки "исчезающими", если, по крайней мере, 30 % детей их носителей уже не говорят и не изучают язык своих родителей. Каждую неделю в мире умирает по одному языку. Вместе с ним в историю уходит говорящий на нем народ (Теленкова, 2003; Гафарлы, 2004).

Работа по возрождению и дальнейшему развитию калмыцкого языка, начатая с первых лет после социально-политической реабилитации народа и восстановления его национальной автономии, продолжается и в настоящее время, но продвигается трудно, противоречиво и не всегда успешно, так как не поставлена по-настоящему на государственную основу. Отчасти это объясняется и тем, что законодательные акты по возрождению и сохранению национального языка принимаются без строгой научной экспертизы (глубокого изучения, теоретического обоснования программы и выработки стратегии), носят преимущественно декларативный характер и слабо обеспечены (либо вовсе не обеспечены) в финансовом отношении.

Приведем один из наглядных примеров. В мае 2003 г. в Элисте состоялась межрегиональная научно-практическая конференция "Национальное образование как фактор консолидации полиэтнического российского общества". Обсуждение результатов долгосрочного эксперимента по становлению национальной системы образования Республики Калмыкия (10-летний юбилей) показало, что организаторы государственной языковой и национально-образовательной политики в нашей республике по-прежнему далеки от достижения поставленной в очередной раз цели: приоритет в организационном и финансовом обеспечении данной программы отдается внедрению этнопедагогизации, этнопсихологизации и этнокультуры. Однако "этнообразовательные запросы" в национальной системе образования обеспечиваются преподаванием в школах и дошкольных образовательных учреждениях преимущественно по книгам и пособиям, написанным на русском языке.

Проблемы же обучения родному языку и продолжение работы по приостановленному реформированию его орфографии (1998-2001 гг.) преданы забвению, не обсуждаются

и не решаются на должном уровне, они оказались на периферии программы конференции. Качественные изменения в системе национального образования в докладе министра образования Республики Калмыкия были представлены ростом количества различных моделей и типов национально-образовательных учреждений и учащихся в них. При этом совершенно отсутствовали данные о качестве знаний, о передовом опыте и достижениях лучших учителей калмыцкого языка и литературы, о необходимости подготовки программ и учебников нового поколения, создания учебно-методических комплексов.

Государственная комиссия по совершенствованию калмыцкого языка не осуществляет контроль решения этих насущных для сохранения калмыцкого языка задач, выдвинутых в Указах президента Республики (от 07.05.1998; 05.11.1998 и 10.06.2001 гг.).

Решение проблем возрождения и дальнейшего развития калмыцкого языка продолжается уже полвека, однако процесс вымирания языка прогрессирует (в 1-м выпуске научного сборника нами приведены статистические данные). По прогнозам лингвистов, через 25 лет от ныне существующих в мире "живых" языков останется одна десятая часть. Стало быть, калмыцкий язык находится в числе 90% исчезающих мировых языков и может быть очень скоро потерян нашим этносом безвозвратно, если не будет разработана и принята конкретная специальная Программа его сохранения и дальнейшего развития, постоянно поддерживаемая политикой президента, правительства и парламента республики. Известно, что ЮНЕСКО озабочена тем, что из примерно шести тысяч языков Земли сегодня почти половина находится под угрозой исчезновения, и решила взять их спасение под международный контроль.

Судьба калмыцкого языка находится и в руках лингвистов. Их исследовательская работа также должна быть организована и скоординирована. Ученые понимают, как велика потребность общества в сохранении калмыцкого языка как национального достояния, имеющего глубокие корни и богатые истоки. Историко-культурные памятники, религиозно-буддийские и литературные произведения на "Тодо бичиг" – "Ясное письмо", фольклорное наследие народа и его самое мощное творение – героический эпос "Джангар" обеспечивают непреходящую ценность калмыцкого языка и историческую память народа о собственной цивилизации.

Сразу же после реабилитации калмыцкого народа, восстановления его автономии была начата работа по изучению языка и в практическом, и в научном плане. Итогом подготовки научных кадров в 60-70-е годы, теоретических исканий языковедов явились первые исследования грамматического строя калмыцкого языка. Учеными старшего поколения У.У.Очировым и Б.Б.Бадмаевым были написаны учебные пособия по "Грамматике калмыцкого языка" (синтаксис и морфология) для студентов вуза (Очиров, 1964; Бадмаев, 1966). Затем были созданы научные труды: "Синтаксис простого предложения" (1977 г.) и "Синтаксис сложного предложения" (1979 г.) Г.Ц.Пюрбеева и нормативная "Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология" (1983 г.) – коллективный труд ученых Калмыцкого НИИЯЛИ. Как видим, понадобились десятилетия, чтобы, благодаря усилиям и изысканиям этих ученых, появились первые "Грамматики калмыцкого языка" послевоенного периода. Они стали крупным научным достижением того времени, и, будучи востребованы обществом, послужили основой для формирования норм литературного калмыцкого языка, развития не только его теории, но и практики удовлетворения культурно-языковых потребностей народа в создании школьно-вузовских учебников, издательского дела, теле- и радиовещания, становления театра и т.д.

За последние десятилетия в Калмыкии заметно выросло число квалифицированных специалистов-языковедов, в научных трудах (статьях, описаниях, монографиях и т.д.) которых в 80-90-е годы многие факты языка, тенденции его развития и закономерности функционирования освещены с позиций современных теоретических представлений о принципах организации грамматической структуры калмыцкого языка. В настоящее время калмыцкими языковедами решается очень важная и ответственная задача: создание "Академической грамматики калмыцкого языка", которая станет не только обобщающим сводом современных научных знаний о калмыцком языке, накопленных за последние три

десятилетия, но и теоретической основой решения проблем реформирования действующей орфографии и внедрения ее в практику. Социокультурный и лингвистический аспекты реформирования орфографии калмыцкого языка были освещены в ряде статей П.Ц.Биткеева (1977, 2002), Р.П.Харчевниковой (1999, 2002, 2003), Д.А.Сусеевой (2002, 2003), П.А.Дарваева (1999, 2003) и др.

Огласовка действующей консонантной орфографии (со стечением в слове подряд от 3 до 11 согласных) внесет изменения в звуковой облик не только заглавных слов в словаре, но и в целом в словообразовательную (частей речи) и словоизменительную (категориальных словоформ) парадигматику. Необходима объективная оценка тенденций развития калмыцкого языка, его современного состояния. Новое теоретическое осмысление известных фактов и системных связей между ними требует нового подхода к изучению языкового материала и рассмотрения их под иным углом зрения. В связи с этим методика и техника исследования должны постоянно обновляться и улучшаться в соответствии с требованиями современной теории и практики языка, разработки и совершенствования принципов составления академических грамматик конкретных языков (Тенишев, 1973, 119; Черемисина, 1991, 3-28; Рассадин, 1991, 89-99).

Грамматическое описание калмыцкого языка на современном этапе представлено главными единицами языка - словом (в разных аспектах) и предложением, т.е. разными объектами изучения. Ответственность по подготовке и изданию фундаментального научного труда распределена между Калм. ГУ (I том - Фонетика. Фонология. Интонация. Морфемика. Морфонология. Словообразование. Морфология) и КИГИ РАН (II том - Синтаксис, III том - Лексика).

Структура I тома "Граматики" определяется характером интенсивных материальных преобразований грамматических единиц в процессе речи, в частности набором таких средств, как формы слова, составляющие его морфемы, их фонемное строение, и отношением между ними. В этот том впервые включаются несколько очень важных разделов вводного назначения к грамматике в целом: фонология, интонация, морфемика, морфонология и словообразование. Они имеют самое непосредственное отношение к проблеме совершенствования орфографии языка. Данная структура обеспечивает наибольшую полноту охвата языкового материала, кодификацию, инвентаризацию и классификацию набора средств и их взаимосвязей, формирование принципов структурно-семантической организации калмыцкого языка, его категорий и функциональных механизмов – системное описание современного литературного калмыцкого языка, выработку его норм и правил.

Фундаментальная научная проблема решается на основе исследований и идей исполнителей проекта, которые в предшествующие годы защитили докторские и кандидатские диссертации, опубликовали множество статей, монографии, учебные пособия, разработали систему специализаций и факультативов для студентов, являются авторами программ и учебников для средней школы. В итоге научно-исследовательской работы, выполняемой авторским коллективом Калмыцкого ГУ, по I тому в 2000-2004 гг. на первом этапе восполнены существующие в "Грамматике" пробелы в изучении фонологии (П.Ц. Биткеев, Д.А. Сусеева), морфемики, словообразования (Д.А.Сусеева), морфонологии (Д.А.Сусеева, Р.П.Харчевникова) и интонации (Т.С.Есенова).

Продолжается начатое исследование частей речи: имени прилагательного и наречия (Д.А.Сусеева), имени существительного и системы глагола, а также их грамматических категорий (Р.П.Харчевникова), числительных и местоимений (Н.Н.Убушаев), служебных частей речи: послелогов, частиц и союзов (Б.В.Бадмаев), классов изобразительных, модальных слов и междометий (В.Э.Очир-Гаряев). Часть указанных выше разделов опубликованы в сопутствующих созданию "Граматики" 2-х выпусках научного сборника "Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка" (2002; 2006), а также в научных сборниках вузов и научно-исследовательских институтов других городов. В оба выпуска включены статьи по синтаксису (Э.У.Омакаева, Т.С.Есенова, В.Н.Мушаев) и лексике (М.У.Монраев). Замечания и предложения по предварительно опубликованным матери-

алам будут с благодарностью учтены и найдут свое отражение в структуре описания грамматического строя калмыцкого языка.

Новое системное освещение получили такие понятия, как единицы морфемики, словообразования, морфологии, синтаксиса и их отношения, грамматические категории и контекст, синтаксис текста, актуальное членение предложения, интонология и т.д. Структурно-семантическое описание морфологических, синтаксических и других уровней языка зиждется на основных теоретических положениях современного языкознания. Использование критериев и принципов их анализа побуждает по-новому взглянуть на многие явления калмыцкой "Грамматики".

Морфология неразрывно связана с синтаксическим строем языка. Главная единица "Грамматики" — слово объединяет их. Как единица морфологии, слово принадлежит к конкретным частям речи, а как единица синтаксиса является строительным материалом для образования его основных единиц — словосочетания и предложения. И слово, и предложение имеют свою внутреннюю организацию — взаимосвязанное единство плана выражения и плана содержания. При их функционировании в речи каждая из этих языковых единиц видоизменяется по своим специфическим законам и классифицируется по структурно-функциональным типам. В пределах морфологии слово рассматривается во всем богатстве его грамматических форм, обусловленных характером парадигматических и синтагматических отношений, принадлежностью словоизменительных парадигм к определенным частям речи.

Части речи в калмыцком языке характеризуются принятой в современном языкознании концепцией, как лексико-грамматические разряды слов, которые отличаются друг от друга не только рядом грамматических черт, но и лексически. К грамматическим признакам относятся морфологические (изменяемость/неизменяемость, способы изменения, парадигматика), синтаксические (способы связи — сочетаемость с другими словами и синтаксические функции). Вместе с тем оправдан на примере анализа грамматических категорий, в частности глагола, имени существительного, подход к проблеме частей речи в калмыцком языке, исходя из концепции функционально-семантических разрядов слов. В целом такой подход к проблеме частей речи и их грамматических категорий позволяет исследовать функционирование словоформ и связанных с ними средств контекста в рамках различения языка и речи — одного из важных достижений современной лингвистики.

Получают системное описание грамматические категории, которые "в своих сложных отношениях друг с другом составляют ядро грамматического строя языка" (КРГ, 1989, 11). Анализ грамматических категорий как сложной системы взаимосвязанных частей (плана выражения и плана содержания) требует решения конкретных задач: описания дистрибуции грамматического значения форм в синхронном плане и выявления взаимосвязей форм внутри рассматриваемой категории, исследования функционально-семантического потенциала форм. Изучение парадигматического аспекта грамматических категорий в морфосемах является исходной посылкой к анализу их синтагматической реализации в дистрибутивно обусловленных семах.

Таким образом, изучение структурной организации частей речи и принципов реализации их семантических значений и грамматических категорий следует производить в свете теории общего и частного значений форм, плодотворно разрабатываемых в современном языкознании: русистике, тюркологии и монголоведении. Общее и специфическое в частях речи калмыцкого языка и их грамматических категориях наиболее отчетливо выявляется на фоне исследования этих проблем и описания принципов их структурной организации, с одной стороны, в типологически несходном русском, а с другой стороны, в монгольских и близких к ним тюркских языках.

В системе морфологии сохраняются традиционные части речи. Знаменательными являются: имя (существительное, прилагательное, числительное), глагол, наречие и местоимение. Служебные: послелого, частицы, союзы. Междометие. Система частей речи дополняется классами модальных и изобразительных слов.

Использованная литература

1. Бадмаев Б.Б. Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста, 1966.
2. Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка. Вып. 1. Москва-Элиста, 2002:
  1. Бадмаев Б.В. Проблема служебных слов в калмыцком языке: послелогои, с. 90-112.
  2. Биткеев П.Ц. Проблемы неясных гласных в калмыцком языке, с. 22-29.
  3. Есенова Т.С. Интонация в системе выразительных средств калмыцкого языка, с. 30-38.
  4. Очир-Гаряев В.Э. Изобразительные слова в калмыцком языке, с. 148-158.
  5. Сусеева Д.А. Основные понятия и принципы морфемики в калмыцком языке, с. 49-69.
  6. Сусеева Д.А. Способы словообразования в калмыцком языке, с. 113-126.
  7. Харчевникова Р.П. Проблемы реформы орфографии калмыцкого языка, с. 3-21.
  8. Харчевникова Р.П. Категория залога: структура залоговых конструкций в современном калмыцком языке, с. 70-89.
3. Биткеев П.Ц. Закон корреляционной модификации и неясные гласные в монгольских языках // Монголоведение в новом тысячелетии (к 170-летию организации первой кафедры монгольского языка в России). Элиста, 2003, с.16 - 18.
4. Гаварлы Мехман. Русский с китайским акцентом // Новые известия. 28 сентября, 2004.
5. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983.
6. КРГ - Краткая русская грамматика. Под ред. Н.Ю.Шведовой и В.В.Лопатина. М., 1989.
7. Очиров У.У. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста, 1964.
8. Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Простое предложение. Элиста, 1977.
9. Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Сложное предложение. Элиста, 1979.
10. Рассадин В.И. Местоимения в монгольских языках // Вопросы грамматики монгольских языков. Новосибирск, 1991.
11. Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. М.-Л., 1940.
12. Сусеева Д.А. Морфонологические явления в современном калмыцком языке // Материалы Международной научной конференции "Орфография и изменение языковых норм: лингвистический, дидактический и социокультурный аспекты". Астрахань, 2002, с. 129-131.
13. Сусеева Д.А. Вопросы фонологической системы калмыцкого языка (постановка проблемы) // Гегэрлт. Научно-методический журнал. 1,2 (20-21). Элиста, 2004. с. 154-172.
14. Сусеева Д.А. Словесное ударение в русском и калмыцком языках: опыт сопоставительного анализа // Русская речь в инонациональном окружении. Межвузовский сборник научных статей. Вып. 2. Элиста, 2004.
15. Теленкова О. Тихая смерть языков // За рубежом. 22.05.2003.
16. Тенишев Э.Р. О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков // Советская тюркология. 1973. № 5
17. Харчевникова Р.П. Лингвистический аспект реформирования орфографии калмыцкого языка // Материалы научных чтений, посвященных памяти профессора А.Ш. Кичикова. Элиста, 2001, с. 26-42.
18. Харчевникова Р.П. Словоизменительная парадигматика имен существительных в новой орфографии калмыцкого языка // Материалы научных чтений, посвященных памяти профессора А.Ш.Кичикова. Элиста, 2001, с. 131-134.
19. Харчевникова Р.П. Проблемы реформирования орфографии и создания научной грамматики калмыцкого языка (формы именных и глагольных основ) // Вузовская наука начала XXI века: гуманитарный вектор. Юридические науки. Литературоведение. Языкознание. Психология. Екатеринбург, 2002, с. 127-131.
20. Харчевникова Р.П. К вопросу о разработке основных положений новой орфографии калмыцкого языка // Монголоведение в новом тысячелетии (к 170-летию организации первой кафедры монгольского языка в России). Элиста, 2003, с. 36-39.

21. Харчевникова Р.П. Семантико-функциональная дифференциация возвратных местоимений в монгольских языках // Материалы международной научной конференции "Джангар" в евразийском пространстве. Элиста, 2004. с. 305-309.

22. Черемисина М.И. Принципы составления научной грамматики бурятского языка // Вопросы грамматики монгольских языков. Новосибирск, 1991.

Сусеева Д.А.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМАТИКА ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

1. Понятие словообразовательной парадигматики

В настоящей работе дается описание словообразовательных парадигм калмыцкого языка в терминах, которые новы для монгольского языкознания и требуют пояснения. К их числу относятся: “лексико-семантическая группа”, “словообразовательная реализация”, “словообразовательный потенциал”, “словообразовательная категория”, “словообразовательная парадигматика” и некоторые другие.

Под “словообразовательной реализацией” корневого (исходного) слова подразумевается количественный показатель производных слов, которые реально образованы от конкретного исходного слова и зафиксированы в современных словарях калмыцкого языка. Вполне вероятно, что упомянутые словари не полностью отразили производные слова современного языка. В таком случае, по мере появления новых словарей калмыцкого языка, можно будет вносить в рассматриваемые здесь словообразовательные парадигмы соответствующие дополнения и уточнения.

Установлено, что в калмыцком языке для каждой части речи характерны свои лексико-семантические группы, которые имеют собственные словообразовательные парадигмы. Лексико-семантическая группа - это такая группа слов, которая включает в себя исходные слова, относящиеся к одной части речи и имеющие общую семантику (общий семантический компонент). Например, в классе имен существительных выделены лексико-семантические группы, имеющие следующие общие значения: 1) существительные, обозначающие “орудие или средство действия”; 2) существительные, обозначающие “место, где совершается действие”; 3) существительные, обозначающие “времена года”; 4) существительные, обозначающие “животных”; 5) существительные, обозначающие “черты характера человека” и др.

Как показывает фактический материал, словообразовательные парадигмы имен существительных, имен прилагательных, глаголов и наречий существенно отличаются друг от друга. В связи с этим словообразовательная парадигма в калмыцком языке может служить важным признаком для различения и характеристики разных частей речи.

Словообразовательные парадигмы в калмыцком языке описываются с помощью такого понятия, как “словообразовательная категория”.

Словообразовательная категория - это категория семантическая, которая представляет собой набор (совокупность) словообразовательных типов, характеризующихся тождественностью словообразовательных значений. Например, словообразовательная категория “действие, которое приводит к проявлению того, что названо производящим словом” формируется на базе трех словообразовательных типов: 1) производные глаголы, образованные от имен существительных с помощью суффикса *-те/-ть/-т* (*кирүтхе* - покрываться инеем от *кирү* - иней); 2) производные глаголы, образованные от имен существительных с помощью суффикса *-ре/-рь/-р* (*көгжерхе* - плесневеть от *көгже* - плесень); 3) производные глаголы, образованные от имен существительных с помощью суффикса *-ле/-ль/-л* (*чииглехе* - моросить, накрапывать от *чиг* - роса).

Словообразовательная категория является единицей семантической системы аффиксального словообразования. Каждая словообразовательная категория представляет собой обобщение определенного типа отношений между производящим словом и его производным. Выявлены и описаны в калмыцком языке 72 словообразовательные

категории, которые входят в состав словообразовательных парадигм 3 частей речи: существительного, прилагательного и глагола.

Словообразовательные парадигмы в калмыцком языке поддаются классификации. Необходимо различать парадигмы отдельных слов и парадигмы лексико-семантических групп. Парадигмы отдельных слов в языкознании называются “конкретными”, а лексико-семантических групп - “типовыми”. Типовые парадигмы в калмыцком языке обладают “прогнозирующей силой”. Суть этого понятия заключается в том, что если известна словообразовательная парадигма какой-нибудь лексико-семантической группы, то можно определить “потенциальные производные” от любого слова данной лексико-семантической группы. Например, в словообразовательной парадигме глаголов “движения” есть производные *гүүһэчэ* - бегун (от *гүүхе* - бежать) и *дошачь* - конькобежец (от *дошхь* - кататься), но нет *йовачь* - тот, кто ходит (от *йовхь* - идти), хотя эта парадигма и позволяет образовать такое производное слово. Но пока современный язык не пользуется словом *йовачь*, и оно остается “потенциальным”. Следовательно, потенциальными словами называются такие слова, образование которых заложено в системе словообразования, но они пока по разным причинам остаются нереализованными.

В словообразовательных парадигмах наглядно проявляется языковая система. Парадигматические отношения предопределяют возможность или невозможность образования слов. В связи с этим одной из основных задач аффиксального словообразования является выяснение того, что допускается языковой системой. Как установлено наукой, существование системы не предполагает обязательной реализации в тексте всех ее возможностей.

Понятие словообразовательной парадигмы для монголистики новое, поэтому научная дисциплина, изучающая ее, пока не сложилась. Такая ситуация характерна и для современного языкознания в целом. Е.С.Кубрякова пишет по этому поводу: “Вместе с введением понятия парадигмы в словообразование (Т.М.Беляева, Е.А.Земская, Й.ван Марле, Е.С.Кубрякова, Р.Бирд, Л.Дюрович и др.) здесь тоже рождается представление о парадигматике словообразовательной. Развитие лексической, морфологической, синтаксической и словообразовательной парадигматики свидетельствует о том, что в принципе парадигматический аспект исследования применим к единицам разных уровней и что он может быть использован как для отождествления их реального функционирования и системного варьирования, так и в изучении причин исторического развития языков” (Кубрякова, 1990, 367).

В настоящей работе под “словообразовательной парадигматикой” подразумевается научная дисциплина, которая призвана изучать словообразовательные парадигмы калмыцкого языка и принципы их организации. Кроме того, “словообразовательная парадигматика” имеет и второе значение. Этот термин обозначает всю совокупность парадигматических отношений, которые характерны для аффиксального словообразования калмыцкого языка. В работе рассмотрено последнее.

2. Словообразовательная парадигматика имен существительных

В настоящее время обнаружено и изучено 12 лексико-семантических групп и 12 соответствующих им типовых словообразовательных парадигм существительных современного калмыцкого языка. У каждой из 12 словообразовательных парадигм есть особый тип производных слов, который является их своеобразной “визитной карточкой”.

Количество лексико-семантических групп калмыцкого языка по мере расширения материала, видимо, в будущем будет уточняться.

2.1. Словообразовательная парадигма имен существительных, обозначающих “орудие действия”

В данную лексико-семантическую группу (далее сокращенно - ЛСГ) входят существительные с разными лексическими значениями, но с общим семантическим

компонентом - “орудие действия”, или “способность выступать в качестве орудия действия”. К числу таких существительных относятся: *арһымжъ* - аркан, *бар* - клише, *урхъ* - силок, *тээрме* - мельница, *буу* - ружье, *чөдер* - пути и др. Слова данной ЛСГ принимают участие в образовании производных трех частей речи с 4 словообразовательными значениями:

1) производное существительное обозначает “лицо, которое в своей деятельности использует орудие (средство), названное производящим словом”, например: *булuche* - точильщик (от *булу* - точило), *эмче* - лекарь (от *эм* - лекарство), *тээрмече* - мельник (от *тээрме* - мельник), *буучъ* - оружейник (от *буу* - ружье) и др.;

2) производные прилагательные обозначают “признак, имеющий отношение к тому, что названо производящим словом”, например: *бууһин* - ружейный (от *буу* - ружье), *эмин* - лекарственный (от *эм* - лекарство);

3) производные глаголы обозначают “действие, которое связано с использованием орудия (средства), названного производящим словом”, например: *арһымжълхъ* - ловить арканом (от *арһымжъ* - аркан), *чөдерлехе* - треножить (от *чөдер* - пути);

4) производные глаголы обозначают “действие, связанное с приобретением того, что названо производящим словом”, например: *машинизацълхъ* - механизировать (от *машин* - машина).

Следует заметить, что не все исходные слова, входящие в данную ЛСГ, использовали в равной мере свой словообразовательный потенциал, то есть возможности, предоставляемые словообразовательной системой. У некоторых из них отсутствуют производные либо в блоке существительных, либо в блоке прилагательных, либо в блоке глаголов. Блок наречий для данной ЛСГ не характерен. “Визитной карточкой” данной ЛСГ является производный глагол, обозначающий “действие, которое связано с использованием орудия (средства), названного производящим существительным”, например, *тээрмедхе* - молот, перемалывать.

Отдельные имена существительные со значением “орудие, средство действия” в калмыцком языке не принимают участия в словообразовании, например *алхъ* - молоток.

Неравномерность в реализации словообразовательного потенциала производящих основ данной ЛСГ объясняется несколькими причинами. Во-первых, словообразовательный потенциал не реализуется из-за того, что появление новых производных привело бы к “избыточности” языка (языковых средств). Например, в калмыцком языке можно образовать существительные *сукче* - тот, кто пользуется топором (от *сүке* - топор), *гөлеме* - тот, кто пользуется сетью, черпаком (от *гөлме* - сеть). Но в калмыцком языке уже есть слова *модчъ* - плотник и *заһсчъ* - рыбак, обозначающие людей, которые пользуются в своей деятельности соответственно “орудиями действия” *сүке* - топор и *гөлме* - сеть. Только профессии людей здесь обозначены не через предметы, которые являются “орудием, средством действия”, а через предметы, которые служат “объектом действия”. То же самое касается и нереализованных производных типа, например, *малячъ* - тот, кто пользуется плеткой, *самчъ* - тот, кто чешет гребнем, *барчъ* - тот, кто пользуется печатью, *мэнче* - тот, кто использует приманку и др. Известно, что плетью пользуются в своей работе *хөөче* - чабан, *үкерче* - пастух, *адучъ* - табунщик, профессии которых обозначены не через слово *маля* - плеть, а через слова, обозначающие конкретных домашних животных. Слова *самчъ* и *мэнче* не реализованы потому, что нет профессии, у которых были бы основными “орудиями труда” *сам* - гребень и *мэн* - приманка. Так, для парикмахера гребень является лишь одним из “орудий труда”, но название этой профессии в калмыцком языке заимствовано из русского языка. Для охотника приманка является тоже одним из “средств” добычи зверя, а сама профессия (*анһучъ*) обозначена через название зверя (*ан* - зверь). В случае со словом *бар* - печать (полиграф.) производное слово, обозначающее профессию, образовано не от исходного существительного (*бар*), а от производного глагола *барлхъ* - печатать по следующей схеме: *бар* - печать — *барлхъ* - печатать — *барлачъ* - печатник.

Словообразовательная парадигма существительных, обозначающих “орудие” действия

Часть речи производного	Словообраз. значение	Исходные (производящие) слова				
		<i>арһъмжъ</i>	<i>тээрме</i>	<i>буу</i>	<i>чөдер</i>	<i>машин</i>
		аркан	мельница	ружье	путы	машина
1. Существительное	“лицо”	-	<i>тээремче</i>	<i>буучъ</i>	-	-
			мельник	стрелок		
2. Прилагательное	“принадлежащий орудю”	<i>арһъмжин</i>	<i>тээрмин</i>	<i>бууһин</i>	<i>чөдрин</i>	<i>машина</i>
		арканый	мельничный	ружейный	принадлежащий путам	машинный
	“имеющий то, что названо производящим”	<i>арһъмжта</i>	<i>тээремтә</i>	<i>буута</i>	<i>чөдертә</i>	<i>машита</i>
		имеющий	имеющий	имеющий	имеющий	имеющий
		аркан	мельницу	ружье	путы	машину
3. Глагол	“действовать с помощью того, что обозначено производящим”	<i>арһъмжъль-хъ</i>	<i>тээрмедхе</i>	-	<i>чөдерлехе</i>	<i>машидхе</i>
		ловить арканом	молотить на мельнице		треножить	работать на машине

Во-вторых, словообразовательный потенциал отдельных слов данной ЛСГ “затухает” в связи с тем, что они перемещаются в разряд архаизмов. Например, в калмыцком языке можно образовать от слова *лава* - морская раковина производное существительное со значением “лицо, играющее на морской раковине”, но из-за архаизации указанного слова надобность в образовании подобного существительного отпадает.

В-третьих, неравномерность в реализации словообразовательного потенциала существительных данной ЛСГ объясняется и таким явлением, как синонимия. Так, в калмыцком языке есть два синонимичных существительных: *бэше* - печь и *зуухъ* - печь. Существительное со значением “лица” образовано только от одного из них, а именно *бэшче* - печник.

Дальнейшее исследование словообразовательных парадигм калмыцкого языка, видимо, позволит выявить и другие причины, которые приводят к неравномерной реализации потенциальных словообразовательных возможностей отдельными словами.

2.2. Словообразовательная парадигма имён существительных, обозначающих “объект” действия

К данной ЛСГ относятся имена существительные, обозначающие “вещи и предметы, которые могут быть объектом или результатом человеческой деятельности”, например: *бульн* - угол, *һал* - огонь, *дэре* - подушка, *зээг* - орнамент, *шог* - шутка и др.

Словообразовательная парадигма существительных, обозначающих “предметы”, “вещи”

Часть речи производного	Словообразоват. значение	Исходные (производящие) слова				
		<i>һал</i>	<i>дэре</i>	<i>шог</i>	<i>туужъ</i>	<i>зээг</i>
		огонь	подушка	шутка	история	орнамент
1. Существительное	“лицо”	<i>һалчъ</i>	-	<i>шогчъ</i>	<i>туужчъ</i>	-
		истопник		шутник	историк	
2. Прилагательное	“принадлежащий тому, что назван производящим”	<i>һалын</i>	<i>дэрин</i>	<i>шогин</i>	<i>туужин</i>	<i>зээгин</i>
		огневой	подушечный	шуточный	исторический	принадлежащий орнаменту
	“содержащий то, что обозначено производящим”	<i>һалта</i>	<i>дэртә</i>	<i>шогта</i>	<i>туужта</i>	<i>зээгтә</i>
		содержащий	имеющий	содержащий	имеющий	имеющий
		огонь	подушку	шутку	историю	орнамент
3. Глагол	“создавать то, что обозначено производящим”	<i>һалдхъ</i>	<i>дэрелхе</i>	<i>шогльхъ</i>	<i>туужльхъ</i>	<i>зээгелхе</i>
		сжигать	сделать	шутить	рассказывать	делать
			подушку		историю	орнамент

Словообразовательная парадигма данной ЛСГ представлена производными 3 частей речи с 4 словообразовательными значениями:

1) производные существительные обозначают “лицо, создающее то, что названо производящим словом”, например: *шогчъ* - шутник (от *шог* - шутка), *туульчъ* - сказочник (от *туули* - сказка), *халчъ* - истопник (от *хал* - огонь); существительные образуются с помощью суффикса *-чъ/-че*;

2) производные прилагательные обозначают “признак, имеющий отношение к предмету, который назван производящим существительным”, например: *шогин* - шуточный (от *шог* - шутка), *туужин* - исторический (от *туужъ* - история), *дэрин* - подушечный (от *дэре* - подушка) и др.;

3) производные прилагательные обозначают “признак, имеющий отношение к тому, что названо производящим существительным”, например: *шогта* - содержащий шутку (от *шог* - шутка), *сүзегтэ* - верующий (от *сүзег* - вера); производные прилагательные образуются с помощью суффикса *-та/-тэ*;

4) производные глаголы обозначают “действие, направленное на создание того предмета (вещи), который назван производящим существительным”, например: *шоглхъ* - шутить (от *шог* - шутка), *туужлхъ* - повествовать, рассказывать историю (от *туужъ* - история), *ховлхъ* - сплетничать (от *ховъ* - сплетня); производные глаголы образуются с помощью суффикса *-ле/-ль/-л*.

Все производные глаголы являются переходными. Они представляют собой “визитную карточку” парадигмы данной ЛСГ.

Имена существительные, составляющие данную ЛСГ, не все используют словообразовательные возможности парадигмы. Причины те же самые, которые были указаны для первой ЛСГ, а именно: стремление языка к экономии средств (избежание избыточности в номинации), архаизация отдельных слов данной ЛСГ и участие синонимов в словообразовании.

2.3. Словообразовательная парадигма имен существительных, обозначающих “материал”

В данную ЛСГ входят имена существительные, которые обозначают “предметы (вещи), используемые для покрытия чего-либо”, например: *төмер* - железо, *алтын* - золото, *хала* - жель, *модын* - дерево и др.

Словообразовательная парадигма существительных, обозначающих “материал”

Часть речи производного	Словообразовательные значения	Исходные (производящие) слова				
		<i>цэмген</i>	<i>модын</i>	<i>төмер</i>	<i>алтын</i>	<i>хала</i>
1. Существительное	“лицо”	сукно	дерево	железо	золото	жель
		<i>цэмгече</i>	<i>модчъ</i>	<i>төмерче</i>	<i>алтъчъ</i>	<i>халачъ</i>
		суконщик	плотник	кузнец	ювелир	естянщик
2. Прилагательное	“принадлежащий материалу” “содержащий то, что названо производящим”	<i>цэмгнэ</i>	<i>модна</i>	<i>төмрин</i>	<i>алтна</i>	<i>халан</i>
		суконный	древесный	железный	золотой	жестяной
		<i>цэмгтэ</i>	<i>модта</i>	<i>төмертэ</i>	<i>алтъта</i>	<i>халата</i>
		содержащий сукно	содержащий дерево	содержащий железо	содержащий золотого	содержащий жель
3. Глагол	“использовать для отделки”	<i>цэмгелхе</i>	-	<i>төмерлехе</i>	<i>алтълхъ</i>	-
		оббивать сукном		оббивать железом	покрывать золотом	
	“укреплять материалом”	-	-	<i>төмердхе</i>	-	-
				укреплять железом		
	“приобретать					

свойства					
материала”	-	мольрххь	-	-	-
		одеревенеть			

Словообразовательная парадигма данной ЛСГ представлена 5 типами производных:

1. Производные существительные обозначают “лицо, которое использует в качестве материала для покрытия то, что названо производящим существительным”, например: *төмерче* - кузнец (от *төмер* - железо), *алтьчь* - ювелир (от *алтън* - золото), *цэмгече* - суконщик (от *цэмген* - сукно). Производные образованы с помощью суффикса *-чь/-че*.

2. Производные прилагательные обозначают “признак, имеющий отношение к “материалу”, который назван производящим существительным”, например: *модна* - древесный (от *модън* - дерево), *төмрин* - железный (от *төмер* - железо), *алтна* - золотой (от *алтън* - золото). Производные прилагательные образуются с помощью суффиксов *-а/-ә; -ин/-ын*.

3. Производные прилагательные обозначают “признак, связанный с содержанием того, что названо производящим существительным”, например: *алтъть* - имеющий золото; содержащий золото (от *алтын* - золото), *молта* - покрытый лесом; содержащий лес (от *модын* - дерево; лес). Производные прилагательные образуются с помощью суффиксов *-та/-тә, -те/-ть*.

4. Производные глаголы обозначают “действие, связанное с использованием “материала”, названного производящим существительным”, например, *алтълхь* - позолотить (от *алтън* - золото), *ширелхе* - покрывать краской (от *шире* - краска), *цацгльхь* - обшивать бахромой (от *цацг* - бахрома), *төмердхе* - обивать железом (от *төмер* - железо), *цэмгелхе* - покрывать сукном (от *цэмген* - сукно). Производные глаголы образуются с помощью суффиксов *-ле/-ль/-л; -де/-дъ/-д*.

5. Производные глаголы обозначают “действие, которое связано с проявлением свойств “материала”, названного производящим существительным”, например: *мольрххь* - деревенеть, делаться деревянистым (от *модън* - дерево), *чолурххь* - окаменеть (от *чолун* - камень). Производные глаголы образуются с помощью суффикса *-рхе/-рхь// -рх*.

“Визитной карточкой” словообразовательной парадигмы данной ЛСГ является производный глагол со значением “действие, связанное с использованием “материала”, названного производящим существительным”, например *мөнгелхе* - серебрить, покрывать серебром (от *мөнген* - серебро).

2.4. Словообразовательная парадигма имен существительных, обозначающих “атмосферные осадки, природные явления”

К данной ЛСГ относятся следующие имена существительные: *цасън* - снег, *мөсен* - лед, *цац*, *киру* - иней, *хурь* - дождь и др. Словообразовательная парадигма представлена 6 типами производных:

1. Производные прилагательные обозначают “признак, имеющий отношение к тому, что названо производящим словом”, например: *цасна* - снеговой, снежный (от *цасън* - снег), *мөснө* - ледовый, ледяной (от *мөсен* - лед). Производные прилагательные образованы с помощью суффиксов *-а/-ә; -ин/-ын*.

2. Производные прилагательные обозначают “признак, содержащийся в чем-либо и имеющий отношение к тому, что названо производящим существительным”, например: *цаста* - заснеженный, снежный и *цасть* - снежный (от *цасън* - снег), *намчта* - содержащий листья, лиственный (от *намчъ* - листья, листва), *көгжтө* - содержащий плесень (от *көгже* - плесень), *элстө*, *элсте* - содержащий песок, песчаный (от *эlsen* - песок). Производные прилагательные образуются с помощью суффиксов *-та/-тә, -ть/-те*.

3. Производные прилагательные обозначают “признак, имеющийся в избытке и имеющий отношение к тому, что названо производящим существительным”, например: *намчърхьг* - обильный листьями (от *намчъ* - листья, листва, *элсерхег* - песчаный, содержащий много песка (от *эlsen* - песок), *цасърхьг* - содержащий много снега (от *цасън* - снег), *мөсерхег* - содержащий лед (от *мөсен* - лед), *үүлерхег* - облачный, покрытый

облаками (от *үүлен* - облако, туча). Производные прилагательные образуются с помощью суффикса *-рхег/-рхыг*.

4. Производные глаголы обозначают “действие, которое приводит к проявлению того, что названо производящим существительным”, например: *көгжерхе* “плесневеть” (от *көгже* “плесень”), *кирутхе* “покрываться инеем” (от *киру* “иней”), *чиигелхе* “моросить, накрапывать” (от *чииг* “роса, сырость, влажность”), *мөстхе* “покрываться льдом” (от *мөсен* “лед”). Производные глаголы образуются с помощью суффиксов *-ре/-рь/-р;* *-те/-ть/-т;* *-ле/-ль/-л*.

5. Производные существительные обозначают “носителя того признака, который назван производящим существительным”, например: *кирухэ* - зайчонок, родившийся осенью, когда появляется иней, *кирулэ* - то же значение (от *киру* - иней), *ноһала* - зайчонок, родившийся весной во время появления первой зелени (от *ноһан* - трава). Производные существительные образуются с помощью суффиксов *-ха/-хэ;* *-ла/-лэ*.

6. Производные существительные обозначают “предмет для регулирования того, что названо производящим существительным”, например: *салькэвчэ* - форточка. Производные существительные образованы с помощью суффикса *-вчэ*.

Словообразовательная парадигма данной ЛСГ характеризуется тем, что она не содержит в себе производные имена существительные со значением “лицо, производящее признак”. Отсутствие подобных существительных предопределено семантикой производящих слов.

Словообразовательная парадигма существительных, обозначающих “природные явления”

Часть речи производного	Словообразовательное значение	Исходные (производящие) слова
1. Прилагательное	“принадлежащий явлению”	<i>мөсен</i> лед <i>мөснэ</i> ледяной <i>мөстэ</i> содержащий явление” лед “признак, имеющийся в избытке”
	“содержащий явление”	<i>цасън</i> снег <i>цасна</i> снеговой <i>цаста</i> заснеженный <i>цасърхыг</i> заснеженный
	“признак, имеющийся в избытке”	<i>усън</i> вода <i>усна</i> водный <i>уста</i> содержащий воду <i>усърхыг</i> водянистый
2. Глагол	“проявляться (о явлениях природы)”	<i>киру</i> иней <i>кируһин</i> принадлежащий инею <i>кирутэ</i> содержащий иней - -
	“проявляться (о явлениях природы)”	<i>хурь</i> дождь <i>хурин</i> дождевой <i>хурта</i> дождливый
	“проявляться (о явлениях природы)”	- -

2.5. Словообразовательная парадигма имен существительных, обозначающих “место”

К данной ЛСГ относятся имена существительные, обозначающие “место, местность”, например: *һазър* - земля, *ууль* - гора, *ташу* - склон, *көвэ* - берег, *тэг* - степь, *нутыг* - родное кочевье, *зам* - дорога и др. Словообразовательная парадигма представлена 5 типами производных:

1. Производные существительные обозначают “лицо, которое имеет отношение к тому, что названо производящим существительным”, например: *тээгче* - степняк (от *тээг* - степь), *һазърчэ* - проводник (от *һазър* - земля). Производные существительные образуются с помощью суффикса *-че/-чэ*.

2. Производные прилагательные обозначают “признак, имеющий отношение к тому, что названо производящим существительным”, например: *захин* - крайний (от *захь* - край), *көвэн* - береговой (от *көвэ* - берег), *тээгин* - степной (от *тээг* - степь). Производные прилагательные образуются с помощью суффиксов *-ин;* *-н*.

3. Производные глаголы обозначают “действие, связанное с перемещением по

местности, которое названо производящим существительным”, например: *көвөлхе* - идти по берегу (от *көвө* - берег), *замнъхъ* - часто ездить по одной дороге (от *зам* - дорога), *ташудхъ* - спускаться по склону (от *ташу* - склон). Производные глаголы образуются с помощью суффиксов *-ле/-ль/-л*; *-не/-нн/-н*; *-де/-дъ/-д*.

Словообразовательная парадигма существительных, обозначающих “место”

Часть речи производного	Словообразовательное значение	Исходные (производящие) слова				
		<i>һазър</i>	<i>зам</i>	<i>нутъг</i>	<i>ууль</i>	<i>көвө</i>
1. Существительное	“лицо”	земля	дорога	кочевье	гора	берег
		<i>һазърчъ</i>	<i>замчъ</i>	-	-	-
2. Прилагательное	“принадлежащий местности”	проводник	проводник			
		<i>һазрин</i>	<i>замин</i>	<i>нутгин</i>	<i>уулын</i>	<i>көвөн</i>
		принадлежащий земле	принадлежащий дороге	принадлежащий кочевью	принадлежащий горе	принадлежащий берегу
		<i>һазърта</i>	<i>замта</i>	<i>нутъгта</i>	<i>уулта</i>	<i>көвөтө</i>
	“имеющий то, что названо производящим словом”	имеющий землю	имеющий дорогу	имеющий кочевье	имеющий горы	имеющий берега
		-	-	-	<i>уулырхыг</i>	-
3. Глагол	“действие, связанное с тем, что названо производящим словом”	<i>һазърдхъ</i>	<i>замнъхъ</i>	<i>нутъглъхъ</i>	-	<i>көвөлхе</i>
		коснуться земли	ездить по дороге	жить в какой-либо местности		идти по берегу реки

4. Производные глаголы обозначают “действие, связанное с размещением, обитанием в том месте, которое названо производящим существительным”, например: *сэлэлхе* - жить в селе (от *сэлэн* - село), *нутъглъхъ* - обитать в родных местах (от *нутъг* - родное кочевье). Производные глаголы образуются с помощью суффикса *-ле/-ль/-л*.

5. Производные существительные обозначают практически то же, что и производящее слово, то есть “место, местность”, например: *талвън* - поле (от *тал* - поле, степь, равнина), *довынцъг* - холмик, бугорок (от *довун* - холмик, бугорок).

Особенности словообразовательной парадигмы данной ЛСГ связаны с производными глаголами.

2.6. Словообразовательная парадигма имен существительных, обозначающих “род деятельности”

В данную ЛСГ входят имена существительные, обозначающие “род занятий”, например: *хулха* - воровство, *будган* - плутовство, *ажъл* - работа, *гөрө* уст. - охота на диких животных, *илве* - волшебство, *дом* - магия и др. Словообразовательная парадигма представлена 4 типами производных:

1. Производные существительные обозначают “лицо по роду занятия, названного производящим существительным”, например: *хулхачъ* - вор (от *хулха* - воровство), *илвечъ* - волшебник (от *илве* - волшебство), *гөрөчъ* - охотник (от *гөрө* - охота). Производные существительные образуются с помощью суффикса *-че/-чъ*.

2. Производные прилагательные обозначают “признак, имеющий отношение к тому, что названо производящим существительным”, например: *ажлын* - трудовой (от *ажъл* - труд), *хулхан* - воровской (от *хулха* - воровство), *домин* - магический (от *дом* - магия). Производные прилагательные образуются с помощью суффикса *-ин/-ын/-н*.

3. Производные глаголы обозначают “действие, связанное с тем, что названо производящим существительным”, например: *гөрөлхе* “охотиться” (от *гөрө* “охота”),

домнхъ “заниматься магией” (от дом “магия”), илведхе “показывать волшебство” (от илве “волшебство”). Для образования глаголов данного семантического типа используются суффиксы -ле/-ль/-л; -де/-дъ/-д; -не/-нъ/-н.

4. Производные наречия обозначают “способ совершения действия”, связанный с тем, что названо производящим существительным, например: хулхаһар - по-воровски (от хулха - воровство). Производные наречия образуются с помощью суффикса -ар/-әр.

Особенность словообразовательной парадигмы данной ЛСГ определяется семантикой производных глаголов.

2.7. Словообразовательная парадигма имен существительных, обозначающих “времена года”

В данную ЛСГ входят имена существительные, обозначающие “времена года”, например: увел - зима, хавър - весна, зунъ - лето, намър - осень.

Словообразовательная парадигма существительных, обозначающих “времена года”

Часть речи производного	Словообразовательное значение	Исходные (производящие) слова				
		увел	хавър	зунъ	намър	
1. Глагол	“проводить время”	увелзхе	-	зусълхъ	намързълхъ	
		зимовать		летовать	проводить осень	
	“наступать (о времени года)”	-	хавърлхъ	зуншхъ	намърлхъ,	
		установление	летовать	намыршихы		
		наступление		приближение		
		весны,		осени		
		хавършхъ				
		чувствовать				
	2. Прилагательное	“признак, имеющий отношение ко времени года”	увлин	хаврин	зунын	намрин
			зимний	весенний	летний	осенний
3. Наречие	“признак времени года”	увләр, увлөһө	хаврар, хавраһа	зунар, зунаһа	намрар, намраһа	
		зимой	весной	летом	осенью	
	“признак сравнения”	увлөһәр	хавраһар	зунаһар	намраһар	
		по-зимнему	по-весеннему	по-летнему	по-осеннему	

Словообразовательная парадигма представлена 5 типами производных:

1. Производный глагол обозначает “состояние, связанное с определенным временем года”, например: увелзхе - зимовать, проводить зиму (от увел - зима), хавържхъ - проводить весну на весеннем пастбище (от хавър - весна), намързхъ - проводить осень (от намър - осень), зуншхъ - летовать, проводить лето (от зунъ - лето). Производные глаголы образуются с помощью суффиксов -зе/-зъ/-з; -ш.

2. Производные глаголы обозначают “приближение времени года”, например: намършхъ - наступать (об осени); приближение осени (от намър - осень), хавършхъ - наступать (о весне); приближение весны (от хавър - весна); зуншхъ - приближаться (о лете); установление летнего времени (от зунъ - лето). Производные глаголы образуются с помощью суффикса -ш.

3. Производные прилагательные обозначают “признак, имеющий отношение к определенному времени года”, например: увлин - зимний (от увел - зима), хаврин - весенний (от хавър - весна), намрин - осенний (от намър - осень). Производные прилагательные образуются с помощью суффикса -ин.

4. Производные наречия обозначают “время”, связанное с временем года, например: *үвләр* - зимой (от *үвел* - зима), *хаврар* - весной (от *хавър* - весна), *намрар* - осенью (от *намър* - осень). Производные наречия образованы с помощью суффикса *-ар/-әр*.

5. Производные наречия обозначают “сравнение с тем, что обозначено производящим существительным”, например: *хавраһар* - по-весеннему (от *хавър* - весна), *намраһар* - по-осеннему (от *намър* - осень), *зунаһар* - по-летнему (от *зунь* - лето), *үвләһәр* - по-зимнему (от *үвел* - зима). Производные наречия образованы с помощью суффикса *-аһар/-әһәр*.

2.8. Словообразовательная парадигма имен существительных, обозначающих “лицо”

В данную ЛСГ входят имена существительные, обозначающие “лицо”, например: *урьн* - мастер, *нойьн* - князь, *өвген* - старик, *ахь* - старший брат, *багшъ* - учитель и др. Словообразовательная парадигма данной ЛСГ представлена 6 типами производных:

1. Производные существительные обозначают “женский пол”, например: *нойхън* - княгиня (от *нойьн* - князь), *увсанць* - мирянка, принявшая духовный обет (от *увшъ* - мирянин). Производные существительные образованы с помощью суффиксов *-хън* и *-анць*.

2. Производные прилагательные обозначают “признак, имеющий отношение к тому, кто обозначен производящим существительным”, например: *эзнә* - имеющий хозяина; хозяйский (от *эзен* - хозяин), *нойна* - княжеский; принадлежащий князю (от *нойьн* - князь). Производные прилагательные образованы с помощью суффикса *-а/-ә*.

3. Производные глаголы обозначают “действие, связанное с проявлением того, что названо производящим существительным”, например: *багшълхь* - учительствовать; учить (от *багшъ* - учитель), *иниглехе* - дружить (от *иниг* - друг). Производные глаголы образованы с помощью суффикса *-ле/-ль/-л*.

4. Производные глаголы обозначают “действие, связанное с проявлением превосходства в том, что названо производящим существительным”, например: *көвүрххе* - хвастаться сыном (от *көвүн* - сын), *нойърххь* - свысока относиться к людям (от *нойьн* - князь, господин). Производные глаголы образованы с помощью суффикса *-рхе/-рхь*.

5. Производные прилагательные обозначают “признак, имеющий отношение к тому, что названо производящим существительным”, например: *көвүтә* - имеющий сына (от *көвүн* - сын), *эзтә* - имеющий хозяина (от *эзен* - хозяин). Производные прилагательные образованы с помощью суффикса *-та/-тә*.

6. Производные наречия обозначают “признак признака, характерного для того, кто назван производящим существительным”, например: *монһлар* - по-монгольски (от *монһъл* - монгол), *халимгар* - по-калмыцки (от *хальмьг* - калмык). Производные наречия образованы с помощью суффикса *-ар/-әр*.

Словообразовательная парадигма существительных, обозначающих “лицо”

Часть речи производного	Словообразовательное значение	Исходные (производящие) слова				
		<i>нойьн</i>	<i>көвүн</i>	<i>ахь</i>	<i>өвген</i>	<i>багшъ</i>
1. Существительное	“лицо женского пола”	<i>нойхън</i>	-	-	-	-
2. Прилагательное	“принадлежащий лицу”	<i>нойна</i>	<i>көвүнә</i>	<i>ахин</i>	<i>өвгнә</i>	<i>багшин</i>
		принадлежащий князю	принадлежащий сыну	принадлежащий брату	принадлежащий старику	принадлежащий учителю
	“имеющий то, что названо производящим”	-	<i>көвүтә</i>	<i>ахта</i>	<i>өвгтә</i>	<i>багшта</i>
			имеющий сына	имеющий брата	имеющий старика	имеющий учителя
3. Глагол	“приобретать признаки того,	<i>нойълхь</i>	<i>көвүрхе</i>	<i>ахълхь</i>	<i>өвгөрхе</i>	<i>багшълхь</i>
		княжить	молодиться	быть старшим	стареть	учитель-

	кто назван произво- дящим словом”					существовать
	“кичиться своим положением”	<i>нойьрххь</i>	<i>көвурххе</i>	-	-	-
		свысока	хвастаться			
		относиться к людям	сыном			
4. Наречие	“признак признака”	-	-	-	-	-

Слова данной ЛСГ можно разделить на семантические подгруппы:

1. слова, обозначающие “лицо по социальному положению”, например: *нойьн* - князь, *эзен* - хозяин, *зэәсең* - дворянин.

2. слова, обозначающие “лицо по семейному положению”, например: *эке* - мать, *көвүн* - сын, *күүкен* - дочь, *бэре* - невестка.

3. слова, обозначающие “лицо по роду занятия”, например: *багшь* - учитель, *бөө* - колдун, шаман, *дарһь* - староста; старейшина.

4. слова, обозначающие “лицо по его межличностным отношениям”, например: *үүр* - товарищ, *нәәже* - друг, приятель, *иниг* - друг, подруга.

По нашим последним исследованиям в этой области, каждой семантической подгруппе соответствует своя словообразовательная парадигма.

2.9. Словообразовательная парадигма имен существительных с абстрактным значением

К данной ЛСГ относятся имена существительные, которые обозначают внутренние качества человека, например: *ааг* - гордость, *аали* - хитрость, *атан* - зависть, *бардъм* - чванство, *мэке* - хитрость и др. Словообразовательная парадигма представлена 5 типами производных:

1. Производные существительные обозначают “лицо, которое характеризуется признаком, названным производящим словом”, например: *мэкче* - хитрец (от *мэке* - хитрость), *бардъмчь* - хвастун (от *бардъм* - чванство). Производные существительные образуются с помощью суффикса *-че/-чь*.

2. Производные прилагательные обозначают “содержащий то, что названо производящим существительным”, например: *ашута* - мстительный (от *ашу* - месть), *бизһтә* - нервный, нервозный (от *бизһе* - нервозность), *идтә* - сильный, удалой (от *иде* - сила). Производные прилагательные образованы с помощью суффикса *-та/-тә*.

3. Производные прилагательные обозначают признак, имеющий отношение к тому, что названо производящим существительным, например: *авъясин* - привычный; относящийся к привычке (от *авъяс* - привычка), *бизһин* - нервный, нервозный (от *бизһе* - нервозность) Производные прилагательные образуются с помощью суффикса *-ин*.

4. Производные глаголы обозначают “действие, связанное с проявлением того, что названо производящим существительным”, например: *мэжелхе* - обманывать (от *мэке* - хитрость), *заңһхь* - капризничать; проявлять характер (от *заң* - характер, нрав). Производные глаголы образованы с помощью суффиксов *-ле/-ль/-л*, *-не/-нь/-н*.

5. Производный глагол обозначает “действие, связанное с проявлением в избытке того, что названо производящим существительным”, например: *байьрххь* - радоваться, веселиться. Производный глагол образуется с помощью суффикса *-рхе/-рхь*.

Словообразовательная парадигма существительных с абстрактным значением

Часть речи производного	Словообразова- тельное значение	Исходные (производящие) слова				
		<i>иде</i>	<i>мэке</i>	<i>заң</i>	<i>бардъм</i>	<i>ашу</i>
		сила, мощь	хитрость	характер, нрав	чванство	месть
1.Существи- тельное	“лицо”	-	<i>мэкче</i>	-	<i>бардъмчь</i>	-
			хитрец		хвастун	-

2. Прилагательное	“содержащий признак”	<i>идтə</i> сильный, мощный	<i>мэктə</i> хитрый	<i>занта</i> имеющий характер	<i>бардъмта</i> чванливый	<i>ашута</i> мстительный
	“признак, имеющийся в избытке”	<i>идерхег</i> мощный	<i>мэкерхег</i> хитрый	-	<i>бардъмсыг</i> хвастливый	-
	“признак, имеющий отношение к тому, что названо производящим”	-	<i>мэкин</i> обманный	<i>зангин</i> относящийся к характеру	-	-
3. Глагол	“проявлять признак”	<i>идерхе</i> мужать <i>идерхехе</i> возмужать	<i>мэкелхе</i> обманывать	<i>занньхь</i> проявлять характер	<i>бардъмньхь</i> чваниться	-
	“приобретать то, что названо производящим”	-	-	<i>занпхь</i> приобретать привычку	-	-
4. Наречие	“признак признака”	-	-	<i>зангар</i> по-обычаю	-	-

2.10. Словообразовательная парадигма имен существительных, обозначающих части тела

В данную ЛСГ входят имена существительные, которые обозначают части живого организма (человека, животного и птиц), например: *элкен* “печень”, *чээже* “грудь”, *көл* “нога, ноги”, *күзун* “шея”, *даль* “лопатка”, *толһа* “голова”, *һар* “рука” и др.

Словообразовательная парадигма существительных, обозначающих части тела

Часть речи производного	Словообразовательные значения	Исходные (производящие) слова				
		<i>күзун</i> шея	<i>толһа</i> голова	<i>нүден</i> глаза	<i>чээже</i> грудь	<i>элкен</i> печень
1. Существительные	“лицо”	-	<i>толһачь</i> руководитель	<i>Нүүдлө</i> собств. имя	-	-
	“прикрытие для части тела”	<i>күзүвче</i> шарф	-	<i>нүдевче</i> повязка для глаз	<i>чээжевче</i> душегрейка	<i>элкевче</i> фартук
2. Прилагательные	“относящийся к части тела”	<i>күзүнə</i> шейный	<i>толһан</i> головной	<i>нүднə</i> глазной	<i>чээжин</i> грудной	<i>элкнə</i> относящийся к печени
	“имеющий часть тела”	<i>күзүтə</i> имеющий шею	<i>толһата</i> имеющий голову	<i>нүдтə</i> имеющий глаза	<i>чээжтə</i> имеющий грудь	<i>элктə</i> имеющий печень
	“имеющий в избытке то, что названо производящ.”	<i>күзүрхег</i> имеющий чрезмерно толстую шею	-	<i>нүдерхег</i> глазастый	<i>чээжерхег</i> широкогрудый	-
3. Глаголы	“действие, связан с тем, что названо производящ.”	<i>күзүдхе</i> обнимать за шею	<i>толһадхь</i> ударять по голове	<i>нүделхе</i> заметить	-	<i>элкедхе</i> ползать на животе
4. Наречия	“до предела”	<i>күзүцə</i> до шеи	<i>толһаца</i> до головы	-	-	-

Словообразовательная парадигма представлена 12 типами производных:

1. Производные существительные обозначают “предмет, служащий прикрытием для того, что названо производящим существительным”, например: *дальвчъ* - наплечник (от *даль* - лопатка), *элкевче* - фартук (от *элкен* - печень), *күзүвче* - ошейник (от *күзүн* - шея). Производные существительные образуются с помощью суффикса *-вче/-вчъ*.

2. Производные существительные обозначают “лицо, имеющее отношение к тому, что названо производящим существительным”, например: *далчъ* - предсказатель, гадающий на лопатке (от *даль* - лопатка). Производные существительные образуются с помощью суффикса *-чъ*. Некоторые производные существительные имеют переносное значение, например: *толһачъ* - руководитель, глава (от *толһа* - голова), *манһачъ* - тот, кто впереди (от *манһа* - лоб).

3. Производные существительные обозначают животное по той части, которая названа производящим существительным, например: *аратһн* - хищники (от *аран* - клык), *хумстһн* - когтистые (от *хумсһн* - ноготь, ногти), *турутһн* - копытные (от *турун* - копыто). Производные существительные образуются с помощью суффикса *-теһ/-тһн*.

4. Производные прилагательные обозначают “признак, связанный с чрезмерностью того, что названо производящим существительным”, например: *нурһърхьг* - довольно рослый (от *нурһн* - спина), *нүдерхег* - глазастый (от *нүден* - глаза). Производные прилагательные образуются с помощью суффикса *-рхег/-рхьг*.

5. Производные прилагательные обозначают “признак, имеющий отношение к тому, что названо производящим существительным”, например: *гүзәнә* - рубцовый (от *гүзән* - рубец), *гэснә* - брюшной (от *гэсен* - живот), *зүркнә* - сердечный (от *зүркен* - сердце), *нүднә* - глазной (от *нүден* - глаза). Производные прилагательные образуются с помощью суффикса *-а/-ә*. По традиции прилагательные данного типа называют притяжательными.

6. Производные прилагательные имеют значение “содержащий то, что обозначено производящим существительным”, например: *нүдтә* - зрячий (от *нүден* - глаза), *нурһта* - высокий, дородный (от *нурһн* - спина). Производные прилагательные образуются с помощью суффикса *-та/-тә*. Некоторые производные данного типа имеют переносное значение, например: *зүрктә* - смелый, решительный (от *зүркен* - сердце).

7. Производные прилагательные обозначают “признак, связанный с отсутствием того, что названо производящим существительным”, например: *нүденго* - слепой; без глаз (от *нүден* - глаза), *шүденго* - беззубый (от *шүден* - зубы), *цусьнго* - бескровный (от *цусһн* - кровь). Производные прилагательные образуются с помощью суффикса *-го*.

8. Производные глаголы обозначают “действие, направленное на то, что названо производящим существительным”, например: *бахлурдхъ* - брать за горло (от *бахлур* - горло), *дэлүдхе* - ударять по селезенке (от *дэлүн* - селезенка). Производные глаголы образуются с помощью суффикса *-де/-дъ/-д*.

9. Производные глаголы обозначают “действие, связанное с размещением чего-либо в том, что названо производящим существительным”, например: *гүзәлхе* - класть в рубец (от *гүзән* - рубец), *өверлехе* - класть за пазуху (от *өвер* - пазуха), *гэселхе* кулин. - набивать тонкую кишку (от *гэсен* - живот). Производные глаголы образуются с помощью суффикса *-ле/-лъ/-л*.

10. Производные глаголы обозначают “действие, вызванное тем, что названо производящим существительным”, например: *дэлүрхе* вет. - болеть тимпанией (от *дэлүн* - селезенка), *аралхъ* - прорезание зубов (от *аран* - зубы). Производные глаголы образуются с помощью суффиксов *-ре/-ръ/-р*; *-ле/-лъ/-л*.

11. Производные глаголы обозначают “действие, связанное с накоплением того, что названо производящим существительным”, например: *махшхъ* “тучнеть” (от *махһн* “мясо”), *живерлехе* “оперяться” (от *живер* “крыло”). Производные глаголы образованы с помощью суффиксов *-ш*; *-ле/-лъ/-л*.

12. Производные глаголы обозначают “действие, совершаемое с помощью того, что названо производящим существительным”, например: *һардхъ* - делать что-либо рукой (от *һар* - рука), *толһалхъ* - быть головой; возглавлять (от *толһа* - голова). Глаголы образованы с помощью суффиксов *-де/-дъ/-д*, *-ле/-лъ/-л*.

Данная ЛСГ представлена наиболее богатой словообразовательной парадигмой. Этот факт, видимо, связан с тем, что слова, входящие в данную ЛСГ, являются исконными, или коренными. Ц.Д.Номинханов так определяет особенности этих слов: “Название частей тела человека, по нашему мнению, не принадлежат к таким категориям лексики, которые могут быть заимствованы одним народом у другого. Эти слова могут создаваться только в таком обществе, где существует единый язык, в обществе, говорящем на одном языке” (Номинханов, 1962, 193).

Привлекает к себе внимание и такой факт, установленный Ц.Д.Номинхановым, что названия частей тела человека являются общими не только для монгольских языков, но и для тюркских. Как сообщает ученый, термины родства тюркских и монгольских языков совпадают как по значению, так и по звучанию. Наблюдаются только некоторые фонетические отклонения. В связи с этим значительный интерес представляет характер словообразовательных парадигм соответствующих ЛСГ конкретных тюркских языков. Предварительные анализы слов данной ЛСГ казахского языка показали схожесть словообразовательных парадигм с монгольскими языками. Сравнить: калм. *зүркен* - сердце - *зүрктә* - смелый, решительный; казах. *жүрек* - сердце - *жүректі* - смелый.

Ц.Д.Номинханов установил 96 названий частей тела, общих для тюркских и монгольских языков. Этот список в настоящее время требует некоторого уточнения, так как в него вошли слова, не имеющие отношения к описываемой ЛСГ, например, монг. *тахир* и калм. *тәкер* - парализованный; изувеченный, монг. *тэнэг* и калм. *тэнег* - глухой, неумный (Номинханов, 1992, 193-204).

2.11. Словообразовательная парадигма имен существительных, обозначающих животных

В данную ЛСГ входят имена существительные, которые обозначают животных, например: *мөрен* - лошадь, *үкер* - корова, *тэмэн* - верблюд, *хөн* - овца, *ноха* - собака и др. Словообразовательная парадигма данной ЛСГ представлена 11-ью типами производных:

1. Производные существительные обозначают “лицо, связанное в своей деятельности с тем, что названо производящим существительным”, например: *нохачь* - псарь (от *ноха* - собака), *мөрче* - коневод (от *мөрен* “лошадь”), *хөөче* - чабан (от *хөн* - овца). Существительные образуются с помощью суффикса *-че/-чь*.

2. Производные прилагательные обозначают “признак, имеющий отношение к тому, что названо производящим существительным”, например: *нохан* - собачий (от *ноха* - собака), *мөрнө* - конский (от *мөрен* - лошадь), *моһан* - змеиный (от *моһа* - змея). Прилагательные образуются с помощью суффиксов *-а/-ә/-н*.

3. Производные прилагательные обозначают “признак, связанный с избытком того, что названо производящим существительным”, например: *моһархьг* - изобилующий змеями (от *моһа* - змея), *бөөсерхег* - вшивый (от *бөөсен* - вошь). Прилагательные образованы с помощью суффикса *-рхег/-рхьг*.

4. Производные прилагательные обозначают “признак, показывающий любовь к тому, что названо производящим существительным”, например: *мөрсег* - любящий лошадь (от *мөрен* - лошадь), *жорасьг* - любящий ездить иноходью (от *жора* - иноходец). Для образования прилагательных используется суффикс *-сег/-сьг*.

5. Производные прилагательные имеют значение “имеющий то, что обозначено производящим существительным”, например: *мөртә* - имеющий лошадь (от *мөрен* - лошадь), *тэмэтә* - имеющий верблюда (от *тэмэн* - верблюд). Прилагательные образуются с помощью суффикса *-та/-тә*.

6. Производные глаголы имеют значение “заниматься деятельностью, которая связана с тем, что названо производящим существительным”, например: *малльхь* - заниматься скотоводством (от *мал* - скот), *адулхь* - пасти скот (от *адун* - табун). Глаголы образуются с помощью суффикса *-ле/-ль/-л*.

7. Производные глаголы имеют значение “богатеть, обзаводиться тем, что названо производящим существительным”, например: *малжхь* - обзаводиться скотом (от *мал* - скот). Глаголы образованы с помощью суффикса *-ж*.

8. Производные глаголы обозначают “действие, связанное с проявлением того, что присуще животным, названным производящим существительным”, например: *нохачълхъ* - сидеть как собака (от *ноха* - собака), *нохархъ* - поступать подло (от *ноха* - собака). Глаголы образованы с помощью суффиксов *-чъл* и *-рхе/-рхъ*.

9. Производные глаголы обозначают “становление, проявление признака, свойственного тому, что названо производящим существительным”, например: *малшхъ* - становиться скотиной (от *мал* - скот). Глаголы образованы с помощью суффикса *-ш*.

10. Производные глаголы имеют значение “хвастаться тем, что названо производящим существительным”, например: *мөртәрххе* - хвастаться лошадью (от *мөрэн* - лошадь). Глаголы образуются с помощью суффикса *-тәрхе/-тархъ*.

11. Производные глаголы имеют значение “производить детенышей”, например: *туһълхъ* - телиться (от *туһыл* - теленок), *хурһълхъ* - ягниться (от *хурһын* - ягненок), *кичеглехе* - щениться (от *кичег* - щенок), *төллехе* - давать приплод (от *төл* - приплод). Глаголы образуются с помощью суффикса *-ле/-ль/-л*.

Большой интерес вызывает сопоставление парадигмы данной ЛСГ калмыцкого языка с соответствующей парадигмой русского языка (Земская, 1989, 338-339).

Словообразовательная парадигма существительных, обозначающих животных

Часть речи	Словообразо	Исходные (производящие) слова				
производно-го	вательное	<i>мөрэн</i>	<i>ноха</i>	<i>мал</i>	<i>үкер</i>	<i>хөн</i>
	значение	лошадь	собака	скот	корова	овца
1.Существительное	“лицо”	<i>мөрче</i>	<i>нохачъ</i>	<i>малчъ</i>	<i>үкерче</i>	<i>хөөче</i>
		коневод	псарь	пастух	пастух	чабан
2.Прилагательное	“принадлежащий животному”	<i>мөрнө</i>	<i>нохан</i>	<i>малын</i>	<i>үкрин, үкрө</i>	<i>хөөнө</i>
	“имеющий животного”	<i>мөртө</i>	<i>нохата</i>	<i>малта</i>	<i>үкертө</i>	<i>хөөтө</i>
	“имеющий в зобилии животных”	имеющ. лошадь	имеющий собаку	имеющий скот	имеющ. корову	имеющ овцу
	“любящий животных”	<i>мөрсег лю-блещий лошадь</i>	-	-	-	-
	“заниматься животными”	-	-	<i>малълхъ</i>	-	-
	“богатеть животными”	-	-	<i>малчхъ</i>	-	-
	“проявлять свойства живот-х”	-	<i>нохачълхъ</i>	<i>малшхъ</i>	-	-
“передвиг. на животном”	<i>мөрелхе</i>	-	-	-	-	
	ехать на лошади					

2.12. Словообразовательная парадигма имен существительных, обозначающих “емкость или вместилище”.

Словообразовательная парадигма существительных со значением “емкости”

Часть речи	Словообразо	Исходные (производящие) слова				
производно-го	вательное	<i>авдър</i>	<i>ааһъ</i>	<i>тунгерцег</i>	<i>ууть</i>	<i>лонхъ</i>
	значение	сундук	чашка	кисет	мешок	котел

1.Существительное	“лицо”	-	<i>ааһчъ</i>	-	-	-
			судомойка			
2.Прилагательное	“принадлежащий емкости”	<i>авдрин</i>	<i>ааһин</i>	<i>тунгерцигин</i>	<i>уутын</i>	<i>лонхин</i>
		сундучный	принадлежит чашке	кисетный	мешочный	принадлежит котлу
	“содержащийся в емкости”	<i>авдърта</i>	<i>ааһта</i>	<i>тунгерцегтө</i>	<i>уутта</i>	<i>лонхта</i>
		содержащийся в сундуке	содержащийся в чашке	содержащийся в кисете	содержащийся в мешке	содержащийся в котле
	“похожий на то, что названо производящим”	-	-	-	-	<i>лонхъһър</i>
						похожий на котел
3. Глаголы	“помещать в емкость”	<i>авдърльхъ</i>	<i>ааһльхъ</i>	<i>тунгерцегле-</i>	<i>уутълхъ</i>	-
		класть в сундук	класть в чашку	хе класть в кисет	класть в мешок	

В данную ЛСГ входят имена существительные, которые обозначают “емкость”, “сосуд”, “вместилище”, например: *ааһъ* - чашка, *авдър* - сундук, *уутъ* - кожаный мешок, *хээсен* - котел и др. Словообразовательная парадигма представлена 5 типами производных:

1. Производные глаголы обозначают “действие, связанное с размещением чего-либо в том, что названо производящим существительным”, например: *ааһльхъ* - наливать в чашку (от *ааһъ* - чашка), *авдърльхъ* - класть в сундук (от *авдър* - сундук), *уутълхъ* - класть в мешок (от *уутъ* - кожаный мешок). Глаголы образованы с помощью суффикса *-ле/-ль/-л*.

2. Производные прилагательные имеют значение “принадлежащий тому, что названо производящим существительным”, например: *авдрин* - сундучный (от *авдър* - сундук), *тунгерцигин* - кисетный (от *тунгерцег* - кисет). Прилагательные образованы с помощью суффикса *-ин/-ын*.

3. Производные прилагательные имеют значение “находящийся, содержащийся в том, что обозначено производящим словом”, например: *мишегтө* - находящийся в мешке (от *мишег* “мешок”), *хээстө* - находящийся в кастрюле (от *хээсен* - кастрюля). Прилагательные образованы с помощью суффикса *-та/-тө*.

4. Производные прилагательные имеют значение “подобный тому, что обозначено производящим существительным”, например: *лонхъһър* - кувшинообразный; пузатый (от *лонхъ* - кувшин; медный котел). Производное прилагательное образовано с помощью суффикса *-һер/-һър*.

5. Производное существительное обозначает “лицо, которое пользуется тем, что названо производящим существительным”, например: *шаңһчъ* - повар (от *шаңһъ* - черпалка), *ааһчъ* - судомойка (от *ааһъ* - чашка). Существительные образуются с помощью суффикса *-че/-чъ*.

Использованная литература

1. Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык. Под редакцией Белошапковой В.А., М., 1989.
2. Кубрякова Е.С. Парадигматика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
3. Номинханов Ц.Д. Название частей тела человека в тюрко-монгольских языках // Записки КНИИЯЛИ, вып. 2. Элиста, 1962.

Очир-Гаряев В.Э.

О ПРИРОДЕ МОДАЛЬНОСТИ И ЕЕ СОДЕРЖАНИИ

Языковая модальность возникла благодаря тому, что язык создан и существует как средство общения. Без модальности нет речи как способа общения между людьми. Модальность рождается и реализуется в речевом общении, причем каждая единица речи, оформляемая в виде предложения (высказывания), адресуется кому-либо: слушателю (собеседнику, иногда самому себе) или читателю. Именно для этой цели говорящий или пишущий оформляет свои мысли в виде отдельных предложений, "которые всегда модальны" (ГСЯЛЯ, 1995, т. 2, 151). В них отражается восприятие действительности говорящим.

Категории модальности посвящено большое количество работ, но, как справедливо заметил В.З.Панфилов, пожалуй, нет другой категории, о языковой природе и составе частных значений которой высказывалось бы столько различных и противоречивых точек зрения, как о категории модальности (Панфилов, 1977, 37).

Наиболее распространенное определение языковой модальности сводится к тому, что эта категория выражает отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности, устанавливаемое с точки зрения говорящего. Модальность прежде всего проявляется на уровне синтаксиса, и обычно она рассматривается в тесной связи с категорией предикативности. Общее грамматическое значение соотносительности основного содержания предложения к действительности, составляющее сущность категории предикативности, расчлняясь, выражается в синтаксических категориях модальности, времени и лица. Академик В.В.Виноградов вслед за И.И.Мещаниновым относит модальность к понятийным категориям, которые "не описываются при помощи языка, а выявляются в нем самом, в его лексике и грамматическом строе..." (Мещанинов, 1978, 238).

Различны мнения ученых и в определении видов модальных значений, составляющих основное содержание этой категории. Наиболее предпочтительными представляются мнения В.З.Панфилова и Н.Ю.Шведовой, которые выделяют два вида модальности - объективную и субъективную. Так, В.З.Панфилов считает, что объективная (или онтологическая) модальность "отражает характер объективных связей, наличных в той или иной ситуации, на которую направлен познавательный акт, а именно связи возможные, действительные и необходимые". Субъективная (или персуазивная) модальность "выражает оценку со стороны говорящего степени познания этих связей, то есть она указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию, и включает проблематическую, простую и категорическую достоверности" (Панфилов, 1977, 37-48; Шведова, 1967, 3-77). Соответственно этому различается модальность синтаксического и логико-грамматического уровня членения предложения. Модальность первого типа реализуется через формы наклонения. Будучи констатацией факта, синтаксическая модальность выражает значение простой достоверности, например: *Намър хурта болна.* - Осень бывает дождливой. Если же в состав данного предложения ввести модальное слово или частицу, выражающую предположение, вероятность или заведомую уверенность, то оно будет характеризоваться уже логико-грамматической модальностью со значением проблематической или категорической достоверности (Пюрбеев, 1981, 27). Например: *Намър хурта болхъ кэвтэ.* - Осень, видимо, будет дождливой.

Логико-грамматическую модальность можно представить в виде следующего парадигматического ряда: 1) *Тэрень үнен.* - Это правда; 2) *Тэрень үнен болхъ.* - Это, вероят-

но, правда; 3) *Тэрень үнен больвза*. - Это, может быть, правда; 4) *Тэрень үнен кэвтө (билтө, бөөделтө)*. - Это, кажется, правда; 5) *Тэрень үнен больлго*. - Это, конечно, правда (Мушаев, 1995, 16).

Наличие большого количества разноречивых мнений и оценок говорит о необходимости частных и обобщающих исследований на материале разных языков, дальнейшей серьезной разработки теории модальности и вопроса о видах модальных значений, в частности. В этом отношении представляют интерес исследования якутских ученых. Так, например, в грамматике якутского языка нет деления модальных значений на объективные и субъективные, так как на уровне синтаксиса глагольные наклонения выражают не только оценочно-характеризующее, но и эмоционально-экспрессивное отношение говорящего к действительности (ГСЯЛЯ, 1995, 151). По мнению авторов "Якутской грамматики" наклонение глагола как средство передачи модальности не может выражать отношения действия к действительности. Оно выражает представление говорящего о действии как реальном, побуждаемом, возможном, предполагаемом, долженствовательном и т.п. Не наклонение глагола, а глагол как предикат предложения выражает отношение сообщаемого к действительности. Эти объективные предикативные отношения формируются главным образом категориями времени, лица, числа глагола. Пространственные и временные отношения в языке отражаются как объективные логико-смысловые грамматические значения, например, с помощью категорий падежа имен и времен глагола. Поэтому время глагола, как и падеж, выступает прежде всего как способ отражения объективной действительности, оно в речи выражает логико-смысловые грамматические значения. Но формы грамматического времени тоже, как лицо или вид глагола, участвуют в передаче модальных значений. Несмотря на это, время глагола в своей основе остается носителем объективных грамматических значений и предикативных признаков предложения (ГСЯЛЯ, 1995, 151).

Что касается монголистики, то категория модальности, по словам Г.Ц.Пюрбеева, "является наименее изученной" (Пюрбеев, 1981, 25).

В специальной монголоведной литературе, главным образом в грамматиках, понятие модальности рассматривается в самом общем виде, без попытки разграничения разных аспектов ее проявления и без учета всего многообразия модальных слов, морфем и словосочетаний. Кроме того, средства выражения модальности нередко смешиваются с качественно другими явлениями: вводными словами и конструкциями, утвердительными и усилительно-выделительными частицами, эмоционально-экспрессивными оборотами речи и междометиями.

По мнению Г.Ц.Пюрбеева, неоправданно расширяется и объем модальных значений, в результате чего данная категория теряет свою специфику и четкость границ. Так, некоторые исследователи включают в число модальных такие значения, как готовность, попытку совершить действие, прерванность и безрезультатность действия, а также сожаление, пренебрежение и притворство со стороны субъекта действия. Между тем указанные значения характеризуют либо способ протекания действия, либо эмоциональную реакцию говорящего, поэтому они не должны квалифицироваться как модальные (Пюрбеев, 1981, 25). Последнее утверждение далеко не бесспорно, если иметь в виду, что модальность включает в себя выражение эмоционального отношения, реакции говорящего субъекта, вызываемые общим обстоятельством, общей целью мыслей, фактом высказывания с точки зрения оценки и эмоционального освещения содержания данного высказывания.

В грамматических трудах монголистов модальность понимается и как форма реализации целевой установки речи: повествование, побуждение, вопрос, утверждение и отрицание. В соответствии с этим выделяются типы предложения по модальности. Однако, утверждает Г.Ц.Пюрбеев, деление предложений на повествовательные, побудительные, вопросительные, а также на утвердительные и отрицательные основано на интонационном принципе, коммуникативной целенаправленности высказывания, но не на принципе модальности. Утверждение и отрицание тоже не являются модальными отношениями, поскольку они не передают отношения говорящего к содержанию предложения или к отражаемым в нем связям.

Таким образом, Г.Ц.Пюрбеев выступает против расширительного понимания модальности, в силу которой эта категория на его взгляд "теряет свою специфику и четкость границ" (Пюрбеев, 1981, 25).

Между тем в современных грамматиках (например, башкирского, якутского языков) категория модальности трактуется весьма широко (ГСБЛЯ, 1981; ГСЯЛЯ, 1995). При таком широком понимании модальности она предстает как очень богатое и многогранное грамматическое явление, активно функционирующее на всех уровнях языка и речи. Она проявляется в области фонетики, морфологии, синтаксиса, выполняя функции актуализатора общения (ГСЯЛЯ, 1995, 152).

Модальные слова как по своему лексическому составу и семантическому содержанию, так и по способу функционирования в предложении представляют собой своеобразный класс слов, не имеющих прямого отношения ни к одной из других частей речи.

Модальные слова выражают отношение говорящего лица к той связи, которая устанавливается им между содержанием высказывания и действительностью. Иными словами, центр проявления модальности - это говорящий и его отношение к действительности, выражаемое через высказывание.

В современном калмыцком языке модальные слова по своему семантическому содержанию подразделяются на следующие разряды: долженствования, необходимости совершения-несовершения действия, возможности-невозможности (запрещенности), действительности, степени достоверности.

В калмыцком языке модальное значение долженствования выражается сочетанием причастия будущего времени и слова *зэвтэ*: *Башчуд сурхь зэвтэ*. - Молодежь должна учиться; *Мана футболистнър диилхе зэвтэ*. - Наши футболисты должны победить.

По оценке говорящего содержание высказывания может получить разную степень достоверности. Значения, указывающие на степень достоверности сообщения с точки зрения говорящего, определяются как субъективно-модальные. Выражая свое личное отношение к сообщаемому, говорящий вкладывает в его содержание чувства сомнения, предположения, уверенности, категоричности и т.д.

В современном калмыцком языке выделяются три степени достоверности сообщения: простая, проблематическая и категорическая. Ср., например, следующие предложения из калмыцкого языка: 1) *Та йовънт?* - Вы пойдете?; 2) *Та йовхь больвзат?* - Может быть, Вы пойдете?; 3) *Та йовхь болхьговт?* - Вы пойдете, конечно? По своей целевой установке эти предложения однотипны, они - вопросительные, но по модальности - различные. Первое из них отличается модальностью простой достоверности, второе - проблематической достоверностью, а третье - характеризуется модальностью категоричности. Выступая в повествовательной форме, приведенные выше предложения дифференцируются также на три указанные разновидности модальности. Ср.: 1) *Та йовхьт*. - Вы пойдете; 2) *Та йовхь биз (Та йовхь чиген биз)*. - Вы, может быть, пойдете (Возможно, Вы пойдете); 3) *Та йовхь больлго (Та йовьлго)*. - Конечно (же), Вы пойдете.

Если модальность простой достоверности нейтральна и однородна, то проблематическая и категорическая модальности, по мнению Г.Ц.Пюрбеева, заключают в себе целый ряд смысловых оттенков и нюансов, точно определить которые порой очень трудно. Так, в пределах проблематической достоверности выражаются различные оттенки сомнения, неуверенности, допустимости и т.п. Передаются они разнообразными средствами и в первую очередь модальными словами на *-та/-тэ*: *кэвтэ*, *бөөделтэ*, *болълта*, *билтэ*, *дүртэ*, *янзта*. Эти слова обычно выступают в сочетании с причастиями, но некоторые из них могут употребляться и с финитными формами глагола: *Доржь аашхь кэвтэ*. - Кажется, Дорджи идет. К типичным модальным словам со значением проблематической достоверности относятся слова *маһьд* и *маһьдго*: *Манһьдур балһсь орхьм маһьд*. - Возможно, завтра я поеду в город.

В калмыцком языке проблематическая модальность со значением недостаточной уверенности и предположения выражается также следующими аналитическими сочетаниями: вспомогательным глаголом *бол* - в форме будущего времени изъявительного наклонения с основным компонентом в форме причастия (например, *ирсен болхь* - наверное,

пришел, *ирдег болхь* - наверное, приходит); вспомогательным глаголом *алдхь* в форме на *-лта* с основным компонентом в форме причастия или деепричастия: *Гэртень гииче ирсен алдълта*. - К ним, кажется, приехал гость; Ср. *Гэртень гииче ирже алдълта* - "то же".

Проблематическая модальность в калмыцком языке передается и с помощью частиц *биз, хэ, хэ йир, хэ биз*. Например: *Хэ йир, күүкед школасьн ирэд уга болхь*. - Вряд ли вернулись дети из школы. *Хэ биз, хэрү ирхен уга* (Э.К.) - Наверяд ли назад вернется.

Модальность категорической достоверности содержания сообщаемого передает оттенки полной и абсолютной уверенности говорящего. Наиболее распространенными показателями её являются модальные слова *лав, лавта*: *Хуць лавта сэн* (Д.Б.) - Валух, действительно, хорош.

В калмыцком языке категорическая модальность с оттенком бесспорного утверждения и абсолютно полной уверенности выражается обычно вспомогательным глаголом *бол-* в форме на *-лго* и *-нус, -нүс*: *Эне кэнэ машинбе?* - *Эзнэнень болнус* (Д.Б.) - Это чья машина? - Наверняка, хозяйская. *Эзнэнень больлго* - "то же".

Необходимо отметить, что в калмыцком, равно как и в других монгольских языках, нередко имеют место случаи совмещения двух показателей модальных значений. Например: *Советин йоснаьс бише тайгасьн бэркел хаһцхь бээсен больлтав* (Д.Б.) - Если бы не Советская власть, вряд ли я расстался бы с посохом. В этом предложении модальные слова *бэркел* и *больлта* выражают сомнение (См. Пюрбеев, 1981, 29).

Значение возможности-невозможности (запрещенности) в калмыцком языке выражается посредством модальных глаголов *чадхь, ядхь*: *Эне марһа шүүже чадхьв* (разг.). - Это пари я смогу выиграть. *Эне марһа шүүже ядхьв* - Это пари я не смогу выиграть.

Объективная модальность необходимости совершения-несовершения действия выражается в калмыцком языке аналитически: чаще всего сочетанием глагола будущего времени и модальных слов *кэрегтэ, учьрта* со значением долженствования, а также вспомогательного глагола *болхь*. Например: *Тадьн йовхь болжанат* (разг.). - Вам предстоит (вы должны) ехать.

В калмыцком языке значения необходимости и возможности могут передаваться и синтетическим способом. Для этой цели используется глагольная форма на *-лһта*: *одлһта* - надо будет пойти, *дуулльлһта* - надо будет спеть, *кэлеллһта* - надо будет сказать. Как отмечает Г.Ц.Пюрбеев, грамматическое значение и контекст употребления этих глагольных форм ещё не получили освещения в монголоведных исследованиях (Там же, 27). Модальность возможности в калмыцком языке выражается также специальной формой на *-м, именуемой потенциальным причастием*. Например: *Гэгэндень үүле бөрөм, гэрелдөнь аду маньм* (Пюрбеев, 1977, 99) - В сиянии её можно рукодельничать, в лучах её можно караулить табун.

Разновидностью модальности, отражающей объективные связи, является модальность действительности. Выражается она формами изъявительного наклонения и показателями её выступают такие синонимические слова, как *унэр, үнөндөн*. Например: *Урьлдандь түрүлже ирсен мөрөн үнөндөн сэн* (разг.). - Лошадь, которая пришла первой, действительно, хорошая.

В роли показателя модальности действительности в калмыцком языке, кроме названных выше, употребляется словосочетание *наадьн уга* со значением "всерьез, в самом деле". Например: *Наадьн уга, тэрень мэл тааван дүрстэ* (Д.Б.) - В самом деле, он (репродуктор) был точно похож на сковородку.

В современной лингвистике до сих пор нет единого ответа на вопрос, являются ли модальные образования отдельной частью речи. Одни ученые отвечают на этот вопрос отрицательно (Виноградов, 1950, Жирмунский, 1968), другие определяют их как служебные части речи (Бондарко, 1977, Петров, 1984). Близко к ним мнение Т.А.Бертагаева (Бертагаев, 1964). Ряд ученых считает, что есть основания для выделения модальных образований в отдельную часть речи (Мещанинов, 1978, Кононов, 1960, Баскаков, 1952). Компромиссную точку зрения высказал исследователь В.Н.Мушаев, который считает, что категория модальности как своеобразное синтаксическое явление "частично находится в

процессе становления" (Мушаев, 1995, 18). Следует отметить, что такой вывод стал возможным в результате обстоятельного анализа автором вводных элементов современного калмыцкого языка, имеющих самое непосредственное отношение к категории модальности. Причем вопрос о природе, границах и способах выражения языковой модальности продолжает оставаться в числе самых сложных и спорных в теоретическом языкознании.

В.Н.Мушаевым установлено, что в качестве вводно-модальных образований в калмыцком языке употребляются слова разных лексико-грамматических категорий. Они характеризуются относительной неизменяемостью и морфологической нечленимостью. По своему происхождению большинство этих образований связано либо с глагольными формами: *санхдъ* - думается, кажется, *шинжелхде* - кажется, *мэдүлэд кэлхде* - яснее, иначе говоря; либо с наречно-именными формами: *үгин заагтъ* - между прочим, *ташър дээрень* - кроме того, *тэре (эне) хоорьндъ* - между тем, *тэре кэмдень* - в тот момент, *нэге халхарьнь...наадкъ халхарьнь* - с одной стороны... с другой стороны, *мини хөвде (хөвөр)* - к моему счастью (Мушаев, 1995, 19).

Углубленный анализ вводных элементов позволил В.Н.Мушаеву сделать важный вывод: "Они (вводные элементы - В.О-Г) начинают в большей или в меньшей степени утрачивать связь с формами тех частей речи, от которых произошли, переходя в разряд образований, близких к так называемым модальным словам... Таковы, например, вводно-модальные словосочетания с застывшим суффиксом *-та/-тө*": *нацата юмьн (кэвтө)* - как назло, *жигтө юмьн* - странно, удивительно. Ср. также формы, как *нэге улу* - подавно, кроме того, *йириндэн (йирдэн)* - вообще, обычно, а также пары синонимичных слов, характеризующихся своей синтаксической и семантической двуплановостью: они могут быть как вводными, так и обстоятельственными словами. Причем установление их семантической функции в большинстве случаев затруднительно. Например: *аш сүүлдень*, *үг сүүлдень* - в конце концов, наконец. К этой же группе В.Н.Мушаев относит вводные образования, производные от имен числительных, также застывших в определенной падежной форме: *нэгдвөр* - во-первых, *хойрлвар* - во-вторых. Следует заметить, что во всех монгольских языках данные формы обособляются.

Определяя семантические, морфологические и синтаксические особенности вводно-модальных образований, В.Н.Мушаев указывает на необходимость отграничения их от явлений вводности и модальности как более общих категорий. Понятия вводные и модальные образования не тождественны: вводные образования выражаются, кроме модальных, другими лексико-грамматическими категориями, а модальные образования не всегда выступают в роли вводных.

П.П. Дамбуева - автор монографического исследования "Категория модальности в современном бурятском языке" справедливо утверждает, что "модальные слова принадлежат морфологическому уровню языка и включаются в однородный ряд следующих терминов: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, глагол, союз, частица и т.д". Вводные же слова, по ее мнению, относятся к синтаксическому уровню и входят в однородный ряд терминов: подлежащее, сказуемое, дополнение, определение, обращение и т.д. Смешивать эти разноуровневые понятия - означает не разграничивать морфологические единицы и их синтаксические функции и не видеть разницы в параллели "имя существительное" - "подлежащее", "глагол" - "сказуемое" (Дамбуева, 2000, 181.)

В связи с модальной характеристикой вводных элементов нельзя пройти мимо вопроса о модальных частицах, которые выделяются как самостоятельный разряд. При отграничении вводно-модальных слов от частиц в современном калмыцком языке может применяться позиционный критерий, отражающий глубинные семантические особенности (Мушаев, 1995, с. 34). Уместно отметить, что о модальных значениях частиц писал еще автор первой "Граматики калмыцкого языка", изданной в Казани в 1847 г., А.Попов: "Значения сомнительности, неправдоподобности, возможности действия передаются при помощи слов *магад* (вероятно), *магадгүй* (может быть) и выражений *бодвол*, *бодоход* (помоему, как я думаю), а также частицы со значением сомнения за" (Попов, 1847, 5).

Очевидно, что лексическому выражению модальности должны быть посвящены специальные исследования с целью более полного выявления модальных слов и частиц,

функционально-модальных слов, находящихся на стадии перехода в модальные слова. Для этого, как верно отмечает П.П.Дамбуева, необходимо обращаться к процессам, происходящим в сфере взаимовлияния устных и письменных форм языка. При изучении модальности особо следует обращать внимание на живую разговорную речь, ибо разговорная речь - это кузница языковых изменений, арена действия человеческого фактора в языке (Дамбуева, 2000, 168).

Использованная литература

1. ГСЯЛЯ - Грамматика современного якутского литературного языка. Синтаксис. Новосибирск: Наука, 1995.
2. ГСБЛЯ - Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981.
3. Дамбуева П.П. Категория модальности в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 2000.
4. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л., 1978.
5. Мушаев В.Н. Вводные элементы в структуре калмыцкого предложения. Элиста, 1995.
6. Панфилов В.З. Категория модальности и её роль в конструировании структуры предложения и суждения // ВЯ, 1977.
7. Попов А.В. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847.
8. Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1977.
9. Пюрбеев Г.Ц. Категория модальности и средства её выражения в монгольских языках // ВЯ : №5, 1981.
10. Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке // Русский язык. М., 1967.
11. Д.Б. - Доржин Басн. Мини отк. Элст, 1968.
12. Э.К. - Эрнжэнэ Константин. Шүлгүд, келврмүд болн түүкмүд. Элст, 1964.

Лиджиева Л.А.

ПАДЕЖИ И ПОСЛЕЛОГИ С ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ В СОВРЕМЕННОМ КАЛМЫЦКОМ

Понятия о пространстве и времени как форме существования материи всегда привлекали к себе внимание филологов. Занимая важное место в модели мира, пространство и время нашли свое отражение в языковых фактах. Они обусловлены закономерностями самой объективной действительности и абстрагирующей функцией языка – выражать универсально-категориальные значения, свойственные познавательной деятельности человека.

Языковые элементы передачи понятий пространства и времени в языках различаются. Но для лингвистики важны не только эти общие и незыблемые истины, связанные с этими понятиями, но и конкретные элементы и формы каждого отдельного языка, характер и направление их изменения, развития и т.д. Едва ли в мире существует язык, в котором определенными лексико-грамматическими единицами не были бы выражены пространство и время. Это объясняется, видимо, тем, что разные формы пространства и времени человеком были осознаны гораздо раньше других "объективных реальностей", и он, следовательно, в процессе развития системы языка находил средства для их отражения. Пространство и время – это две взаимосвязанные и взаимообусловленные категории. Каждое из них имеет собственную ориентацию и делится на определенные отрезки

В языке пространственно-временные отношения выражаются падежными формами, послеложными конструкциями, наречиями, причастными и деепричастными формами. Нами предпринят семантический анализ пространственно-временных значений, выражаемых падежными формами и послеложными конструкциями.

В калмыцком языке сложилась довольно развитая система склонения (простое, лично-притяжательное, безлично-притяжательное и двойное), в ее основе находится парадигма простого склонения. К исходной форме (ед. и мн. ч., им. п.) присоединяются аффиксы восьми падежей: родительный (-а/-ә, -ин/-ын, -н), дательно-местный (-дь/-де, -ть/те), винительный (-иге/-ыгъ, -ге/-гъ, -0), орудный (-ар/-әр), соединительный (-ла/-лә), совместный (-та/-тә), исходный (-асъ/-әсе) и направительный (-ур/-үр).

Каждый падеж обладает набором семантических значений, который формируется на основе определенных синтаксических связей и отношений в словосочетаниях, предложениях, различных конструкциях (причастных, деепричастных, послеложных и др.). К основным значениям в системе падежных форм относят субъектное, объектное и определительное, в которых отражается понимание связей между предметами, явлениями, действиями в мире материальной действительности. "Эти связи очень разнообразны и касаются пространственных, временных, притяжательных, причинных, целевых и других отвлеченных отношений" (Виноградов 1972, 139). Однако падежная система калмыцкого языка была явно недостаточна для выражения более детальных обстоятельственных отношений. Дополнительными языковыми средствами для их выражения в языке служат послеложные конструкции – сочетания именных падежных форм с послелогоми.

Если падежная форма является грамматической категорией, то послеложная конструкция предстает в виде межуровневой единицы, тесно связанной с синтаксисом, лексикой, морфологией (Трофимова 1984, с. 5). Послелого расширяют и обогащают разнообразными смысловыми оттенками круг значений падежных форм. Разнообразные значения отношений, выражаемые с помощью послелогов, составляют обширную и сложную систему. Б.В.Бадмаев, системно и углубленно исследуя семантику послелогов, выделил

12 основных видов отношений (Бадмаев 2002, 110). В калмыцком языке подавляющее большинство составляют послелого, выражающие пространственно-временные отношения.

Пространственные отношения, выражаемые падежными формами и послеложными конструкциями

Пространство представляет собой многообразное и разнонаправленное понятие, распадающееся по горизонтальной и вертикальной плоскостям на множество различных ориентаций и изменений.

В калмыцком языке средствами выражения пространственных отношений выступают формы косвенных падежей и послеложных конструкций. Они характеризуются объектно-определительными и обстоятельственно-определительными отношениями. В падежной системе калмыцкого языка выделяется группа пространственных (локативных) падежей: дательно-местный, орудный, исходный и направительный. Но выражение пространственных значений в калмыцком языке не ограничивается только словоформами указанных падежей. Для передачи различных оттенков значений употребляются послеложные конструкции - сочетания падежных словоформ с послелогом, которые дополняют и усиливают пространственное значение самой падежной формы. Пространственные отношения подразделяются на два основных класса: ориентирующие и двигательные. "Среди ориентирующих выделяются значения внутреннего и внешнего расположения, верха и низа, вертикальности, наклонности, передней, задней стороны, близости, дальности и др. Среди двигательных значений выделяются направленность и ненаправленность, контактность и неконтактность, ограниченность и неограниченность движения" (ЛЭС 1990, 356).

I. Ориентирующие и двигательные пространственные значения падежных форм

1.1. Ориентирующие значения падежных форм:

а) На местонахождение предмета или лица указывает дательно-местный падеж: *Кэрегтэчен, кэрег уга һазьртъ, пол дээре, гэрин эрсте дала үстэ кэвсмүд өлгөтө бөөнө* (Б.А.) - Везде, где нужно и ненужно, на полу, на стенах дома развешены ворсистые ковры.

б) Место совершения действия передается дательно-местным и орудным падежами: *Дээре тэнгерте өвер гэрелтэ одьд чирмелдөд бөөнө* (Б.А.) - Вверху, на небе ярко сверкали звезды; *Өр цөөтел тээгэр йовжъ, аһар киилже, ирхе жирһел тосхъ болна* (Н.М.) - До утра гуляли по степи, дышали свежим воздухом, шли навстречу новой жизни.

1.2. Двигательные значения падежных форм:

а) Направленность действия к пункту, предмету или лицу выражается дательно-местным и направительным падежами: *Өдэртень халунла хөөче малан хашадь орулжъ кэвтүлдэгже* (Н.М.) - Днем, в жару, пастух загонял животных во двор; *Ялчньр хотан уухар гэрүр цуврелдөд орцхавъ* (Э.К.) - Батраки один за другим зашли в кибитку поесть.

б) Направленность движения со стороны ориентира передается исходным падежом: *Хотнась ирже йовсьн Санжъ зөвөр тэдүкен һарчъ йовсьн Шикрэлэ тосжъ харһвь* (Н.М.) - Возвращавшийся из хотона Санджи встретился с Шикрей, которая значительно удалилась от хотона.

II. Ориентирующие и двигательные пространственные значения послеложных конструкций

2.1. Ориентирующие значения:

1) Внутреннее и внешнее расположение:

а) внутреннее расположение предмета или лица обозначается посредством послелогов *дотър* и *дотъркъ* в сочетании с именительным падежом:

Дотър 'в, внутри, среди': *Харьһну гэр дотър эзен гүңгер-гүңгер гийһэд ду һарчаһад, гил гийһэд шамъ шатавь* (Э.К.) - Негромко бормоча что-то в темном доме, хозяин зажег лампы.

Дотъркъ 'в, внутри, среди': *Кэрмен эне хора дотъркъ өлег-эдэр соньмсвь, юнгад гихлө*

урднь эврөнень сэләнәсе ондан һазъртъ одад уга (Б.А.) - Кермен с большим интересом рассматривала вещи в комнате, так как до этого она была в других местах.

б) При обозначении внешнего расположения употребляются следующие послелогов в сочетании с падежными формами:

Алслад 'через' управляет винительным падежом: *Тэрүнә гэр манаһасъ хаалһъ алслад бәәнә* (КРС) - Его дом находится через дорогу.

Һаза 'вне, за, снаружи' употребляется с родительным и исходным падежами: *Тавдъгчъ хоньгтънь гәнткен мана гәрин һаза машинә ду һарсън болвь* (Б.А.) - Вдруг, на пятые сутки, во дворе нашего дома послышался звук машины.

Һатцъ 'за, через' управляет именительным и родительным падежами: *Тэр кэвтән намагъ даһад һарчкад, манаһасъ хойър гэр һатцъ бәәсен күрген ахиндән Саръң оржъ одла, би түүге күләсен угав, тәре ардасъм күцже ирсен уга* (Б.А.) - Саранг, выйдя вслед за мной, направился к своему старшему зятю, который жил через два дома от нас, я не стал его ждать, и он меня не догнал.

Захдъ 'на краю' употребляется в сочетании с родительным падежом: *Гэр дотър ө чимән уга, хая-хая хотна захдъ түргсен мөрнә ө сонсъгдна* (Э.К.) - В доме тишина, только иногда на краю села слышен звук фыркающей лошади.

2) Значение верха и низа:

а) расположение на поверхности передается послелогоми *дээрe* и *дээрке* в сочетании с именительным падежом:

Дээрe ~ **дээрән** 'на': *Ора дээрe боръ-боръ богшурһас торълзад, эңсег дууһарън жиргелдвe* (Н.М.) - Мелькая на крыше, полевые воробьи весело чирикали; *Алтън дуулхиге барун цохъ дээрән таливвь* (Ж.) - Золотой шлем, он сдвинул на правый висок.

Дээрке 'на, находящийся сверху': *Тэрген дээрке ульс ө-чимән тасрад одвь* (Н.М.) - Люди, сидевшие на телеге, замолчали.

б) расположение под чем-либо выражается следующими послелогоми:

Доръ 'под' управляет именительным падежом: *Кэнзә хөрү очъ, оръмдан сууһад, бортъхта өркөсе нәге сәнсе кәже ууһад, орън доръ бәәсен һосъ үзөд, шүүрәд авна* (Н.М.) - Кензя, сев на свое место, налил себе чашку водки из кожаной фляги и выпил ее, увидев сапоги под кроватью, он схватил их.

Дора 'под' употребляется с родительным падежом: *Уулын дора, урднь тэднә хотън бәәсен ормдъ, кәсег өмтен нүүже ирсинь үзчкәд, көвүн байрлад гүүһәд ирве* (Б.А.) - Увидев людей, прибывших к подножию горы, где раньше был их хотон, мальчик прибежал радостный.

Доркъ 'внизу, находящийся под чем-либо, под' управляет именительным и родительным падежами: *Тэрень барана өмне нохашълже суучкад, юуһар чиген сонимсжахъ дуре угаһар, һазрасъ шарължна шилвин тасърха авад, һаринень хумсън доркъ кириге тагчгар өлгже авад суувъ* (Д.Б.) - Сев на корточки перед скарбом и сделав равнодушный ко всему вид, он, подобрав маленькую веточку бурьяна, поддел ею грязь под ногтями.

3) Значения передней и задней стороны:

а) обозначение передней стороны передается послелогоми *өмне* и *өменке*, которые управляют родительным падежом:

Өмне 'перед': *Бата толһаһан гәкәд мәнделчкәд, тэрзин өмне чөкләд суувъ* (Э.К.) - Бата, кивнув головой, поздоровался, и сел перед окном.

Өменке 'находящийся впереди': *Удълго Мөнктин хошин өменке зо дээрe мөртә ульс шовълзад һарад ирцхөвe* (Н.М.) - Вскоре на пригорке, находящемся перед стоянкой Менкты, показались всадники.

б) расположение с задней стороны выражается следующими послелогоми:

Ардъ 'за, сзади' управляет родительным падежом: *Хурлын ардъ бәәсен жахър хотъндъ ирже бууһад, мөрдән таньдъг күүнә гәрин бүсөсе уйжъ үлдөһәд, хоюрън хуръл таль күрче ирнә* (Н.М.) - Приехав в хотон батраков, располагающийся за хурулом и привязав лошадей к веревке-опояске юрты их знакомого, они вдвоем пришли к хурулу.

Ардкь 'находящийся сзади, за' употребляется с родительным падежом: *Нинан нэгхен бичкен орън, нур үздег ике гэр, эттөкөн ширө бөөхе хора гэрин ардкь сад таль харна* (Б.А.) - Комната Нины, в которой находится маленькая кровать, трельяж и аккуратный столик, выходит в сад, находящийся сзади дома.

Хооран 'сзади' управляет исходным падежом: *Гэрмүдөсө хооран хархла, малын идег му бише* (М.Н.) - Сзади домов корм для скота хороший.

Ца 'за, сзади' употребляется в сочетании с родительным падежом: *Чи зууран Лидже худгин ца хотхэртъ төрсен модь үзүле* (ГКЯ) - По пути покажи Лиджи посаженные за колодезем, в низине, деревья.

Цаадь – **цаадкь** 'за, сзади, по другую сторону' управляет родительным падежом: *Орчльнгин төгрег шарь нарън көндлөн харь үүлнэ цаадь шурһжэ орад, сүүрөн улаһад, сүүдрөн сунһад суувь* (Э.К.) - Скрывшись за темной тучей, красное солнце садилось, оставляя за собой длинную тень.

4) Значения близости и дальности:

а) для обозначения близости расположения употребляются следующие конструкции с послелогом:

Алдъндь 'вблизи, около, у' управляет родительным падежом: *Хойър тээрмин алдъндь харължасън хортна мэл хажудънь "буф" гиһэд, харь утан бадълһжэ тэнгүрү цацгдвь* (И.Л.) - Около двух мельниц, прямо возле врага, со звуком "буф" взорвалась бомба, и черный дым повалил к небу.

Дээрэ 'возле, около' употребляется с именительным и родительным падежами: *Онһицъ дээрэ давхължасън хөөдин өөгүр үкес гиһэд худгин амьн дээрэ ирэд, өкөжө хөлөвө* (Б.Т.) - Пройдя быстро мимо овец, которые сгрудились около корыта, он подошел к колодезю и, наклонившись, заглянул в него.

Зэрглелдэд 'около, рядом' управляет соединительным падежом: *Зүркенде цуг махмудасъ кэдү оң-ондан судсд ирже нэгддег болна, тэре мэте наадкь уульнцэс энүлө зэрглелдэд дахълцсн, зөремсень көндлөн больвчн, нэге захарън ниилсен, тэгэд нэге бүкел моһьлцг болжэ Элсте - Халимгин хотъл болдгинь тэре* (Б.Т.) - Как кровеносные сосуды всего организма соединяются в сердце, так и все улицы находятся рядом с этой улицей, хотя некоторые и располагаются поперек, соединяясь только одной стороной, и это все составляет одно целое – столицу Калмыкии Элисту.

Көвөдө 'около, у' употребляется в сочетании с родительным падежом: *О, олын бурхдын гэгэн өөлдетхө, - гижэ кэлен, эмген үкес орнасън бууһад, һалын көвөдө кэвтсен чимкүр авад, тулһин шиире цокад жиннүлэд, "жахън, жажън холаһур" гиһэд суувь* (Н.М.) - Да избавит бог, - сказав так, старуха, быстро спустившись с кровати и схватив щипцы, которые лежали около очага, начала стучать по ножке треножника, и, приговаривая слова "грех и несчастье прошли б стороной", села.

Өөрө 'возле, около, рядом, у' управляет родительным падежом: *Алтна өөрө улан мөнгөн шарължэ үзегддег, сэн күүнө өөрө му күн сэн болжэ мэдэгддег* (КРС) - Около золота и медь желтеет, около хорошего человека и плохой кажется лучше.

Өөрке 'находящийся рядом, около, возле' употребляется с родительным падежом: *Өцкелдүр сө би тэре шавър гэрин өөрке һатълһар оржэ һарад, ца хажудънь бөөхе малын услур одхар йовлав* (Ж.А.) - Вчера ночью, пройдя через переправу, возле саманного дома, я направился к колодезю, находящемуся сзади него.

Өөрхөн 'возле, около, рядом, у' управляет дательно-местным падежом: *Хаалһдъ өөрхөн хурһта хөд идшелже йовна* (КРС) 'Около дороги пасутся овцы с ягнятами.

Тусь 'напротив, у' употребляется в сочетании с именительным и родительным падежом: *Тэре өрүн Лээжен күүнде мэдүлел уга босад, күүкнэ орън тусь кэвес дээрэ өлгөтө бөөсен шарь зэсе хурьвчдънь ямана ишкин хатжэ одсън хорһсэ тэвчклө* (Э.К.) - В то утро Леджин незаметно встал и положил сухой катыш козленка в медный наперсток, который висел на ковре у кровати девушки.

Хажудь - **хажудкь** 'возле, около, у' управляет родительным падежом: *Хүремде орхин төлө хөре шаху улъс мэклэд, машин хамхэръвь гиһэд Эдөдөхнө хажудь маднигъ хонулжа-*

на (С.А.) - Для того чтобы попасть на свадьбу, он обманул около двадцати человек, заставив нас ночевать возле Астрахани, сославшись на поломку машины; "Чу" гисен дуунась чочад, хаалһин хажудкь шарьлжнась һарсьн цаһан сүүлтэ богшурһа, аду харжъ йовхъ адучъ кэвтәһөр, һашун дууһар ишкерве (М.Н.) - Испугавшись возгласа "чу", белохвостый воробей, выскочив из травы, громко зачирикал, подобно табунщику, пасущему лошадей.

Шидер – шидерте 'вблизи, около, при' управляет именительным и родительным падежами: Анжан кэлдег туужсьнь нурһьлжъ тэрүнә һарсьн энкер һазрасьнь, Саль гидег һол шидер бөөцхәдег Денисовскъ, Иловайскъ гидег станицсәсе эжелцхәнә (И.Л.) - Все истории, которые рассказывал Анджа, начинаются с его родных мест, со станиц Денисовской и Иловайской, которые находятся вблизи реки Салы; Зулжъ йовсьн хортън Манць һолын шидерте манахсин дөврелтиге бөрхәр, нэвчекхен зууръ өмскел авхар күчтә хәрүцелһе кэлә (И.Л.). - Возле реки Маныч отступающие вражеские войска, пытаюсь задержать нашу атаку и получить передышку, некоторое время оказали сильное сопротивление.

Эргенде – эргенде 'вокруг, возле, около' в окрестности, управляет родительным падежом: Кэмер сөөнәһә чонь нохастъ мэдегдел уга ирәд идчексен болхла, зэмень үлдхе гиһәд, Манжъ хотна эргенде бөөсен сала, судъл, зуухъс эргәд, гэргән, күүкән дахулад нэгжәд хәәнә, олдхъш (Э.К.) - Если волки, минуя собак, загрызли ее (корову), то останки должны были остаться, подумав так, Манджи вместе с женой и дочерью стал искать во всех балках и ямах в окрестности хотона, но ничего не нашел; Увелзенгин идег ода бийенъ доръ орад уга, тэгәд нуурин эргенде шарьлжта шуура өвстә һазриге эден, ике киитен шуурһьн болтъл, таңсгължъ хадһлад бөөлә (Б.А.) – Кормов на зимней стоянке еще достаточно, поэтому до глубоких снегов они берегут пастбище с осокой, которое находится возле озера.

б) значения дальности выражается послелогами уужьмдъ и тэдүкенде в сочетании с исходным падежом:

Тэдүкенде 'поодаль, в стороне': Ухаһан алдад унжъ одсьн Булһниге хойър залу өргәд, гәртәсе һарчъ ирхлә, өмтнәсе тэдүкенде суусьн Бэргәс босад, һарарьн тэрген таль заавъ (Б.А.) - Когда двое мужчин вынесли на улицу потерявшую сознание Булгун, Бергяс, сидевший в стороне от людей, указал им рукой на телегу; Кошарасъ тэдүкенде, фермин залачъ һанцарьн, нарьн һархъ үзег хәләһәд, ормасьн көндрелго зогсжасьнь кәсегтән үзегдве (Д.Б.) - Долго виднелось, как в стороне от кошары, управляющий фермой стоял в одиночестве и, не сходя с места, смотрел на восток.

Уужьмдъ 'вдалеке, подалее': Урдни цагтъ альхьн дээрән арһул тәвже, чирмләл уга һәәхдег тавада, арвада алтан хаша-бастан, хуралһата арһсна заагтъ, гәртәсе уужьмдъ һазър доръ, күн олжъ чадшго нань кәсег ольн бөөре олжъ бултулжахьнь кәсгенъ мэдә бөөнә (Ж.А.) - Все знают, что они прячут в сараях, среди сложенных кизяков, вдалеке от дома, в тайных местах золотые монеты, которыми прежде любовались, бережно положив на ладонь.

5) Для обозначения пространства в середине, в центре которого находится что-либо, используются следующие конструкции с послелогами:

Дундъ 'в, в центре, среди, между' употребляется с именительным и родительным падежами: Көдә дундъ урһсьн ор һанць цэцег мәте, Болха ольн жилмүдин туршартъ, сәдкел-ухаһан дахьлцсьн кү күләлә. (Б.А.) - Подобно одинокому цветку в пустыне, Болха в течение многих лет ждала желанного спутника жизни; Күүкен босад, хувцъ-хунран өмсәд, нүр-һаран уһажъ оркад, өрән дундъ зогсжасьн ширән өөре очъ сууһад, үсән самьлвъ (Н.М.) - Проснувшись, девушка оделась, умылась, и сев у стола, который находился в центре комнаты, стала расчесывать волосы.

Заагтъ 'среди, между' управляет именительным падежом: Хулсьн заагтъ ишкә гэрән бәрәд авчкла, нам модьн гэр дотър бөөсенлә әдел салькьн ивтершго, тогтнун (Б.А.) - Поставил кибитку среди камышей, ветер не задует, так тихо и тепло, как в деревянном доме; Эне орсмуд заагтъ хальмьг сәәчүд бась сууцхана (Н.М.) - Среди этих русских, также сидят знатные калмыки.

Хоорьндъ 'между, среди, у' употребляется с основой имени и родительным падежом:

Хойър тэрзин хоорьндь бөөсен ширэде ирже сууцхавь (Б.А.) - Они сели за стол, который находился между двумя окнами; Ноонин орьндьг баран хойрин хоорьндь харь модьн шкаф дээрэ ольн зүсен шүтө, зэңгэс, залчксын орть-харшь бөөнө (Э.К.) – На дубовом шкафу между кроватью Ноони и бараном находятся статуэтки, ленты и оклады.

2.2. Двигательные значения.

2) Направленность и ненаправленность действия.

1. Направленность движения в сторону ориентира и со стороны ориентира:

а) направленность движения в сторону ориентира передается послелогоми өөде, өөдөн, таль в сочетании с именительным падежом:

Өөде - өөдөн 'в, вверх, по': *Зун өмөрэн харсын хаалһар хойър мөрөнде татсын тэрген ике адһьмта йовхь бөөделтө, тоорман тэңгер өөде цооньгрулад орад аашна* (Э.К.) - По дороге на юго-восток, видимо спешно, поднимая столб пыли, въезжает телега, запряженная парой лошадей; *Шарьгчын кард-кард гинөд кэвөлһөн кэвөд, тэңгер өөде хэлөһөд эсе мэдсен болад бөөнө* (Э.К.) - Верблюдица, с хрустом пережевывая жвачку, равнодушно смотрит в небо.

Таль 'в сторону, к, по направлению': *Тэре кэвтэн көвүн хаша таль одад, көкжөсен туһлынь уйчкад, үкрмүдөн тууһад харвь* (Н.М.) – Затем мальчик подошел к сараю, привязал сосавшего теленка и стал выгонять коров; *Хая-хая Хонһьр багшин таль одад, дэгтер авчь умшна* (Н.М.) - Иногда Хонгор ходит к учителю, берет и читает книги.

б) направленность движения со стороны ориентира передается послелогоми в форме исходного падежа в сочетании с именительным и родительным падежами:

Ардась 'из-за, сзади, за, вслед за': *Дарунь күргүлин көвүн харвь, түүнө ардась дахад бэрөд бась харцхавь* (Н.М.) – Вскоре вышел сопровождающий жениха, вслед за ним также вышли женщины.

Һатцась 'из-за': *Ике холась, Урал ууль һатцась, хортгьнла күчтөһөр ноолджахь Сталинградть дөн-нөкөд ирже йовсын эне* (Н.М.) - Издалека, из-за Уральских гор, пришла помощь Сталинграду, геройски сражающемся с врагами.

Дээрэсе 'с': *Машин дээрэсе шавтсын өмте буулһвь* (Б.А.) - С машины спустили раненых. *Өндер дээрэсе хэлэхлө, Маншь ике цаһан татасын болжь үзегднө* (Н.М.) - Когда смотришь с возвышенности, Маныч виднеется большой белой линией.

Дорась 'из, из-под': *Харла тэрген дорась босчь ирэд, дүүһөн тэверже үмсве* (Н.М.) - Харла, встав из-под телеги, подошла и поцеловала младшего брата; *Эне үгөн кэлен бөөже Баазьр зун һарарын утхан илчкөд, авдър дорась борь иштө маля тачь авад, гэрин тэрмин толһад өлгечкве* (Н.М.) – Так говоря, Баазр провел левой рукой по ножу, достал из сундука плеть с серой ручкой и повесил ее за верхние концы решетки кибитки.

Дотрась 'из, изнутри': *Сүме дотрась сангин идөнө, күжин үнер канкнад, хамрар оржь таангървь* (Э.К.) - Из храма доносился аромат благовоний, он попадал в нос и щекотал.

Дундась 'из, изнутри, из центра': *Бигшөд зогжасын ульс дундась баахьн цогцта өвген уралан һарад, гэрин үүднүр одвь* (Ж.А.) - Из толпы вперед вышел невысокий старик и направился к двери дома.

Заагась 'сквозь, из-за': *Бата байрлад, борин күзүһинь тэврэд, омруһинь илөд, эмэлин бүүргөсень авад, мордхар сэдлһенлөнь, гэнткен нэге му дүртө, модьрун бөөделтө, ике харь күн ноһан заагась босчь ирэд, борь мөриг булажь унад, зулад һарна* (Э.К.) – Когда Бата, обрадовавшись, обнял за шею сивку, и погладив грудь, держась за луку, хотел сесть в седло, неожиданно из травы поднялся большой смуглый человек, злобного вида, отобрал лошадь и ускакал.

Захась 'с краю': *Мана машин хотна захась дөрведегче шавьр гэрин хашадь орад зогсвь* (С.А.) - Наша машина остановилась во дворе четвертого с краю села саманного дома.

Өөрөсе 'от': *Харулчиге тэре подвалын үүднө өөрөсе яһжь һарһжь авхьмбь?* (Б.А.) - Как увести караульного от двери подвала?

Талась 'с, со стороны, от, из': *Школ талась харсын дөрвен-тавьн көвүн өэмгин парьвлэн таль йовжь йовцхана* (Н.М.) – Появившиеся со стороны школы четверо-пятеро юношей идут к правлению аймака.

Хажуһась 'со стороны, сбоку': "Цэрен дала чидел уга больвчын мэктэ, дөкэд тэрүнэ тажудкь бась дөң болхла, хурвульн намагь эден диилхеШ, гисен ухан тольс энүнде орхла. Така хаалһин хажуһась тэре доран эргэд, хотнур хөлөһэд йовжь одвь (Б.А.) - "Хотя Церен и слаб, но хитер, к тому же если ему помогут друзья, троим они меня одолеют", - подумав так, Така, тут же свернул с обочины дороги и направился назад в село.

Цааһась 'из-за, с той стороны': Бата, йовхъм бишев! - гиже Василий эне хойриге чочажь тэдүкен овалһата бөөсен арһьсна цааһась ольс һарчь ирве (Э.К.) - Бата, мы, что, не пойдём! – напугав их, Василий неожиданно появился из-за собранного поодаль кизьяка.

2. Значения поверх, сквозь, мимо определенного пространства выражают ненаправленность действия.

а) движение поверх пространства или места передается послелогоми **дээгүр**, **дээрөһөр**, **дээрәһүр** в сочетании с именительным падежом:

Дээгүр 'над, поверх, по': *Хаһлата һазьр дээгүр хойьр күн салькь өрөд йовжь йовна* (Н.М.) – Двое шли навстречу ветру по вспаханной земле.

Дээрөһөр 'поверх, над': *Цаһаниге үкрән саажь бөөтел, кэвтрәсен шине боссын һалун шовуд донһьдад, киитен булгин усън таль хотън дээрөһөр нисэд одвь* (М.Н.) - Пока Цаган доила корову, проснувшиеся гуси с криком пролетели над хотоном к холодному источнику.

Дээрәһүр 'по': *Өндер зо дээрәһүр мөртө улс хатърсън аашна* (Н.М.) - По высокому хребту приближаются рысью всадники.

б) движение по центру, сквозь пространство передается следующими послелогоми:

Дундахур 'сквозь, по середине, по центру' управляет родительным падежом: *Эне бөөргүдин дундахур кэмжән уга ике, замь улан хаалһар хатържь йовсын мөртө кү үзже оркад, сунһьгин модън дээрэ суусън харь шовун нисже һарад, хойьр живрән дэлже цэрэвве* (М.Н.) – Увидев всадников едущих рысью по большой дороге между бугорками, черная птица, сидевшая на телефонном столбе, расправив крылья, взлетела вверх.

Заагүр 'сквозь, между' употребляется в сочетании с именительным падежом: *Уулын овал заагүр эргө йовжь, ишклен зэрлег альмън-чиһһесе талдан хоть энүнде олдсын уга* (Б.А.) - Между горными обвалами, кроме кислых диких вишен и яблок, другой пищи не нашлось.

Заагар 'сквозь, из-за' управляет именительным и родительным падежами: *Гииче хойьр көвүн альн болад эргэд хөлөхлө, ишкө гэрин заагар, иргевчөр шаһалджахь кэсег чирөс эденде үзегдве* (Б.А.) – Когда двое юношей-гостей с удивлением обернулись, то увидели лица, подглядывающие за ними сквозь щель и нижний полог кибитки; *Хоть кэдег гэрте хард-хурд гиһөд савин ө һарад, татата үүднө заагар болсын махна үнер һарад ирве* (Э.К.) - В столовой были слышны звуки посуды, сквозь открытую дверь доносился запах сваренного мяса.

в) движение вблизи, мимо определенного предмета выражается следующими послелогоми, которые употребляются в сочетании с родительным падежом:

Өмнөһүр 'перед, впереди': *Тэрзин өмнөһүр торс гиһөд һарсын барагь гараж оржь йовхь күүһинь мэдчкэд, директор үкес ормасын босад, адһжь һарад, конторин үүденде зогсжаһад, тэре күүге ардасънь дуудвь* (Д.Б.) – Увидев промелькнувший перед окном силуэт человека, и догадавшись, что он направляется в гараж, директор, торопливо вскочив, постояв у двери конторы, окликнул его.

Өөгүр 'вблизи, рядом, мимо': *Заһнта худгин өөгүр давад һарчь йовхла, хойьр суулһта усь үүрсен күүкөд күн эдниге тосчь ирнө* (Н.М.) - Когда они проходили мимо колодца с журавлем, им встретилась девушка с двумя ведрами воды.

Хажуһар 'мимо, около': *Иигэд зогсжаһад, Харли Бальжьр хойьр һар-һаран бөрелден, ормасын арһул көндрөд, амьрсын үге угаһар йовад, школын гэрмүдин хажуһар давад, царлад, хотнась уужад, тэг тэмцэд зааград һарад одвь* (Д.Б.) - Постояв так, Харли и Бальджир, взявшись за руки, неспеша тронулись, молча шли мимо школьных зданий, удалились от хотона, и направились в степь; *Хаалһин хажуһар көөлдөд, шарлад одсын «кэрсең», «тэмән чике» тасължь авад цокълдад дөгөд йовцхана* (Э.К.) – Они идут, играя с азартом, срывая растущие вдоль дороги пожелтевшие лебеду и щавель.

3) Ограниченность и неограниченность движения в пространстве передается следующими послелогоми:

Күртел 'до' управляет именительным падежом: *Ладовкъ күртел дөчен дууна һазър, хаалһънь йир му* (Б.А.) - До Ладовки сорок километров, дорога очень плохая.

Цааран 'за' употребляется с исходным падежом: *Нутгасъ цааран һарад, эгце һурвън сара һазъртъ гүүлгэд оркъв* (КРС) - Отъехав за владения, он пробежал расстояние, равное трем месяцам пути.

4) Значения контактности движения в пространстве передается преимущественно отглагольными послелогоми, управляющими винительным падежом:

Амар 'по стороне, вдоль, у' употребляется в сочетании с родительным падежом: *Хаалһин хойър амар хурһта хөд дэлже идшелве* (Н.М) - По обе стороны дороги паслись овцы с ягнятами; *Хаалһин амар урһсън цэцгэс таслад, энде-тэнде ичәнәсен һарад, ишк-релдсен зурмъд шивөд, гүүлгэд наадад йовна* (Э.К.) - Играя, он срывал цветы, растущие вдоль дороги, бросал в сусликов, которые выбегали из норок.

Бәрәд ~ **бәрже** 'в, около, вдоль, по': *Бата һарсън һазран, гэрән санад, һазрин өндринь бәрәд, хаалһан тодлад, салькъ өрөд саначърхад бийәсен һарһад ду дуулна* (Э.К.) - Бата, заскучал по дому, родной стороне и, следуя по возвышенности, вспомнил дорогу к ней, вздыхая навстречу ветру, запел свою песню.

Дахад ~ **дахжъ** 'вдоль, за, следом, по': *Намър өнгрәд, өдер ахърдад, хумхъл цаһан үүлен һарад, шүрүн үзүртә салькъ дахад үүрмег цасън орвъ* (Э.К.) - Закончилась осень, дни стали короче, появились серые облака, вслед за резким и сильным ветром пошел снег; *Бэшин өөре эрсе дахад кәсен зурһан давхър төвце дээрә ольн зүсен савъ-санхъ гиллэд бәәнә* (Э.К.) - Около печи, вдоль стенки, находится шестиярусная полка, на которой блестит разная посуда.

Көөһөд ~ **көөже** 'вдоль, по': *Бичкен хурһьд цугльржъ зуухин амь көөже торьлзвъ* (Н.М.) - Маленькие ягнята собравшись, весело играли по краю ямы; *Тэре цагла фашисткь цэрег Хулхъть сэләнде өөрдөд күрче ирсиге мэдчкәд, тәден Ижел һолын өмне көвө көөже йовад, Енотаевскъ балһсъндь күрөд, тэрүнәсе өмөрләд, Харба сәлә хөлөже һарчъ* (Д.Б.) - Узнав, что фашистские войска приблизились к Хулхуте, они, продвигаясь вдоль южного берега Волги, дошли до Енотаевска, оттуда направились вперед, в Харбу.

Временные отношения, выражаемые падежными формами и послеложными конструкциями

Наряду с пространственными значениями в калмыцком языке функционируют временные отношения. Время в лингвистически детерминированном сознании представляет понятие, которое выражает тончайшие и сложные отношения действия к действительности в их течении, последовательности и взаимосвязи. В.В.Виноградов в своих исследованиях отмечает, что "временные значения, совмещающиеся с пространственными, развились на их основе" (Виноградов 1972, 562). Процесс (действие или состояние), движение в пространстве совершается в различные как по своей длительности, так и по своей последовательности, временные отрезки. Послеложные конструкции и падежные формы имен служат для определения темпоральной локализации события или состояния, т.е. указывают на то, в какой момент, отрезок, промежуток или период времени совершается действие. В современном калмыцком языке можно выделить следующие временные отношения: 1) одновременность совершения действия; 2) длительность совершения действия; 3) предшествующее время действия; 4) последующее время действия; 5) приблизительность или неопределенность времени совершения действия; 6) определенный момент действия и др.

I. Временные значения падежных форм.

1.1. Отнесенность действия ко времени выражается родительным падежом: *Нәр сөөни өрәле давтъл болад, нәге-нәгенләрен мәндлелдөд тарцхавъ* (Э.К.) - Праздник продолжался до глубокой ночи, простившись друг с другом, все разошлись.

1.2. При определении действия во времени его совершения употребляется дательного-местный падеж. Следует выделить временные оттенки значения:

а) длительность действия: *Тэре кэвтэн Вадим Семиколенов хальмыг тээгте ирэд, Араш-ла, Цэрэнлэ нань чиген халимгудла танилдад, дөрвен жилде тэнде бөөве* (Б.А.) - Так Вадим Семиколенов приехал в калмыцкую степь, познакомившись с Арашой, Цереном и другими калмыками, он прожил здесь четыре года.

б) конкретное время: *Тэрүнэ хөөне, хөрөн тавдыгч жилде, дэknөсө муутхвэр орад, байна көвүн гиһэд, университетэсэ харһычквь* (Б.А.) – После того, в двадцать пятом году, опять пришел наговор и, меня как сына богатого человека, исключили из университета.

1.3. С помощью орудного падежа также передается временное значение: *Болвь зуу-ран бийень эвго болад, чидлень чилэд, неге хонад гэртэн сөөһөр күрнэ* (Б.А.) - Но в дороге ему стало плохо, силы иссякли, и он переночевал там, дошел домой только ночью.

1.4. Время действия определяется соединительным падежом. "Идет процесс замены дательного-местного падежа обстоятельства времени соединительным падежом" (ГКЯ 1983, 126): *Уде кэцэсен цагла, мөртө һурвн күн арь зо дээрэсэ харч ирэд, хотна зун ардь бээсен Мөнктин гэрин өөре ирже буувь* (Н.М.) - После обеда с северного хребта появились три всадника и остановились около дома Менкты, который находился в восточной стороне хотона.

1.5. По соотношенности действия ко времени исходный падеж служит ориентиром на будущее: *Ода хойр-һурвн жилэсэ тэмснэ модьд төрхөр бөөнөвиден* (Э.К.) - Через два года хотим посадить фруктовые деревья.

II. Временные значения послеложных конструкций.

2.1. Одновременность совершения действий:

а) временной отрезок, совпадающий с действием, выражается следующими послеложными в сочетании с падежными формами:

Алдъндь 'в момент, во время, когда' управляет родительным падежом: *Махь чанхин алдъндь, зэсе хоцшарта, зээрэн шилевтэ нэге эмген орад ирве* (Ж.) - В момент, когда надо было варить мясо, вошла ведьма.

Дээр ~ **дээрэн** ~ **дээрень** 'во время, в, когда, пока' употребляется в сочетании с причастием, прилагательным и основой имени: *Өрүн цэ уухь дээрэ күн чигн харсын уга* (Н.М.) - Утром, во время завтрака, никто не выходил; *Өрүндень шуурһын тогтынсын дээрэ эрте йовхар үкермүдиге харһад туухла, хулсын хашадь даарад хонсын өлен үкермүд мөөрелдэд харчь өгхеш* (Э.К.) – Когда утром, пока успокоилась пурга, я решил отправиться, и стал выгонять коров, то голодные и замерзшие, ночевавшие в камышовом сарае, коровы мычали и не хотели выходить. *Ода эне шууганла харһулад, энүнөсө эмде дээрэн, өмөн за-агължъ авхь арһь хөөхе кэрегтэ, - гиһэд саналдад оркна* (Э.К.) – Он вздохнул: "Пока живой, нужно спастись, воспользовавшись суматохой".

Дундь 'в, в момент' управляет родительным падежом: *"Өмне төрелдөн киленце харһжъ йовсын күн, эне жирһелдөн зовльң эделнэ"* гижэ аакъ бась кэлдег билэ. – *Тииме ухан агчмин дундь энүнэ сэдкелде орвь* (Б.А.) - "За грехи, совершенные в прошлой жизни, человек страдает в настоящей жизни" – говорила мама. В этот момент ему в голову пришла такая мысль.

Дутъм 'чем, по мере' употребляется в сочетании с причастием: *Болвь жилмүд давад, цаг өнгрэд йовхь дутман өмтнэ ухан-сэрел бась дахад, ондарад ирве* (Д.Б.) - По мере того как год за годом проходит время, сознание и мысли людей меняются.

Зуурь 'во время, в момент, когда, при' употребляется в сочетании с причастием будущего времени: *Гэртэсэ хархь зуурь кэлве* (КРС) - Сказал при выходе из дома.

Кэмде 'во время, когда, в' управляет родительным падежом: *Сөөдөнъ, мана цэргүд халһь кэсен саамла, биден шууган дотър фронтыгъ һатлад, өшөтнэ улдь күрэд, сән орьм эзелже авчкад, бултгнһуһар харул кэнэд, өр цөөхин кэмде хортна халыг зэр-зэвенъ больн эмде чидел альдь бөөхинъ мэдже авхьвиден* (Д.Б.) - Ночью, когда наши войска откроют огонь, мы среди этого шума проберемся на территорию врага, займем хорошую позицию, тайком выставим охрану и на рассвете постараемся узнать, какова их сила и где находятся орудия.

Саамдь 'в момент' употребляется в сочетании с причастием: *Хөөнень, харһхь кэрег учьрсън саамдь, эдниге хооръндънь залһьддулхь зэнгче болхънь Тонтын Манжъ өвгенде даалһьгдвь* (Д.Б.) - В будущем, в момент деловой встречи, Тонтинову Манджи было поручено примирить их.

Хооръндь 'во время, в момент, пока' употребляется в сочетании с причастием: *Өрүн асхъндь орад хархь хооръндь оньдин Батаһар сонимсже күүндцхэнэ* (Э.К.) - Утром или вечером, в то время, когда (девушка) заходит, они всегда с интересом разговаривают о Бате.

Цацу 'сразу же, как только' употребляется в образовании формы предварительного деепричастия: *Өрлө, альхна эрө үзегдем цацу, биден бась хүремлө хамдан көндрөд харувъвдън* (С.А.) - Утром, как только начало светать, мы вместе со свадьбой тронулись в путь; *Дэн эклем цацу, түрүн өдрөсень авън, танһчъ кэвөрн, мэл ондаржъ одвь* (Б.Т.) - Как только началась война, с первых дней вся республика резко изменилась.

Шидер 'к, под' управляет именительным падежом: *Асхън шидер шуурһън улъм гүдөд, дордь үзгин салькън догшдад, чинэн тату күүге тууһад авчъ одъм чигэ билэ* (Б.А.) - К вечеру пурга усилилась, резко подул восточный ветер, который мог унести слабого человека.

2.2. Отрезок времени предшествующего действия:

а) Для обозначения времени предшествующего действия употребляются следующие послелогов в сочетании с падежными формами:

Дээрень 'перед тем как' употребляется в сочетании с причастием будущего времени: *Ангиге босхь дээрень хавь*. - Выстрелил в зверя, перед тем как он встал.

Өмне 'до, перед, назад' управляет именительным и родительным падежами: *Зулын нэге өдер өмне һарсън больвчън, маңһдуртънь зул өргхлө, хойър наста болжъ тоольгддъг* (Б.А.) - Даже если ты родился за день до праздника Зул, на следующий день, когда зажигают лампадку, считается, что тебе два года.

Күртел 'до' употребляется в сочетании с именительным падежом: *Асхън күртел силос хадълһь хөлөһөд, хөөнень нарън суухин өмне Бокта үкрин фермдъ ирвь* (Н.М.) - До вечера Бокта смотрел покос силоса, затем до захода солнца приехал на ферму; *Һучън нөөмдегче жиле Московскъ ветеринарнь академ чилэснөсен авън эндер өдер күртел малын эмче көдлө* (Б.А.) - С тридцать восьмого года, после окончания Московской ветеринарной академии и до сих пор, он работает ветеринаром.

Урдь 'до, назад, прежде чем' употребляется в сочетании с именительным и исходным падежами: *Кэмержэн арвьн минут урдь ирсен болхла, эне зэткрөсе тонилже болхмън билэ*. (Б.А.) - Если бы пришли на десять минут раньше, то можно было бы избежать этой беды; *Үүде-түүде күргел уга өрүн өрлө өмтен ирхөсе урдь өрөсиге сөвүрдөд, уһаһад, арчад гилилһөд хайчкъдъг болвь* (Н.М.) - Утром рано, до прихода гостей она быстро подметала комнату, мыла, вытирала все до блеска.

Хооран ~ **хоорандь** 'до, назад' управляет именительным падежом: *Тавън хоньг хооран, намагъ көделмшөсе гэртэн асхън оржъ ирелһенлө, Босха, мини үр күүкен, өмесхсен сахъньсън оржъ ирве* (Б.А.) - Пять дней назад, когда я вернулась с работы домой, ко мне пришла чем-то сильно обеспокоенная моя подруга Босха; *Жил хоорандь Хальмьг республикин һазрин аһугъ фашистрөсе сулхсън 28-ч өөрөм давжъ һарсна хөөне цэргэ ииме машид энде түрүн болжъ үзегдсень эне билэ* (И.Л.) - Год назад, когда 28-я армия освободила Калмыцкую республику, здесь впервые увидели такие военные машины.

2.3. Отрезок времени последующего действия:

а) время последующего действия выражается следующими послелогов в сочетании с падежными словоформами:

Ардь 'после, после того как' управляет родительным падежом: *Хойър күүкен һарчъ одсна ардь би үкес гиже хувцан төөлөд, ясчкъсън хуучън модън орън дээрень һарад кэвтве* (Э.К.) - После того как две девушки вышли, я разделся и лег в постель на их старую деревянную кровать.

Дару 'после, вслед' употребляется с родительным падежом: *Өв авсна дару, мордхь күүкиге гэрүрен авчь ирэд, зул өргөд мөргүлөд, эке эцке хойърлань хархулад, цаһан идө амсулад һарһьхдан бэле кэве* (Э.К.) - После того как забрали приданое, девушку завели в дом, зажгли лампадку, заставили помолиться, попросається с родителями, дали ей отпить молоко и стали готовить к отъезду; *Мөргүлөсө ирсен ульс асхьн нархьн суусна дару тэрг-нәсен буулдад тарад хәрцхәве* (Э.К.) - Вечером, после захода солнца, люди, приехавшие с молебна, разошлись по домам.

Хөөне 'после, за, вслед за' употребляется в сочетании с родительным падежом и причастием: *Удин хөөне харь машин Манцан звено көделжәсен һазьрть ирже зогсвь* (Н.М.) - После обеда черная машина приехала и остановилась там, где работало звено Манцы; *Арълтан нәәмен классин хөөне механизацин училищ чиләһөд, совхоздь комбайнер больн тракторист көделнө* (Б.А.) - После восьмого класса Арлтан, окончив училище механизации, работал в совхозе трактористом и комбайнером.

Хөөтке 'после' управляет родительным падежом: *Кәсег жиле хооран, арвь күрсен настадан, дәәнө хөөтке түрү жилмүдте, гэрте бәәсен буудя, бодьнцг чиләд, нам хавьр өөрдже йовхь цагла колхозин амбармуд хоосьрсьн цагть, саальчнърть хошад кило бодьнцг өгче* (Б.А.) - Много лет назад, когда мне было десять лет, в те тяжелые послевоенные годы, когда дома закончилось и зерно, и картошка, когда уже к весне в колхозных амбарах стало пусто, дояркам выдали по два килограмма картошки.

2.4. Длительность совершения действий:

Отрезок времени, в течение которого совершается действие, выражается следующими послелогоми в сочетании с падежными формами:

Бийдень 'в течение' управляет родительным падежом: *Өдрин бийдень юмьн үзегд-хеш, - бүтү шуурһьн* (Н.М.) - В течение дня ничего не видно –непроглядная метель; *Сөөни бийдень йовжь, хошмуд эрегхәр сэдве* (Н.М.) - В течение ночи он хотел объехать все стоянки`.

Бийень 'до' употребляется в сочетании с наречием времени - *Зунын дундь сар эк-лечкве, тэре бийень тэг кэвтән, ода бийень нигте больн өндер көке ноһаһар хучата* (Б.А.) - Наступил июль месяц, но, несмотря на это, до сих пор степь сплошь покрыта густой и высокой травой.

Дотьр 'в течение' управляет родительным падежом: *Арвьн хонгин дотьр цуг хошмуд болһьндь олад, шине төлин тооһинь авад, хөөчнерлө күүндөд, шине күцәмжесте байрьлсьн Боран Огьл үдин алдьяндь Бөөрег сэләнүр, гэрүрен хәрже ирве* (Ж.А.) - В течение десяти дней, объехав все стоянки, взяв все данные о приплоде, поговорив с чабанами, обрадованный их новыми достижениями, Бораев Огол около полудня возвратился домой, в село Бөөрг.

Дундь 'в течение, за' употребляется в сочетании с родительным падежом: *Ода сурһульчнър амрьлһьндь һарсьн ахьр болзгин дундь школын гэрмүдән ясжь, хаһьрха-эвдеркөһинь хатхжь авхь кэрегтө, усьн-түлөһинь бәлдхе, шине класс сәкелһе тэткелһен нэг үлү ике даавьрта, цугтаһась даву оньг өгхиг нәкжәнө* (Д.Б.) - Сейчас, когда у учеников каникулы, за этот короткий срок нужно сделать ремонт школы, заготовить топливо и воду, но особое внимание следует уделить открытию нового класса.

Дуусьн 'в течение, весь, целый, всю' управляет родительным падежом: *Зуни өдрин дуусьн йовад, асхьн шидер мана хотнась арвьн дуунадь бәәсен Сөөнцег гидег һазьрть иревден* (Б.А.) - Ехали весь летний день, и к вечеру мы прибыли в местность Сяянцег, которая находилась в десяти километрах от нашего хотона.

Дүлен ~ **дүлже** 'сплошь, всю, в течение, напролет' управляет винительным падежом: *Сө дүлен гиинәд унтулсьн уга* (КРС) – Всю ночь прохныкал, не дал спать.

Зуурь 'в течение, когда при' употребляется с родительным падежом и причастием в будущем времени: *Ода нәге баахьн цагин зуурь нәөрелжәһөд, чи завсьр кэ, би эне күүкелдө күүнднөв, бичө марть, таржь одьвза, - гижө Бата Зандан чикенде шимелдве* (Э.К.) - Ты, недолго повеселившись, сделай перерыв, я поговорю с этими девушками, не забудь, как бы они не разошлись, – шепнул Бата на ухо Занде.

Тэсе 'целый, весь, всю' употребляется с родительным падежом: *Өдрин тэсе нүгдөг-нүгдөг гihэд, хойър көлөн дархъ завъ уга болна биший* (Б.Т.) - Целый день на ногах, бегаешь, даже нет времени отдохнуть; *Цэгемде тэре сөөни тэсе мэл нүдөн харһулсын уга* (Б.Т.) - Цегимда всю ночь не сомкнула глаз.

Туршь ~ туршар ~ туршартъ 'в течение, на протяжении, за' управляет родительным падежом: *Малын ору-һаругъ сул жилмүдин туршартъ ямаран болсигъ би өцкелдүр хөлөвев* (Б.А.) - Вчера я просмотрел данные о приплоде и падеже скота за последние несколько лет.

Хоорьндъ 'в течение' управляет родительным падежом: *Жирһел Нарън хойър, өмнөн киизнде тоольгддыг Садмън инженер, минъ эне жилин хоорьндъ кэсег улъс чике хаалһдан оржъ, көделмештән шунжъ, йоста колхозин эзен болжъ бийөн татылдвъ* (Н.М.) - Джиргал и Наран, и инженер Садмон, у которого трудный характер, и многие другие люди именно в течение этого года нашли правильную дорогу в жизни, стали настоящими хозяевами колхоза.

Эрегиде 'в течение' употребляется в сочетании с родительным падежом – *Тадън тигхде һурвън жилин эрегиде, Бэргэсин хойър зун толһа бод мал, дөкөд Жидковин зу һар үкермүдиге хөрүлже асьрлат* (Б.А.) - Тогда, в течение трех лет, вы пасли двести голов крупного рогатого скота Бергяса, а также свыше ста коров Жидкова.

2.5. Определенная временная фаза совершения действия:

а) начало действия выражается следующими послелогоми:

Авьн 'с' употребляется в сочетании с исходным падежом: *Аавъ, эндер ирже хонад, маңһдурасъ авън хө хөрүлхмен, би сульв - гиже кэлле* (Э.К.) - Дедушка, сегодня переночуем, с завтрашнего дня будем пасти овец, я свободен, – сказал он.

Нааран 'с тех пор' управляет исходным падежом: *Сергей эне совхоздъ ирже көдлснөсе нааран арвь хонвь* (Б.А.) - С тех пор как Сергей приехал и начал работать в совхозе, прошло десять дней.

Эжелцөр 'в начале' употребляется в сочетании с родительным падежом: *Ниден үвлин эжелцөр цасън орхла, Нохашкъ хөрүлжөсен малмудан эздүдтень өгчкөд, эврөнень тээгүр ирве* (Б.А.) - В начале прошлой зимы, когда пошел снег, Нохашка передал скот хозяевам и приехал к себе на родину.

б) средняя фаза действия передается послелогом **хоорьндъ** в сочетании с родительным падежом:

Хоорьндъ 'между': *Күүкен көделмшин хоорьндъ ирөд, дөң болдыг билэ* (Б.А.) - Между работой девушка приходила и помогала им.

в) конец действия выражается послелогоми **сүүлэр** и **чилегчөр**, управляющими родительным падежом:

Сүүлэр 'в конце': *Хөрдегче жилмүдин сүүлэр Тугтъндъ түрүн болжъ эврэ сельсовет тогтсын бөөже* (Д.Б.) - В конце двадцатых годов в Туктуне открылся первый сельсовет; *Ода эне хургин сүүлэр ямаран бу бөөнө, цуһараһинь милицде өгтен* (Э.К.) - В конце этого собрания все должны сдать свои ружья милиции.

Чилегчөр 'в конце': *Дөчен дөрөвдегче жилин март сарин чилегчөр Кунгур балһсна тал дундъ бөөсен орсь чонждъ салдыс хувита халимгуд өдер сө уга шорһължън мэте нааран – цааран ниргелдөд бөөцхөнө* (Б.А.) - В конце марта тысяча девятьсот сорок четвертого года в центре города Кунгур, в русской церкви сновали подобно муравьям, калмыки в военной форме.

2.6. Приблизительность или неопределенность времени совершения действия передается следующими послелогоми в сочетании с падежными формами:

Алдъндъ 'около' употребляется с родительным падежом: *Арвън хойър часин алдъндъ домбрин дун унтрад, шууган төвкнөд нәр жиирөд тарв* (Э.К.) - Около десяти часов умолкла домбра, стало тихо, праздник закончился; *Һал үдин алдъндъ хөлөн гихень - һанць ике тоосън оһтьрһудъ хадад аашна* (Д.Б.) - Около полудня, вижу, приближается столб пыли, достигающий неба.

Дүнгө 'около' управляет родительным падежом: *Бавьлдър сурһульдэн ирэд, сар дүнгө давжъ йовна* (Н.М.) - С тех пор как как Бавлдр приехал на учебу, прошло около месяца.

Таль - 'к, под' употребляется в сочетании с именительным падежом и причастием: *Асхн талан һарад йовх.* - К вечеру выедут.

Чигте 'около' управляет родительным падежом: *Сөөни өрөлин чигте сэрхе.* - Проснутся около полуночи.

2.7. Возрастные особенности выражаются послелогом **өөдэн** в сочетании с исходным падежом:

Өөдэн 'с, более, старше': *Көлөн өрө даажъ һархъ көгшен өвгед, гэргед, арвьтаһасъ өөдэн көвүд, күүкд күртлөн һартан сэлме авад, өмөн болън эврө һазран харсьлдна* (Б.А.) - Едва передвигающиеся старики, женщины, девочки и мальчики, которым было более десяти лет – все, взяв в руки оружие, встали на защиту себя и своей родины.

2.8. Переодичность нарастания или убывания действия во времени передается послелогом **ирвөсө** в сочетании с именительным падежом:

Ирвөсө 'с каждым': *Цаарандънь жиле ирвөсө Вадимин профессиональнь мэдрел өсөд ирве, тэре мэте олна нуувчин көделмеште басъ эне дамшвь* (Б.А.) - Далее, с каждым годом росли профессиональные знания Вадима, и также он постигал секреты общественной работы.

2.9. Количественные отношения передаются послелогом **болһън** в сочетании с именительным падежом. Он может быть оформлен аффиксами косвенных падежей:

Болһън 'каждый': *Сө болһън Бата дала сөэхен дэгтермүд үүрэд, школьд олад, кэсег харь-хартъ күлттө көвүдлө цасар шивелдөд, ноолдад наадсън болад зүүде үзэд, өсрэд-өсрэд сернө* (Э.К.) - Каждую ночь Бата просыпается, когда видит во сне, что он ходит в школу, носит красивые книги, играет в снежки с мальчиками в черном пальто.

Таким образом, анализ пространственно-временных значений падежных форм и послеложных конструкций в калмыцком языке позволяет сделать следующие выводы.

Падежные формы, с одной стороны, послеложные конструкции, с другой, выражают одни и те же значения. Однако послелоги в сочетании с косвенными падежами выражают более тонкие и разнообразные оттенки семантико-грамматических отношений (пространственных, временных и др.) Большинство послелогов служит для передачи таких значений, которые падежами имен не выражаются.

В калмыцком языке особенно ярко, широко и разнообразно представлена система пространственно-временных отношений. Для их выражения используются падежные формы и подавляющее большинство послелогов.

На основе переосмысления пространственных отношений складываются разнообразные внутренние смысловые оттенки значения. Пространственные значения послеложных конструкций, детализируя общие ориентирующие и двигательные процессы, образуют антонимичные пары (внутреннее и внешнее расположение, верх и низ, передняя и задняя сторона, близость и дальность, направленность и ненаправленность и др.).

Выражение времени – характерная особенность коммуникации, осуществляемой при помощи языка. В связи с этим, временные отношения, выражаемые падежно-послеложными конструкциями, также широко представлены в калмыцком языке. Большинство послелогов, обозначающих временные отношения, развили свои функции из пространственных (*алдъндъ, ардь, дээрэ, дотър, дундь, күртел, өмне, өөдэн, таль, урдь, хооран, хооръндъ, шидър*).

Исследование пространственно-временных значений послеложно-падежных конструкций приобретает особую значимость для калмыцкого языка.

Использованная литература

1. Бадмаев Б.В. Проблема служебных частей речи в современном калмыцком языке: послелого // Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка. М. – Элиста, 2002, с. 90-112.
2. Бондаренко В.С. Предлоги в современном русском языке. М., 1961
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972
4. ВТГКЯ - Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка. М. – Элиста, 2002
5. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика, морфология. Элиста, 1983.
6. Дамдинов Д.Г. Семантико-синтаксическая характеристика послелогов бурятского литературного языка с пространственно-временным значением // Стилистика и лексикология бурятского языка. Улан-Удэ, 1972
7. Исенгалиева В.А. Служебные имена и послелого в казахском языке. Алма-Ата, 1957
8. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. ч.2. Морфология. М., 1956
9. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990
10. Пюрбеев Г.Ц. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания. М., 1993
11. Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1993
12. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988
13. Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951.
14. Тодаева Б.Х. Послелого в калмыцком языке // Записки КНИИЯЛИ. Вып.2, Элиста, 1962
15. Трофимова С.М. Падежно-послеложные конструкции монгольских языков и их русские эквиваленты. М., 1989.
16. Части речи. Теория и типология. М., 1990.
17. Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967.
18. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Наречие, служебные части речи. Л., 1987.

Харчевникова Р.П.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА В СОВРЕМЕННОМ КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

Каждый падеж выступает как носитель различных значений, формирующихся на основе определенных синтаксических связей и отношений в словосочетаниях и в предложениях. Значение имени в форме того или иного падежа определяется и характером отношений внутри залоговых конструкций, а также причастных и деепричастных оборотов, входящих в структуру предложения.

Набор значений падежей, выявляемый на основе их функционирования во всех позициях (в словосочетании, предложении и синтаксических конструкциях), складывается из основных и частных значений каждого падежа. К основным и самым общим падежным значениям относятся объектное, субъектное и определительное, которое объединяет в себе все виды определительности, включая и обстоятельственно-определительные значения (Русская грамматика - 80, I, 476). Внутри каждого из них содержатся частные значения, выявляемые в процессе их дальнейшей смысловой дифференциации. Таким образом, семантический потенциал того или иного падежа представляет собой набор основных, самых обобщенных падежных значений, а также и частных значений внутри каждого из них.

Так, например, различие субъектного значения, выраженного в подлежащем залоговых конструкций, зависит от значения основы глагольных форм в предложении, которые, будучи стержневым словом, определяют характер синтаксических отношений компонентов в залоговых конструкциях. В конструкции действительного залога субъектное значение подлежащего основное, оно ничем не осложнено (субъект сам выполняет действие). В конструкциях других залогов субъектное значение дополняется определенными семантическими оттенками в зависимости от характера отношений между компонентами в них. В конструкции побудительного залога подлежащее приобретает значение субъекта-каузатора, побуждающего к действию другой субъект. В конструкции совместного залога - в роли субъекта-соучастника действия, инициированного другим субъектом. В конструкции взаимного залога подлежащее - это два взаимодействующих субъекта, выполняющих одно, направленное друг на друга действие.

Именительный падеж

Именительный падеж в калмыцком языке имеет субъектное, определительное и объектное значения.

Имя существительное, субстантивированные имена (прилагательное, числительное) и причастие, личные, предметно-указательные и определительные местоимения в именительном падеже находятся в независимом положении и выступают в функции подлежащего - носителя глагольного действия или состояния, передаваемого сказуемым. Они преимущественно обозначают субъект действия с различными семантическими значениями.

Во всех залоговых конструкциях в предложении, за исключением конструкции страдательного залога, имя существительное в именительном падеже выступает в роли субъекта, значение которого может быть осложнено семантическими значениями залоговых основ глагола, а также и характером синтаксических отношений между компонентами в рамках залоговой конструкции.

В конструкции действительного залога субъектное значение именительного падежа ничем не осложнено, подлежащее-субъект сам совершает действие или находится в определенном состоянии: *Харин тэмэн ботхължь, тэмэнэ ботхън өөмтхэ* (Э.К.) - Верблюдица Хары принесла детеныша, верблюжонок пугливый. *Бэлкүсцө шар буудя байрин ду дуулна* (К.Д.) - Пшеница в пояс человека поет радостную песню. *Намрин цагть тэнгриге күнде харь үүлен бүркнө* (Бал.А.) - В осеннее время тяжелые черные тучи покрывают небо. *Көвүн сурхулин жилин чилгчөр гүүлгэд умшдг болвь* (Э.К.) - Мальчик в конце учебного года стал читать бегло.

Имя может выступать в качестве подлежащего и с лично-притяжательными частицами: -м, -мдън/-мден; -чън/-чен, -гън/-тен; -нь: *Мана энкер нутгъмдън мана кишгэр дүүрен бөөнө* (Л.Ц.) - Наша ласковая Родина полна нашим счастьем. *Күүкнө сэдклинь мэддег өөрхен иньгень - тээгин альвьн салькън* (Б.Б.) - Понимающий душу девушки близкий её друг - шаловливый степной ветерок. Лично-притяжательные частицы употребляются, чтобы особо подчеркнуть принадлежность субъекта какому-нибудь предмету или лицу, выраженному дополнением в форме родительного падежа, в качестве его собственности (*кенө нутгъмдън?* - мана; *кенө иньгень?* - күүкнө).

Грамматическая независимость субъекта в именительном падеже уточняется специальными показателями подлежащего, словами типа *болхла, болжъл, гиже, гидегтен, гисен* (корни которых значат *бол-хъ* - становиться, *ги-хе* - говорить): *Гэр болжъл нэге өрө* (Д.Б.) - Домик-то - всего одна комната. *Уһн көвүн Манжъ болхла - сөн дархънчъ* - А вот старший сын Манджи - хороший кузнец. *Хөн мал гидегтен - эдл-ахудъ ике орута болна* (Х.ү.) - Овцы-то - в хозяйстве доходные животные.

В конструкции побудительного залога подлежащее является субъектом-каузатором, побуждающим к действию другой субъект, выраженный дополнением в формах дательного-местного, винительного и орудного падежей: *Халун цө чамагъ нэвчке сэргэхе, - гиже кэлэд, Цаган аахта цө көвүнде бөрүлве* (М.Н.) - Горячий чай тебя немного взбодрит, - сказав, Цаган подала юноше чашку чая. *Би унтжъ кэвтсен һарад уга туулан кичгиге босхад, хар-һалзън баргар көөлгев* (фольк.) - Я, подняв еще не родившегося уснувшего зайчонка, пустил вдогонку черного с подпалинами волкодава.

В конструкции совместного залога подлежащее является субъектом-соучастником действия, начатого другим субъектом-инициатором, выраженным дополнением в формах дательного-местного, соединительного и совместного падежей: *Ах ду хойър хооръндан нөкед больцна, эндер Доржъ Санждъ мал услъцвъ* (Б.Б.) - Братья помогают друг другу, сегодня Дорджи помог Санджи напоить скот. *Би сурхульчърта хамдан школын наадъндъ орьльцвъв* - Я вместе с учениками участвовал в школьном спектакле.

В конструкции взаимного залога подлежащим является два или несколько субъектов, одновременно выполняющих направленное друг на друга одно и то же действие: *Нөөхел көвүн мус хойър харада кэвтэ эргелдэд, таш баш бөрелдэд, тачъ авад дэгелелдэд одвь* (Х.т.) - Мальчик Няхел и людоед стали кружиться, как ласточки, и, крепко схватив друг друга, сцепились. *Алдър Жанһъртаһан арвьн хойър бийёрен аршан нулимсан асхъл-дад, Бадмин сөөхен йөрөлөн тэвелдже мордульв* (Ж.) - Все двенадцать богатырей вместе с Джангаром, заливаясь целительными слезами, произнося прекрасные благопожелания, отправились в путь.

Объектное значение именительного падежа проявляется только в страдательной залоговой конструкции, в которой подлежащее выступает в роли объекта и подвергается действию субъекта, выраженного дополнением в формах дательного-местного и орудного падежей: *Намрин цагть тэнгер күнде харь үүленде (=үүлөр) бүркегднө* (по Бал.А.) - В осеннее время небо покрывается тяжелыми черными тучами. *Тэг дэлгүдөн көкрөд, нимген торһън ноһаһар (=ноһандъ) хучъгдад, күүнө нүде байсана* (Бал.А.) - Степь, сплошь позеленев, покрылась нежной шелковистой травой и радует глаз.

В двухчленных конструкциях страдательного залога, образованных от переходных глаголов, когда сохраняется только отношение "действие-объект", а субъект полностью отсутствует, преобладает значение состояния, в котором находится объект: *Хуучън шавънь шинэсе сэкегдэд...* - Вновь открылась старая рана... *Һазъртъ чиг бөрегдечкве* - На земле

задержана влага. *Холась гэрмүд үзэгднө* - издали виднеются дома. *Дэгтерчен барльгджь бөөнө* - твоя книга печатается.

Определительное значение именительного падежа проявляется в синтаксически зависимом положении:

а) в функции определения, когда имя в именительном падеже определяет другое имя по какому-либо свойству или признаку: *Алтгн дэлкэ харссгн Эрәсә болжъ үзэгднө* (К.Д.) - Смотрится как Россия, защитившая золотой мир. *Бахчисарайдь хаана хуучгн модгн бөөшгн бөөнө* - В Бахчисарае есть старинный деревянный ханский дворец. В словосочетаниях *алтгн дэлкэ* - золотой мир (= золото + мир), *модгн бөөшгн* - деревянный дворец (= дерево + дворец) имена существительные в функции определения стоят в своей исходной форме перед определяемым словом.

б) в именном сказуемом: *Зэле - саалин тэмдег* (Пог.) - Привязь для телят - признак наличия дойной коровы. *Хөөче күн дуучь* (Пог.) - Чабан, по обыкновению, песенник. *Зунь цаг - сааль, үвел цаг - кээле* (Пог.) - Лето - удои, зима - беременность (у животных). *Эмәл - мөрнө кээрүл* (Пог.) - Седло - украшение лошади. *Цаган - ике гэрин бичкен эзен* (М.Н.) - Цаган - маленькая хозяйка большого дома. *Арслгн - Жамбин Доржин ууһгн көвүн* (Бал.А.) - Арслан - старший сын Дорджи Джамбинова. *Нохата гэр - түкрөче, хөөтө гэр - ишкрөче* (Посл.) - Хозяин с собакой - подстрекатель, хозяин с овцами - свистун (гэр = дом).

Именные сказуемые могут сопровождаться лично-предикативными частицами: -в (< би), -вдгн/-вден (< биден), -ч (< чи), -т (< Та, тадгн): *Махлаһан авхгн* - манжгв, *маляһан авхгн* - залув (Посл.) - Когда снимаю шапку, то я послушник, когда беру плетку, то я - мужчина. *Баатр Хар Жилһен хаани тэмөчевден* (Ж.) - Мы - пастухи верблюдов богатыря-хана Хар Джилгена. *Чи мэрген хаһачгч* - Ты - меткий стрелок. *Та ике күчтө күнт, - гиже дунь кэлве* - Вы очень сильный человек, сказал младший брат. Именное сказуемое вместе со вспомогательными глаголами составляет составное именное сказуемое: *Не, Бата, чи эндрәсә авгн Ноонин хөөче болжанач* (Э.К.) - Ну, Бата, с сегодняшнего дня ты становишься чабаном у Ноони. *Үгдгн күрсен залу үүртгн иниг болдг* (Посл.) - Мужчина, сдержавший свое слово, становится верным другом.

в) в приложении: *Һалун шовун донһгдна, һазр-усгн санггдна* (Дун) - Гуси (букв. гусь-птица) гогочут, родные места вспоминаются. *Нимгер - болһамжта көвүн, үүрмүдгн энуге таасна* (Н.М.) - Нимгир - скромный юноша, он нравится друзьям. *Элсте балһсгн өндертгн, өргендгн өсөд, ике холась мандьлна* (Х.ү.) - Город Элиста вырос в высоту и в ширину и сияет издалека. *Цаган күүкен делегаткь болтха, - гиже күүкед, бэрәд кэлцхөве* (М.Н.) - Пусть девушка Цаган будет делегаткой, - сказали девушки и молодые женщины. *Ижел һолгн көвөде ирже бууһад, әмтен әкләд гэрмүд бәрцхөве* (Бал.А.) - Прибыв на берег реки Волги, люди начали строить дома.

г) в сравнении, значение которого передается послелогоми *мәте, кэвтө* - подобно и словами *йосгн* - подлинный, настоящий; *болжъ* - стать как: *Киштгн нигте харь үсен, ода цасгн мәте цаһан, урдгн торһгн мәте жөөлен билә, ода килһсен мәте шүрүн* (Бал.А.) - Густые чёрные волосы Кишты сейчас, как снег белые, прежде были мягкими, как шелк, теперь грубые, как конский волос. *Боврэгчгн йосгн арать күн, кәниге больвчгн мәкелже чадхмгн* (Д.Б.) - Боврыг настоящая лиса, кого угодно обмануть может. *Тимофейин байрин инәден хаврин бамбь цэцэг мәте мандьльв* (О.У.) - Радостная улыбка, подобно весеннему тюльпану, озарила лицо Тимофея. *Зэрлег һаһас ода зәткерлә бась харһвь. Хөтә өгдгн һазргн хадь болжъ көрве* (К.Д.) - Дикие кабаны сейчас тоже попали в беду. Земля, которая кормит их, замерзла, стала как скала.

д) именительному падежу калмыцкого языка свойственно обстоятельственно-определяющее значение по отнесенности к количеству: *Эшгн нэгхен тэмән, һанцгн ишкә гэр, хойр ач, цән хән - цуг аавин зөөсен зөөре* (Н.М.) - Один тощий верблюд, единственная кибитка, двое внуков, несколько овец - вот все, что нажито дедом. *Йовж йовтль һурви ноха нәге аратыг көөлдже йовдг болна* (Х.т.) - В пути, пока шёл, он увидел, как три собаки гнались за одной лисой.

е) особняком стоит функция информативно-восполняющей формы именительного

падежа (*хасг дэвел* - казахская шуба, *хальмьг бишмуд* - калмыцкое платье, *Ижел хол* - река Волга): *Ачта хөөчин нэрень - Бэмбэ* - Именитого чабана зовут Бембя. *Нальхын Цаган ээжень көвүндөн Нөөхел гидег нэре өгче* (Х.т.) - Мать его Нальхын Цаган назвала своего сына Няяхел. *Эне өдрөсө авьн мини күүкнэ нэрень - Боова болтха* (Н.М.) - С этого дня пусть мою дочь называют Бова.

Именительный падеж, как называющая форма, выступает в обращениях, спецификой которых является отсутствие грамматической связи с другими словами, и она не выражает синтаксических отношений: *Унтъ, бичкем, унтъ, икэр чидел хура, өсэд боссън цагтан эврэ эцкэн дура* (Дун) - Спи, мой малыш, спи, когда вырастешь, стань похожим на своего отца. *Тэг мини, тагчгарьн ухахим авьллач, захъ уга ууһарьн зуркнөнем чивһсе көндөлөч* (К.Д.) - Степь моя, своей тишиной ты пленила мои мысли, своим безбрежным простором задела струны моей души.

Таким образом, основное значение именительного падежа - субъектное, а определительное и объектное значения являются второстепенными.

Родительный падеж

Спецификой родительного падежа в калмыцком языке, как и в других монгольских языках, является то, что он в преобладающем большинстве является приимённым и зависимым от имён и послелогов. Родительный падеж выражает различные синтаксические отношения между именами, поскольку возможность других падежей в образовании именных словосочетаний характеризуется известной ограниченностью.

Для родительного падежа основным является определительное значение, которое по отнесенности к чему-нибудь конкретизируется в разнообразных частных значениях:

1. Значение принадлежности является основной функцией родительного падежа, форма которого употребляется для обозначения лица, которому принадлежит что-либо (*ахин дэгтер* - книга брата, *экин дэвел* - шуба матери, *Доржин Басънгин үүдөвермуд* - произведения Басанга Дорджиева, *эцкин махла* - шапка отца): *Аавинен лувцась хуважъ лувцлад, ардыг Көке Һалзын дээрэн һәрәдже мордвь* (Ж.) - Надев часть доспехов своего отца, вскочил на своего необъезженного Серко. *Ээжин энкер зүркен оньдинде килемжөр дүүрнө* (К.С.) - Нежное сердце матери всегда наполнено заботой. *Арслънгин баатър аратдъ кэрег уга, аратын альвьнь арслъндъ кэрег уга* (Посл.) - Мужество льва не нужно лисе, а изворотливость лисы не нужна льву. *Һарад уга бөөже эчкинен аду хөрүлже* (Х.т.) - Ещё не родившись, пас отцовский (своего отца) табун.

2. Значение отношения, когда словосочетание в целом называет лицо, имеющее отношение к какому-либо коллективу (*колхозин ахлачъ* - председатель колхоза, *фермин залачъ* - управляющий фермой, *совхозин көделмешчнер* - рабочие совхоза, *школын сурһульчнър* - учащиеся школы и т.д.) или другому лицу (*Бадмин зэ* - племянник Баты, *ахлачин гэрген* - супруга начальника, *бэрин төрел* - родственники снохи, *ахлачин заквьр* - приказ начальника и т.д.): *Зүүден болсън богдъ Жаңһрин зэрегде төвен хойър дунһра болад таварьн суудыг гинэ* (Ж.) - Сподвижники Джангара сидят свободно, образовав пятьдесят два круга вместе со своим богдо.

3. Значение отношения целого к части, когда родительным падежом обозначается целый предмет, а другой предмет (или признак) по отношению к нему является его частью (*үкрин өвер* - рога коровы, *ангин арсън* - шкура зверя, *гэрин дээвер* - крыша дома, *модна дурсън* - кора дерева, *суулһин чикен* - ушко ведра, *жидин үзүр* - наконечник копья, *мөрнө зи* - упряжь лошади, *бууһин хундыг* - приклад ружья, *күүкнэ насън* - возраст девушки и т.д.): *Барун һаринень баһльнгасъ авад, шарһин сээр дээрэ һарһвь* (Ж.) - Схватив за запястье руки, посадил на круп солового коня. *Нохан амьндъ орсън шаһа бүтен һардмън бише* (Пог.) - Кость, попавшая в пасть собаки, не остается целой. *Гээдерсен утхин ише алтън болдыг* (Пог.) - Ручка пропавшего ножа кажется золотой. *Мөнген Цаган уулын ора таль һарад зульв* (Ж.) - Умчался, спасаясь бегством, к вершине горы Менген Цаган.

4. Иной характер отношения целого и части обнаруживается в количественно-выделительном значении, когда родительный падеж обозначает общее количество однородных предметов, из которых выделяется какая-то определенная часть, выраженная раз-

личными определяемыми именами: определенно-количественными числительными (*көвүдин хойрһнь* - двое из юношей, *олна нэгень* - один из многих), неопределенно-количественными числительными (*оютһрин кэсгень* - многие из студентов, *көделмешченрин ике зунь* - большинство из рабочих и т.д.), неопределенным местоимением *зәрмень* - некоторые (*сурһульчһрин зәрмень* - некоторые из учащихся, *үкөрмүдин зәрмень* - некоторые из коров, *гэрмүдин зәрмень* - некоторые из домов и т.д.) и субстантивированными прилагательными (*хотын сөөһинь* - лучшую из пищи, *хувцна мууһинь* - худшую из одежды и т.д.): *Тэре цусар туурсьн баатһр Жанһрин арвьн хойһр бодьнгин нэгень болжь саньгдна* (С.-Б.Х.) - Проливший кровь свою тот богатырь напоминает собой одного из двенадцати богатырей Джангара. *Насьнь күцлөд уга, арвь һарсьн наста көвүдин зәрмень тэре хойриге дахьлдна* (И.Л.) - Некоторые из несовершеннелетних мальчиков, которым едва минуло десять, следуют за теми двоими. *Адрьгин өвснө сөөндень адун малһнь бөөрелнө* (Х.т.) - На лучшем травостое на склонах сопок пасется табун.

Лично-притяжательная частица *-нь* третьего лица, присоединяемая к этим различным определяемым именам, усиливает их выделительное значение "часть из них", т.е. из общего количества однородных предметов в родительном падеже. Все перечисленные выше значения отношения контаминируются с основным значением родительного определительного - значением принадлежности и выступают как его различные оттенки по отнесенности к чему-либо: к какому-либо коллективу или лицу, как неотъемлемая часть целого предмета, либо как выделительная часть однородных предметов.

Для родительного падежа характерно и качественно-выделительное значение, которое показывает большую степень качества в определяемом предмете, который может и отсутствовать: *мууһин му* - худший из худших, *сөөнө сән* - лучший из лучших, *хамгин өндер* - самый высокий и т.д. Подобные сочетания являются одним из средств образования усиленной степени качества в разряде качественных прилагательных.

Определительное значение родительного падежа по признаку принадлежности и его различных оттенков дополняется и обстоятельственно-определительными семантическими значениями по разным обстоятельствам:

1. Родительный места указывает на местонахождение предмета и в преобладающем большинстве употребляется с послелогом *на* - на этой стороне, *ца* - на той стороне, *за*; *өмне* - впереди, *ардь* - сзади, *өөре* - около, *хажудь* - рядом и др. (*гэрин өөре* - около дома, *хотна ца* - за хотоном, *школын ардь* - за школой, позади школы; *тээрмин өмне* - впереди мельницы, *хашан хажудь* - около двора): *Тавьн уулын бэлде товин сумьн асхьрна* (Дун) - У подножья Пятигорья рассыпаются пушечные снаряды. - *Тиигэд Бөкуне кэлөн алджь оркад, гиинен дүннөд, экинен хажудь күрче ирнө* (Х.т.) - Итак Комар, потеряв свой язык, попискивая, наугад оказался около своей матери. *Тэнгрин тульг болад, һазрин һасьн болад* (Посл.) - Вести себя как опора для неба, как ось для земли (= считать себя пупом Земли).

2. Родительный времени обозначает отнесенность действия ко времени и образуется от имён с временным значением (*сөөни өрөлө* - половина ночи, *нэге часин көделмеш* - работа на один час, *дөөнө цаг* - время войны, *сурһалин жилмүд* - годы учебы и т.д.): *Жилин арвьн хойһр сардан гүүлгөд, нэге уулын ора дээрө һарад ирвел* (Ж.) - Двенадцать месяцев года проскакав, поднялся на вершину какой-то горы. *Барун бийень ахьлжь судгьнь иргче йирен йисен жилө юмие таажь мэддег Күнкөн Алтһн Чээже* (Ж.) - Во главе справа сидящий - события предстоящих девяти лет предсказывающий ясновидец Алтан Чееджи. *Зовльн уга өсердег тэмөлжерһен зунын дуусьн нөөрелнө* (И.К-рылов) - Попрыгунья стрекоза лето красное (букв. в течение всего лета) пропела. *Йисен сара һазриге йисе хонад күрче, нутьгтан зэнге күргтен* (Ж.) - Расстояние в девять месяцев езды преодолите за девять дней и доставьте известие на свою родину.

Частные оттенки обстоятельственно-определительного значения родительного падежа характеризуются и по сопровождающему или предопределяющему обстоятельству:

3. Родительный цели обозначает предмет, предназначенный для другого предмета (*ацана машин* - машина для груза, *утхин гэр* - футляр для ножа, *тәмкин түңгерцег* - кiset для табака и т.д.), лица (*чини төлө* - ради тебя, *экин төлө ирлөв* - прибыл ради матери и т.д.)

или для действия (*умшълһна дэгтер* - книга для чтения, *дамшълһна хуранду* - сборник упражнений, *кирһелһнэ хөөче* - ножницы для стрижки волос).

4. По количественному признаку или по мере родительный определительный обозначает:

а) целую часть дробного числа (*арвна долан* - семь десятых, *йиснэ һурвһн* - три девятых, *һурвна хойър* - две трети и т.д. (= из десяти семь, из девяти три, из трех две) и соотносится со значением отношения целого и части в родительном выделительном: *Нурһарһн болъвчһн нанась маштъг, болвь тэрүнэ мэдерлин зууна нэге хувинь би мэдхшев* (Э.К.) - Он и ростом пониже меня, однако я не знаю и сотой части того, что знает он.

б) размер одного предмета: *нөөмнэ цө* - восьмая часть кирпичного чая, *дөрвнэ тарвьс* - четверть арбуза и т.д.;

в) стоимость предмета (*тавьн арслынгин товчъ* - пуговица стоимостью пять рублей, *даһн арслынга дэгтер* - книга в семьдесят рублей):

Танась мини сургчъм - нэге цөөкен мөнгнэ көлсен (О.У.) - Моя просьба к вам - работа за небольшую оплату. *Мини көлсенде чини өгдгень нэгхен үкрин үсен бишев* (М.Н.) - Твоя плата за мой труд - это ведь молоко лишь одной коровы.

г) сравнение размера двух предметов: размер какого-либо предмета (имя в именительном падеже) сравнивается с размером другого предмета (имя в родительном падеже с послелогоми *дүнгө, чингө* - подобно, одинаково): *бүрүһин дүнгө ноха* - собака с тёлочку, *чимкин чингө ухата* - ум с щепоточку, *аюн чингө чиделтэ* - с силой, равной силе медведя; *дөрвнэ дүнгө тасърха* - обрубок с четверть.

Субъектное значение родительного падежа присутствует в причастном обороте и изредка в конструкции совместного залога. Родительный субъекта может быть только одушевлённым: *Шууган ике болад, Долана кэлснөсө эмтен сөөнөр юмь сонсжъ бөөхе юмһн уга* (Б.Б.) - Так как шума было много, люди не могли хорошо слышать то, о чем говорил Долан. *Цаһан амнаһн нутыг гэйүрин өдриге учъртъ авад, оһн өмтнэ зовлынгинь хувалцад, хальмыг улсин Цаһан сарин байран дарукъ долан хонгин бэмбө өдер кэве* (Х.у.) - Так как калмыцкий национальный праздник "Цаган сар" совпал с Днем скорби в стране, цаганаманцы, разделяя всенародное горе, отметили свой праздник в следующую субботу.

Объектное значение родительного падежа выражается в функции косвенного дополнения с послелогом *тускъ* - о (*экин тускъ частър* - песнь о матери, *космосин тускъ илдкел* - доклад о космосе, *көвүнэ тускъ күүндвер* - разговор о сыне, *аратын мэкин тускар* - о хитрости лисы и т.д.): *Экинен тускар буулимжин үгмүд сонсхларһн, би оньдиндөн байрълдъв* (Х.ү.) - Слыша похвальные слова о своей матери, я всегда радуюсь. *Олна хуръг чилснэ хөөне, колхозникүд һурвад-дөрвөдәр цугльрад, шине шийдврин тускар күүндцхэве* (Н.М.) - После окончания общего собрания колхозники собрались в группы по три-четыре человека и стали говорить о новом постановлении.

Дательно-местный падеж

В формах дательно-местного падежа преобладает обстоятельственно-определятельное значение, выраженное в функции определения действия по отнесенности к разным обстоятельствам.

1. Дательно-местный падеж указывает на место совершения действия и отвечает на вопросы обстоятельства места *хама?*, *альд?* - где?: *Тэнгерте нарһн, тээгте салькһн - тэден цуһар нөкцелве* (К. С.) - Солнце в небе, ветер в степи - все это помогло. *Һазъртъ кииссен һазър түшже босдыг* (Посл.) - Упавший на землю встает, опираясь на нее. *Амьндан тэмө зуужъ, өвөртән мөре өврелже, ардан яма дахулжъ* (Заг.) - Во рту прикусил верблюда, за пазухой положил коня, сзади ведет козу (Заяц). *Мөрнө сөөге хаалһдан мэддег, гэргнө сөөге гэртень олад мэддег* (Посл.) - Достоинство лошади познают на своем пути, достоинство женщины узнают, посетив ее дом. *Кэрэ мана һазъртъ бөөдег шовудын нэгень* - Ворона является одной из птиц нашей местности. *Ховдъ үнен уга, худьлдъ сән уга* (Посл.) - В клевете нет правды, во лжи нет добра.

2. Значение местонахождения предмета обнаруживается в функции именного со-

ставного сказуемого, которое в синтаксически зависимом положении характеризует и постоянный качественный признак предмета со значением пребывать, находиться в каком-либо месте. При именном составном сказуемом глагольные связи *бөөнэ*, *бөөсен* - пребывать, находиться опускаются: *Көлень - шорадь, санань - ширэде* (Посл.) - Ноги - в грязи, а помыслы - на престоле. *Мал-аһурсын - хашадан, мадын - дулан хорадан* (Б.Сер.) - Скотина - во дворе, мы же - в теплой комнате. *Угатын - сэдкелдень, байна - хавтхднь* (Посл.) - У бедняка - в душе, у богача - в кармане. *Төкше уга оңицэ тэнгсин йоралдь* (Пог.) - Лодка без черпака (большого ковша) - на дне моря. *Өдерте бичкдем - куукдин ясьльдь, икчүдем - школдан, бийем - көделмеште* - Днем младший - в детских яслях, старшие в школе, сама я - на работе.

Локализация предмета в определённом месте конкретизируется путём прибавления к словоформе со значением местонахождения в дательном-местном падеже суффикса -к (*тэнгерте* - в небе, *тэнгертке* - находящийся в небе; *хашадь* - во дворе, *хашадкь* - находящийся во дворе): *Хо-Өрлег төөше шора лу жилде (1628 ж.) эврэнен альвьтэ торхуд, хошуд болын дөрвүд тавын түмен өрке улсан авад, зурхан көвүһөн дахулад, Зүнһарткь нутган оркад, нарын шингхе үзегте мордвь* (Б.Ан.) - В 1628 году Хо-Урлик тайша, взяв пятьдесят тысяч семей своих подданных торгутов, хошудов и дербетов, с шестью сыновьями, оставив свою родину Джунгарию, устремился на запад.

3. Дательном-местном падеже также способен указывать на направленность действия к пункту, предмету или лицу, при этом его обстоятельственно-определяющее значение контаминируется с такими оттенками объектного значения, как объект достижения или удаления: *Буулигсын ингиге ботхднь кургже ханһаһит, бульгльсын зүркиге инигден кургже төвкнүлит* (Дун) - Ревущую верблюдицу успокойте, проводив к её верблюжонку, волнующееся сердце успокойте, проводив (человека) к его другу. *Көвүн, өмтө юмын болхын, эне усиге ууһич, эмгендөн чамагы ачад кургже өгсүв* (Ж.) - Юноша, если ты жив, выпей-ка эту воду, я тебя взвалю и доставлю к своей старухе. *Өвген хуухта даһинь нуурта көвөде көглөд, ноһандь төвбе* (Ж.) - Старик привел захудалого лончака к берегу озера и пустил пастись в травостое. *Хонһрмдын холь һазьртэ оджана, - гиве* - Наш Хонгор отправляется в далекие земли, - сказали.

Следует отличать дательном-местном падеже от направительного падежа. Вопросы дательном-местного падежа *хама?*, *альд?* - где? и *кенд?* - у кого?, *юнд?* - в чем? указывают на местонахождение предмета и действия, а вопросы направительного падежа *хамаран?*, *альдаран?* - куда? и *кенүр?* - к кому?, *юнур?* - к чему? - на направленность действия к предмету: пункту или лицу.

4. Другим обстоятельственным значением дательном-местного падежа является определение действия по времени его совершения с детализацией на временные оттенки значения:

а) длительность действия: *Атын тэмэнэ ишкелдүр арвын жилде эсе билерже* (Заг.) - След холощенного верблюда не стёрся в течение десяти лет (След юрты). *Элвэг долан долан дөчен йисен хонгытэ гүүлгэд орквь* (Ж.) - Мчался полных семью семь сорок девять дней.

б) отрезок времени, выраженный в именах с временным значением (*өдер* - день, *сарь* - месяц, *уйе* - период, *агчым* - миг и т.д.): *Өдерте, сөөде унтъл уга зоввь* - Ни днем, ни ночью не смыкал глаз от страданий. *Мал намьртэ тарһьльдьг, хавьртэ төлөн өгдөг* (Посл.) - Скот осенью поправляется, весной дает приплод. *Намьртын ичөндөн орна, нарта хавьртэ тарһьлна* (Б.Ал.) - Осенью прячется в норке, а солнечной весной поправляется.

в) конкретное время: *Хон сарин йисенде - Диилврин Өдерте парад болвь* - Девятого мая в День Победы состоялся парад. *Туула сарин һурвьндь ирхе* - Прибудет третьего января.

г) сопутствующее время, на фоне которого совершается действие, выражено именами существительными со значением состояния: *Сарин гэрелде тэдниге танвьвь* - При свете луны я их узнал. *Харынһудь йовхь* - Идти в темноте. *Халун нарынды хатхь* - Закалиться под палящим солнцем. *Сэрүнде эне кэргиге күцөхе* - Пока прохладно надо это дело выполнить. *Дон уга бөөделде дэлкө бүкелдөн ханна* (Пог.) - Отсутствию войны раду-

ется вся вселенная. *Агтын тарһындъ һазър тани, эцкин әмдде кү тани* (Посл.) - Пока крепок конь, узнавай земли, пока жив отец, знакомься с людьми. *Һунъ орхъ насъндан арънзъл зээрден үрә цагть көле оржъ мордсън* (Ж.) - Когда ему пошел третий год, он сел на своего трехлетнего Рыжко.

Значениями сопровождающих действие обстоятельств дательного-местного падежа являются:

5. Дательного-местный падеж обстоятельства цели действия: *Умшгъдъ дэгтэр сән, күүндехде иниг сән* (Посл.) - Для чтения книга хороша, для общения друг хорош. *Итклиге олхдъ үнен кәрегтә, эндуге чикелхде шудърһъ кәрегтә* (Посл.) - Чтобы обрести веру, нужна правда, чтобы исправить ошибку, нужно старание. *Гүүхде гүн хурдън, гүвдехде ажърһъ хурдън* (Посл.) - Для бега хороша кобылица, для работы - жеребец. *Күүкед хурьгть орльцхар ирлә* - Девушки прибыли, чтобы присутствовать на собрании.

6. Дательного-местный причины указывает на причинную обусловленность действия (отчего, из-за чего, по какой причине совершается действие): *Күн болжъ төрсендән бахтжъ байрълнав* (К.Д.) - Я радуюсь тому, что родился человеком. *Дордъ бийәсе көделсен шүрүн салькындъ шора шуурһын босвъ* (Бал.А.) - Из-за сильного ветра, дувшего с востока, поднялась песчаная буря. *Күүнә кәленде куде чолун хамхърдыг* (Пог.) - От человеческого языка разбивается и каменная глыба. *Ханад хәәкерсен дуундъ шиле һәрде бәәшен дәәвләд одвъ* (Ж.) - От его возбужденного голоса задрожал дворец из стекла и золота. *Мөрән дәгед хурдъндъ эмәлин хәәте бийденъ сун, алтын жоладъ әрә күрче йовна* (Ж.) - Из-за того, что лошадь оказалась резвой, он вскочил позади седла и едва достает золотую уздечку. *Күн өнчендән үкдего, ноха һуридан үкдего* (Посл.) - Человек не умирает, если он сирота, собака не умирает, если она тощая.

Обстоятельственно-определяющие (по причине и по цели) отношения иногда выступают в значении условия действия: *Дәлкәде һурвън юмън хурдън: санхдъ санан хурдън, харвъхдъ сумън хурдън, хархдъ нүден хурдън* (Фольк.) - Во вселенной три вещи обладают быстротой: если думать, то мысль быстра; если обозревать, то пуля быстра; если смотреть, то взгляд быстр (= глаза быстры).

7. Дательного-местный падеж меры, когда указывается во что оценен предмет, является одним из значений сопровождающего или предопределяющего действие обстоятельства: *Әне гәриге дала мөңгенде үнлсве* - Это дом дорого оценили. *Әне машиге би тәвен арслындъ нәәмәдлевев* - Эту машину я взял напрокат за пятьдесят рублей. *Манжъ үкрән минһен арслындъ өгве* (И.Л.) - Манджи продал корову за тысячу рублей. *Тавън арслындъ хулдънч, аль арвън арслындъ өгенч - чини дурън* (Н.М.) - Продашь за пять рублей или за десять отдашь - воля твоя. Наряду с дательного-местным цены в этом же значении употребляются словоформы родительного, орудного и исходного падежей.

Объектное значение дательного-местного падежа конкретизируется предназначенностью действия в пользу или в ущерб какому-либо лицу или предмету и обозначает косвенный объект, на который направлено действие: *Әзен нойън Жанһьртан эне нарън доръ уга бәәшен бәрулий!* (Ж.) - Для своего властителя Джангара воздвигнем дворец, которому нет равного под солнцем! *Усьндъ унсън күүнде шарължна бийень дән болдмън* (Посл.) - Утопающему и соломинка помогает. *Ирсен гиичнерте цә чанъ гиһәд кәлхләм, тагчъг, әсе сонссън болад суу* (Х.т.) - Когда я скажу, чтобы ты сварила чай для гостей, ты молчи и сиди, как будто не слышишь. *Нәге өдер эмген өвген хойър көвүдтән хадмуд хәәһәд, һарад йовад одна* (Х.т.) - Однажды старик со старухой отправились сватать сыновьям невест. *Күүнде нүке бичә малтъ, эврән унхъч* (Посл.) - Не копай яму другим, сам попадешь. *Дала усьндъ хандго, мәрген әрдемде хандго* (Посл.) - Океан не удовлетворяется своей водой, мудрец не бывает доволен своими знаниями.

В словосочетании с глаголами давания, получения, а также с модальным словом *кәрегтә* - должно объектное значение уточняется: *Өрүн әрте босад, хөөчнерте хотынъ кәже өгәд, үкермүдән сааһад, туһълмудан идегте һарһна* (К.А.) - Встав рано утром, сварив еду чабанам, подоив корову, телят выгоняет на пастбище. *Хонһьр нойъндъ адһьн-шидген идәнә дәәже гиже, һурвън шаазһъ арзъ кәһәд өгвел* (Ж.) - Властителю Хонгору спешно подали почетное кушанье и подали три чаши арзы. *Бәрнәв гисән нандъ бәрже авчъ*

ире, гиже *Жанһър зэрлег болвь* (Ж.) - Джангар сказал (Хонгору): "(Хана), которого обещал пленить, захвати и привези ко мне". *Адучдь адун кэрегтә, күүнде үр кэрегтә* (Посл.) - Табуну нужен табунщик, человеку нужен друг. *Нохадь төмер кэрег уга* (Пог.) - Собаке не нужно железо.

Косвенный объект действия в дательном-местном падеже при глаголах чувства *ханхь* - благодарить, *эркелхе* - ласкаться, *ицхе* - надеяться, *өөлхе* - обижаться, *уйьрхь* - грустить и т.д., а также и при словах *олзта, туста* - полезно чаще всего употребляется в безличнопредикативном склонении (словоформа дат.-мест. п. принимает частицу *-ан/-ән*): *Эргү күн сурһьндан дурта, ухата күн сурхдан дурта* (Посл.) - Глупый человек склонен к поучению, умный человек склонен к учению. *Шинкән номан төгсәһәд, аавин үлмәһәсе шине һарад, орьн-нутыгтан олзта күн болхар сәдже йовнав* (Б.Ал.) - Только что окончив учебный год выйдя из-под опеки деда, хочу стать человеком, полезным своей стране.

К одному из оттенков объектного значения дательного-местного падежа относится обозначение объекта созидания или превращения (*машиндъ барльхь* - печатать на машинке, *сурһульдъ ирхе* - приехать на учебу): *Ирегчиге өдгәлә ниилүлже, ишлиге иткелде хуврулнә* (К.Д.) - Соединяя будущее с настоящим, надежду превращает в уверенность. *Харьльсьн шуурһьндъ өдер/Харьһнуржъ, сөөде хуверве* (К.Д.) - Из-за чёрной бури день превратился в тёмную ночь. *Авьн авьн сэгсрелдже йовад, ачън ачън цокьлдъ йовад, Тэнгрин Тала бүсиге хадь чолундъ кэве ортльнь цоквь* (Ж.) - Встряхивая друг друга, перебрасывая через себя друг друга, бились до тех пор, пока не образовалась в скале вмятина.

Объект созидания выражается названиями средств передвижения или орудий производства: *Асмьн кээртень алсь хайжъ һанзъһлад, алдъ тавлад гүүлгәд һарвь* (Ж.) - К торокам гнедого мерина привязав (вражеского богатыря), поскакал галопом. *Ахънь - колхозин моторист, Улан Цэрегте мордла. Дунь тракторть көделнә, дэлже һазьр хаһьлна* (Л.Ц.) - Старший брат - колхозный моторист, служит в Красной Армии. Младший брат его работает на тракторе, распахивает землю. *Шине тосхсьн заводть ирсен күүкед станокдъ көдлөд, цөөкен сарин эргиде дамшълтъ авъчквь* (Э.К.) - Девушки, приехавшие на вновь построенный завод, работая на станках, в течение нескольких месяцев набрались опыта.

Субъектное значение дательного-местного падежа имеет место в страдательной, побудительной и совместной залоговых конструкциях. В конструкции страдательного залога, находящейся в противопоставлении актив-пассив с конструкцией действительного залога, субъектное значение дательного-местного падежа (одушевлённого и неодушевлённого) не осложнено никакими дополнительными семантическими оттенками, т.е. субъект сам выполняет действие, направленное на объект-подлежащее: *Шине ирсен директор Адучдь түрүн өдрәсен авьн таасьгдвь* (Б.Ал.) - Новый директор понравился Адучи с первого дня. *Кунде буртә шарь буудя шүрүн салькьндъ диилегдәд, хөверһшән кэвтве* (Н.М.) - Пшеница с тяжелыми колосьями полегла, повергнутая сильным ветром. *Алтън шорадь дарьгдъдго, алдър күменде дарьгдъдго* (Посл.) - Золото не скроется в пыли, великий не скроется в народе (букв. в толпе). *Урһсьн нарна гэрелде / Уһагдсьн орчльн үзнәв* (К.Д.) - Я вижу мир, умытый / Светом восходящего солнца.

В конструкции побудительного залога субъектное значение дательного-местного падежа осложнено самим значением глагольной основы, а также характером отношений в самой конструкции - это каузируемый (побуждаемый) субъект, действие которого направлено на объект в форме винительного падежа, если основа побудительного залога образована от переходного глагола: *Моһадъ (бийән) зуулһсьн күн шидмнәсе әәдег* (Пог.) - Человек, укушенный змеей, боится верёвки. *Жанһър эркен хөмөстәдән догшън маңһьсть нутган дөөлүлже, өнчен бийәр үлдегсен* (Ж.) - Джангар в свои два года остался сиротой, допустив свирепого мангаса завоевать свою родину.

В конструкции совместного залога субъект в дательном-местном падеже выступает в роли инициатора совместного действия: *Көвүн эцкдән мал худгур туулцвь* - Мальчик помог отцу гнать скот к колодцу.

Винительный падеж

Для винительного падежа основным является объектное значение, выраженное пря-

мым дополнением. Он обозначает предмет (объект), на который непосредственно направлено действие глагола, и выступает синтаксическим средством выражения переходности глагола. В зависимости от характера действия переходного глагола, направленного на него, прямой объект бывает двух видов: внешний и внутренний.

Внешний объект остаётся неизменным: *Төрөн шимөн һазрась авна* - Растения берут соки свои из земли. *Көвүн хөд хөрүлнө* - Мальчик пасет овец. *Алтыгь һазрась авдъг, мэдэрлиге дэгтрөсе авдъг* (Посл.) - Золото добывают из земли, знания получают из книг.

Внутренний объект является результативным: *Цасън һазриге дэлгүдень бүркве* (Д.Б.) - Снег покрыл землю сплошь. *Дөөсөн дарсън нутыгтын дарунь өсче өргжетхэле* (Д.Б.) - Ваша страна, победившая своих врагов, пусть скорее восстанавливается. *Сарвълзыгчь дөрвен мөчинь сөөре дээрень тээгелже* (Ж.) - Стянул барахтающиеся его четыре конечности и крепко связал на крупе (коня). *Элстө хагсу көдөге энгдөн усар дүүргөд...* (К.Д.) - Песчаную засушливую пустыню напоив водой...

К разновидности внутреннего объекта относится объект содержания, как бы извлекаемый из самого действия, названного переходным глаголом, т.е. объект и глагол являются однокренными: *төрө төрхе* - производить посев, *наадъ наадхь* - играть в игру, *уха ухалхь* - думать думу, *зурьг зурхь* - рисовать картину, *ду дуулхь* - петь песню, *зүүде зүүделхе* - видеть сон.

Действие переходного глагола направлено и на так называемый делиберативный объект, обозначающий предметы, к которым обращены отношение, восприятие, речь, мысль субъекта: *Зөөгин зуулһь эсе мэдсен күн балын амть мэддего* (Посл.) - Человек, не знающий укуса пчел, не разбирает вкус меда. *Аавь йөрэл төвве* - Дед произнес благопожелание. *Чикөр соңссиге нүден үздег* (Пог.) - Что ухо верно услышит, то глаз увидит.

Причастный субстантив в винительном падеже с притяжательными частицами или без них обозначает не действия, а их исполнителей и, как имя существительное, способно выступать в роли прямого объекта: *Ирсинь күчтөһөр тоола* - Прибывших хорошо угощали. *Сурһулян төгсөсиге байъртаһар тосчъ авла* - Окончившего учебу радостно встретили. *Сөөнөр көделдиге биден дураһад, тэрүнөсе дамшылтъ аввьдън* (Э.К.) - Мы, подражая хорошо работающему, переняли его опыт. *Инөсиге сурь, уульсиге сурһь* (Пог.) - У смеющегося спроси, а плачущего успокой.

Винительный падеж имеет субъектное значение, которое обнаруживается в причастных и деепричастных оборотах: *Чамагъ сурһульд йовхдъ, би гэртэн билөв* - Когда ты пребывал на учёбе, я находился дома. *Гэриге кэвсөр кээрүлөд, маниге ирхиге күлөжөже* (Л.Ц.) - Ожидали нас, украсив дом коврами. *Төрхөрө муугъ сурһжъ болдго* (Посл.) - Глупого от рождения невозможно обучить. *Тархагъ орад ирхлө, күүкен босчъ ирөд, дэринен өмне авчъ ирже суулһвь* (Ж.) - Когда вошел Тарха, девушка поднялась ему навстречу и посадила его у изголовья. Наряду с винительным субъекта в причастном и деепричастном оборотах может употребляться и именительный падеж: *Биден йовхдъ, хурь эклже орвь* - Когда мы выехали, пошел дождь. Такая конструкция - явление современное, появляющееся под влиянием русского языка.

В конструкции побудительного залога, образованного от переходных основ действительного залога, винительный падеж в субъектном значении употребляется ограниченно, так как действие данного побуждаемого субъекта в обязательном порядке направлено на прямой объект в форме винительного падежа: *Агропром фермермүдиге Казахстань авчъ ирсен хуцмудыгъ авхулвь* (Х.ү.) - Агропром заставил фермеров взять племенных баранов, привезенных из Казахстана.

При условии, когда основа побудительного залога образована от непереходного глагола действительного залога, объект в конструкции осложняется тем, что совмещает в себе и значение субъекта: *Жанһьр нама ичөхе* (Ж.) - Джангар заставит меня испытать стыд. *Алтън Шарһан дөкн бась эгце һурвьн сара һазьртъ гүүлгве* (Ж.) - Своего солового (Мингиян) заставил бежать сызнова на расстояние, равное трем месяцам езды. *Күүкен Цаһан нойиге Минъяна Алтън Шарһар йовулжъ зарль гиве* (Ж.) - Сказал, чтобы отправили Кюкен Цагана на соловой лошади Мингияна.

Для винительного падежа не характерны типичные определительные значения, но

обнаруживаются периферийные обстоятельственно-определяющие значения.

1. Винительный падеж при глаголах со значением направленности действия (*орхь* - пойти, поехать, отправиться, *тэмцхе* - направиться, *тэмцэд хархь* - отправиться, *тэмцэд гүүхе* - побежать и т.д.) или при послелогах (*бөрже* - в, вдоль, по; *дахад*, *көөһэд*, *көөж* - вдоль и т.д.), образованных от переходных глаголов, выражает пространственные отношения и по отнесенности к месту определяет движение субъекта: *Эрдни-ише хуралһна хөөне удсын уга*, *Бавьлдър Москва орад*, *сурһульдъ йовжъ одвь* (Бал.А.) - Вскоре после уборки кукурузы Бавылдыр отправился в Москву на учебу. *Манһьдър нутъг оржанав*, *гиже Муучка кэлве* (М.Н.) - Муучка сказал, что завтра отправляется в родной улус. *Мананойһн Жуужа Моску тэмцэд мөрелнэ* (Дун) - Наш предводитель Джуджа отправился в Москву. *Бичкен хурһьд*, *ямана ишкес хотхър*, *зуухъ бөрже наадльмьн* (Э.К.) - Маленькие ягнята и козлята любят играть вдоль ложбинок.

Винительный падеж направления является безаффиксальным, т.е. совпадает с исходной основой имени в именительном падеже (*Москва орад*, *нутъг оржанав*, *Моску тэмцэд*, *хотхър*, *зуухъ бөрже*), однако в словах первого типа склонения согласный -н- в исходе основы при сочетании с глаголом выпадает: *балһсын* > *балһсь орхь* - поехать в город, *хотън* > *хотъ тэмцхе* - направиться к хотону и т.д.

2. Винительный падеж определяет действие и по мере, весу и количеству (*метрень арвън арслн күрнэ* - метр стоит десять рублей; *атхъ һуйър сурвь* - попросил горсть муки; *хойър тэрге өвсе авчъ ирве* - привёз два воза сена): *Цэрен мотоциклөр зун километер йовжъ* (И.Л.) - Церен на мотоцикле проехал сто километров.

3. Винительный падеж обстоятельственного определения по времени обозначает длительность и повторяемость действия: *Дөтелсен дөрве хондъг* (Посл.) - Прямо идущий теряет четыре дня. *Хөрөн жиле би тэднөсе салу*, *холдъ күүнэ һазъртъ йоввьв* (Б.Ал.) - Двадцать лет находился отдельно от них далеко, среди чужих. *Асхън болһьн аавин кэлсен туулис соңснав* (Б.Ал.) - Каждый вечер я слушаю сказки, рассказываемые дедом.

Орудный падеж

Орудный падеж функционально весьма разнообразен и представлен в объектном, определительном и субъектном значениях.

Объектное значение орудного падежа конкретизируется в функции косвенного дополнения и употребляется в следующих случаях:

а) при обозначении орудия действия и средств совершения какого-либо действия (*атхар цокхъ* - бить молотком, *күрзэр малтхъ* - копать лопатой, *кимзэһәр бичхе* - писать мелом, *һарар бәрхе* - держать руками и т.д.): *Дөнгәр күцдег*, *дээсәр хольвдъг* (Пог.) - Поддержкой достигается, веревкой связывается. *Шаһаһар наадльһьн хальмьг улсть кэзэн-кэзәнөсе нааран бөөһө*, *хальмьг туужъ даха юмън* (Э.К.) - Игра в альчики у калмыков существует с давних пор, связана с историей народа. *Үнен нарһн мэте*, *альхарһн хаажъ болдго* (Пог.) - Правда подобна солнцу, ладонью ее не прикроешь. *Киитен харъ нүдөрөн дөрвен талан хэлөве* (Х.т.) - Своими холодными черными глазами взглянул вокруг. *Кэлдүрөр дарсын ирдег уга*, *көлөр йовсын ирдег* (Посл.) - Покойник (букв. зарытый лопатой) не воскреснет, а живой человек всегда вернется (букв. тот, кто на ногах). *Бичкен эмөлөн элвэг хормаһар бүтөже*, *өрген бүсәр бэлкүсән мэгдөлһе* (И.Л.) - Покрыв обширным подолом свое маленькое седло, подтянув широким ремнем свою талию, выпрямись.

Нередко объектное значение (объект - орудие или средство) осложнено значением способа действия - одного из видов обстоятельно-определятельного значения (*дөнгәр күцдег*, *кимзэһәр бичхе*, *хормаһар бүтөже*).

б) при обозначении разных средств передвижения (животных или разных видов транспорта: *тэргәр йовхъ* - ехать на телеге, *цанар ирхе* - приехать на санях, *самолётар нисхе* - лететь на самолете, *мөрәр туула күцхе* - догнать зайца на лошади и т.д.): *Нөрхен зээрдөр нөөмен түмен адуһан көөхәр һарвь* (Ж.) - На стройном своем красно-рыжем коне выехал перегонять восемьдесят тысяч коней своего табуна. *Цар тэргәр туула күцжечен болдъг* (Пог.) - Бывает, что и на телеге, запряженной волами, можно догнать зайца. *Мөрәр чонь куцве* - На коне догнал волка. *Саһьг дөрвен туруһарһн дөчен йисен хонга һазъртъ гүүхән*

санвь (Ж.) - Стал думать, что ему предстоит бежать своими четырьмя волосатыми копытами расстояние, равное сорока девяти дням пути.

Орудный падеж обозначения средств передвижения аналогичен конструкции с послелогом *дээре* - на, управляющим именительным падежом: *Би машин дээре ирвев* - Я приехал на машине. *Би мөрөн дээре ирвев* - Я приехал верхом на лошади. *Арьнзъл зээред дээрэн һарад, элвэг сәәхен хурдарънь мөрелве* (Ж.) - Сев на своего рыжего скакуна, предался его прекрасному бегу.

в) при обозначении материала, из которого что-либо делается или посредством которого совершается действие (*харһаһар кәхе* - делать из досок, *халаһар бүркхе* - накрыть жостью, *тоосхар тосххь* - строить из жженого кирпича и т.д.).

г) при обозначении лиц, предметов, на которые распространяется действие, а также лиц и предметов, соучаствующих в совершении действия: *Күүһәр зог кәдмен бише* - Нельзя смеяться над человеком. *Онъдин Батаһар сонимсже күүндлхәнә* (Э.К.) - Всегда с интересом говорят о Бате. *Һалар нааддъмьн бише* - С огнём не играют. *Онһълзъгчь бөөрәренъ нәрхен цаһан шилврәр найън хойър гүвдәд уңһавь* (Ж.) - Восемьдесят два раза ударил он его по образующейся почечной впадине белым тонким кнутом и повалил.

Определительное значение орудного падежа выражается:

а) прежде всего в сказуемом: *Күн дөнгәр, шовун далвагарън* (Посл.) - Человек силен поддержкой, а птица - крыльями. *Көвүге үүрәренъ, күүкиге - үүләрәнъ* (Посл.) - Достоинство юноши в друзьях, достоинство девушки в ее рукоделии. *Сән күн санаһар, мунхьг - буулимжар, мэрген - сурһьмжар* (Посл.) - Хороший человек живет помыслами, глупый - похвалой, мудрый - поучением.

б) в определительной функции для обозначения свойства, признака лица или предмета, благодаря которому совершается действие:

Дээснә батынь төмөһәрәнъ мэддег (Пог.) - Крепость веревки определяют по кручению. *Эврәнән күче-көлсәр бөөдег әмтен болнавдън* - Мы люди, живущие своим трудом. *Орчълън нарар гэгәрдег, күн эрдмәр гэгәрдег* (Посл.) - Вселенная освещается солнцем, человек - знаниями. *Кәлмерчиге үгәрәнъ тодълдъг, малыгъ зүсәрәнъ тәмдгелдег* (Посл.) - Сказителя узнают по словам, скот - по масти. *Өвген эврәнән мәкәрен, гүн хурць ухаһарън хулха кәдег чонась өшәһән авна* (К.Ал.) - Старик своей хитростью, остроумием отомстил волку, ворующему (его овец).

в) Обозначение материала, из которого сделан тот или иной предмет, передаётся распространёнными определениями, выраженными словосочетаниями и отвечающими на вопрос *ямаран?* - какой? Во-первых, двухкомпонентными, состоящими из имени в орудном падеже и причастия: *Бураһар гүрәд кәлксен эрстә, шаврар шалдъчксьн хаша* (Б.Ал.) - Хлев, стены которого из плетеных прутьев, обмазанных глиной. *Дәл мөнгәр кээрүлсен дәлтринъ төвве, дэгце зурһан давхър тохминъ төвве* (Ж.) - Сперва положили подпотник, украшенный серебром, затем положили шестислойный потник. Во-вторых - трёхкомпонентными словосочетаниями, состоящими из определяемого прилагательным имени в орудном падеже и причастия: *Цәнкер торһар уйсьн киилег* - Рубашка, сшитая из голубого шелка. *Алтън утцар кээрүлсен хатхмър махла* - Вышитая шапка, украшенная узорами из золотой нити. *Цаһан халаһар дээверлегдхе гәр* - Дом, который будет покрыт белой жостью.

Для орудного падежа характерны разные обстоятельственно-определяющие значения, которые конкретизируются различными обстоятельствами.

1. Орудный падеж обозначает место действия: *Нарна алтърсьн толян наласън тээгәр тарна* (К.Д.) - Золотые солнечные лучи распростерлись над широкой степью. *Торһън цаһан үүлен торълзад, тэнгрәр нүүнә* (Н.В.) - Шелковистые белые облака, мелькая, плывут по небу. *Баатър Жанһрин таңһчарън орад ирве* (Ж.) - Богатырь въехал в страну своего Джангара. *Царьнгуд дүүрлә, цав-цаһан хунъ усна, нуурин көвөһәр ирже буусьнь үзегднә* (Э.К.) - Когда заливной луг зеленеет, видно, что белый лебедь садится у воды на берегу озера (букв. берегом озера). *Заагар салькьн ордъг, зааврар ухан ордъг* (Посл.) - Через щели проникает ветер, через учбу набирается ум.

2. Имя в орудном падеже выступает в функции обстоятельства времени: *Харьнһу*

сөөһөр тээгте харьвжи үзег авдг чонь таль өдрөр чиген, сөөһөр чиген йовдг арһь уга (Бал.А.) - К волку, который хорошо ориентируется ночью в степи, невозможно подбраться ни днем, ни ночью. *Догшгн Килһен хаагь... минһен нэге жилэр алдър Жанһрин оруд нутг болһад, долан бум цэргинь дахулад йоввь* (Ж.) - Свирепого Килген хана владения подчинили и сделали подданными на тысячу и один год и увели его семисоттысячное войско. *Сарьмта мөнген билгичен сарин сарулар суһлад өглэве* (Дун) - Черненное серебряное кольцо твое при свете луны, сняв, отдал.

3. Орудный падеж определяет действие по способу и образу действия : *Мана Шарда күүкен орьс кэлэренчен, хальмьг кэлэренчен, нэмеш кэлэренчен сөөнөр дасна* (И.Л.) - Наша Шарда и по русскому, и по калмыцкому, и по немецкому языку учится хорошо. *Хажуднь хуралһата арһсгн салькгн ордг нүктөһөр хоршульгдэд, әдел-әдел багар тэвкерләтә* (Ә.К.) - Нарезанный кизяк сложен одинаковыми кучками с отверстиями для проветривания. *Чидләр ноолджь, күче күрче чадшго больв чиген, кэлэрен кэлелцәд, хөвән күүнде өгдего бась тииме нэге йовдль бөөдег* (К.Ал.) - Бывает так, что невозможно одолеть силой, но, разговаривая на своем языке, никому не уступит свою судьбу. *Ахь күн ахарьн бөөхлө сән, дү күн дүүһәрен бөөхлө сән* (Посл.) - Хорошо, когда старший брат ведет себя как старший, а младший брат как младший. *Хувць-хунрарьнь угтьдгь, ухаһарьнь үдшәдег* (Посл.) - По одежке встречают, а по уму провожают.

Орудный падеж определяет действие по количеству, мере и объему:

1. Орудный падеж цены обозначает стоимость чего-либо. В этих случаях он отвечает на вопрос *кэдүһөр?* - за сколько?: *Сәәхен Күрең мөрән сарва цагтьнь сайь мөнгәр хулджь авлав* (Ж.) - Своего прекрасного Рыжко годовалым жеребенком купил за миллион рублей. *Чамагь сарва баһь цагтгчнь сайь өркәр сән болхь гиже юуни төлө авлав?* (Ж.) - Для чего я тебя купил годовалым жеребенком за миллион семей, считая хорошим?

2. Орудный падеж меры или объема: *Әмде йовсгн күн алгьн ааһар хоть уудгь* (Пог.) - Живой человек ест пищу из золотой чаши. *Хашаһар дүүрең хөөдин толһа харь* (Заг.) - Двор полон овцами с черной головой (Спички). *Хәрин залудь хәәсәр дүүрең хөөнә махан өгечкәд, байгн нөөртән орна* (Х.т.) - Богач, отдав пришлому мужику полный чугу́н баранины, отправился спать. *Көвүнә гәр күүһәр дүүрең билә* (Б.Б.) - Дом мальчика был полон людей. *Далгн күн дамжълдгь далһа шаазгьгар далгн нэге дарад орквь* (Ж.) - Из широкой чаши, которую поднимают семьдесят человек, (он) выпил подряд семьдесят один раз.

При сочетании имени существительного в орудном падеже с именем прилагательным в функции простого или составного именного сказуемого уточняется значение меры и объёма, усиливается признак ограничения: *Зурһан зүүле хальмьг әмтен әмәрен өнер болжь, аһрусаргн байгн болжь, әмтнә алгьн хаалһар әмде-мәнде йовтха* (К.С.) - Люди всех шести континентов пусть растут числом, будут богаты своим скотом и золотой дорогой жизни живы-здоровы идут. *Әне тэг өнер-өрген больв чиген, саглгьсгн сәәхен модар ховър, мэлмелзсен бульг-усар хатяр* (Ә.К.) - Эта степь, хотя и богата, в ней мало раскидистых деревьев, бедна плешушейся родниковой водой. Обстоятельственно-определяющее значение (по мере и объёму) контаминируется со значением объектным, которое было бы невозможным без сочетания с именем прилагательным, находящимся в постпозиции.

Орудный падеж определяет и причину действия, влекущую за собой положительные или отрицательные последствия, и выражается преимущественно причастным субстантивом прошедшего времени: *Шине йосна килемжәр бичкелүд школьд сурла* (Л.Ц.) - Благодаря заботе новой власти малыши обучались в школе. *Хурь орсар, ноһан сөөнәр һарвь* - Вследствие дождей выросла хорошая трава. *Наргн һарсар, һазьр дуларвь* - Так как взошло солнце, земля прогрелась.

Орудный падеж имеет субъектное значение в страдательных и побудительных залоговых конструкциях. В страдательной залоговой конструкции субъект в орудном падеже может быть только неодушевленным: *Тәңгер күнде харь үүләр бүркегдве, һазьр көвкер цасар даргьдвь* (Бал.А.) - Небо покрылось тяжелыми черными тучами, земля покрылась пушистым снегом. В конструкции побудительного залога субъект действия осложняется

значением "каузируемый к действию субъект", т.е. побуждаемый к действию носителем глагольного действия - подлежащим: *Цугльрсън ульс Талван Цэрнэр домбър цокулъв, тансыг Гэрлиге биилулве* (Х.ү.) - Собравшиеся заставили Церена Талваева играть на домбре, прекрасную Герел заставили танцевать. *Ачта эмчэр эмнүлже эдегсен көвүн* - Мальчик, вылеченный заслуженным врачом. *Тээгэн торһън нооста хөөһөр дүүргхе билэв* (К.Д.) - Заполнил бы степь овцами с шелковистой шерстью.

Обстоятельственно-определяющие значения орудного падежа проявляются в условиях различных лексико-семантических ограничений.

Соединительный падеж

Современные соединительный и совместный падежи в ранних грамматиках рассматривались как формы одного падежа под названием творительный совокупительный (Попов, 1847,) и соединительный (Бобровников, 1849, 98). В.Л.Котвич впервые разграничил эти две формы на два самостоятельных падежа, назвав их соединительный I и соединительный II (Котвич, 1929, 147-148, 158-159). Затем Б.Б.Бадмаев форму с аффиксом *-ла/-лэ* назвал соединительный падеж, а форму с аффиксом *-та/-тэ* - совместный падеж в соответствии с современной интерпретацией значений и функций словоформ этих двух падежей (Бадмаев, 1966, 28, 33-35).

Соединительный падеж имеет субъектное и объектное значения.

Соединительный падеж с субъектным значением обозначает лицо, которое совершает совместное действие с другим лицом в форме именительного падежа и выступает в предложении в различных функциях:

а) в конструкции действительного залога в функции подлежащего, когда названное цельное словосочетание обозначает равнозначных лиц-соучастников, совместно совершающих какое-либо действие: *Санжь Бэмбөлэ балһсь оржана (Б.Бата) - Санджи с Бембей идут в город. Асьр Улан Хонһриге эмдрүлже авад, (биден) алдър Жанһрла элтэд, амър бөөхе билэ биден! - гиве* (Ж.) - Оживив необыкновенного Улан Хонгора, мы, с Джангаром породнившись, жили бы в благоденствии. *Уул уулла харһдъго, күн күүнлэ харһдъг* (Посл.) - Гора с горой не сходится, человек с человеком сходится.

б) в конструкции взаимного залога подобное цельное словосочетание обозначает взаимодействие двух субъектов, выполняющих одно и то же действие, направленное друг на друга: *(Чи) урьнла уудь бичө буладь* (Пог.) - Ты не соперничай с мастером. *Сем хамърта парьницъсла сөргелден бөөже чавчълдлав* (Дун) - С длинноносым французом, действуя против него, я рубился.

в) в конструкции совместного залога форма соединительного падежа, выраженная косвенным дополнением, обозначает инициатора совместного действия, к которому присоединяется субъект-соучастник, выраженный подлежащим: *Догшън Шарь Гүргү һунхън Улан Шовшурла таш-баш бөрелдэд одвь, ташър-башър оркълад, алсь-булсь хайълдад, арвьн хойър хоньгтъ авьлцжь ядад бөөве* (Ж.) - Свирепый Шар Гюргю с трехлетним Улан Шовшуром схватились, бросая, подкидывая друг друга, в течение двенадцати суток не могли одолеть друг друга.

Объектное значение соединительного падежа обнаруживается в функции косвенного дополнения, на которое распространяется действие, совершаемое субъектом в именительном падеже: *Нохала наадсън хорма уга, нойънла наадсън толһа уга* (Посл.) - Кто играет с собакой, останется без полы, кто играет с нойоном (князем), останется без головы. *Чи тэре күүкенлэ харһжь үзе* (Бал.А.) - Ты постарайся встретиться с той девушкой. *Хан дундь тушемлин көвүнлэ нөөже болад, зурһан тэрген алтан авъл уга, тэвже өгве* (Х.т.) - Хан с сыном сановника подружился, уступил ему и не стал брать шесть телег золота. *Эне цагин бөөдел-жирһел, эрдем-сурһульла өөрхен залһьлдата* (И.Л.) - Современная жизнь тесно связана с просвещением. *Чонь эндер туулала харһжь ирсендөн бийән ике хөвтэде тоолжь байрълвь* (Х.т.) - Волк обрадовался своему счастью, что сегодня встретился с зайцем.

Периферийными для соединительного падежа являются обстоятельственно-определяющие значения, это:

а) сравнения по внешнему признаку, по количеству, когда один предмет или лицо сравнивается с другим предметом или лицом в форме соединительного падежа с послелогом *әдел* - подобный, схожий: *Цаста ууль ангин сояла әдел, хадь ууль бухин өверлө әдел* (Ж.) - Снежные горы подобны клыкам зверей, а скалистые горы подобны рогам быков. *Садьн-әлген ольн больвчьн, эәжлөнь әдел болдъг уга* (Дун) - Как бы много не было родственников, не сравнить с матерью. *Бадмин зүркен, эмнег унһьнла әдел, тоглад, бухад, цәглөд бөөве* (Б.Ал.) - Сердце Бадмы, подобно дикому жеребенку, выпрыгивает, бунтует, взвизывает. *Нәге му куунлө наадксинь бичө дүнцүлич* (К.С.) - С одним плохим человеком остальных не сравнивай. *Нанла әдел көвүн эсе төрдегве* (Ж.) - (Хонгор вопрошал): разве не родится мальчик, подобный мне?

Таким образом, отношения сравнения двух лиц, двух предметов, либо лица и предмета, выраженные формами им. п. и соед. п. с послелогом *әдел*, имеют значение не только уподобления, но и различия (*ууль сояла әдел - ууль сояла әдел бише, зүркен унһьнла әдел - зүркен унһьнла әдел бише, садьн-әлген эәжлөнь әдел болдъг - садьн-әлген эәжлөнь әдел болдъг уга*). В семантике именительного падежа такие же отношения сравнения, выраженные формами им. п. и им. п. с послелогом *мэте, кэвтэ*, имеют значение только уподобления, но не различия: *Күн кэвтэ махь идәд, күрне кэвтэ нүкендөн оржь* (Посл.) - Кушает мясо подобно человеку, входит в свою нору подобно хорьку. *Өртө юмьн кевтө өөрөм дахад бөөдембе, бичкен юмьн кевтө бийим дахад бөөдембе* (Фольк.) - Как должник не отходит от меня, как малыш кружится около меня.

б) определение по времени возникло в последние десятилетия, так как происходит активный процесс замены формы дательного-местного падежа, традиционной для обозначения времени, на форму соединительного падежа. Например, становится нормой: *арвьн часла ирлө (вместо арвьн часть)* - прибыл в десять часов; *ноолдана хамгин гүдү цагла (а не цагть)* - во время самого разгара борьбы; *Сөөни өрөле дүнгө цагла (а не цагть) бүсел-врөсе мөлтерже* - Около полуночи вышли из окружения. *Дөчен тавдъгчь жилин / Август сарин зурһанла, / Адам күменлө хамдан, / Сингапурть, частьдь бөөһөд, / Сонсжь сүрдөд буцла* (К.Д.) - Шестого августа сорок пятого года Адам, находясь в своей части, в Сингапуре, бунтовал вместе со всеми людьми.

Совместный падеж

Для совместного падежа основным является определительное значение, которое обрывается в нем в синтаксически зависимом положении:

а) в функции определения, когда имя в совместном падеже определяет другое имя по какому-либо свойству или признаку: *Анһахь амта, эделдег хоть уга* (Заг.) - С пастью, которая раскрывается, но нет горла, чтобы глотать (Ножницы).

б) совместный определительный качества обозначает признак другого имени со значением "имеющий или содержащий что-либо, выраженное совместным падежом": *малта фермь* - животноводческая ферма; *мэдрелтө, йир билегтө сурһульчь* - знающий, очень способный ученик; *нооста хөн* - шерстистая овца. Выступая постоянным признаком определяемого имени, данная форма подвержена разной степени адъективации.

Нередко имена в совместном падеже в позиции определения образуют устойчивые словосочетания и осложняются значением собственности или наличия объекта обладания и контаминируются с названием лица или предмета в именительном падеже: *мөртө күн* - всадник, *товта цэрег* - артиллерия, *гигегтө куукен* - девушка, *наста күн* - пожилой. *Салькьн икәр үлөхе дутьм мөртө күн салькиге хараһад йоввь* (ХОТ) - Чем сильнее становился ветер, тем больше всадник его проклинал.

Такая двойственная природа данного падежа обусловлена и тем, что *-т*, восходящий к *-ту/-тү*, в свое время фонетически совпал с аффиксами *-та/-тэ > -тай/-тэй*. Теперь происходит образование особого словообразовательного аффикса прилагательного *-та/-тэ*, являющегося омонимичной формой с окончанием *-та/-тэ*. В процессе развития языка отвлеченные имена существительные с аффиксом *-та/-тэ* постепенно перешли в разряд прилагательных. Предметные же имена существительные сохраняют значение объекта обладания.

Напротив, имена в совместном падеже, будучи сами определяемыми, конкретизируют значение признака другого предмета: *олън (эсе гижэ цөн) малта фермь* - ферма с большим (либо малым) количеством скота; *гүн (эсе иже гонген) мэдрелтэ сурхульч* - ученик с глубокими (либо поверхностными) знаниями; *торһън (эс гижэ шүрүн) нооста хөн* - тонкорунная (либо грубошерстная) овца (букв. с тонкой, либо грубой шерстью)

в) совместный определительный обладания указывает на то, чем обладает определяемое лицо или предмет, и дает характеристику внешнего вида, внутреннего состояния, черт характера и т.д. Здесь конкретизация определяющего признака достигается также сочетанием формы совместного падежа с именами прилагательными: *Мана сэлэнде сөөхен сиилвертэ клуб бөөнө* - В нашем селе есть клуб с красивым орнаментом. *Һо-тингер нурһта, һольшъг сөөхен запта, кэвлүн төгрег чирэтэ, кэрсү хэлэцтэ нүдтэ, бийдөн зөве сурхульта, бийерхег бише авъяста* Альма *баһчудын зүрке авълвь* (Б.Ал.) - Альма красивой осанкой, хорошим характером, круглым приятным лицом, умными пронизательными глазами, достаточным образованием и простым поведением овладела сердцами молодежи. *Һартан чачърта, торһън бүшмүдтэ, атхър үстэ, сөөхен цогцта күүкен оржъ ирве* (П.Д.) - Вошла девушка с зонтиком в руке, в шелковом платье, с кудрявыми волосами и красивой осанкой.

г) определительное значение совместного падежа обнаруживается в именном сказуемом с непреложным значением признака: *Күн ахта, дэвел захта* (Посл.) - У человека - старший брат, у шубы - воротник. *Модън хойър үзүртэ* (Посл.) - Палка имеет два конца. *Увлин тэнгер бората болдъг* - Зимнее небо бывает ненастным. В именном сказуемом подразумевается и легко восстанавливается форма многократного причастия настоящего времени на *-дъг/-дег* и вспомогательного глагола *болхъ* - быть. В именных сказуемых, сопровождающихся лично-предикативными частицами, подчеркивается значение объекта обладания: *Би сөөхен харандатав* - Я имею красивый карандаш. *Чи увлин хувцтач* - У тебя есть зимняя одежда.

Имена существительные *зөв* - право, *кэрег* - дело, *санан* - мысль или *учър* - причина в совместном падеже приобретают значение модального долженствования, желания или необходимости и, сочетаясь с формой будущего времени глагола, образуют составное сказуемое: *Чи школдъ одхъ зөвтөч* - Ты должен пойти в школу. *Эне дэгтриге хоосън хэлөһөд бөөхмен бише, эрке бише тэруге умшхъ кэрегтэ* - На эту книгу следует не просто смотреть, но непременно надо читать её.

г) определительно-обстоятельственное значение совместного падежа проявляется в обозначении тары, называющей меру, объем содержимого в ней (*ааһта цө* - чашка с чаем, *хөөстө махън* - котел с мясом (= с чашкой чай, мясо с котлом): *Үүден хооръндъ һурвъндөрвен күн бэдертэ эрке авчъ ирчкөд, өргже орулжъ ядад, нэге-нэгэн хэлөлдөд зогсцхана* (Б.Б.) - Три-четыре человека принесли к двери бочку вина, не сумев занести её, стоят, глядя друг на друга.

Субъектное значение совместного падежа выражено в сочетании с другим именем в форме именительного падежа. Данное синтаксически целостное словосочетание выступает в предложении в роли подлежащего в следующих залоговых конструкциях:

а) в конструкции действительного залога: *Багшъ сурхульчнъртаһан хамдан төрөнө көделмеште дөнгэн күргжәнө* - Учитель со своими учениками помогает в сборе урожая. *Сурхульчнър багштаһан экскурсьтэ одла* - Учащиеся со своим учителем ходили на экскурсию. *Сельсоветин ахлачъ багшта эндер школ хэлөве* - Председатель сельсовета с учителем осмотрели школу. *Көвүн дааһтаһан хагсу тээгте зөвөр түрэд бөөве* (Б.Б.) - Юноша со своим жеребенком достаточно натерпелся в знойной степи.

Цельность данного именного словосочетания усиливается в тех случаях, когда форма совместного падежа в нем употребляется с безлично-притяжательной частицей *-ан/-эн*: *Аавъ ачтаһан малдъ көделнө* - Дед с внуком работают скотниками. Для большего усиления значения одновременного соучастия в общем действии сочетание дополняется послелогом *хамдан* - с со значением "вместе": *Өвген эмгтөһөн хамдан тиигэд жирһөд бөөже* - Старик со своей старухой вместе так поживали.

б) в конструкции совместного залога субъектное значение совместного падежа ос-

ложняется тем, что он выражен косвенным дополнением и обозначает инициатора действия, его соучастником является имя в именительном падеже: *Бадмь гэртэсен хоштэ ирэд, көвүдтөһөн өвсө зөөлцнэ* - Бадма, придя из дому на кошару, помогает сыновьям носить сено (букв.с сыновьями носит сено).

в) в конструкции взаимного залога форма совместного падежа обозначает одного из двух взаимодействующих субъектов, выполняющих направленное друг на друга общее действие: *Хонһрин көвүн Хошун Улан баатър ике чиделтө хотна баатърта авьн-авьн сэгсрелдэд, ачьн-ачьн цокълдад ноолдвь* (Ж.) - Сын Хонгора, богатырь Хошун Улан, вместе с вражеским богатырем схватившись, трясали друг друга, забрасывая на спину, бились.

Субъектные значения соединительного и совместного падежей зависят от их отношения с субъектами в именительном падеже в конструкциях действительного, совместного и соединительного залогов и употребляются со значением совместности, соучастия или взаимности действия. Поэтому глаголы со значением отношения (*мэнделхе* - здороваться, *харһх* - встречаться, *үүрлехе* - дружить, *хэруцхе* - противиться, возражать, *таархь* - ладить, уживаться, *ниилхе* - объединиться, *эвцхе* - мириться, *дэңцхе* - сравниться, *цацурхь* - сравняться и т.д.) сочетаются с именами как в соединительном, так и в совместном падежах.

Исходный падеж

Исходный падеж относится к числу наиболее употребительных падежей и выступает в объектном и обстоятельственно-определятельном значениях.

Исходный падеж, в противоположность дательному-местному и направительному падежам, обозначает начальную точку отсчета действия (движения) в пространственном и временном отношениях. Он указывает направленность действия или состояния от объекта (лица или предмета) в сторону отдаления, освобождения, отставания, а от исходного места и времени - в сторону удаления.

Объектное значение исходного падежа обнаруживается:

а) в косвенном дополнении, обозначающем лицо или предмет, от которого исходит действие: *нооснась лошхь түүлэ* - выбирали из шерсти репейник; *...хэрин дөөсенде халһсьн, хамьг һазьртъ алдършьгсьн арвьн хойър бодьнгасьм сурит* (Ж.) - Спросите-ка у моих двенадцати богатырей, закаленных в боях и прославленных всюду. *Би тандь ирдгем, Санжи, нэге көлгнэ көшүр танась суржь йовлав* (М.Н.) - Санджи, я пришел, чтобы попросить у вас одну ось телеги. *Сүргөсө салсьн гөрөсен әәмтхэ гидег эсе билү?* (Ж.) - Разве не говорят, что труслив сайгак, отбившийся от стада. *Тана хәәкерснәсө күн әәшго* (П.Г.) - Никто не испугается вашего крика. *Хатучась бичө сурь, өгешго* (Посл.) - У жадного не проси, не даст.

Глаголы со значением удаления, освобождения, отставания: *салхь, хаһцхь, холжхь* (*сүргөсө салсьн* - отбившийся от стада, *үүрмүдәсен хаһцхь* - расставаться с друзьями, *саднасьн холжхь* - отдалиться от родственников); *мөлтерхе, тонилхе* (*дәәснәсө мөлтерхе* - освободиться от врага, *өвчнәсө тонилхь* - избавляться от болезни); *сурхь* (*танась суржь йовлав* - просить у вас); *авхь* (*ахась дэгтер авхь* - взять у брата книгу, *булгась усь авхь* - брать воду из родника); *хоцьрхь* (*нөкдәсен хоцьрхь* - отстать от товарища); *дальтьрхь* (*нүднәсө дальтьрхь* - уклоняться от взгляда, *көделмшәсө дальтьрхь* - увильнуть от работы) и т.д. сочетаются с объектом, выраженным косвенным дополнением в форме исходного падежа и обозначающим лицо или предмет, от которого удаляется, освобождается или отстаёт субъект действия.

б) в прямом объекте, обозначающем целый предмет, на часть которого распространяется действие: *үснәсө уула* - выпил молока; *өдемгөсө идлэ* - съел хлеба; *магнась тасьлжь авла* - отрезал мяса (= выпил часть молока, съел часть хлеба, оторвал мяса)

в) при обозначении материала, из которого что-либо делается:

Цаһан халаһась хәәчелже авад, суулһь кэве - Сделал ведро из вырезанной оцинкованной жести; *Улан агчась кәсен стол хорадь бөөнэ* - В комнате стоял стол, сделанный из красного дерева. *Эне жилин хурһдась шине отар бүрдөвө* (И.Л.) - Из ягнят этого года сформировали новую отару.

г) при обозначении части целого предмета как объекта, через который действие распространяется на весь предмет, причем объект принимает какую-либо частицу личного притяжания: *Кииссен көвуге эмэсень өргэд босхвь* - Упавшего мальчика подняли за плечо. *Хөөге көлөсень чирве* - Поташил овцу за ногу. *Көвүн көгшен эцкэн харасънь көтелже йовна* - Сын ведет своего старого отца за руку.

Для исходного падежа характерно определительное значение, которое обнаруживается в различных отношениях между предметами:

а) исходный выделительный употребляется при выделении лица или предмета по какому-либо признаку или качеству из среды однородных с ним лиц или предметов: *Эне сурһульчь наадксаън мэдерләрен йилһрэд бөөнө* - Этот ученик своими познаниями выделяется из остальных. *Балһудась мэдрелтәнь шүүврэн сөөнөр өгве* - Из молодых более подготовленные хорошо сдали экзамены. *Та дала туули мэднэт, эврэнен мэддгэсен мадъндь нэге туули кэлже өгтен* (Э.К.) - Вы знаете множество сказок, из хорошо известных вам расскажите нам одну сказку. *Аавин кэлсен туулясь кэсгинь тодължь авлав* (П.Д.) - Из рассказанных дедом сказок я многие запомнил.

б) иной характер отношений возникает в сочетании исходного падежа с послелогоми *нань, талдан (ондан), бишенкень, даву* со значением "кроме, помимо, исключая", - когда обособляется одно лицо или один предмет в форме исходного падежа из множества других лиц или предметов: *Эрке савасън бишенкень цугинь эвдег* (Посл.) - Водка портит все, кроме посуды. *Мини бичкен эне һазъртъ чамась нань кү таньхъш* - Мой младший, кроме тебя, никого не знает в этой местности. *Урьлдачъ эне мөрнөсө даву мөре унхшъв гинө* - Наездник сказал, что кроме этой лошади, на другую не сядет. *Эне дэгтрөсө нань би басъ цөн дэгтер умшлав* - Кроме этой книги, я прочел еще несколько книг. *Тэднөсө нань күн уга билэ* - Кроме них никого не было.

в) для исходного падежа так же, как и для родительного, характерно качественно-выделительное значение, которое показывает наибольшую степень качества в определяемом предмете: *мууһась му* - худший из худших, *сөөнөсө сөн* - лучший из лучших, *холась холь* - дальний из дальних.

Исходный падеж имеет определительно-обстоятельственное значение по различным семантическим обстоятельствам:

1) по отнесенности к месту исходный падеж обозначает, откуда исходит действие лица или предмета (*гэрин ораһась бууһад* - слезая с крыши, *гэртөсен һарад* - выйдя из дому и т.д.): *Уйън һанцъ Жанһрин нутгась таниге мордсинь мэдэ бөөнөв* (Ж.) - Знаю, что вы прибыли из благодатной страны Джангара. *Һал уга һазрась утан һардго* (Посл.) - Нет дыма без огня (букв. с места, где нет огня...). *Эргин булгась цувгар әмтәхен усь гүүлгве* - От берегового источника по водопроводной трубе подали пресную воду. *Баатриге хөре орын-нутгась ирхәсө урдь альвтынь нүүлһэд авад йовжъ оджъ болна* (Х.т.) - До возвращения богатыря из чужой страны его подданных, оказывается, заставили перекочевать. *Уулын ораһась бууһад, онъл көке һалзнан хуухта көке дааһъ кэже* (Ж.) - Спустившись с вершины горы, своего ленивого Лыско превратил в захудалого сивого двухгодовалого жеребёнка.

Обстоятельство места может обозначаться послеложными конструкциями (имя + серийные послелогои с пространственным значением, в морфемном составе которых формант исходного падежа):

а) послелогои *дээрэ* - вверху и *талъ* - в сторону сочетаются с именем в именительном падеже: *Бичкелүд гэрин ора дээрәсө буувъ* - Малыши слезли с крыши дома. *Тана гэр талась нэге зүсвер күн һарвь* - Со стороны вашего дома вышел один незнакомый человек. *Зорхтын улан эрег дээрәсө ...хотън үзегднө* (М.Н.) - Виден хотон с обрыва Зорхты.

б) послелогои *өмне* - впереди, *ардь* - сзади, *ца* - за, *на* - с этой стороны и др. сочетаются с именем в родительном падеже: *Гэрин өмнөсө тэден оржъ ирве* - Они вошли с передней стороны дома. *Хашан ардась мөртө күн ирве* - С задней стороны кошары прибыл верховой. *Садын нааһась сөөнөр үзегднө* - С этой стороны сада хорошо видно.

Обстоятельство места может выражаться и другими синтаксическими отношениями:

в) обозначение места действия может осложняться количественно-ограничительным

признаком, называющим расстояние между начальным (в исходном падеже) и конечным (в именительном падеже) пунктами:

Аршанясь Элсте күртел долан дууна - От Аршани до Элисты семь километров. *Эне алхась тэре сүке күртел нэге аршым* - От этого молотка до того топора один аршин. Как видно, название конечного пункта сопровождается послелогом с ограничительным значением *күртел* - до.

г) имя в исходном падеже с лично-предикативными частицами в функции сказуемого семантически связано с обозначением места: *Биден ике балһснасьвдһн* - Мы из большого города. *Би өндер ууласьв* - Я с высоких гор. *Чи - мана хотнасьч* - Ты из нашего поселка.

3. По отнесенности ко времени, с которого начинается действие, исходный падеж в преобладающем большинстве случаев ориентирован на будущее: *Нэге сарась номан экежәнөвден* - Через месяц начинаются занятия. *Долан хонгась көделмештән һархьв* - Через неделю выйду на работу. *Манддурась авһн багшин курсть оржанав* - С завтрашнего дня поступаю на курсы учителей. *Энүнәсе хооран ииме юмь бичө һарһь* - С этой поры больше не делай так.

Исходный падеж со значением времени, указывающим на длительность и повторность действия, передается с помощью послелогов *нааран* - с тех пор, *күртел* - до, *болһһн* - каждый: *Эн көвүн чамагь үдәсе нааран күләһө* - Этот мальчик ждет тебя с самого обеда. *Асхнась нааран хур ора* - Дождь идет с самого вечера. *Жиләсе жил болһһн, сарась сарь болһһн зураһан давулжь күцәнө* (Х.ү.) - Из года в год, из месяца в месяц перевыполняют план. *Сән идегтә һазьрть мал өрүнәсе асхһн күртел идшелнә* - В местах с хорошим травостоем скот пасется с утра до вечера.

4. Имя в исходном падеже, сочетаясь с глаголами чувственного восприятия, превращения, изменения (*үргхе* - пугаться, *ичхе*, *эмәхе* - стыдиться, *бишеркхе* - стесняться, *жигшхе* - брезговать; *хөөлхе* - таять, *ясьрхь* - улучшаться, *тарһьлхь* - поправляться и т.д.) указывает на причину действия: *Тооснасьн үрген гүүве, тоормасьн жигшен гүүве* (Ж.) - Бежал (конь) в испуге, испытывая отвращение к поднятой им пыли. *Нарнась мөсен хөөлдег* - От солнца тает лед. *Сән көделмшәсе жирһел ясьрдьг, сән идгәсе мал тарһьлдьг* (Посл.) - От хорошей работы жизнь улучшается, от хорошего пастбища скот поправляется.

Указывая на причину действия, форма исходного падежа нередко сопровождается послелогом *көлтө* - из-за, благодаря: *Һөрегтө толһаһась көлтө көлдем амьр уга* (Пог.) - Из-за глупой головы нет покоя ногам моим (т.е. Дурная голова ногам покоя не дает). *Тәмкәсе көлтө толһам өвдө* - От курения табака заболела голова. *Мал нэге орымдан зогсснась көлтө цацьмдна* (Б.Э.) - От стояния на одном месте скот устаёт.

Сочетание формы исходного падежа с отрицанием *бише* - не также выражает значение причины, обусловившей совершение действия: *Танась бише би көделмшән цаглань күцәже чадшго бөөжев* - Если бы не вы, я не закончил бы вовремя работу. *Урчась бише би эне кэве кәже чадшго бөөжев* - Не будь мастера, я не смог бы сделать эту модель.

Частные обстоятельственно-определятельные значения исходного падежа выделяются и по отнесенности к количеству и мере:

а) сравнение двух предметов с помощью антонимичных наречий *дээрэ* - дорь - лучше - хуже; *үлү* - тату - больше - меньше; *урдь* - хөөте - раньше - позже: *Йөрөл уга алтнась йөрөлтә зәсе дээрэ* - Чем золото без благопожелания, лучше медь с благопожеланием. *Сурһуль уга күн сохрась дорь* (Пог.) - Неграмотный человек хуже слепого. *Эрдмәсе үлү эрдни уга* (Пог.) - Нет богатства лучше мастерства. *Ичер үкләсе дорь* (Пог.) - Стыд страшнее смерти (= хуже). *Урдь һарсьн чикнәсе хөөте һарсьн өвер* (Пог.) - Позже выросшие рога опережают ранее выросшие уши.

б) исходный падеж обозначает сравнение двух предметов по общему признаку и выступает как один из способов образования сравнительной степени качественных прилагательных. При этом признак предмета в именительном падеже сравнивается с признаком предмета в исходном падеже: *Сарась нарһн сөөхен* - Солнце краше луны. *Эне бөшөң тэре бөөшөңгәсе өндер* - Этот дворец выше того дворца. *Кэлен утхась хурць* - Язык острее ножа. *Кэлсен үгәсе үүлдвер сөөхен* - Дело краше сказанных слов. *Мини кэр мөрнәсе*

хурдън мөрөн альдь бөөхинь нандь олад өгтен (Б.Б.) - Найдите мне, где есть, лошадь, резвее моей гнедой.

в) при обозначении целого в арифметическом действии вычитания: *Хөрнөсө арвиге авхъ* - Вычестъ десять из двадцати. *Бүклэсө өрөлинь авхла, өрөле үлдхе* - Если вычестъ из целого половину, то останется половина.

г) при обозначении стоимости предмета: *Эмэн тана хөөнөсө соляд, өдрин дуусън зовад би йовналъм* (Б.Б.) - Жизнь свою, променяв за ваших овец, целыми днями я изнемогаю. *Альмъ килограмминь арвън арслънгасъ хулджана* - Продают яблоки по десять рублей за килограмм. В речи исходный падеж цены предмета употребительнее формы дательного-местного падежа с этим же значением.

К периферийному значению можно отнести и случаи специфически редкого употребления исходного падежа в субъектном значении в конструкции побудительного залога, образованного от переходной основы действительного залога: *Хуучън харъ модън көшүрөсө көлтэ эрке шилтэ байън Санжасъ залу бийән гүвдүлве* (М.Н.) - Из-за старой дубовой оси мужчина (Манджи) был избит деспотичным богачом Санджи (= допустил избить себя или дал повод).

Направительный падеж

Этот падеж образовался сравнительно недавно, благодаря переходу послелого *уру* - в сторону в окончание *-ур/-үр*. К синтаксическим отношениям данного падежа перешла часть функций дательного-местного падежа. За дательным-местным падежом в функции обстоятельства места сохранилось значение, связанное с местонахождением предмета и действия. Напротив, значения объекта или конечного пункта, связанные с внешней стороной действия, с его направленностью к лицу, предмету или к месту (удаления в его сторону или приближения к нему), стали передаваться и направительным падежом.

Направительный падеж выступает в объектном и обстоятельственно-определятельном значениях. Соответственно, различие в значениях зависит от направленности действия к объекту, либо к пункту или месту.

Являясь объектом, имя в направительном падеже употребляется в роли косвенного дополнения и называет то (лицо или предмет), на кого или на что направлено действие: *Мини ахъ багшур одвь* - Мой брат пошел к учителю. *Удан болъл уга, хөрү эргже ирэд, Ольда дууһүрен хэлэве* (Д.Б.) - Вскоре вернувшись обратно, Ольга посмотрел на в своего младшего брата. *Бадмъ көгшен эмгиге манаһур дахулъ ирлө* (Б.Бата) - Бадма привел старушку к нам в дом. *Танһъчин күче-көлсчнер жирһелтэ ирегчүр зүткже йовна* (Х.ү.) - Трудящиеся республики стремятся к счастливому будущему.

В обстоятельственно-определятельном значении по отнесенности к месту имя в направительном падеже обозначает пункт, место, к которому направлено действие лица или предмета: *Төрскен сэләнүрен күрэд ирхень, кэсег баһъ цагин үүрмүд харһъ, хуучиге сэргәнө* (Д.Б.) - Когда ни приедешь в своё родное село, встречаются друзья молодости, напоминают о прежнем. *Хойър күн харъһудъ өһһөрен мэнделчкөд, дахълшад, гэрин дарукъ давхрур орвь* (Д.Б.) - Два человека, поздоровавшись в темноте, один за другим поднялись на второй этаж. *Санжъ бичкен хартаһан шаһалцанасъ һарад, салаһур одвь* (Н.М.) - Санджи, выйдя из игры, вместе со своим смугленьким (другом) направился в балку. *Бичиген цэргүрен хәрсев* (Фольк.) - И я возвращусь к своему войску. *Көвүн нарън орхъ үзгүр һарад йовад одна* (Ж.) - Мальчик отправился на запад. *Тэнгсүр күрэд ирхлө, тэнгес шатжажъ* (Фольк.) - Когда пришел к морю, море полыхало. *Үкермүд, туһълмуд мөөрелдэд, хөд, хурһьд мөөлелдэд, хотнурън ирже йовна* (Э.К.) - Коровы и телята мыча, овцы и агнята бляя, вошли в село.

Форма направительного падежа и в объектном, и в обстоятельственном значении идентична форме дательного-местного падежа, а также сочетанию пространственного послелого *тал* (к, по направлению) с исходной формой (им. п.) имени существительного в функции как дополнения, так и обстоятельства места со значением направленности к лицу или предмету, либо к какому-нибудь пункту или месту действия.

Все указанные падежные формы сочетаются с глаголами со значением удаления или

приближения субъекта в сторону объекта (лица или предмета) или достижения им объекта и пункта назначения: *одхъ* - идти, пойти, поехать; *йовхъ* - идти, ходить; *йовад одхъ*, *авад хархъ* - отправиться; *көтелхе* - вести; *адһъхъ* - торопиться, спешить; *ирхе*, *күрөд ирхе* - прийти; *дахулжъ ирхе* - привести; *өөрдхе* - приблизиться; *хәрхе* - возвратиться; *орхъ* - войти и т.д.: *багшур* (*багшдъ*, *багшъ таль*) *одвь* - пошёл (направился) к учителю; *нарън хархъ үзгүр* (*үзегте*, *үзег таль*) *йовад одна* - отправился на восток; *диилврүр* (*диилверте*, *диилвер таль*) *көтелнө* - ведёт к победе; *тэнгсүр* (*тэнгесте*, *тэнгес таль*) *күрөд ирве* - пришёл к морю; *дүүһүрен* (*дү талан*) *хөлөве* - посмотрел на своего брата; *уснур* (*усьндъ*) *орвь*; *Сарь харънһудь хашаһур* (*хашадъ*, *хаша тал*) *өөрдөд ирхлө*, *хойър чонь һарад зулвь* (П.Д.) - В тёмную безлунную ночь, когда люди приблизились к загону, два волка бросились бежать.

Таким образом, изучение семантической структуры падежей показывает, что каждый из них имеет собственный комплекс значений: основных, второстепенных и периферийных, дифференцируемых в зависимости от лексического значения слова, управляющего падежом, либо от семантики всего предложения, либо конструкций, входящих в него. Вместе с тем каждый падеж, будучи в составе парадигмы слова, не является изолированной грамматической единицей со своим собственным семантическим потенциалом. Он связан с другими падежами в парадигме, соотносится с ними и входит в целостную замкнутую систему многозначных грамматических единиц, в которой каждый падеж имеет свой комплекс значений.

Использованная литература

1. Бадмаев Б.Б. Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста, 1966.
2. Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
3. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983.
4. Котвич Вл. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Петроград, 1915; Ржевице у Праги, 1929.
5. Павлов Д.А. Имя существительное // Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983, с. 67-132.
6. Попов.А. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847.
7. Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. М.-Л., 1940.
8. Тодаева Б.Х. Значения и функции падежей в калмыцком языке // Записки. вып. 1, 1960, с. 163-190.
9. Харчевникова Р.П. Падежи с субъектным значением в современном калмыцком языке // Материалы международной научной конференции "Россия и Восток". Фило-софские проблемы геополитических процессов: Каспийский регион на рубеже III тыся-челетия. Астрахань, 2001.

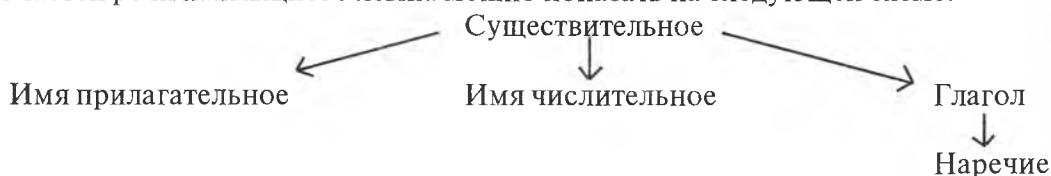
Сусеева Д.А.

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО И НАРЕЧИЯ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ (ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Общие замечания

С морфологической точки зрения имя прилагательное и наречие в калмыцком языке (как и в других монгольских языках) находятся на периферии системы частей речи. Главное место принадлежит имени существительному, которое, отражая реалии действительности, представляет собой языковой аналог материи. Поскольку предметы материального мира обладают качественными и количественными, динамическими и статическими признаками, имя существительное может определяться словами, которые называют эти признаки. К числу таких определяющих слов относятся имя прилагательное, глагол и имя числительное. Они находятся на более низкой ступени, чем имя существительное. Наречие находится на ещё более низкой ступени "иерархической пирамиды частей речи", так как обозначает вторичный признак - признак признака, выражаемого именем прилагательным или признаком действия, выражаемого глаголом.

Положение имени прилагательного и наречия в иерархической системе знаменательных частей речи калмыцкого языка можно показать на следующей схеме:

Имя прилагательное и наречие имеют общий признак - морфологическую неизменяемость. На этом сходство этих частей речи заканчивается. На фоне общего признака, объединяющего их, четко проявляются отличия имени прилагательного от наречия. Эти две части речи отличаются в плане содержания по выполняемым семиологическим функциям. Имя прилагательное называет признаки и свойства предметов, наречие - признаки и свойства признаков и действий (состояний). И это семантическое разграничение является кардинальным.

Кроме того, имя прилагательное и наречие, являясь словами-названиями, противопоставляются друг другу по синтаксическим функциям. Имя прилагательное выступает в предложении в функции определения и сказуемого (ядерного компонента предложения), наречие - в функции обстоятельства. Для наречия вхождение в ядро предложения нетипично.

1. Имя прилагательное

Имя прилагательное - это слово с номинативной функцией, обозначающее признак предмета, не имеющее форм словоизменения и функционирующее в предложении в роли определения и сказуемого.

Имя прилагательное как часть речи характеризуется пятью признаками: морфологическим, семантическим, сочетаемостным, синтаксическим и словообразовательным. В данной работе впервые в монголистике для описания прилагательных и наречий используются пять признаков (принципов) в совокупности. Кроме того, введен новый принцип описания указанных частей речи - сочетаемость, а также ведущим принципом для

этих частей речи признается – синтаксический, от которого зависят все остальные. Наш подход в описании прилагательных и наречий принципиально отличается от традиционных описаний, принятых в калмыковедении и монголоведении, которые изложены в истории вопроса о принципах описания частей речи в монгольских языках в книге В.М.Наделяева (Наделяев, 1989).

1.1. Морфологический признак

С позиций грамматики имя прилагательное характеризуется отрицательным признаком, так как не обладает формами словоизменения. Имя прилагательное в калмыцком языке, как и во всех монгольских языках, не склоняется по падежам, как имя существительное, и не изменяется по лицам, временам, наклонениям, как глагол. Неизменяемость имени прилагательного, как и наречия, является его грамматическим (морфологическим) признаком.

Следовательно, имя прилагательное, как и наречие, обладает только одной грамматической формой. Например:

1. *Муурсън аанахън һалън мөрен таньдъг хаалһдан алхмънжъ ишкөд йовна* (Б.А.). - Уставшая, плохонькая, с белой полоской во лбу (звездочкой) лошадь, медленно передвигая ногами, шла по знакомой дороге.

2. *Гэринен өрке хэрүлже оркад, хэрү гэрте орад, нүүрэн уһажъ оркад барун бийде уята бичкен һалън туһлыгъ төөлже авад һарвь* (М.Н.). - Откинув полог дымохода, вернувшись в дом, умыв лицо, отвязала и вывела наружу маленького со звездочкой во лбу теленка, который был привязан в правом углу кибитки.

3. *Өрүн цөөһин хөөне Цаһан, хойър суулһ авад, худъг орад, усъндъ одвь* (М.Н.). - После утреннего чая Цаган, взяв два ведра, направилась к колодцу за водой.

1.2. Семантический признак. Разряды прилагательных по значению

По семантике имена прилагательные распадаются на две группы: качественные и относительные.

Качественные прилагательные - это такие, которые называют признак предмета непосредственно. Например: *альг* "пестрый", *зузан* "толстый", *жөөлен* "мягкий", *көке* "глубой", *ике* "большой", *бахъ* "маленький" и др.

Относительные прилагательные - это такие, которые называют признак предмета через его отношение к другой субстанции. Например: *өөтө* "звонкий" (имеющий отношение к *ө* "звук"), *модта* "содержащий деревья" (имеющий отношение к *модън* "дерево"), *дотьркъ* "внутренний" (имеющий отношение к *дотьр* "внутренности"), *зуна* "летний" (имеющий отношение к *зунъ* "лето"), *занын* "слоновый" (имеющий отношение к *зан* "слон") и др. В сочетании с существительными эти относительные прилагательные выглядят следующим образом: *өөтө домбър* "звучная домбра", *модта һазър* "земля, поросшая деревьями", *дотьркъ сэдкел* "внутренние размышления", *зуна цаг* "летнее время", *занын арсън* "слоновая кожа" и др.

1.2.1. Качественные имена прилагательные

Качественные прилагательные называют различные признаки предметов непосредственно. Чаще всего они называют такие качества и свойства предметов, которые воспринимаются органами чувств (зрением, на слух, на вкус и т.п.), обозначают свойства характера и психологического склада, выражают оценку. Сравнить:

1) прилагательные обозначают признаки, воспринимаемые органами чувств: а) по цвету (*цаһан* "белый", *көке* "синий"; *кэр* "гнедой", *шарһъ* "соловый", *альг* "пегий" и др.); б) по вкусу (*һашун* "горький", *эмтөхен* "вкусный", *халун* "горячий" и др.); в) на ощупь (*жөөлен* "мягкий, пухлый", *зузан* "толстый", *хату* "твердый, жесткий", *киитен* "холодный" и др.); г) по физическим свойствам (*атхър* "кудрявый", *сохър* "слепой", *доһлън* "хромой", *дүлө* "глухой", *матхър* "кривой" и др.); д) по весу (*гииген* "мягкий", *күнде* "тяжелый"); е) по размеру (*ике* "большой", *үчүкен* "крохотный", *оһтър* "короткий", *бүдүн* "большой", *бичкен* "маленький" и др.);

2) прилагательные, называющие свойства характера и психологического склада: *мэр-*

ген "меткий", *цэцен* "мудрый", *догшын* "свирепый, злой" (чаще о животном), *һольшг* "вежливый, любезный", *энкер* "любящий", *номһын* "спокойный", *шамдһа* "проворный, расторопный", *түрген* "быстрый", *худьлч* "лживый", *залху* "ленивый", *хоома* "ленивый", *хуудьм* "легкомысленный", *өкәр* "ласковый", *чиирег* "крепкий, мужественный", *хатучь* "скупой" и др.;

3) прилагательные, выражающие оценку (*сән* "хороший", *му* "плохой", *чаһһ* "крепкий", *суль* "слабый, свободный", *бать* "крепкий", *әрүн* "чистый", *бузьр* "грязный" и др.).

1.2.2. Относительные прилагательные

Относительные прилагательные называют признаки предметов не прямо, а опосредованно. Такие прилагательные указывают на разнообразные отношения, которые складываются между предметами и многими субстанциями. Среди них можно выделить следующие отношения:

1) прилагательные обозначают признаки, указывающие на отношение предметов к другим предметам (*булһарин завод* "кожевенный завод", *зүркнә гэм* "сердечная болезнь; болезнь сердца", *ясна гэм* "костная болезнь", *мөснә көндә* "ледяная пещера", *магталын үге* "хвалебные слова" и др.);

2) прилагательные обозначают признаки, указывающие на отношение предметов к материалу, из которого они сделаны (*модьн гэр* "деревянный дом", *чолун хаша* "каменный сарай", *алгын билцег* "золотое кольцо", *ясн товч* "костяные пуговицы", *төмер балть* "железный топор", *көвөң көнжел* "ватное одеяло" и др.);

3) прилагательные обозначают признаки, указывающие на отношение предметов к месту (*тээгин аһар* "степной воздух", *һолын көвө* "речной берег", *булгин усьн* "родниковая вода", *балһсна парк* "городской парк" и др.);

4) прилагательные обозначают признаки, указывающие на отношение предметов к времени (*хаврин тэг* "весенняя степь", *зуна цаг* "летнее время", *намрин урһмьл* "осенняя растительность", *жилин көделмеш* "годовая работа" и др.);

5) прилагательные обозначают признаки, указывающие на отношение предметов к числу (*хойрдыгч гэр* "второй дом", *доладьгч школ* "седьмая школа", *һурьвдыгч кичөл* "третий урок" и др.).

1.3. Сочетаемостьный признак

Прилагательные примыкают к существительным и глаголам, образуя в первом случае субстантивированные словосочетания, а во втором случае - предикативные словосочетания. Например:

1) субстантивированные словосочетания, где в роли зависимого слова выступает прилагательное: *бууһин дун* "ружейный выстрел; выстрел из ружья", *бичкен күүкен* "маленькая девочка", *байын күн* "богатый человек", *аратын арсьн* "лисий мех", *ахьр дээсен* "короткая веревка", *бәрке цаг* "трудное время" и др.;

2) предикативные словосочетания (ядро предложения): *Ахьр бууһин ө - ике* (Пог.). - Звук короткоствольного ружья большой (или велик). *Барань бардһьр, һуйньн шордһьр* (Пог.). - Вид солидный, ляжка тонка. *Чонын амьн идэвчен улан, эсе идэвчен улан* (Пог.). - Пасть волка красна, хоть он ел или не ел. *Нур дундан нуһсьн сәәхен, нутьг дундан номтань сәәхен* (Пог.). - Среди озера утка самая прекрасная, в родном кочевье ученый человек самый лучший.

Основная связь между компонентами в таких словосочетаниях — предикативная.

Кроме этих сочетаний, имеются и такие, где прилагательные выступают в роли главного компонента адъективного словосочетания, сочетаясь путем примыкания с наречиями меры и степени. К их числу в основном относятся качественные прилагательные. Например: *маш ике кэрег* "весьма успешное дело", *йир сән үүл бүтәхе* "совершать весьма благородное дело", *зөвөр ора цаг* "довольно позднее время" и др.

1.4. Синтаксический признак

Имя прилагательное в предложении выполняет две функции: определения и сказуемого. Прилагательные, выступающие в роли определения:

1. *Һөөһвө үге олжъ авсѣн болжанчъ, хөөмень!* (Б.А.). - Бедный, ты думаешь, что нашёл хорошее слово!

2. *Зарһин ахлачъ Дора Доржиевна, Цэрен, Хар-Даван һурвѣн болжъ шиидегдвѣ* (Н.М.). - В судебные исполнители выдвинули Дору Доржиевну, Церена и Хар-Давана.

3. *Ода болхла, зэрем колхозникуд эврэ мал гихлэ, үкс гилдэд одна, колхозин гихлэ кэцэлдэд бөөцхэнэ* (Н.М.). - Сейчас некоторые колхозники, когда речь идет о собственной скотине, торопятся, когда о колхозной скотине - не торопятся.

4. *Зэрлег тэмэн кэвтэ яһжъ адържахъмт?* (Э.К.). - Что ты, как дикий верблюд, с ума сходишь?

5. *Зөгин зуулһъ эсе мэдсен күн, балын амтъ мэддего* (Пог.) - Кто не испытал укуса пчелы, тот не знает вкуса меда.

Прилагательные, выступающие в роли сказуемого:

1. *Хурин хөөтке - нарѣн халун, / Худлын хөөтке - ичер хату* (Пог.) - После дождя солнце горячее, / После обмана стыд тяжёлый.

2. *Садта күн санамър* (Пог.) - Человек, имеющий много родственников, - спокойный.

3. *Эсе идвѣ чиген - өөкен сөөхен, / Эсе өгвѣ чиген - элген сөөхен* (Пог.). - Если даже не ешь, жир всегда вкусный, / Если даже ничего не даёшь, родственники всегда близкие.

4. *Мөрень - номһън, эзень - йовһън* (Пог.). - Если лошадь тихая, хозяин - пеший.

5. *Ухань ахър, үсень утъ* (Пог.). - Мысли короткие, волосы длинные.

1.5. Словообразовательный признак

Прилагательные бывают непроизводные и производные. Непроизводные прилагательные — это такие, которые в современном языке не имеют мотивации как формальной, так и семантической. К числу непроизводных прилагательных, например, относятся следующие: *ике* "большой", *баһъ* "маленький", *көке* "синий", *улан* "красный", *утъ* "длинный", *ахър* "короткий", *өндер* "высокий", *му* "плохой", *сэн* "хороший" и др.

Производными прилагательными называются такие, которые в современном языке мотивированы другими словами, как в формальном, так и в семантическом плане. Например: *хату* "твёрдый" (от *хатхъ* "затвердевать"), *төвкнүн* "мирный, спокойный" (от *төвкенхе* "успокаиваться"), *өөлемтхө* "обидчивый" (от *өөлхе* "обижаться"), *боръвтър* "сероватый" (от *боръ* "серый"), *халувтър* "довольно горячий" (от *халун* "горячий"), *сурһъмжта* "воспитанный" (от *сурһъмжъ* "воспитание"), *үүлтө* "облачный" (от *үүлѣн* "облако"), *усърхъг* "водянистый" (от *усън* "вода") и др.

В современном языке сложился целый набор словообразовательных способов и средств, с помощью которых образуются прилагательные.

Прилагательные образуются с помощью следующих способов: 1) аффиксации, 2) сложения, 3) сращения, 4) удвоения (повтора) и 5) адъективации.

При аффиксации прилагательное образуется от основ существительных, прилагательных, наречий и глаголов с помощью словообразовательных суффиксов. Например:

1) с суффиксом *-а/-э* от основ существительных (*мөрен* "конь, лошадь" - *мөрн-э* "конный", *хөн* "овца, баран" - *хөөн-э* "бараний, овечий", *үкер* "корова" - *үкр-э* "коровий" и др.);

2) с суффиксом *-рхъг/-рхег* от основ существительных (*нойън* "князь" - *нойъ-рхъг* "властный"; *үсен* "волосы" - *үсе-рхег* "волосатый"; *ууль* "гора" - *ууль-рхъг* "гористый" и др.);

3) с суффиксом *-втър/-втер/-вър/-вер/-вцър/-вцер/-цър/-цер* от основ прилагательных (*харъ* "черный" - *харъ-втър* "черноватый"; *цаһан* "белый" - *цаһа-вър* "белесый"; *улан* "красный" - *ула-вър/ула-втър* "красноватый" и др.);

4) с суффиксом *-мһа/-мһө/-мха/-мхө* от основ глаголов (*мартхъ* "забывать" - *мартъ-мха* "забывчивый"; *кэлхе* "говорить" - *кэле-мһө* "говорливый"; *чадхъ* "мочь" - *чадъ-мһа* "способный" и др.);

5) с суффиксом *-у/-ү* от основ глаголов (*салхъ* "разойтись" - *сал-у* "отдельный"; *хагсхъ* "сохнуть" - *хагс-у* "сухой"; *тархъ* "рассеять" - *тар-у* "разбросанный" и др.).

При сложении прилагательные мотивируются формально и семантически двумя ос-

новами (или двумя словами), из которых они образованы. При сложении производящие основы (слова) не изменяются. Например: *хар-улан* "смуглый" (от сложения основ прилагательных *харь-* "черный" и *улан-* "красный"), *оошкь-улан* "розовый" (от сложения основ существительного *оошкь-* "легкие" и прилагательного *улан-* "красный"), *махта-шөлтэ* "упитанный" (от сложения двух производных прилагательных - *махта* "содержащий мясо" и *шөлтэ* "содержащий бульон") и др.

Прилагательные, образованные путем удвоения, встречаются часто. Суть этого способа заключается в том, что прилагательное образуется путем повтора (или удвоения) одной и той же основы производящего слова. Например: *нэр-хен-нэрхен* "тоненький" (от *нэрхен* "тонкий"), *борь-борь* "серенький" (от *борь* "серый") и другие.

Порядок слов в калмыцком языке имеет большое значение не только для синтаксиса, но и для словообразования. Так, существительные и причастия, попадая в позицию перед существительным и выполняя одновременно функцию определения, часто переходят в разряд прилагательных. Этот процесс называется адъективацией, а производные – адъективами.

В калмыцком языке различают адъективацию существительных и причастий, которые чаще всего пополняют класс прилагательных. Например: *ишкэ гэр* "войлочная кибитка" (букв. "войлок-кибитка"), *төмер тайг* "железный посох" (букв. "железо-посох"), *тэмэн тэрген* "верблюжья телега" (букв. верблюды-телега"), *хальмьг кэлен* "калмыцкий язык" (букв. "калмык-язык"), *салькын тээрем* "ветряная мельница" (букв. "ветер-мельница") и т.п.

Словообразовательные суффиксы, с помощью которых образуются прилагательные, служат признаком для выделения этой части речи среди остальных.

1.6. К вопросу о грамматической омонимии

Калмыцкое языкознание давно располагает сведениями о лексических омонимах (см. работы Ц.Д. Номинханова, И.К. Илишкина, Б.Б. Бадмаева, Д.А. Павлова, Э.Ч. Бардаева, М.У. Монраева и др.). Однако работ о грамматических омонимах нет, хотя они тоже имеют место в калмыцком языке и заслуживают специального изучения. Между лексическими и грамматическими омонимами имеется существенное различие.

Лексические омонимы - это слова, которые имеют одинаковую внешнюю форму, либо звуковую (в устной речи), либо графическую (в письменной речи), но имеют разные лексические значения. Сравнить: *аагь* "настой" (чая, лекарства) и *аагь* "язычок (у рыболовного крючка)"; *анир* "гранат (дерево, плод)" и *анир* "звук, шум, гул, эхо"; *арьш* "отшельник; святой" и *арьш* "дышло, оглобля" и др.

Грамматические омонимы - это грамматические формы слов, которые имеют либо одинаковое звучание (в устной речи), либо одинаковое графическое обозначение (в письменной речи), но имеют разные грамматические значения. Сравнить: 1) *Эне дэгтер ав.* - Возьми эту книгу. 2) *Тэре дэгтер стол дээре кэвтнө.* - Та книга лежит на столе. В первом предложении слово "*дэгтер*" употреблено в форме винительного падежа, а во втором предложении - в форме именительного падежа. Следовательно, в двух предложениях мы имеем две грамматические (падежные) формы одного слова, совпавшие как по звучанию, так и написанию, но принципиально различающиеся по грамматическим значениям.

В калмыцком языке предлагается выделить два типа грамматической омонимии: 1) омонимию грамматических форм одного слова, как в случае со словом "*дэгтер*"; 2) омонимию частей речи, то есть частеречную омонимию.

Частеречная омонимия раньше была названа нами в рабочем порядке термином "синкретические корни" (Сусеева, 1985). Однако в связи с изучением грамматических признаков разных частей речи мы пришли к выводу, что в данном случае точнее говорить о грамматической омонимии, оставив термин "синкретический" только за служебными морфемами – аффиксами. Так, к числу синкретических аффиксов относятся все залоговые аффиксы, которые одновременно образуют как глагольную форму, так и новую лексему.

Частеречная омонимия - это такой тип грамматической омонимии, когда слова раз-

ных частей речи совпадают либо по звучанию, либо по написанию. Источником частеречной омонимии являются такие словообразовательные процессы, как субстантивация, адъективация и адвербиализация. Например, к числу частеречных омонимов можно отнести следующие слова:

1) *модьн* "дерево" (сущ.) и *модьн* "деревянный" (прилагат.); 2) *төмер* "железо" (сущ.) и *төмер* "железный" (прилаг.); 3) *чолун* "камень" (сущ.) и *чолун* "каменный" (прилаг.); *сән* "хороший" (прилаг.) и *сән* "хорошо" (нареч.); *му* "плохой" (прилаг.) и *му* "плохо" (нареч.) и др.

Различие между существительным *модьн* "дерево" и прилагательным *модьн* "деревянный" сводится к тому, что существительное характеризуется формами словоизменения (падежа, числа), а прилагательное полностью их лишено.

Различие между прилагательными *сән* "хороший" и наречием *сән* "хорошо" сводится к тому, что они примыкают и определяют разные слова. Прилагательное "*сән*" может примыкать к существительному, стоять в препозиции и выполнять функцию определения (например, *сән күн* "хороший человек"), а наречие "*сән*" примыкает к глаголу, стоит перед ним и выполняет функцию обстоятельства действия (например, *сән умшвь* "хорошо читал").

В настоящее время грамматическая система калмыцкого языка стремится к тому, чтобы свести к минимуму проявление частеречной омонимии, так как она затрудняет понимание текста. В связи с этим наблюдается активность аффиксального способа словообразования, как прилагательных, так и наречий. Кроме того, расширяется адъективация косвенных падежных форм существительных (род., совм.), с одной стороны, и адвербиализация орудного падежа существительных, с другой стороны. Всё это приводит к более заметному противопоставлению по грамматической форме имен существительных и имен прилагательных, с одной стороны, имен прилагательных и наречий, с другой стороны.

1.7. К вопросу о степенях сравнения имён прилагательных

С одной стороны, прилагательные считаются неизменяемой частью речи, с другой стороны, признается наличие у них грамматических форм степеней сравнения. Например, А.Л. Каляев выделяет две степени сравнения у прилагательных: сравнительную и превосходную (Каляев, 1983, 134).

Как нам представляется, если последовательно признавать прилагательные неизменяемой частью речи, тогда их "формы степеней сравнения" по логике вещей допустимо трактовать как средство образования прилагательных, и тогда они без труда находят своё место в ряду известных (выше указанных) способов словообразования имен прилагательных.

Несколько слов о сочетаниях типа *дэгед сән* "слишком хороший", *маш улан* "совершенно красный", *салькнась хурдьн* "быстрее ветра" (ГКЯ, 1983, 134-135), которые представляют собой не прилагательные, а адъективные словосочетания (с главным компонентом - прилагательным, зависимым словом - наречием и именем существительным). Поэтому подобные словосочетания не могут признаваться производными прилагательными.

2. Наречие

Наречие – это слово с номинативной функцией, обозначающее признак действия, не имеющее форм словоизменения и в предложении функционирующее в роли обстоятельства.

Наречие как любая знаменательная часть речи характеризуется пятью признаками: морфологическим, сочетаемостным, семантическим, синтаксическим и словообразовательным.

2.1. Морфологический признак

В морфологическом аспекте наречие характеризуется отрицательным признаком, так как не имеет форм словоизменения. Наречие в калмыцком языке, как и в других мон-

гольских языках, не склоняется по падежам и не изменяется по числам, как имя существительное, и не спрягается по лицам, временам, как глагол. Эта неизменяемость наречия и является его грамматическим признаком.

Следовательно, наречие имеет только одну грамматическую форму. Например: *энде* "здесь", *өцкелдүр* "вчера", *өрө-өрө* "еле-еле" и др.

2.2. Семантический признак: разряды наречий по значению

По семантике наречия распадаются на две группы: качественно-определятельные и обстоятельственные.

Качественно-определятельные наречия вносят уточнение в определяемые слова, видоизменяя их значение. Сравнить: *хурдар бичхе* "писать быстро" и *өрө-өрө бичхе* "писать медленно"; *сөөнөр умшхь* "читать хорошо" и *мууһар умшхь* "читать плохо".

Обстоятельственные наречия не вносят никаких изменений в значение того глагола, которому они подчинены. Сравнить: *кэзэнәсе авьн умшна* "читает с давних пор" и *удан умшна* "долго читает"; *энде сууна* "здесь сидит" и *тэнде сууна* "там сидит".

По данным "Хальмг орс толь" (ХОТ, 1977), в современном калмыцком языке больше представлено качественно-определятельных наречий и меньше - обстоятельственных.

Семантическая классификация наречий носит иерархический характер: внутри двух указанных групп наречий выделяются подгруппы.

2.3. Качественно-определятельные наречия

Среди качественно-определятельных наречий выделяются следующие подгруппы:

1) качественные наречия (*байьртаһар* "радостно", *һундълтаһар* "обидчиво", *һавшунар* (*һавцар*) "ловко, проворно", *һольшгар* "вежливо, деликатно", *зөрегтөһөр* "смело", *мууһар* "плохо", *өткнөр* "густо", *тагчьгар* "тихо", *хурдар* "быстро", *ахрар* "коротко", *арһул* "медленно", *арһулхнар* "тихо, медленно" и др.);

2) количественные наречия (*нэге дөкже* "единожды", *хойьр дөкже* "дважды", *кэдү дөкже* "сколько раз", *һанцарьн* "один", *кэсег дөкже* "неоднократно" и др.);

3) наречия способа действия (*гүүһөд* "бегом", *йовһар* "пешком", *нуувчар* "тайно, скрытно", *ивтедень* "насквозь", *йостаһар* "по-настоящему", *айстаһар* "мелодично", *сальнгар* "небрежно", *гэнткен* "неожиданно", *адһьмтаһар* "спешно", *модьрунар* "грубо, невежливо" и др.);

4) наречия меры и степени (*зөвөр* "значительно, гораздо", *зүг* (*зүгөр*) "значительно", *дэгед* (*дэгэд*) "слишком", *ульм* "еще более", *йир* "очень", *мэл* "совершенно, совсем", *бэрке* "очень, слишком, чрезвычайно" и др.);

5) наречия сравнения (*баавинөр* "по-отцовски", *геройинөр* "героически", *залуһинөр* "по-мужски", *зунаһар* "по-летнему", *ангинөр* "по-звериному" и др.).

2.4. Обстоятельственные наречия

Внутри обстоятельственных наречий выделяются следующие подгруппы:

1) наречия места (*ардагшан* "назад", *өмөрән* "вперед", *хөврегшән* "в сторону", *ардь* "сзади", *альдь* "где", *ардась* "сзади", *альдаран* "куда", *энде* "здесь", *һаза* "вне", *һазаран* "наружу", *зууран* "в пути", *ийгән* "сюда", *кээре* "в степи", *холь* "далеко", *өөре* "близко", *өөдән* "вверх", *өмне* "впереди", *дорагшан* "вниз", *хажудан* "рядом", *өмнэгшән* "вперед" и др.);

2) наречия времени (*асхьндан* "вечером", *асхар* "вечером", *аяртан* "вечером", *зөремдөн* "иногда", *оньдин* "всегда", *кэзәнә* (*кэзәнәһө*) "давно", *манһьдур* "завтра", *мөнкинде* "навечно", *ода* "теперь", *өцкелдүр* "вчера", *ора* "поздно", *өрүнә* (*өрүһәр*) "рано", *сөөһөр* "поздно ночью", *үвлөр* "зимой", *хаврар* "весной", *шидрәһө* "недавно", *эндер* "сегодня" *эртөр* "рано" и др.);

3) наречия причины (*эндүһөр* "ошибочно, неправильно", *ууртан* "сгоряча", *арһь уга болад* "поневоле" и др.);

4) наречия цели (*зөрце* "намеренно, умышленно", *һацандьнь* "назло", *шоглад* "нарочно", *кэрег кэһөд* "с целью" и др.);

5) наречия совместности (*хамдан* "вместе", *хоюрьн* "вдвоем", *олар* "сообща", *нэгдэд* "сообща" и др.).

2.5. Сочетаемый признак

Наречие находится в зависимости от глагола. Эта зависимость отражена в самом названии данной части речи (слово "наречие" представляет собой перевод латинского термина *adverbium* "приглаголие").

Связь наречия с глаголом осуществляется в форме примыкания. В тексте наречие находится обычно в препозиции к глаголу. Например:

1. *Ике харь толһа дээресе өрүн будьн дорькшан буужь бөөлө* (М.Н.). - Утренний туман спускался с большого темного кургана вниз.

2. *Һаза һарад, үкертән туһлынъ төвже оркад, ивлүлөд, Цаһан үкрән саавь* (М.Н.). - Выйдя на улицу, подпустив теленка к корове и вызвав появление у неё молока, Цаган стала доить корову.

3. *Нармь ирэд, эне хотьндь зөвөр удан болжь орквь* (М.Н.). - Нарма прибыв (сюда), довольно долго задержалась в этом хотоне.

Наречие может сочетаться не только с глаголом, но и с наречием. Такой способностью, правда, обладают не все семантические подгруппы наречий, а только качественно-определятельные наречия меры и степени. Например: *Зуна нарьн улъм өөдөн һарад...*(М.Н.). - Летнее солнце поднялось еще выше... Эта же подгруппа наречий сочетается и с прилагательными. Например: *Эне өдер йир халун өдер болдыг бөөделтө*. - Кажется, этот день будет очень жарким днём.

2.6. Синтаксический признак

Наречие в предложении выполняет в основном функцию обстоятельства. Примеры:

1. *Кэзэнэ нэге худгась усь хамдан авчъ йовла биден* (М.Н.). - Когда-то мы вместе брали воду из одного колодца.

2. *Кэзэнэ нэге өвген кэр һалзын хуць унад, эмте эргсен билө, би йовһар йовжанав* (М.Н.). - Давным-давно один старик, оседлав плешивого барана, объездил многих людей, я же - иду пешком.

3. *Асхьнь саалин үкермүд ирэд, зэл дээрэ мөөрөд бөөцхөве* (М.Н.). - Вечером, вернувшись, дойные коровы мычали у привязи для телят.

В некоторых случаях наречие может выступать в функции сказуемого. Например: *Сөөрхлө - садьн дала, муурхла - нойьн дала* (Посл.). - Когда хорошо живешь, родственников много; когда плохо живешь, господ много. Часто встречаются в такой функции наречия в пословицах и поговорках. Например:

1. *Нойьн күн таварьн, эзен күн дурарьн* (Посл.). - Князь живет по своему желанию, а хозяин - по своему хотению.

2. *Зан дээресе, йорь - урдась* (Посл.). - Характер свыше, суеверие от невежества.

3. *Муурхла - нөкед холь* (Пог.). - Когда человеку плохо, друзья далеко.

4. *Жора мөрен - хаврар, сэден күн - сэрүһөр* (Посл.). - Конь-иноходец резвится весной, а франт щеголяет в прохладу.

2.7. Словообразовательный признак

Наречия бывают непроизводные и производные. Непроизводными называют такие наречия, которые в современном языке не мотивированы как в формальном плане, так и семантическом. Например: *һаза* "вне", *холь* "далеко", *ода* "сейчас; теперь", *өөре* "близко", *өмне* "впереди", *кээрэ* "в степи; далеко", *ора* "поздно", *зуг* "только", *дэгэд* "слишком", *улъм* "еще...", ещё более" и др.

Производными называются наречия, которые в современном языке мотивированы другими словами как в формальном, так и семантическом плане. Например: *ардагшан* "назад", (от *ардь* "позади"), *өмөрән* "вперёд" (от *өмне* "впереди"), *асхьндан* "вечером" (от *асхьн* "вечер"), *үвлөр* "зимой" (от *үвел* "зима"), *байьртаһар* "радостно" (от *байьрта* "радостный"), *мууһар* "плохо" (от *му* "плохой; плохо"), *йовһар* "пешком" (от *йовһьн* "пеший"), *залуһинэр* "по-мужски" (от *залу* "мужчина") и др.

В современном языке имеется целый набор словообразовательных способов и средств, который используется для образования наречий. Наречия образуются с помощью следующих способов: аффиксации (*өткен* "густой" - *өткн-эр* "густо"), сложения (*энде-тэнде* "кое-где", *нар-цар* "туда-сюда"), сращения (*нэге дэжэ* "однажды", *эрэ гижэ* "еле-еле", *нэвчкен* "немного" (из *нэге бичкен*), удвоения (*цаг-цагтан* "временами", *тус-тустан* "врозь"); адвербиализации (*зунар* "летом", *нуувчар* "тайно"; *танаһар* "по-вашему").

При аффиксации производное наречие образуется с помощью словообразовательного суффикса и мотивируется формально и семантически одним словом (существительным, прилагательным, местоимением или другим наречием). Например:

1) с суффиксом *-гшан/-гшән/-кшан/-кшән*: *һазагшан* "наружу" (от наречия *һаза* "вне, наружу"), *ардакшан* "назад" (от наречия *ардь* "позади"), *дотракшан* "вовнутрь" (от существительного *дотър* "внутренности") и др.;

2) с суффиксом *-аһа/-әһә/-һа/-һә*: *үвләһә* "зимой" (от существительного *үвел* "зима"), *зунаһа* "летом" (от существительного *зунь* "лето"), *эртинәһә* "раньше, прежде" (от наречия *эртинә* "раньше") и др.;

3) с суффиксом *-дъ/-де*: *мөнкинде* "навечно, вечно" (от прилагательного *мөнкен* "вечный"), *оньдиндъ* "всегда" (от наречия *оньдин* "всегда"), *дангиндъ* "всегда, постоянно" (от прилагательного *дангин* "постоянный") и др.

Все приведенные производные наречия мотивированы одной производящей основой (или словом).

При сложении производные наречия мотивируются формально и семантически двумя основами (или двумя словами), из которых они образованы. При сложении производящие основы (слова) не изменяются. Например: *энде-тэнде* "там и сям; кое-где", *на-аран-цааран* "туда-сюда" и др.

Наречия, образованные путём сращения, возникли на основе глагольных и именных словосочетаний. Например: *нэге дэжэ* "однажды", *эрэ гижэ* "еле-еле"; *экен авьгтан* "начала" и др. К числу подобных наречий можно отнести и такие, которые М.У. Монраевым названы "фразеологическими наречными сочетаниями". Например: *эн-тер уга* "ничего; в порядке", *ә угаһар* "бесшумно", *адһьм угаһар* "неторопливо", *өдрин дуусьн* "весь день", *эһүнәсе хооран* "впредь; с этого момента", *нэвчкен зуурь* "немного" и др. (Монраев, 1983, 274-276).

Способом удвоения образовались наречия типа *цаг-цагтан* "временами", *тус-тустан* "врозь", *дару-дарунь* "друг за другом", *эрә-эрә* "еле-еле" и др.

В современном языке наречия, образованные путем удвоения, называются редупликатами, как и существительные, прилагательные, глаголы, образованные подобным образом. Наречия-редупликаты бывают трех типов. В рабочем порядке они названы нами как полные, смешанные и дефектные. При полном удвоении производящая основа повторяется дважды без каких-либо формальных изменений, например *эрә-эрә* "еле-еле". При смешанном удвоении производящая основа, повторяясь, осложняется суффиксом, например *бичкен-бичкнәр* "помаленьку". При дефектном удвоении во втором компоненте наблюдается смена звуков, например *кэзә-язә* "когда-то".

Адвербиализация является важным источником обогащения наречий калмыцкого языка. Адвербиализация - это переход слов других частей речи в наречия. Чаще всего в разряд наречий переходят склоняемые и спрягаемые слова, то есть существительные, субстантивированные прилагательные и причастия, местоимения, числительные и глаголы.

Суть адвербиализации сводится к тому, что некоторые грамматические формы имен существительных, субстантивированных прилагательных, числительных и глаголов выпадают из системы грамматических парадигм, изолируются и превращаются в наречия. Например, наречие *нуувчар* "тайно" появилось в калмыцком языке благодаря адвербиализации грамматической формы орудного падежа существительного *нуувчъ* "конспиратор". Обычно подобные наречия сосуществуют с соответствующими грамматическими формами существительных, образуя грамматическую омонимию. Сравнить: наречие *нуувчар* "тайно; скрытно" и форму орудного падежа *нуувчар* "конспиратором" в парадигме существительного *нуувчъ* "конспиратор".

Им.	нуувчъ "конспиратор"
Род.	нуувчин "конспиратора", "конспиративный"
Дат.-мест.	нуувчдъ "конспиратору"
Вин.	нуувчиге "конспиратора"
Оруд.	нуувчар "конспиратором"; "конспиративно"
Совм.	нуувчта "имеющий конспиратора"
Соед.	нуувчла "с конспиратором"

Среди всех способов образования наречий главное место занимает аффиксальный. Вот почему словообразовательная структура производного наречия может служить маркером наречия как части речи.

Использованная литература

1. ГКЯ - Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983.
2. Каляев А.Л. Имя прилагательное // Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983, с. 132-149.
3. Монраев М.У. Наречие в современном калмыцком языке. Элиста, 1980. Он же. Наречие // Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983, с. 259-276.
4. Сусеева Д.А. Синкретические корни // Словообразовательный словарь калмыцкого языка. Элиста, 1985.
5. Надеяев В.М. Современный монгольский язык. Морфология. Новосибирск, 1989.
6. ХОТ - Хальмг-орс толь (Калмыцко-русский словарь). Под редакцией Б.Д.Муниева. М., 1977.
7. Чареков С.Л. О синкретизме основ некоторых частей речи в бурятском языке// Грамматическое своеобразие бурятского языка. Улан-Удэ, 1987.

СИНТАКСИС ТЕКСТА: ЕДИНИЦЫ И ИХ СВОЙСТВА

В калмыцком языкознании хорошо изучен синтаксис простого и сложного предложений. Наибольший вклад в эту область языкознания внесли известные синтаксисты У.У.Очиров и Г.Ц.Пюрбеев. Проблемы же лингвистики текста не только не исследованы, но и не ставились для обсуждения. В настоящей статье нами будут рассмотрены основные средства связи компонентов калмыцкого текста и способы соединения предложений в тексте. Так как синтаксис текста опирается на актуальное членение предложения, особое внимание в данной работе мы уделим компонентам актуального членения предложения, средствам актуализации и в особенности – порядку слов в простом предложении.

1. Актуальное членение калмыцкого предложения

Коммуникативный синтаксис на материале калмыцкого языка не разрабатывался в рамках монографии. Следует отметить, что в статьях таких синтаксистов, как Г.Ц.Пюрбеев, Э.У.Омакаева, В.Н.Мушаев, рассматривались отдельные аспекты проблемы. На материале халха-монгольского языка в 80-ые годы проблемы актуального членения предложения обсуждались в статьях З.К.Касьяненко, З.В.Шеверниной, М.Н.Орловской. К сожалению, в последующем интерес к коммуникативному аспекту изучения синтаксиса монгольских языков ослаб. Насколько нам известно, монографического исследования актуального членения предложения на материале ни одного из монгольских языков не было осуществлено.

1.1. Порядок слов

Основываясь на работах названных выше авторов, рассмотрим актуальное членение калмыцкого предложения в интересующем нас ключе. Основным средством актуального членения предложения в письменном тексте является порядок слов. При этом рема, как правило, следует за темой. В языках с фиксированным порядком слов большую роль играют актуализаторы, с помощью которых обозначается информация. В литературе отмечается то, что в калмыцком языке порядок слов таков, что сказуемое всегда занимает финальную позицию в предложении, это определяется законом регрессивного синтаксического подчинения. Согласно ему, стержневое слово следует за поясняющим. Основная роль в организации словосочетания принадлежит зависимой словоформе, управляемой главным словом. Так как в монгольских языках согласование как средство синтаксической связи слов не используется, то только порядок слов определяет целостность словосочетания. Изменение местоположения слова может разрушить словосочетание, ср: *модьн гэр* - деревянный дом и *гэр – модьн* - дом – деревянный. Здесь при первом словоупорядке сохраняется словосочетание, а при втором - разрушается его целостность.

§ 1. В калмыцком предложении центральным компонентом является сказуемое, которое, согласно принципу регрессивного синтаксического подчинения слов в монгольских языках, занимает финальную позицию: "постановка глагола в конце предложения связана с соблюдением в языке порядка слов определение - определяемое" (Серебренников, 1974, 310). Однако, как и в целом в лингвистике (Холодович, 1979, 249; Общее языкознание, 1972), вербоцентрическая теория признается не всеми монголистами. Так, известный синтаксист Т.А.Бертагаев полагает, что главные члены предложения являются исключением из названного выше правила: "поясняемое, подлежащее, находится перед поясняющим, сказуемым" (Бертагаев, 1964, 66).

Главенствующая роль сказуемого определяется тем, что предложение можно свернуть до одного сказуемого, "минимум монгольского предложения представляет собой

сказуемое" (Поппе, 1937, 8). Кроме того, сказуемому принадлежит главная роль в организации информационной структуры высказывания. На этом основании его называют "основным конститутивным членом предложения" (Бертагаев, 1964, 83; Шевернина, 1984, 156).

В старописьменном монгольском языке исследователи (Бертагаев, 1964; Орловская, 1980) фиксируют случаи нарушения традиционного финального положения сказуемого: подлежащее, выраженное личным местоимением, повторяется после сказуемого. С употреблением местоимений в этой позиции связывается хорошо известное еще со времен Боппа появление в языках лично-предикативных частиц. "С течением времени эти постпозитивные местоимения в результате частого появления в одном и том же положении на участке речи не ради своего лексического значения, а ради связи сказуемого с подлежащим потеряли свой стабильный звуковой состав и превратились в аффиксы сказуемости" (Закиев, 1963, 39). С этим можно согласиться, но как трактовать употребление в постпозиции к сказуемому обстоятельство и дополнений?

На такие случаи в свое время обратил внимание В.Л. Котвич: "забыв указать действующее лицо на своем месте, можно восполнить этот пробел уже по окончании фразы - на это указывает небольшая пауза...: *Усь авад, гэртэн ирве тэре күүкен.* - Взяв молоко, пришла домой та девочка. *Ясь авчь оад хайчквь кээрe.* - Взяв кость, выбросил в поле (Котвич, 1929: 360). Случаи перемещения разных членов предложения за сказуемое отмечены М.Н.Орловской в языке калмыцкого эпоса "Джангар" и в современном монгольском языке (Орловская, 1980; 1984). Вряд ли можно согласиться с приведенной выше трактовкой этих случаев, предложенной В.Л.Котвичем, гораздо большего внимания заслуживает функциональное объяснение.

Т.А.Бертагаев, проанализировав случаи помещения разных членов предложения за сказуемое в современном монгольском языке и в языке монгольских памятников (14-15 вв.), пришел к выводу, что "постпозитивное употребление подлежащего вызывается эмоциональной нагрузкой и смысловыми оттенками" (Бертагаев, 1964, 78). Как отмечено М.Н.Орловской, "постпозиция местоименного подлежащего ... указывает на слияние его со сказуемым, которое с относящимися к нему словами выступает как новое, то есть целиком является ремой" (Орловская, 1984, 101).

§ 2. Исходя из морфологических свойств языка, в частности, учитывая развитость морфологических показателей, благодаря которым в предложении легко определяются смысловые связи слов, можно допустить и возможность относительно свободного расположения слов. Анализ показывает, что в калмыцком языке наблюдаются две основные закономерности, управляющие расстановкой слов в предложении. С одной стороны, последовательно соблюдается закон регрессивного расположения слов в словосочетании в широком смысле. Это означает, что правы те исследователи, которые говорят о жестком словопорядке в монгольских языках. С другой стороны, размещение второстепенных членов предложения основано на смысловой важности заключенной в них информации, в зависимости от которой они могут перемещаться. Это подтверждает правоту другой группы исследователей. Так как расположение слов в высказывании основано на их информационном весе и перемещение слов диктуется коммуникативной важностью, вкратце рассмотрим актуальное членение простого предложения в калмыцком языке.

§ 3. Актуальное членение определяется ситуацией речи. Вместе с тем, можно говорить о зависимости актуального членения от факторов, содержащихся внутри предложения: формальной и семантической структуры предложения, а также его лексической наполненности. Универсальными средствами актуального членения признаются порядок слов, интонация, специальные частицы-актуализаторы. Некоторые исследователи считают, что между ремой и интонационным центром высказывания нет однозначной связи (И.П.Распопов, О.А.Лаптева, Т.М. Николаева). Другие в качестве основного средства выделения ремы называют интонацию (И.Ф.Вардуль, Е.В.Падучева, В.Е.Шевякова и др.). Представляется, что в устной речи действительно основным средством актуального членения является интонация, так как закономерности порядка слов в устной и письменной формах речи неодинаковы, как неодинаковы и условия речи.

Для монгольских языков, в которых сказуемое почти всегда занимает финальное положение, важно не столько "членение предложения на два коммуникативных состава, сколько распределение коммуникативной нагрузки между членами, не обладающими свойствами подвижности" (Ковтунова, 1976, 29). Актуальное членение в простом предложении не вызывает никаких сложностей, так как здесь порядок слов не может играть смыслоразличительной роли. Если в структуру П - С ввести любой другой член предложения (X), то в П - X - С и X - П - С член предложения, находящийся непосредственно перед сказуемым, будет выразителем новой важной информации, так как "глагол, как синтаксический центр и организатор предложения, находится в ядре высказывания, притягивая к себе те члены предложения, которые несут главную смысловую нагрузку" (Шевернина, 1984, 161).

Важным является следующее замечание З.В. Шеверниной: "препозиция прямого дополнения подлежащему (то есть порядок Пд - П - С) свидетельствует не об ослаблении коммуникативной значимости дополнения, а о том, что прямое дополнение называет объект, референт которого уже известен по ходу или ситуации речи до данного высказывания. В составе данного высказывания эта, уже известная, часть, последовательно развивая мысль предыдущего высказывания, становится предметом мысли, о котором и сообщаются определенные сведения. Начальная позиция прямого дополнения соответствует его функции исходного пункта, темы и превращает остальную часть предложения в ядро высказывания, ремю" (Шевернина, 1984, 161). Член предложения, находящийся в начальной позиции, передает уже известную информацию, осуществляет логическую связь нового в высказывании с предыдущим. Таким образом, позиционная связанность сказуемого, притягивающего к себе те члены предложения, которые несут новую информацию, позволяет рассматривать монгольское предложение как предложение, имеющее модель "охватывающих" определений, в которой "каждый сегмент предложения является ремой, по отношению к которому последующий сегмент является комментарием" (Swift, 1963, 172).

Сложнее обстоит дело в случаях, когда в предложении имеется два разных дополнения - косвенное и прямое. Встает вопрос, какой из двух возможных словопорядков (П - Пд - Кд - С; П - Кд - Пд - С) считать нейтральным, немаркированным, относительно которого перемещенный член будет признан ослабленным? Согласно Б.Х. Тодаевой, таким немаркированным является второй: П - Кд - Пд - С (Тодаева, 1968, 49). В этих случаях, как и в рассмотренных выше, подлежащее, начинающее предложение, сообщает уже известную информацию. Носитель новой информации (Пд) располагается контактно с конечным сказуемым. З.К. Касьяненко отмечено, что "прямое дополнение в позиции перед сказуемым, как правило, входит в группу, означающую новое о данном сообщении" (Касьяненко, 1973, 60). Итак, косвенное дополнение передает менее важную информацию по сравнению с прямым дополнением. Это выражается позиционно: отдалением менее важного члена от сильной предсказуемой позиции.

Размещение Кд и О также подчинено общему правилу, согласно которому тот член, который несет более важную информацию, будет тяготеть к предсказуемой позиции: *Тэре кун лавкась махь хулджь авчь*. - Тот человек в магазине мясо купил. Изменение коммуникативной важности слов будет сопровождаться изменением словопорядка. При этом позицию непосредственно перед сказуемым будет занимать тот член, который является носителем новой, важной информации. Перемещаться, таким образом, в зависимости от коммуникативной важности слов могут все члены предложения, кроме сказуемого.

§ 4. Как было сказано выше, иногда встречаются случаи нарушения закона финального положения сказуемого. Случаи нарушения основного закона порядка слов в монгольских языках засвидетельствованы еще в "Сокровенном сказании", памятнике 13 века. Следует сказать, что в целом для этого памятника характерен основной порядок следования слов в монгольском предложении, при котором сказуемое завершает предложение. В тексте "Сокровенного сказания" перемещение за сказуемое происходит не так часто, но встречается. Перемещается, как правило, подлежащее, выраженное личным местоиме-

нием: *Nokoceju odubaa bi 'Как друг поехал я'* (Козин, 1941, § 93); *Jogilduya keekdeju, Qurijin-gatun, Quurcin jirin-i icuaju okba bida*. - Так как извинились, вернули Хоричжинхатун и Хуурчин мы (Козин, 1941, §136). Здесь инверсия в конечную позицию используется для выражения актуального членения (тема-рема). Анализ контекста показывает, что данное актуальное членение определяется и всем контекстом. В тексте, кроме цепной контактной связи, при которой новое каждого предложения становится данным последующего, используется и параллельная связь:

Erte udur Merkit ireju, Burgan-ni gurban-da quuiulqui-tur, amin mino nikan-te abcu qaruluqa ċi. Edol basa qaliju bukui iisun-i amaar siminju, amin mino sentelba ċi. Basa kanqaju yanturin bukui-tur, amin-niyen oreju, daisun kuun-tur nidin-qara oröju, undan qanqaju amin mino oroulba ċi. - Некогда, когда нагрянувшие меркиты трижды облагали Бурхан, в первый раз спас мою жизнь ты. Теперь опять, отсасывая ртом засыхавшую кровь, спас жизнь мою ты. Снова, когда томили меня озноб и жажда, пренебрегая опасность для своей жизни, в мгновение ока проник в неприятельский стан и, утолив жажду, вернул меня к жизни ты.

В первом предложении новым является *ċi* - ты, а вся предшествующая часть - данным, которое определяется самой внеязыковой ситуацией и уже известно участникам разговора. Во втором предложении *ċi* - ты является данным, здесь вновь новое первого предложения становится данным последующего в силу контактной связи. Актуальное членение таково: рема-тема. В последнем предложении это распределение (рема-тема) остается без изменения благодаря параллельной связи предложений. Для определения актуального членения приведенных выше предложений необходимо использовать контекст, так как порядок слов во всех случаях одинаков. Это примеры контекстуального способа определения тема-рематического членения предложения.

Анализ случаев нарушения порядка слов в древнем памятнике показывает, что порядок слов, обнаруживаемый в современных монгольских языках, был характерен и для языка "Сокровенного сказания". Он выражается в следующем: по мере удаления слов от конечной позиции изменяется распределение информации от более важной к менее важной.

В целом, определение актуального членения простого предложения в калмыцком языке не представляет большого труда благодаря существованию разнообразных маркеров темы и ремы. В частности, позиционный способ помогает безошибочно определить рему, позиция ремы однозначна - перед сказуемым. Что же касается темы, то она маркируется иначе, прежде всего - лексически и морфологически.

1.2. Актуализаторы

§ 1. Выше говорилось о том, что в калмыцком предложении позиционно связано только сказуемое, остальные члены могут перемещаться в зависимости от коммуникативной важности заключенной в них информации. Средствами выражения актуального членения являются специальные актуализаторы: частицы *нь, л, болхла, гисен* и т.п. Они традиционно рассматривались в качестве показателей подлежащего, так как подлежащее в монгольских языках может выражаться не только формой основы (Бертагаев, 1972, 96; Касьяненко, 1968, 16). В работах последних лет они стали рассматриваться под другим углом зрения (Касьяненко, 1973; Орловская, 1984; Омакаева, 1985; Галсан, Грабарь, 1989).

Частицы в силу агглютинативности языка присоединяются к монгольскому слову в постпозиции. Они не имеют отдельного значения, но, присоединяясь к слову, придают ему и в целом всему высказыванию самые разнообразные значения. Частицы конкретизируют, индивидуализируют отдельное слово, уточняют семантику высказывания, связывают отдельное высказывание с теми событиями, которые излагались до и будут излагаться после него, а также могут формировать подтекст.

§ 2. Многие из современных частиц являются отглагольными. Например, частица *болхла*: *Аю болхла көвүге атхжъ авад, ө-шуһу модьн тал һарад гуүве*. - Что касается медведя, то он, схватив мальчика, побежал в сторону леса. Здесь сочетание имени с формой условного деепричастия глагола *болхъ* выступает в роли показателя темы со значением акцентированности данного грамматического субъекта, "что касается кого- или чего-нибудь" (Пюрбеев, 1977,132).

В такой же роли выступают частицы, образованные от глагола *гихе*: *Сүүдер гидегтен ииме юмьн бөөже - гихе туула санна*. - То, что называется тенью, вот, оказывается, что такое, - подумал заяц.

§ 3. Наиболее часто в целях актуализации используется лично-притяжательная частица *нь*. В монгольских языках посессивность может выражаться как притяжательными местоимениями, занимающими препозицию к определяемому слову, так и лично-притяжательными частицами, которые в отличие от первых находятся в постпозиции. Лично-притяжательные частицы восходят к притяжательным местоимениям, но вопреки основному закону расположения слов в монгольских языках они стали появляться в постпозиции к определяемому слову. Каковы были причины изменения их позиции, сегодня определить трудно. Возможно, их появление в данном положении связано с выражением значения конкретизации, индивидуализации, которое грамматически не выражалось. Дальнейшая их судьба известна: "оказавшись в синтаксически слабой позиции - после определяемого слова, - притяжательные местоимения утратили самостоятельное ударение, подверглись фонетической редукации, произошло ослабление грамматической атрибутивной связи и ослабление значения посессивности, притяжательная местоименная словоформа трансформировалась в лично-притяжательную частицу" (Шевернина, 1985, 398). О том, что в современных языках значение рассматриваемых элементов отошло от первоначального, свидетельствуют примеры следующего типа: *Түүндень хоосьн замьг харна*. - Там (= там-его, в сеть его) одна тина попалась.

Из современных монгольских языков, пожалуй, только бурятский и калмыцкий имеют в более полном объеме системы личных притяжательных и предикативных частиц. В современном халха-монгольском языке последняя не представлена, если не считать повелительной формы на *-аач*: *хараач* - смотри, где восстанавливается *ч > чи*. Если в бурятском и калмыцком языках личные притяжательные частицы еще используются, то в современном халха-монгольском языке система личного притяжания разрушается. Об этом свидетельствуют следующие факты. Показатель 1 л. ед.ч. *-минь* - мой используется в значении и ед., и мн. числа; показатель 2 л. ед. числа *-чинь* -твой нейтрален как в отношении лица, так и в отношении числа; показатель 1 л.мн.ч. *-маань* - наш совершенно утратил свое значение (Бертагаев, 1969, 22). Наконец, симптоматичным является то, что у частицы *-нь* во всех языках появилась особая функция - обозначение определенности. Бесспорно то, что она развилась на базе посессивного значения, поскольку посессивность - это "такое отношение между объектами внешнего мира, при котором один из них "включается" в другой, составляя с ним единое физическое и/или функциональное целое" (Категория..., 1989, 44). Означает ли это начало разрушения системы личного притяжания в бурятском и калмыцком языках? Современные языки, в которых притяжательные частицы активно используются как в исходном, так и в развившемся позже значении, пока не дают основания для такого прогноза. Думается, что функционирование системы личного притяжания в этих языках "поддерживается" системой предикативных частиц. Однако, как известно, в бурятском языке и в последней прослеживается тенденция к разрушению: отсутствуют показатели 3 л. ед. и мн. числа.

Было высказано мнение о том, что частица *-нь* "обозначает не притяжательность, а выполняет функцию определенного артикля" (Касьяненко, 1973, 60); "лично-притяжательный показатель, выраженный частицей *-нь*, нередко теряет свою основную функцию личного притяжания и приобретает свойство уточнителя" (Цэдэндамба, 1971, 230). Случаи употребления *-нь* не только с именными частями речи, но и со словами, семантика которых не требует притяжательности, например, наречиями, подтверждают полифункциональность частицы *-нь*.

Рассмотрим следующий отрывок: *Сөөдөн өвгөн босад, кэр һалзън хуцан алад, хөөдин амьндь цугтаднь цусинь түркөд, махинь нохасть өгче оркад, тагчъг ирөд унтвь. Өрүндөн босхла, өвгнө хуцъ уга, хөөдин амьн ху цусън*. - Ночью старик, встав, зарезав овцу, намазав ее кровью рты овец, а мясо отдав собакам, молча придя, уснул. Когда утром встали, овцы нет, а рты у овец все в крови.

Наречия *сөөде* - по ночам, *өрүнде* - по утрам имеют значение неопределенной мно-

жественности. Наречия, оформленные частицей *-нь*, приобретают значение конкретности, определенности: не просто ночью и утром, а той же ночью и тем же утром. Благодаря этому они могут служить целям текстовой организации, связывая данные высказывания с теми событиями, которые предшествовали данному, направляют внимание слушателя к предшествующей информации. Высказывание с *сөөдөнъ, өрүндөнъ* требует контекста: нужно знать, что было до той ночи, до этого утра.

Максимально близко к пониманию текстовой функции частицы *-нь* подошли З.К. Касьяненко и Ц.Цэдэндамба, впервые отметившие сходство *-нь* с определенным артиклем, и З.В.Шевернина, предположившая, что "частицы личного притяжания ... являются, очевидно, точкой пересечения двух проблем: определенности и актуального членения высказывания" (Шевернина, 1985, 401).

Анализ функционирования частицы *-нь* показывает постепенное развитие у нее новых функций: от указания на личную принадлежность к выражению определенности и текстовой связи. Причину эволюции значения этой частицы Т.А.Бертагаев видел в "контаминации номинатива с нулевыми формами родительного и винительного падежей субъектного именного оборота" (Бертагаев, 1964, 260).

§ 4. Сема неопределенности в калмыцком языке выражается разнообразно. Вообще говоря, в монгольских языках категория определенности/ неопределенности не имеет специального грамматического показателя, такого, например, как артикль. Она функционирует как скрытая категория, для выражения которой язык использует имеющиеся средства разных языковых уровней: лексические, морфологические, синтаксические. Рассмотрим два наиболее часто используемых маркера неопределенности: безаффиксальную форму имени и слово *нэген* - один.

Прямое дополнение в монгольских языках может выражаться двояко: аффиксальной или безаффиксальной формой имени. Маркированность-немаркированность прямого дополнения соотносится с значением определенности / неопределенности и является особым способом выражения данного и нового в этих языках, известных как безартиклевые. "Прямое дополнение маркируется суффиксом аккузатива, когда речь идет о предмете вполне определенном. Когда же речь идет о предмете неопределенном, о котором речи не было, вместо винительного падежа употребляется форма неопределенного падежа" (Поппе, 1937, 55).

Категория определенности, как правило, соотносится с теми именами, которые представляют единичные объекты, выделенные из себе подобных предметов: имена собственные, географические, астрономические названия и т. п. Поэтому аккузатив "употребляется от имен собственных, от имен, обозначающих разные категории людей, а также имен, обозначающих предметы, о которых речь уже шла в предыдущих предложениях и которые поэтому являются совершенно определенными и конкретными, далее в тех случаях, когда при данном имени имеется определение в виде указательного местоимения" (Поппе, 1938, 123).

Категория неопределенности выражается безаффиксальной формой имени, "обозначающего неопределенную массу вещества (вода, зерно, хлеб, мясо), если о данном предмете не было речи в предыдущем контексте, если предмет не имеет при себе определяющих и конкретизирующих его характеристик. Особенно употребителен неоформленный падеж имен со значением неодушевленных предметов и животных" (Поппе, 1938, 126).

Такое соответствие между формой (аффиксальное/безаффиксальное имя) и содержанием (определенность/неопределенность) дало основание Б. А. Серебренникову выдвинуть теорию об артиклоиде, согласно которой, помимо артиклей с широкой сферой употребления типа индоевропейских, в ряде языков существуют артикли более ограниченной и узкой сферы употребления (Серебренников, 1949).

Артиклевой функцией, кроме аккузатива, обладает слово *бир* (тюркские), *нэген* (монгольские языки) — один, соотносимое с неопределенным артиклем индоевропейских языков. Об артиклевой функции слова *нэген* см. нашу статью в предыдущем выпуске сборника.

Безаффиксальная форма имени и слово *нэген* — один являются средствами выраже-

ния неопределенности, т.е. ремы. Таким образом, аффикс аккузатива, частицы *нь*, *болхла*, *гисен* и т. п. являются маркерами определенности, т.е. темы. Показатели определенности употребляются более регулярно, благодаря им отрезки речи связываются, превращаются в текст. Показатели неопределенности появляются реже, сигнализируя о новизне, важности информации. Неопределенность маркируется также позиционно. В монгольских языках, в которых нет специального артикля для обозначения категории определенности/неопределенности, для выражения этого значения используются другие средства, отражающие типологические особенности языка.

§ 5. М.Н.Орловская и З.В.Шевернина аналогичную функцию выделяют и в утвердительной частице *-л*: "с помощью частицы *-л* можно фокусировать как коммуникативно важный любой член предложения. Смысловое отношение к контексту новой информации, вносимой частицей *-л*, строится на значении противопоставления и подтверждения» (Шевернина, 1984, 163); "частица *-л* усиливает интонацию утверждения, выделяет и оттеняет значение слова, к которому относится, то есть является добавочным к интонационным средствам актуализации" (Орловская, 1984, 150).

Итак, целям актуализации в монгольских языках служат частицы, первоначальной функцией которых было выражение значения притяжания, усиления, выделения. Постепенное расширение сферы использования (они стали употребляться не только с теми словами, семантика которых допускала эти значения) привело к тому, что у них стала развиваться особая функция - текстовая.

2. Средства межфразовой связи и способы соединения предложений в тексте

§ 1. Структурным компонентом текста будем считать сложное синтаксическое целое (ССЦ), или сверхфразовое единство (СФЕ), понимаемое как "группа предложений, синтаксически объединенная различными средствами и способами", - единица, которая по сравнению с предложением более независима от окружающего контекста связной речи (Поспелов, 1948, 41). Группу предложений в СФЕ объединяет одна микротема, что придает предложениям формально-смысловое единство и завершенность. Контекст снимает многозначность толкования смысла в последовательности предложений ССЦ и позволяет опускать те отрезки речи, которые очевидны. Неполнота предложений, наряду с другими средствами, является показателем межфразовой связи. СФЕ отражает единую ситуацию или ее отдельные аспекты. К средствам межфразовой связи принято относить лексические и лексико-грамматические средства. Рассмотрим, какие средства межфразовой связи используются в калмыцком тексте. В качестве материала нами использованы тексты сказок (Хальмг туульс, 1961). Выбор материала обусловлен тем, что, на наш взгляд, в фольклорных прозаических текстах представлены все свойственные калмыцкому языку единицы и средства их связи.

§ 2. Связность текста может осуществляться благодаря повтору ключевых слов, раскрывающих микротему текста:

Дэгед холь һазъртъ удан йовчкад, көвүн муурад, нэге харь толһа дээре хонна. Өрүндень босън гихлө, сәәхен гидег бәәшен өөрень бәәдег болна. Бәәшен дотър орад ирхлө, өмнень дала күн, көвүге мана хаана көвүн оржъ аашна гинһөд, сүвдөд бәәшенгүр орулна. Көвүн орад, ольн-ольн үүдиге давхър, давхър татад, орад ирхлө, сәәхен, сәәхен гидег орън, түүнө хәверһде сәәхен гидег баран, баран дээре авдър, авдър дээре алтън такань суудг болна. Тигәд хан отхън харь күүкән көвүнде өгнө. Өнчен көвүн хаана отхън харь күүкинъ авад, амрад жирһөд бәәнө. – Юноша прошел долгий длинный путь, устал и заночевал на одном черном кургане. Как только утром он проснулся, рядом с ним оказался прекрасный дворец. Когда он вошел во дворец, множество людей приветствовало его как сына хана, и они завели его во дворец. Юноша вошел во дворец, открывая множество дверей, и увидел прекрасное ложе, рядом с ним - красивую подставку, на ней – сундук, на сундуке сидела золотая курица. Тогда хан отдал юноше в жены свою младшую дочь. Юноша-сирота, женившись на младшей дочери хана, стал жить-поживать в счастье и покое.

Ключевые слова текста (*көвүн* - юноша, *бәәшен* - дворец, *сәәхн баран* - красивая подставка, *авдър* - сундук, *отхън харь күүкән* - младшая смуглая дочь) позволяют свернуть текст. Опираясь на ключевую лексику, можно текст развернуть.

В любом СФЕ можно выделить слова, относящиеся к одному семантическому полю. Они также служат раскрытию микротемы текста:

Ахь ду хойър хулһннь бөөже. Эду-тэду жирһже бөөһэд, увлин сарь урһна. Ахь ду хойър өврелдэд, тэврелдэд хонна. Өрүндень сэрэд босад һархла, хулһнын хумсца цасън орад бөөже. Хөрү дунь ирэд, ахдан кэлнэ: ахь нойһн баавь, һаза хулһнын хумсца цасън орад бөөже, та амьр унтыт, би цасан күрздсев. Цась күрзджөһэд, нэге шаһан кире тось олжъ авад, тэре тосан авад, гэртөн оржъ ирнэ. - Жили-были две мыши. Жили-поживали, и вот наступила зима. Мышки, обнявшись, легли спать. А утром младшая, проснувшись, выйдя, увидела, что выпал снег. Младшая мышка, возвратившись, говорит старшей: "Уважаемая, на дворе выпал снег, вы, пожалуйста, отдохайте, я разгребу снег". Разгребая снег, она нашла кусочек масла и, взяв его, вошла в норку.

В приведенном СФЕ микротема "зима" реализуется словами *увлин сар* - зимний месяц, *өврелдэд, тэврелдэд* - обнявшись (от холода), *цасън* - снег, *цась күрздхе* - разгребать снег. Общим семантическим компонентом данной группы слов является "зима", "холод". Благодаря семантической общности слов, входящих в предложение, фрагменты текста связываются в одну единицу – микротекст. Итак, в любом тексте можно выделить группу слов, раскрывающих тему. Они формируют семантическую доминанту текста и служат его связности.

§ 3. К лексико-грамматическим средствам связи относятся различные средства анафоры. Будучи разными видами, они отсылают к предыдущему тексту и тем самым скрепляют компоненты одного гипертекста. Это довольно большая группа слов, семантика которых допускает замещение предшествующего текста. К ней прежде всего относятся местоимения:

Кэзэнэ уть шарһ мөртө Улажин Мэрген гидег баатър бөөже. Эне дэгед сэн залу болад, эжго эрме цаһан көдөде, эке ду күүкен хойъртаһан бөөдег бөөже. Бийень гэртөн бөөдго, дангин аң шову харвад йовад йовдъг бөөже. - Давным-давно жил-был богатырь по имени Уладжин Мерген, у которого был высокий соловый конь. Он был очень хорошим юношей, жил с матерью и сестренкой в безлюдной степи. Сам дома не сидел, всегда охотился на животных и птиц.

В составе анафорических выражений при повторной номинации в тексте используются определенные классы имен. Например, наименования речевых актов:

Танла би зарһцнав. Не, йовий, зарһан очь кэгүлий. - С вами я буду судиться. Давай пойдем для разрешения в суд.

§ 4. К грамматическим средствам связи относится порядок слов, отражающий особенность тема-рематического членения предложений в СФЕ:

Эмген өвген хойър дакад нэге хонвь. Хонсън һазьртънь // алгч гүнь унһълвь. Альг унһън // һарвь. Тэре унһънь // көкөн көкел уга хөрү гүүһэд һарвь. - Дед и бабка переночевали еще один раз. Там, где ночевали, // пестрая кобыла ожеребилась. Пегий жеребенок // появился. Тот жеребенок // не стал сосать молоко кобылы, убежал.

В данном случае представлена простая линейная последовательность предложений, образующих СФЕ. Здесь рема первого предложения становится темой последующего. В качестве средств связи цепной разновидности тематических последовательностей могут использоваться союзы, наречия, слова широкой семантики, отсылающие к предшествующему контексту, чрезвычайно активно употребляются различные анафорические замены (прежде всего местоименные слова). Рассмотрим следующий текст:

Кэзэнэ бөөже. Кэр һалзън хуцта Кээдө гидег өвген бөөже. Эне угатя өвген // һанцхън һалзън хуцан унад, хааһарънь цокад хавшулад, һуярънь цокад һувшулад һарад йовна. Зуурънь гэнткен нэге хумха даль кэвтже. Цагть маһьд уга, кэрегтө чиген болад бөөдег, - гигэд далыгъ // өвген хавтхълчкад һарвь. Асхън бүрүл дахад өвген // нэге байна хотъндь ирэд, хуцан уйчкад, гэрте орад ирхлэ, байнахън цөөһөн уужъ бөөнэ. Өлссен өвгенде // цөөһөсен күн өгсен уга. Мал хотъндь орсън хөөне байнахън бась махан чанвь. Эне махнасън // бась өгеш уга бишев, - гиже санжаһад, би нэге бичкен махтав, түүгөн чанжъ идхе хөөсе өгит, - гиве. Тиигхлэнь, - мана махънла чанад иде гиже байһн кэлве. - Было это давным-давно. Жил старик по имени Кедея, у которого был

облезший баран. Этот бедный старик, // оседлав своего единственного барана, постукивая по его бокам, отправился в путь. Вдруг (увидел), что на дороге лежала засохшая лопатка. "Времена всякие бывают, может, и понадобится", - подумал и лопатку // старик положил в свой карман. Когда стемнело, старик // вошел во двор одного богача, привязал свою овцу, когда он вошел в дом, семья богача пила чай. Проголодавшемуся старику // никто не предложил чай. После того как скот загнали во двор, семья богача стала еще варить мясо. "Опять они не угостят своим мясом, - подумав так, - у меня тоже есть небольшой кусочек мяса, дайте чугунок, чтобы его сварить", - сказал он. Тогда: "Свари вместе с нашим мясом и поешь", - сказал богач.

В данном СФЕ использованы разные показатели темы и ремы. Показателями темы являются местоимения *эне*, *түүгэн*, аффикс винительного падежа *-иге*, притяжательный аффикс *-ан/-эн*, слова, замещающие содержание предшествующих высказываний (*ти-игхлэнь*). Как видим, показатели темы разнообразны. Показателями ремы является числительное *нэге(н)*.

§5. Второй разновидностью тематических последовательностей являются последовательности с константной темой, при которой рема первого предложения повторяется в последующих предложениях как их тема:

Эмген өвген хойър бөөже. Нэге дакжъ өвгиге // гэртэсен һарчъ йовхла, нэге итлег шовун шаазһагъ шүүрэд, ташъртан һазъртъ унад оддъг болна. Өвген // үкес гиһэд, ителгиге үргәһэд, шаазһагъ ханцулад авна. Итлегте шүүрүлэд, өрвелһөн үмтәлһсен, өрө әмтө шаазһагъ өвген // гэртән авчъ ирнө. Шовун болвъ чиген әмтө юмьнльм гигэд, эмген өвген хойър // шаазһагъ асрад бөөнө. - Жили-были старик со старухой. Однажды, когда старик // выходил из дома, балобан схватил сороку, и они оказались на земле. Старик // быстро отпугнул балобана, вырвал сороку. Старик // принес домой еле живую сороку, которую потрепал балобан. "Хотя и птица – живое существо", - подумав, старик со старухой // стали ухаживать за сорокой.

Кроме этих основных тематических последовательностей предложений, возможна последовательность с производными темами. В таком случае реализуются различные производные одной гипертемы, которая может вводиться предварительно или имплицитно может содержаться во всех производных:

Кэзәнө нэге мэклә шорһължън хойърнәөже болцхажъ. Сән-сәәхен нәәжнер болад бөөцхәнө. Мэклә зунъ дуусън мэл нәр-наадъ кәһэд бөөдег болна. Шорһължън мэл зунъ дуусън кәделмшин ардъ орад, хотан зөөһэд һарна. Гәнткен үвел болна. Мэклән гәсень өлснө, бийень даарна. Иден гихлө, иддег хотъ уга болна. Зөвөр түрэд бөөдег болна. Шорһължън нәәждән күрэд ирнө. - Давным-давно было, подружались лягушка и муравей (гипертема). Жили-поживали, став хорошими друзьями. Лягушка все лето прогуляла. Муравей все лето работал, делал запасы еды на зиму. Нежданно-негаданно наступила зима. Лягушка проголодалась, замерзла. Хочется ей есть, а есть нечего. Стало ей довольно трудно. Пришла к своему другу муравью.

В этом ССЦ гипертема (дружба муравья и лягушки) называется в первом предложении. Субститут разъясняется в последовательности предложений, следующих после первого.

Средствами связи предложений, образующих ССЦ, могут служить союзы, союзные слова, обстоятельства, выраженные местоименными наречиями. Они занимают позицию начала предложения:

Түүнө хөөне экдән ирэд - эне һурвьн көвүн намагъ харъ яста күн - гиге кэлве, тэре үнений, - гиге хан сурвь. - Кэзәнө эцегчень дөөнде йовад өңгерже одла, тэгэд тохъм тасълшгоһар сэдэд, харъ күүнлө нэгдэд, чамагъ һарһжъ авлав, - гиге экень хөрү өгве. - После того хан пришел к матери и спросил: "Правда ли то, что эти трое называли меня простолюдином?" – "Давно твой отец погиб на войне, поэтому, не желая прерывать род, я родила тебя от простолюдина", - ответила мать.

В этом вопросно-ответном единстве скрепами выступают слова *түүнө хөөне* - после того (необходимо знать, что было до этого, с этого предложения текст начинаться не может) и *тэгэд* - поэтому (*тэгэд* может замещать предшествующее предложение *Кэзәнө эцегчень дөөнде йовад өңгерже одла. - Давно твой отец погиб на войне.*).

§ 6. В качестве важнейшего грамматического средства связи выступают формы грамматического времени, отсылающие события к одному и тому же отрезку времени или указывающие на последовательность событий при смене временной перспективы текста:

Һурвѣн көвүтə Живде өвген насънь ирэд гэмтнə. Һурвѣн көвүнь арһан нөөл уга, эмче болһндь үзүлнə. Насънь ирсен өвген улъм гəмень икдэд зовад, үкхедən өөрдэд ирнə. - Старик Дживдя, у которого было три сына, состарившись, заболел. Его три сына, не жалея усилий, показывают его всем лекарям. Годы, состарившие его, еще больше прибавили болезни и страданий старику, приблизили смертный час.

Логические отношения между предложениями СФЕ передают обстоятельства места, времени, причины, условия, уступки:

Нəге дакжь заһсчь өрүн өрлə заһсь бəрхөр һолур һарад йовльг болна. Һолдь күрчкəd, гəлмən хайъм цацунь заһсн тордьг болна. Заһсан авад байьртаһар гэрүрен ирнə. Энүнə гəрген байьрлад, гəлєңгиге наартн гилгүлнə. Гəрген заһсь чанна, залунь гəленгүр одна. Залугь гəленгүр одсна ардьнь, гəргень заһсан амсжь үзнə, заһсн йир əмтəхен болжь мэдэгднə. Нəге заһсинь идечкнə. Дакад идхе дурньн күрнə, дакад нəгинь идчкнə. - Однажды ранним утром рыбак направился к реке, чтобы порыбачить. Добравшись до реки, как только он забросил невод, тотчас наловил рыбу. Взяв рыбу, радостный, он возвратился домой. Жена обрадовалась и послала за гелюнгом. Жена стала варить рыбу, муж пошел к гелюнгу. После того как муж отправился за гелюнгом, жена попробовала рыбу, она показалась ей очень вкусной. Она съела одну рыбу. Ей захотелось съесть еще, она съела еще одну.

Следует отметить, что данный способ передачи грамматической межфразовой связи активно используется в текстах. Этому способствуют деепричастные обороты, широко представленные в калмыцком языке, которые указывают на последовательность действий и событий.

§ 7. Важными средствами логической организации текста являются вводные конструкции. Они сигнализируют о порядке следования событий, обобщают сказанное, служат передаче логических связей текста и созданию связности СФЕ:

Нəге орын-нутгин хаана түшмел болжь Зара гидег күн бəəже. Хаана түшмел Зара долан наста көвүтə бəəже. Нəге дакжь бийинень альвтасънь хааһар хаһльгдхь һурвѣн зусен зарһь оржь ирдег болна. Нəгдөгчө зарһнь: ике удан гэмтə кэвтəd, шинхен чинən оржасн цагтньн гəрин өөгүр аду көөсенде, тэре адуна көлин көндрелһнəсе эдгөжəсен күн үкжө одвь гисен зарһь болна. Хойьрдьгчнь: нəге аңһучь, нуурть суусн нуһсь үзчкəd, баглърхинь күлəһəd, зуухан малтад, һалан түлэд суутльнь, талдан аңһучь тэре нуһсинь хаһадавчквь гисен зарһь болна. Һурьвдьгчнь: нəге эмген өвген хойрин һанцхьн көвүн цэрегте олад хөрү ирхлəнь, мэл тэре көвүнлөнь йилһже авчь болш уга əдел көвүн дахжь ирнə. Тэре хойьр көвүн хоюрн би тана көвүмб больлдна. Эмген өвген хойрин көвүге олхь зарһь болна. Эне һурвѣн зарһиге хан йилһже ядад, эврəнен түшмел Зарадь тасльтха – гижө илгənə. Түшмелень тэре зарһинь хаһльжь ядад, сə болһн зовад, унтль-кэвтел уга саначьрхад бəənə. Эцгən тигэд зовьнь жихинь мэдəd, Заран долан наста көвүнь: Аавь, юундь зовад саначьрхад бəənət? – гижө сурна. - Жил человек по имени Зара, который служил сановником хана одного государства. У этого сановника Зары был сын-семилетка. Однажды во владениях хана возникли три тяжбы, которые он должен был разрешить. Первая жалоба: только что начавший поправляться после длительной и тяжелой болезни человек скончался из-за стука копыт лошадей, которых прогоняли мимо дома. Вторая тяжба: когда один охотник, увидев утку, сидящую на озере, развел огонь и ждал, пока утки слетятся, другой охотник застрелил ту утку. Третья: когда после службы вернулся единственный сын старика со старухой, с ним вместе приехал другой юноша, которого невозможно было отличить от сына. И тот, и другой назвался сыном этих стариков. Тяжба заключается в том, чтобы определить, кто из них настоящий сын. Хан сам не смог разрешить эти три тяжбы и повелел это сделать своему сановнику Заре. Сановник, не сумев разрешить эти тяжбы, все ночи не спит, озабочен. Видя страдания своего отца, сын-семилетка Зары говорит: "Отец, что Вас беспокоит и тревожит?"

Благодаря вводным элементам данный текст приобретает логичность, последователь-

ность, стройность. Замена вводных компонентов или исключение их приведет к нарушению логики изложения и последовательности событий, о которых говорится в предложениях, или к искажению смысла.

Неполнота предложений и эллипсис также служат важными грамматическими средствами межфразовой связи. Отметим, что в текстах сказок это средство используется редко.

§8. Выше были рассмотрены разные средства межфразовой связи и способы соединения предложений в СФЕ. Сейчас покажем, как реализуются все названные элементы в следующем СФЕ:

Эцкень өнгернө. Түүнэ хөөнө кэсег жил болад, хурвн көвүнө мальнь чилнө. Тигэд одакъ өнгержөһэд эцгинен кэлсен "хурвн уласън" гисен үге отхн көвүнөнень санандь орвь. Тэре кэвтэн хойър ахинен нүде гэтже бөөһэд, көвүн гүүже одад, хурвн уласна йозур малтна. Түүнэсень мөрнө толһан чингэ "эрдни" харна, түүгән авчкад, оръмднь хурвн жил болсън һазрин көрсе урһачкна. - Их отец умер. После этого через много лет кончается скот трех сыновей. Тогда на ум младшего сына приходят слова "три тополя", сказанные умирающим отцом. Юноша в тайне от своих двух братьев копает у корней трех тополей. Там оказались сокровища величиной с лошадиную голову, взяв их, юноша нарастил на месте дерн трехлетней давности.

Первое предложение осуществляет переход к новой микротеме — события после смерти отца. Средствами межфразовой связи являются повторы (*эцге, көвүн*), анафорические замены (*эцге — түүнэ, уласна йозур — түүнэсень, эрдни — түүгән*), слова одной тематической группы (*уласън, уласна йозур, һазрин көрсе*), слова с общим семантическим компонентом (*көвүн, ахъ*), формы сказуемых, указывающие на то, что события имели место в определенный промежуток времени в прошлом (*өнгернө, чилнө, малтна, урһачкна*). В качестве средства межфразовой связи используются также наречия *тигэд, тэре кэвтэн*. Местоименные замены, формы сказуемых сигнализируют о том, что связываются компоненты текста с помощью цепной связи. Семантической особенностью данного СФЕ является передача динамики действия. Значит, в данном ССЦ представлена акциональная рематическая доминанта. Семантический тип текста — последовательность действий. Приведенный выше текст можно отнести к акциональному типу ССЦ.

Целью настоящей статьи было выделение на материале классических прозаических текстов, к которым мы относим фольклорные, основных средств межфразовой связи и способов соединения предложений СФЕ. Предметом будущих исследований должно стать выделение и анализ основных типов ССЦ и их рематических доминант.

Использованная литература

1. Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969.
2. Бертагаев Т.А. О сегментации или членении предложения // Члены предложения в языках различных типов. Л., 1972.
3. Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. М., 1964.
4. Галсан С., Грабарь И.А. Учебник монгольского языка для иностранцев. Улаанбаатар, 1989.
5. Есенова Т.С. Интонация в системе выразительных средств калмыцкого языка // Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка. М.-Элиста, 2002. С.30-48.
6. Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. Казань, 1963.
7. Касьяненко З.К. О формальных средствах смыслового членения предложения в современном монгольском литературном языке // Вопросы филологии стран Азии и Африки. Л., 1973.
8. Касьяненко З.К. Современный монгольский язык. Л., 1968.
9. Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989.
10. Ковтунова И.И. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

11. Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941.
12. Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Прага, 1929.
13. Мушаев В.Н. Калмыцкое предложение в аспекте актуального членения (на материале фольклора и произведений калмыцких писателей) // Теегин герл. № 4, 1996.
14. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
15. Омакаева Э.У. О категории "подлежащее" в монгольском языке // Исследования по грамматике и лексике монгольских языков. Элиста, 1985.
16. Орловская М.Н. Набор порядков слов в простом повествовательном предложении и некоторые способы актуализации членов предложения в современном монгольском языке // Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения. М., 1984.
17. Орловская М.Н. Функции порядка слов в монгольских языках // "Джангар" и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. М., 1980.
18. Поспелов Н.С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке // Уч. зап. МГУ. М., 1948. Вып. 137.
19. Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1938.
20. Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.-Л., 1937.
21. Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1977.
22. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
23. Серебренников Б.А. Общие вопросы теории артикля и проблема семантики употребления артикля в древнегреческом языке. М., 1949.
24. Хальмг туульс. Элст, 1961.
25. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
26. Цэдэндамба Ц. Монгольское причастие на -х с некоторыми частицами // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М., 1971.
27. Шевернина З.В. Некоторые наблюдения над актуальным членением предложения в монгольском языке // Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения. М., 1984.
28. Swift L. A reference grammar of Modern Turkish || Uralic and Altaic Series. 1963. Vol. 19.

Омакаева Э.У.

ПРОБЛЕМЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ТЕКСТА В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫЦКОГО, МОНГОЛЬСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)*

Синтаксис, как известно, изучает сочетание слов в предложении и сочетание предложений в тексте. Традиционный синтаксис ограничивался первым, различая словосочетания и собственно предложения.

Теория словосочетания разрабатывалась в русской грамматической традиции в рамках двух направлений: одно берет начало от В.В. Виноградова, который четко разграничил оба понятия, считая словосочетанием только непредикативную синтаксическую единицу. Следует отметить, что для отечественной лингвистики начала 20 в. (Ф.Ф. Фортунатов, А.М. Пешковский) было характерно более широкое понимание термина словосочетание, вплоть до объявления его синонимом предложения, что ближе к термину группа (англ. phrase). Как пишет Я.Г. Тестелец, собственно, phrase означает "словосочетание", однако в русской грамматической традиции за термином "словосочетание" закреплена другая смысл (Тестелец 2001, 111).

В.Г. Гак разграничивает сочетание слов (любое соединение слов) и словосочетание, понимая под последним синтаксическую единицу с определенными свойствами (сочетание двух или более членов предложения) (Гак 2000, 526-527).

В монголоведении проблемам синтаксиса словосочетаний посвящены работы Г.Д. Санжеева, Т.А. Бертагаева, У.У. Очирова, Д.А. Сусевой, Г.Ц. Пюрбеева и др.

Вслед за В.Б. Касевичем (Касевич 1984, 49) под словосочетанием мы понимаем любое сочетание слов, знаменательных (полнозначных) или служебных, между которыми существует непосредственная грамматическая связь.

Мы определяем предложение как предикативную синтаксическую конструкцию. Именно синтаксическая предикативность и модальность превращают словосочетание в предложение, которое имеет свою организацию.

Вопрос о строении предложения – это основной вопрос синтаксиса любого языка. Структура предложения традиционно определяется в терминах членов предложения. В соответствии морфологическим классам слов – частям речи – ставятся обычно члены предложения как функциональные классы слов. У каждой части речи есть первичная синтаксическая функция (например, глагол – сказуемое), а каждый член предложения выражается определенной частью речи (например, определение – прилагательное, подлежащее – существительное). Впрочем, положение не столь просто. Часто один и тот же морфологический класс слов употребляется в разных синтаксических функциях. Так, имя существительное в калмыцком языке встречается в позиции не только подлежащего и дополнения, но и определения, обстоятельства, присвязочного предикативного члена (именной части сказуемого).

Проблема определения статуса члена предложения связана прежде всего с вопросом об основных единицах синтаксиса. В традиционной лингвистике выделяются две соподчиненные единицы – предложение и член предложения, между которыми отмечают компонентные отношения. Члены предложения определяются по той функции, которую они выполняют в составе предложения.

Обратимся к рассмотрению такого члена предложения, как подлежащее. В русской и калмыцкой лингвистической традиции подлежащее выделяется на основе двух призна-

ков: номинатив и контроль согласования с финитным глаголом-сказуемым по лицу-числу. Основываясь только на этом, мы рискуем не обнаружить подлежащее в отдельных синтаксических конструкциях. Естественно, возникает сомнение в универсальности такой синтаксической категории, как подлежащее, и в возможности его однозначного определения.

С.Е. Никитина (Никитина 1987) попыталась дать тезаурусное описание синтаксического термина "подлежащее", составленное на основе анализа текстов словарных статей в девятнадцати словарях лингвистических терминов. Она приводит наиболее типичную семантическую схему статьи термина "подлежащее": "Обычно в ней присутствуют сведения, относящиеся к пунктам "род", "признак", "функция", "способ выражения" и "типичное отношение" (Никитина 1987, 123). Нас интересует прежде всего пункт "функция", который у большинства авторов содержит указание на функцию субъекта и темы.

Как известно, тема – эта категория актуального членения предложения. Известное со школьной скамьи определение подлежащего как "того, о чем говорится в предложении" реально указывает на тему. Некоторые авторы (например, У. Чейф) считают, что определение подлежащего как "того, о чем говорится" сохраняет силу (Чейф 1975; 1982). Однако это не находит подтверждения в языковом материале. В высказывании Цыплят по осени считают речь идет, очевидно, о цыплятах, но довольно трудно согласиться с тем, что это подлежащее.

Что касается субъектной трактовки подлежащего, то сам термин subject "субъект" употребляется в литературе крайне неоднозначно (Кацнельсон 1972; 1974; 1986). В западной традиции под термином "subject" понимается нечто близкое "нашему" подлежащему. Кроме того, существует и традиция разграничения: grammatical vs. semantic subject. Наконец, есть и традиция понимать под subject именную группу (ИГ), которая обладает определенными семантическими (в широком смысле) и определенными грамматическими признаками.

Что касается отечественного языкознания, то традиционная трактовка категории подлежащего, которая имеет место и в работах И.И. Мещанинова, основана на отождествлении категории синтаксического субъекта (подлежащего – Э.О.) с семантико-реляционной категорией агенса (Шутова 1985, 153). С одной стороны, под субъектной функцией подлежащего подразумевается выражение агентивности, с другой стороны, само подлежащее определяется как "синтаксический субъект" (правда, не вполне понятно, что это такое). Такое положение, вероятно, вызвано отсутствием четкого представления о статусе субъекта в грамматике.

Употребление различных определений к слову "субъект" (например, логический субъект) ведет к расплывчатости термина и создает разнобой в терминологии.

Некоторые авторы (Л. Брюс, П. Шахтер и др.) видят в подлежащем объединение признаков тематичности и агентивности. В приводимом Л. Брюсом примере *A boy went with a map* немаркированная ИГ *a boy* и комитативная *with a map* могут быть охарактеризованы как агенты (актеры), но подлежащим является только первая ИГ, поскольку именно она совмещает в себе семантику агенса и темы (топики) (Bruce 1983, 8). Если принять данное определение подлежащего, то возникает вопрос: как быть, если ИГ соответствует теме, но не имеет агентивного значения, и наоборот? По Брюсу, ИГ может быть подлежащим, даже если это не агент. Очевидно, речь идет о безагентных и пассивных конструкциях. Получается, что категория подлежащего имеет разный статус в различных конструкциях.

По мнению П. Шахтера, в филиппинских языках имеются две подлежащеподобные сущности, соответствующие подлежащему других языков (Schachter 1976). Речь идет о топике (ИГ с презумпцией референтности) и акторе ("главный герой"), между которыми распределены референциальные свойства (тематичность) и ролевые свойства (агентивность, что близко "акторности") подлежащего. Следствия, вытекающие из фактов такого бесподлежащего языка, как, например, тагальский, позволяют, как считает П. Шахтер, увидеть, что стоит за подлежащим подлежащих языков, т.е. могут иметь значение для синтаксического описания других языков и для общей синтаксической теории.

В типологической концепции Э. Кинэна и Б. Комри (Кинэн, Комри 1982) выделяются помимо тагальского еще два класса возможных бесподлежащих языков: топикоориентированные языки (лису и другие сино-тибетские языки) и эргативные языки. По мнению этих лингвистов, "если в каком-либо языке обнаруживается, что свойства подлежащего в нем систематически распределены между двумя или большим числом типов именных групп, то о таком языке можно сказать, что он вообще не располагает единой категорией подлежащего" (Кинэн, Комри 1982, 134).

Наконец, авторы "новой типологии языков" Ч. Ли и С. Томпсон (Ли, Томпсон 1982) также выделяют языки, в которых главную роль играет не подлежащее, а топик (китайский, лису), и языки, ориентированные на подлежащее (индоевропейские, финно-угорские). Между этими полярными классами находятся языки, в которых отмечается и выдвижение подлежащего, и выдвижение топика (японский, корейский), и языки, в которых не наблюдается ни того, ни другого (тагальский). "Это не означает, однако, - пишут Ч. Ли и С. Томпсон, - что в языках типа вТ (с выдвижением топика. — Э.О.) нельзя идентифицировать подлежащее или что в языках типа вП (с выдвижением подлежащего. — Э.О.) нет топиков" (Ли, Томпсон, 1982, 194). Иначе говоря, по мнению этих лингвистов, не во всех языках отношение "подлежащее — сказуемое" является базисным, но способы отождествить подлежащее есть в большинстве языков.

Свойства топиков, согласно авторам, отличаются от свойств подлежащего: например, топик обладает определенностью, не имеет семантической роли, т.е. не является аргументом соответствующего предиката. В то же время отмечается определенная связь между данными понятиями: "подлежащее — это грамматикализованные топика" (Ли, Томпсон 1982, 228). Поэтому в ряде языков типа вП невозможно грамматически неопределенные подлежащие.

Ч. Ли и С. Томпсон считают, "что универсальное понятие топика может по-разному выражаться в разных языках" (Ли, Томпсон 1982, 228). Например, в китайском языке топик представлен отдельной составляющей, а в малагасийском он совпадает с подлежащим.

Авторы, работающие в рамках реляционной грамматики, считают, что "подлежащее" — это принципиально неопределяемое понятие в силу своей универсальности, первичности, а, следовательно, должно изучаться не подлежащее, а связанные с данным синтаксическим отношением процессы, например, пассивизация (см. подробнее - Джонсон 1982).

Другие лингвисты, например, Р. Ван Валин и У. Фоли, авторы референциально-ролевой грамматики (РРГ), вообще отказались от понятия "подлежащее", полагая, что базисными, универсальными синтактико-семантическими отношениями являются актер (Actor) и претерпевающий (Undergoer). Данные понятия не являются другими названиями традиционного подлежащего и прямого дополнения. В частности, единственному актанту одновалентного глагола приписывается один из двух статусов (актер или претерпевающий) в зависимости от динамичности/стативности глагола. Например, в предложении Мальчик бежит мальчик (традиционное подлежащее) — это актер, а в предложении Отец болеет отец (подлежащее) — это претерпевающий. Статус претерпевающего включает практически все остальные семантические роли. Устанавливается определенная иерархия:

Агенс	Каузатор	Локатив	Адресат	Пациент
наилучший актер			наилучший претерпевающий	

Решение вопроса об объединении подлежащего, прямого и косвенного дополнений в одну категорию претерпевающего зависит от типа оформления.

Авторы РРГ вводят понятие прагматического типа (ПрП) — прагматически наиболее значимой именной группы. ПрП определяется как самая левая, наименее морфо-синтаксически маркированная обязательная ИГ. Данное понятие не является универсальным, поскольку, по мнению авторов РРГ, не все языки имеют ПрП. В тех же языках, где он имеется, ПрП определяется на основе речевой выделенности как фокус интереса говорящего. При выборе ПрП учитываются такие прагматические факторы, как определенность и данность. Что касается соотношения актора и ПрП, то "актеры имеют преимуществен-

ное право стать прагматическим пиком" (Ван Валин, Фоли 1982, 391). Если же в качестве ПрП избирается претерпевающий, то такой выбор специально маркируется (например, пассив). "Понятие ПрП, - пишут Р. Ван Валин и У. Фоли, - соответствует тому, что традиционно называется "грамматическим подлежащим" в английском, немецком и французском языках, тогда как в других языках "подлежащее" и ПрП не всегда одно и то же" (Ван Валин, Фоли 1982, 393). И далее следует пояснение: "Если подлежащие в некотором языке выбираются на чисто семантической основе..., то такие подлежащие не являются ПрП" (Ван Валин, Фоли 1982, 396).

Понятие ПрП по существу аналогично понятию темы (топика), поэтому целесообразность введения нового термина вызывает сомнения, хотя, по мнению авторов РРГ, ПрП следует отличать от топика: последний можно обнаружить только в полном предложении; ПрП относится к элементарному предложению.

РРГ близка концепция Ч. Филлмора, но в последней семантические роли типа агенса рассматриваются как универсальные, первичные, базисные. По Филлмору, подлежащее — это вторичное понятие, и его выбор в предложении определяется иерархией семантических падежей: агенс — экспериенцер — инструмент — пациенс — источник — цель — локатив — время. Если предложение содержит более одной ИГ, то та ИГ, которая имеет семантическую роль более высокого ранга, является подлежащим.

Наконец, такие авторы, как Э. Кинэн, А. Андрюс (Кинэн 1982, Andrews 1987), отстаивают тезис о невозможности единого определения подлежащего для всех предложений языка и для всех языков. По мнению лингвистов, универсальным является лишь набор признаков, позволяющих отличить подлежащую ИГ от неподлежащей. Подход А. Андрюса к определению подлежащего несколько отличается от концепции Э. Кинэна, но и Андрюс приходит к выводу, что "нет свойств, которые во всех языках всегда есть у подлежащих и только у них" (Andrews 1987, 104).

Многофакторный анализ подлежащего предложен Э. Кинэном. Согласно Кинэну, "синтаксическая структура X является семантически более базисной, чем синтаксическая структура У, если и только если и только если значение У зависит от значения X, т.е. для понимания значения структуры У нам необходимо понять значение структуры X" (Кинэн 1982, 240). Подлежащее базисного предложения (б-подлежащее) идентифицируется на основе некоторого универсального набора признаков (около 30), которые можно объединить в четыре основных класса: 1. автономность; 2. падежная маркировка; 3. семантическая роль и 4. доминанция б-подлежащности.

Под автономностью понимается независимое существование референта б-подлежащего и автономность референции. "Внеязыковой объект, являющийся референтом б-подлежащего, существует независимо от действия или признака, выраженного предикатом" (Кинэн 1982, 247). В приведенном автором примере *A student wrote a poem* "Студент написал стихотворение" "существование стихотворения не является независимым от акта сочинения, тогда как существование студента таковым является" / (Кинэн 1982, 247-248/).

Важнейшим признаком б-подлежащего является его обязательность: б-подлежащее, как правило, не может быть опущено без нарушения полноты предложения, т.е. б-подлежащее — это обязательный элемент неэллиптического предложения.

По предложению Кинэна, универсальным обязательным условием б-подлежащности является автономность референции, т.е. референт б-подлежащего должен быть определен для слушающего в момент произнесения. В частности, б-подлежащее — контролер рефлексивизации, кореферентных опущений и прономинализации. В класс автономности входит свойство б-подлежащего выражать топик и такое свойство, как лексическое заполнение позиции б-подлежащего. Б-подлежащим являются "высоко референтные" ИГ (личные местоимения, имена собственные, указательные местоимения). В некоторых языках, например, в тагальском, определенность имени — обязательный признак б-подлежащего. Поэтому невозможность заполнения позиции неопределенными именами свидетельствует о том, что это позиция подлежащего.

Подлежащее служит наиболее естественной мишенью при трансформациях продвижения. Например, пассив продвигает прямое дополнение в статус подлежащего.

По мнению Кинэна, б-подлежащие в большинстве языков – это крайние левые ИГ в б-предложениях.

Б-подлежащие имеют специфическое морфологическое оформление: в число ИГ, выраженных немаркированным падежом, входят б-подлежащие непереходных предложений. Однако следует учитывать, что в некоторых языках подлежащее получает падежную маркировку, а немаркированным является прямое дополнение. Б-подлежащие также входят в число ИГ, которые меняют свою маркировку по падежу при каузатизации и номинализации действия.

Семантическая роль референта б-подлежащего может быть предсказана глаголом. Б-подлежащему свойственна роль агенса, если таковой имеется.

Подлежащее является, как считает Кинэн, адресатной составляющей императивов. Но при этом автор указывает, что в некоторых языках (например, в малагасийском) адресатная ИГ – это агентивное дополнение при пассиве или ином типе неактивного залога. Наконец, б-подлежащие обычно обнаруживают общие свойства (та же позиция, падежное оформление, глагольное согласование) с ИГ со значением каузатора в наиболее базисном типе каузативного предложения.

В общем случае корневой узел s непосредственно доминирует над б-подлежащим. Но в трех случаях s непосредственно доминирует над двумя ИГ: речь идет о языках типа VSO (например, семитские), о языках типа тагальского и о языках типа SOV, в которых составляющая VP отсутствует.

Ни одно из рассмотренных выше свойств не является, по Кинэну, ни достаточным, ни необходимым для определения подлежащего. "Мы будем считать, – пишет автор, – что именная группа некоторого б-предложения в некотором языке является подлежащим этого предложения в той степени, в какой она обладает свойствами, содержащимися в ... перечне свойств" (Кинэн 1982, 246). Иначе говоря, подлежащность выступает как величина относительная. Подлежащие одних типов предложений будут более подлежащеподобные, чем подлежащие других типов предложений данного языка. Более того, при таком подходе подлежащие в одних языках будут обнаруживать число свойств подлежащего из универсального списка, чем в других языках.

Что же касается подлежащих небазисных предложений, то "ими считаются те именные группы, которые обнаруживают явное преобладание свойств, характерных для б-подлежащих" (Кинэн 1982, 239). Другими словами, подлежащие небазисных предложений могут быть определены после того, как будет установлен полный комплект свойств б-подлежащего для данного языка.

По мнению Кинэна, "используя перечень свойств подлежащего, можно отождествить б-подлежащее в любом языке" (Кинэн 1982, 262).

Многофакторный подход Э. Кинэна был применен И.Ш. Козинским к русскому языку (Козинский 1983). По мнению исследователя, такой подход выделяет не подлежащее, а совершенно другую лингвистическую сущность – грамматически привилегированный актант (ГПА). ГПА – это "тот актант, который по своему поведению схож с единственным обязательным актантом одноместных сказуемых... и / или который тесно связан с выбором формы или референтной соотнесенности других актантов" (Козинский 1983, 49). Согласно Козинскому, все подлежащие непереходного глагола, переходного глагола, пассивного глагола являются ГПА, но не всякий ГПА есть подлежащее. Если у Кинэна подлежащее и есть ГПА (т.е. такой актант, для которого характерно наибольшее число грамматико-семантических и прагматических свойств из некоторого универсального набора), то для Козинского это не одно и то же. В предложении Не догнать тебе бешеную тройку автор выделяет два ГПА тебе и тройку, но ни один из них не является подлежащим.

Козинский определяет для подлежащего три универсальных признака: 1. грамматическая привилегированность; 2. определенные формально-грамматические признаки (не обязательно общие для всех подлежащих); 3. вхождение в тему (а не в рему). Таким образом, с подлежащим может быть отождествлен не всякий ГПА, а только такой, который обладает определенными формальными признаками, позволяющими отличить его от других актантов, и который входит в состав темы чаще, чем любой другой актант. Дативная ИГ в

предложении типа Мне холодно по первым двум признакам не является подлежащим, но сходна с последним по третьему критерию. Козинский определяет статус первых членов предложений Мне холодно, У меня нет денег как субъектный (субъект, по Козинскому, - это коммуникативно привилегированный актант).

По мнению Я.Г. Тестельца, понятие подлежащего основывается на идее грамматического приоритета (Тестелец 2001, 317). Выделив 15 приоритетных признаков, Я.Г. Тестелец выделяет несколько типов подлежащего в зависимости от набора значений: каноническое, или формальное, подлежащее (выделяемое на основе признаков, ориентированных преимущественно на падежную форму), неканоническое, или функциональное, подлежащее, а также просто подлежащее.

Активное вовлечение в синтаксис понятий семантики характерно для лингвистики последнего времени. На базе идей "классической" порождающей грамматики возникла концепция порождающей семантики. Резкое отличие последней от первой заключается в том, что синтаксис рассматривается "как система правил ограничений, налагаемых на возможность выражения данного смысла" (Касевич 1977, 120). Грань между синтаксисом и семантикой практически стирается при таком подходе.

Нас интересует прежде всего падежная грамматика Ч. Филлмора (для ее разработки существенный толчок дала теория Генъера). Основным понятием концепции Филлмора является падеж. Хотя набор падежей - семантических единиц, которые с необходимостью предполагаются предикатом, - варьирует в разных работах Филлмора, можно выделить типичный список: агенс, контрагенс, объект, результат, инструмент, источник, цель, экспериенцер, локатив (см. подробнее в /Филлмор 1981/).

Исследования последних лет в области падежной грамматики представлены в сборнике "Concepts of case" (Concepts of case 1987) и в монографии Ф. Ньюмейера (Newmeyer 1986). В этих работах рассматривается понятие падежа в трактовке различных направлений падежной грамматики. Расхождения связаны с числом падежей (от 3 до 15) и с критериями их идентификации. Так, Дж. Андерсен предлагает систему из четырех основных типов падежных отношений: абсолютив, локатив, эргатив и аблатив. К. Тарванен дает 15 семантических падежей, например, такие, как объектив, результатив, тематив, каузатив, локатив, эссив. Заслуживают внимания понятие падежной рамки Ч. Филлмора, понятие прототипа О. Даля, лексический подход С. Старосты и локалистская гипотеза Дж. Андерсена. Каждый из перечисленных подходов достоин специального и подробного обсуждения, которое мы не можем здесь себе позволить, чтобы не уходить слишком далеко от избранной темы. Нас интересует прежде всего правила преобразования глубинной структуры пропозиции в поверхностную, в частности, правила введения подлежащего, поскольку глубинные падежи часто не совпадают с поверхностным выражением. Подлежащему в первую очередь соответствует падеж «агент». Если же падеж "агент" передает ся не подлежащим, то подлежащему соответствует падеж "инструмент" и т.д.

Несомненно, любая теория, претендующая на адекватность, должна включать характеристику синтаксических единиц с точки зрения семантики: набор семантических ролей и их иерархия.

Подход порождающей семантики к описанию структуры предложения отличается от подхода Хомского тем, что, как и традиционная грамматика, выделяет два аспекта - глубинную структуру (с некоторыми оговорками приравненную к плану содержания предложения) и поверхностную структуру (план выражения), в то время как в рамках порождающей грамматики структура предложения описывается в терминах трех категорий - глубинная структура, поверхностная структура и семантическая интерпретация. Но если, согласно традиционным представлениям, план содержания представляет лишь то, что имеет соответствия в плане выражения, то порождающая семантика придерживается постулата Хомского о том, "что глубинная структура должна отвечать за все потенциально возможные способы семантической интерпретации" (Касевич 1977, 123). По мнению цитируемого автора, это шаг назад по сравнению с функциональным подходом к изучению аспектов предложения в их взаимосвязи.

Семантические роли (семантические падежи) активно изучаются в настоящее время

в американской лингвистике (У. Чейф, Дж. Груббер, А. Андриус, Т. Гивон и др.). В частности, Андриус (Andrews 1987) делит семантические роли на обязательные и факультативные. К первым он относит агенс, пациенс, директив (источник и цель), локатив экспериенцер, реципиент, тему, каузатор и инструмент. Андриус отмечает, что семантические роли тема и пациенс тесно связаны, но не идентичны. Что касается соотношения синтаксиса и семантики, то такая грамматическая функция, как подлежащее, обычно ассоциируется с семантической ролью агенса, но многие подлежащие не являются агенсами, т.е., по мнению Андриуса, все попытки найти семантический инвариант подлежащего должны быть оставлены как бесперспективные.

В результате обзора существующих точек зрения на проблему подлежащего мы пришли к следующим выводам:

1. Тематическому и субъектному определениям подлежащего отвечают самостоятельные семантические единицы, а именно: тема как категория коммуникативной семантики, агенс как категория лексической семантики и субъект как категория синтаксической семантики (если таковой имеется в данном языке). За каждой из этих семантических категорий стоит определенное содержание, которое кодируется на поверхностном уровне в разных языках различными формальными средствами.

2. Что же касается соотношения категорий субъекта и темы, то многое объясняется, видимо, тем, что определение темы "то, о чем говорится в предложении" воспроизводит по существу аристотелевское определение субъекта суждения. В.Б. Касевич (Касевич 1988) указывает на однопорядковость категорий "тема" и "субъект", в то же время четко разграничивая эти понятия, относящиеся к разным уровням семантики высказывания, что представляется особенно важным. Тема есть категория коммуникативной семантики высказывания (т.н. актуального членения предложения). Отношение "топик — комментарий" в концепции Ч. Ли и С. Томпсон является по существу тема-тематическим отношением, хотя и у авторов "новой типологии", и в ряде других работ (Language typology and syntactic description 1987), включая отечественные обзоры западных синтаксических концепций (Демьянков 1979), понятия топика и темы разграничиваются. В частности, считается, что у всякого предложения есть тема, но не о всяком предложении можно сказать, что у него есть топик. На наш взгляд, такое разграничение имело бы смысл, если бы топик и тема по-разному определялись. Определение же топика как "объекта, о котором сообщает говорящий" (Кинэн 1982, 256) ничем не отличается от традиционного определения темы.

Возможно, следовало бы принять термин "топик" как более удобный, поскольку в некоторых западных работах "тема" — это одна из семантических ролей, и последние часто называются тематическими ролями.

3. Очень важной в отношении типологии языков следует признать идею о двупропозитивности семантики, связанной с традиционным актуальным членением предложения. Согласно В.Б. Касевичу (Касевич 1988), в любом высказывании есть пропозиция с предикатом-ремой "является темой (моего сообщения)". При таком подходе видно, что типологическая концепция Ч. Ли и С. Томпсон, связанная с разграничением языков типа ВП и языков типа ВТ, основана только на формальных признаках: в языках типа ВП (например, в русском) двупропозитивность семантики не находит отражения в синтаксисе, а в языках типа ВТ (например, в бирманском) она специально маркируется на поверхностном уровне: тема (топик) не входит в синтаксическую структуру предложения.

4. Статус же субъекта, скорее, ближе к статусу агенса — семантической роли одного из аргументов *n*-местного предиката. В литературе (Богданов 1977, Корди 1988) встречается мнение, что субъект и объект суть обобщенные семантические роли — т.н. гиперроли. Развивая эту мысль, В.Б. Касевич считает, что категория агенса относится к семантике словаря, а субъект представляет иной уровень обобщения — перехода от лексической семантики к синтаксической. В таком понимании субъект не является универсальным понятием, поскольку лингвистически реальны те семантические категории, которые имеют или могут иметь соответствия в плане выражения, субъект как особая категория семантики синтаксиса появляется только тогда, когда совпадает грамматическое оформление

двух или более семантических ролей, агенса (производителя действия) и абсолютива (носителя признака – состояния).

Таким образом, если субъектная трактовка подлежащего является агенсной, то согласиться с этим трудно. Во-первых, подлежащее не всегда соответствует агенсу (например, в безагенсных предложениях), во-вторых, не всякий агенс есть подлежащее (вспомним пассив).

Какая же из моделей синтаксического описания представляется нам наиболее адекватной?

Мы будем в настоящей работе исходить из актантной модели Теньера в несколько модифицированном виде, в том виде, в каком она представлена в (Касевич 1988). В рамках принятого подхода основной единицей синтаксической структуры предложения является синтаксема.

Предложение традиционно рассматривалось только с точки зрения его внутренней структуры. Между тем многие грамматические явления, в частности, порядок слов (связанный с актуальным членением высказывания), употребление местоимений, частиц, выбор видовойременной формы глагола, требуют учета контекста и конситуации. Поэтому предложение мы рассматриваем и как составляющую более крупного языкового образования – сложного синтаксического целого (ССЦ), которое, в свою очередь, является частью текста. Термин *текст*, используемый специалистами разных дисциплин, не имеет единого определения. В литературе часто употребляется и термин *дискурс* в качестве синонима текста, хотя некоторые исследователи разводят эти два понятия.

Вопросы лингвистики текста были поставлены и разрабатывались на материале европейских языков. Привлечение данных восточных языков, в частности монгольских, представляется важным для расширения и углубления фактической базы при рассмотрении проблемы в общелингвистическом плане.

В качестве ССЦ одни лингвисты представляют сверхфразовые единства (СФЕ), другие – абзацы. Причем ряд исследователей четко разграничивают оба понятия. Так, например, по В.Г. Гаку, СФЕ – "основной смысловый и структурный элемент связной речи (текста), единый в отношении содержания и с определенной внутренней структурой" в отличие "от абзаца, который представляет собой композиционно-структурный элемент текста" (Гак 2000, 777-778).

Важное место в проблематике лингвистики текста занимает повторная номинация.

Повторная номинация (далее ПН) до сих пор как будто бы не изучалась в монголоведении в сопоставительном плане на материале параллельных текстов. Между тем выявление способов ПН в типологически разных языках, каковыми являются русский и монгольский, представляет большой исследовательский интерес. Мы привлекли для анализа монгольский художественный прозаический текст – роман "Тунгалаг Тамир" Ч. Лодойдамбы и его перевод на русский язык. Оригинал насчитывает 614 страниц, а русский текст "Прозрачный Тамир" – 496 страниц. Монгольский текст состоит из четырех глав. Каждая глава делится на подглавы, например, в первой главе 25 подглав. Русский перевод несколько отличается композиционно от оригинала. Роман представлен двумя книгами. Каждая книга состоит из двух частей, которые в свою очередь делятся на разделы. Например, первая часть первой книги представлена 24 разделами.

ПН – важнейшее средство связности любого текста. ПН заключается в повторном обозначении в тексте одного и того же денотата. Различаются ПН на уровне слова и ПН на уровне предложения. Другими словами, одним словом может воспроизводиться как отдельное слово, так и предложение, цепочка предложений. Здесь мы рассматриваем только первый случай – ПН лица. Личная ПН осуществляется с помощью лексического повтора или замены. Языки различаются с точки зрения степени распространенности, доминированности того или иного способа ПН. Наша задача – выявить степень контекстной связанности единиц в параллельных текстах.

Для сопоставительного анализа привлечен первый, начальный, фрагмент текста объемом 6 страниц. Монгольский фрагмент текста состоит из 33 абзацев монологической речи, а русский – из 31 абзаца. Рассматриваемый фрагмент текста отчетливо членится на

абзацы – компоненты текста, обладающие формальной завершенностью: определенная интонационная рамка, макропауза. На письме абзац выделяется графически – в начале красной строкой (абзачный отступ) и в конце – точкой, за которой далее строка остается незаполненной.

В монгольском тексте ПН осуществляется с помощью имен собственных (личных имен Эрдэнэ, Бат, Долгор), терминов родства (эх дүү хоер «мать и сын»), нулевой анафоры (эллипсиса), дескриптора (типа энэ хүн «этот человек»). В параллельном русском тексте тождество референтов устанавливается путем употребления анафорических местоимений он, она, они, имен собственных, ассоциативных слов (гиперо-гипонимические обозначения, обозначения типа "часть-целое", "множество – элемент множества" и т.п.), синонимов (словарных и контекстуальных).

Такой тип контекстных связей, как анафорические связи уже рассматривался нами раньше (Омакаева 1999, 40). В последние десятилетия теория анафоры активно разрабатывается на материале разных языков. Интерес к проблеме анафоры не случаен. Местоименная замена имени существительного является важнейшим средством контекстной связанности единиц, повторной номинации в связном тексте наряду с лексическим повтором. Однако монгольский язык пока не попал в поле зрения исследователей.

Для семантической интерпретации предложения в тексте необходим поиск слова-антецедента за пределами данного предложения. Сопоставительный анализ параллельных текстов показывает, что в русском тексте анафорическое местоимение встречается почти в каждом предложении. Что касается монгольского текста, то употребление анафорических местоимений для него не характерно. Распределение анафориков в параллельных текстах отражает так называемый индекс анафоричности, который определяется по количеству анафориков на одно предложение текста. Следовательно, для выведения индекса необходимо знать общее количество местоимений, встретившихся в тексте, и число предложений, из которых состоит текст. Для русского языка индекс составил 0,35, а для монгольского 0 (в рассматриваемом фрагменте не встретилось ни одно местоимение). Что касается нулевой анафоры, то здесь ситуация прямо противоположная: она встречается в монгольском тексте в 2 раза чаще, чем в русском (0,18 против 0,09).

Литература

1. Бондарко А.В. (ред.). Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. Спб., 1992.
2. Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982.
3. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2000.
4. Касевич В.Б. Элементы общей лингвистики. М., 1977.
5. Касевич В.Б. Связанные словосочетания // Востоковедение, 9. Филологические исследования. Л., 1984.
6. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
7. Касевич В.Б., Спешнев Н.А. Лакунарность текста: грамматические, семантические и культурологические аспекты // ICANAS XXXVII. Тезисы. М., 2004. Т. 1. С. 72-73.
8. Кибрик А. Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка // Известия АН СССР. СЛЯ. 1979, Т. 38. № 4.
9. Козинский И.Ш. О категории "подлежащее" в русском языке // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. предварительные публикации. Вып. 156. М., 1983.
10. Солнцев В.М. Грамматическая структура и актуальное членение предложения // Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения. М., 1984. С. 3-10.
11. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Мушаев В.Н.

ОБ АКТУАЛЬНОМ ЧЛЕНЕНИИ КАЛМЫЦКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Развитие теории актуального членения дает основание говорить об этом анализе, как методически достаточно точной процедуре членения предложения. Она опирается на признание содержательного фона намерений говорящего, устанавливаемого на основе текстового анализа.

В современной грамматической литературе обращают внимание на четыре составляющих аспекта высказывания — предложения (Слюсарева, 1986). Наиболее разработанным является структурный аспект, который является базой для построения многочисленных современных синтаксических теорий. В данном аспекте обращается внимание на морфологическую специфику частей речи, в каждом языке устанавливаются внутренние закономерности развертывания связной речи. Второй аспект является логико-ориентированным, связанным с закономерностями построения в языке отраженных сознанием соотношений между предметами и их свойствами и качествами.

Изучение семантики синтаксиса дало новые направления, среди которых следует назвать актантные, падежные и ролевые грамматики разных видов (Л. Теньер, 1988; Ч. Филлмор, 1984). Эти исследования позволили обнаружить еще один аспект синтаксиса, в котором получают отражение ситуации, описываемые в предложении, и ситуации непосредственного общения. При этом ситуация выявляется в виде единиц и моделей, из которых конструируется высказывание, она отражается в специфическом для данного языка указании на роли, связи и отношения участников ситуации. По причине того, что синтаксическая конструкция выступает в виде аналога ситуации, мы, вслед за Н.А. Слюсаревой, называем данный аспект синтаксиса аналоговым (Слюсарева, 1986). И наконец, четвертый аспект, получивший название функциональной перспективы предложения, в наибольшей степени связан с выполнением коммуникативного намерения говорящего и нацелен на восприятие сообщаемого.

Все указанные четыре аспекта взаимосвязаны объектом, но любой из них позволяет выделить те языковые особенности, которые соответствуют каждой из сторон. Мы исходим из того, что предложение одновременно существует как факт речи, т.е. как высказывание, и как факт языка, имеющий свою внутреннюю структуру. При сопоставлении приведенных выше аспектов синтаксиса выясняется следующая их соотношенность. Если логико-ориентированный аспект связан с осознанием действительности, с изучением логики развертывания мысли, а аналоговый через ситуации с ее компонентами факта или события служит для реализации соотношения языковой реальности с миром действительности, то два других аспекта, будучи связанными с подлежащно-сказуемым и тема-рематическими принципами организации синтаксической конструкции, противопоставляются двум первым. Структурный аспект жестко связан со структурой языка, а актуальный синтаксис связан с коммуникативным намерением говорящего и достаточно свободен по отношению к грамматическим характеристикам языка (Слюсарева, 1986). Различаются аспекты и разнообразием видов синтаксических функций: у структурного аспекта функциональны главные и второстепенные члены предложения; логическими функциями — субъект и предикат суждения; аналоговые единицы — агент, пациент, бенефициант и т.д.; функции актуального аспекта — прагматические.

Нельзя не согласиться и с мнением о том, что при определении функции структурный синтаксис опирается на форму, логико-ориентированный и аналоговый — на семантику. Эти анализы возможны на материале отдельного предложения и даже без учета

закономерностей порядка слов и просодических характеристик. Считается, что актуальный синтаксис менее доступен объективному анализу, потому что он служит для выражения намерений говорящего. При анализе, особенно письменных текстов, допускается множество интерпретаций изолированных предложений, но лишь опора на текст, уже - контекст, позволяет правильно выявить намерение говорящего. Перед началом изложения материала считаем необходимым отметить, что "некоммуникативную" часть значения синтаксической модели мы будем описывать вслед за Л. Теньером и Ч. Филлмором и в терминах ролевых позиций или актантов (Теньер, 1988; Филлмор, 1984).

Но прежде чем приступить к системному обобщению, необходимо обратиться к истории изучения вопросов актуального членения в монголоистике.

В последние годы на материале монгольских языков появились работы, в которых в той или иной мере изучается функциональный аспект (актуальное членение) предложения. Это прежде всего работы Г.Ц. Пюрбеева, М.Н. Орловской, З.В. Шеверниной, Э. Дашдондог, Л.Б. Шанаевой, Б.Э.Убушиевой.

Для проверки и подтверждения исходных теоретических положений нами проработано свыше 3000 простых полных повествовательных предложений, взятых из проведенных устного народного творчества и современных калмыцких писателей. Думается, что приводимые примеры являются показателями особенностей коммуникативных элементов актуального членения и формально-семантической структуры калмыцкого предложения.

При обсуждении общих принципов актуального членения возникают, прежде всего, вопросы о компонентах и количестве единиц. Для большей части синтаксических описаний характерно бинарное разбиение предложения с точки зрения его актуального членения на тему и рему, или данное и новое, основу и ядро, логическое подлежащее и сказуемое, основу и предидирующую часть и т.п. Следует заметить, что приведенные выше связки терминов отличаются друг от друга по содержанию, объему и интерпретации. Например, в калмыцком предложении достаточно примеров, в которых "новое" не всегда выступает в качестве ремы. Иногда рема может находиться и в составе темы, особенно при противопоставлении. Например: *Ахь хөөчень // эрте босна. Нөкдень болхла, // дуудад эсе сэрүлхлө, // босжь чадхьш.* - Старший чабан // встает рано. Помощник же, // если не будить // не может проснуться. В этом предложении *нөкдень болхла* - помощник же противопоставляется члену *ахь хөөчень* - старший чабан, получает логическое ударение, выражает в определенной степени новое понятие, но не является ремой, а выступает усиленной темой, т.е. здесь при помощи контекстного противопоставления и ударения смысловая нагрузка на предмет сообщения значительно возрастает. Ремой в данном предложении выступает член *босжь чадхьш* - не может проснуться, на него приходится основное логическое ударение.

Иногда смысл противопоставления выражается и без первой части, или противопоставляемая часть становится понятной из конституции. Например: *Батадь чиген // ондан киилег // өмскве.* - И Бате надел // другую рубашку. В этом предложении тема *Батадь чиген* - И Бате принимает логическое ударение и является новым только тогда, когда она употребляется в значении - Бате же, и Бате. Но в то же время рема (настоящее новое) также принимает логическое ударение. Другими словами, наличие в составе темы значения нового не устраняет главное новое, которое всегда выступает ремой сообщения.

Кроме этого, следует подчеркнуть, что не всякое данное, известное из контекста, выступает только темой. Данное для рассматриваемого предложения - это упомянутое в предыдущем предложении. Для их выражения часто используются местоимения, которые могут находиться и в тематической части, и в составе ремы. Например:

1) *Көвүн // сурхулясьн ора ирве. Тэре // хаалһдан наадад йовжь.* - Мальчик // из школы пришел поздно. Он // по пути домой играл. Известное первого предложения *көвүн* - мальчик, во втором - типично и закономерно передается местоимением - темой *тэре* - он.

2) *Баһчуд // нандь үрвер кэве. Би эрүн сэдкләсен // тэрүндень ханьлть өргвев.* - Молодежь // мне сделала приглашение. Я от души // за это поблагодарил. Здесь, также во втором предложении имеется местоимение *тэрүндень* - за это, которое по смыслу соот-

носится со всем первым предложением и является не новым, а данным. Это слово при соответствующем логическом ударении может находиться, как в данном случае, в составе ремы. Но все же следует признать, что тема — это всегда данное, заранее известный или заранее установленный предмет сообщения; рема — в конечном счете — всегда новое (Татарская грамматика, 1995).

Как свидетельствует уже история лингвистики, ранее тема была чаще связана с именами и с именными конструкциями, а рема связана с изменяющимся и динамичным и выражается предикатными конструкциями. Это создало впечатление, что тема и рема совпадают с выделенными в логике субъектом и предикатом. Подобные обобщения основывались на анализе внеконтекстуальных простых предложений. Но обращение к коммуникативному намерению говорящего и применение тема-рематического анализа к синтаксическим структурам более простого и более сложного состава свидетельствует о несовпадении единиц логико-ориентированного и актуального аспекта синтаксиса.

Материалы изучения конкретных языков, калмыцкого в том числе, говорят о том, что субъект выражается не только подлежащим, предикат — не только сказуемым, а тема и рема могут выражаться любым членом предложения. Приведем пример из калмыцкого языка:

1) *Хурь // оржана. — Дождь // идет.* Тема *хурь* - дождь выражена подлежащим, рема *оржана* - идет — сказуемым. Тема совпадает с субъектом, рема — с предикатом;

2) *Бичкдүдте // бэлег авчь ирве. — Детям // принесли подарки.* Тема выражена дополнением-детерминантом *бичкдүдте* — детям. Являясь косвенным объектом, рема выражена группой сказуемого или главным членом однокомпонентного предложения. Рема *бэлег авчь ирве* - принесли подарки, совпадает с предикатом, состоящим из действия и прямого объекта;

3) *Намрин чилегчэр // өвсен хурагдсн билэ.* - В конце осени // сено было убрано. В этом примере тема *намрин чилегчэр* - в конце осени выражена обстоятельством времени и совпадает логически с темпоральным квалификатором, рема *өвсен хурагдсн билэ* - сено было убрано выражена предикатной группой и совпадает с предикатом, который состоит из действия и его объекта.

4) *Тээгте // зуг бодь мал // идшелже йовна.* - В степи // пасется только крупный рогатый скот. В примере тема *тээгте идшелже йовна* - в степи пасется выражена детерминантом и сказуемым, рема — актуализатор *зуг* - только, определение *бодь* - крупный рогатый и определяемое слово *мал* - скот. Считается, что определение является неконструктивным членом, т.к. при выборе места в предложении оно (определение) несамостоятельно, и при перемещении определение вместе с определяемым словом может входить в состав темы: *Бодь мал // тээгте идшелже йовна* - Крупный рогатый скот // пасется в степи.

Отметим, что детерминант чаще всего выражает тему, тогда как присоединительная конструкция обычно является выделенной частью ремы. Вместе со своими ведущими членами уточняющие и поясняющие члены предложения могут составлять и тему, и рему. Если обращение не принимает участие в выражении коммуникативных членов, то вводные образования, вступающие в функции присоединения, будучи выделенными из общей интонационной структуры предложения, могут через рему выражать особо важную информацию (Мушаев, 1995).

Существуют и другие типы актуального членения предложения. Например, И.Ф. Вардуль в ряде работ, вместо темы и ремы, вводит понятие класса главных и второстепенных членов актуальной структуры высказывания (Вардуль, 1964). Однако, подобные мысли высказывались еще В. Матезиусом, который отмечал, что исходная точка высказывания не всегда является его темой. В. Матезиус связал наличие в предложении исходной точки (нетемы) с распространением предложения второстепенными членами (Матезиус, 1967). В ряде работ В.Виноградов неоднократно говорил о таких второстепенных членах, которые не включаются ни в группу сказуемого, ни в группу подлежащего (Виноградов, 1972). Д.Н. Шмелев считает, что более поздние идеи о детерминантах Н.Ю. Шведовой и Г.А. Золотовой — о свободных синтаксических словоформах — идут от А.М. Пешковского (Шмелев, 1976). Интересны в этой связи работы А.Л. Пумпянского, который (хотя и на

других основаниях) предлагает выделить индекс основной информации, а также акцентуаторы, конкретизаторы и логико-грамматический эллипсис. Среди вспомогательной информации выделяются слова, вводящие логический контекст; слова, характеризующие степень объективности информации; и слова, указывающие на отношение автора к высказыванию (Пумпянский, 1972).

Близкими к традиционному делению на тему и рему являются пресуппозиция и фокус, введенные Н.Хомским. По его определению, фокус, или рема, — элемент предложения, который стоит в фокусе парадигматического контраста, пресуппозиция или тема — вся остальная часть предложения (Chomsky, 1971). Исходя из этого, Р.Джекендофф предлагал рассматривать пресуппозицию и фокус как элементы коммуникативной структуры предложения (Gackendoff, 1972). Позже ученые, рассматривавшие данное определение, указывали в нем ряд недостатков. Основным считалось — неопределенность понятия пресуппозиция и несоответствие тесту на отрицание. Кроме того, можно привести примеры, в которых тема-рематическая структура не различается, а пресуппозиционное и сообщаемое различаются, т.к. следует отличать заданную эксплицитно информацию об известном и то, что предполагается известным [ТФГ, 1992]. Приведем примеры из калмыцкого языка:

1) *Шиндэ көвүтэ*. - У Шинды сын (наличие детей известно).

2) *Шиндэде көвүн бээнэ*. - У Шинды есть сын (сообщается о наличии сына).

Существенным представляется еще один момент, о котором говорили не только сторонники данного определения элементов коммуникативной структуры предложения. Они отмечают наличие таких предложений, которые не содержат контекстно заданных элементов, а это значит, что все высказывания в целом попадают в фокус контраста и не включают пресуппозиции.

Подверг сомнению принцип двоичности и Я. Фирбас. Он выделял три компонента актуального членения: тема, переход и рема (Фирбас, 1972).

Следует отметить, что в настоящее время категории актуального членения рассматриваются с позиции лингвистики текста и трактуются в плане теории информации (Вардуль, 1964; Николаева, 1972; Слюсарева, 1981 и др.). В связи с тем, что актуальное членение вводится в сферу текста, в работах последних лет предлагается исходить из наличия четырех уровней синтаксического исследования текста: членов предложения, актуального членения (динамический уровень), парантетических внесений и фразировки высказывания. В работах по текстологии, к примеру, вводные образования рассматриваются как явления "внесения" и "нарушения". Сущность этого нарушения заключается в том, что в состав предложения "вторгаются" слова или синтаксические конструкции ("парантетические внесения") и "нарушают", "разрушают" линейные синтаксические связи. Анализ функционирования парантетических внесений позволяет утверждать, что некоторые их разновидности реализуют свои категориальные функции, как в рамках предложения, так и рамках текста, выступая тем самым в качестве текстосвязующих средств (Александрова, 1984; Мушаев, 1995).

И на рубеже XX и XXI столетий в отечественной лингвистике активизировалась тенденция к антропоцентрическому осмыслению языкового феномена. В этих работах лингвопрагматическое осмысление номинации в связном тексте и когнитивная интерпретация фактов номинации ведет в сферу главной функции языка — антропогенной "человекообразующей", т.е. изучается, как, благодаря языку, человек становится творческой личностью (см. работы В. Г. Гак, Е.С. Кубряковой, А.Г. Баранова и др.). Антропоцентрическое исследование словаря языковой личности, формирующегося в тексте, проявляет интерес к пространству художественного произведения. В художественном тексте языковая личность ощущается и осознается как языковая личность автора. Вполне понятно, что языковая личность автора характеризуется спецификой своей языковой картины мира и того словаря, который составляет основу этой картины (работы: В.В. Виноградова, А. Вежицкой, Ю.Н. Караулова, Г. Брутян и др.).

Итак, мы исходим из того, что тема и рема как категории актуального членения являются главным опорными моментами развертывания текста и одновременно их связующи-

ми звеньями. Задачей исследователя является определение принципов функционирования единиц и конструкций языка в этих опорных пунктах, а также установление особенности каждой из них в зависимости от коммуникативного задания (Слюсарева, 1981). Для решения этих задач можно воспользоваться введенными Г.А. Золотовой понятиями тематической и рематической доминанты и выводом о том, что именно текст, смысловое задание текстового фрагмента, его композиционно-смысловая доминанта обуславливают распределение тема-рематических ролей в предложении (Золотова, 1973). Признавая это, мы определяем, что тема -носитель минимума коммуникативно важной информации. Тематическая часть известна как информанту, так и адресату. Рема считается ядром сообщения и подвергается актуализации. Следует отличать актуализацию частей и высказывания в устной и письменной речи, хотя принципы актуализации во многом сходны.

При разграничении темы и ремы мы исходим из понятия синтагмы, введенного академиком Л.В. Щербой как фонетическое единство, состоящее из одной или целого ряда ритмических групп, выражающих смысловое целое в процессе речи – мысли. Если синтагмы – автосемантические сегменты динамической структуры предложения, то составляющие синтагмы, речевые такты – синсемантически. Именно между синтагмами (темой и ремой) проходит пауза, сигнализирующая о границе членения предложения, "главная" пауза в терминологии Н.В. Черемисиной, или "предицирующая" в терминах Н.П. Гаман.

Актуальная пауза невозможна между двумя синсемантическими сегментами, а возможна или между двумя автосемантическими сегментами, или между синсемантическими и автосемантическими сегментами. Например:

1) *Күүкед // дэгтер умшжана.* – Дети // читают книгу.

В этом случае в состав членов, выражающих рему, входит и сказуемое. Если сказуемое входит в состав темы, то оно (сказуемое) занимает место непосредственно после ремы, и между ними обычно отсутствует пауза, то есть рема вместе с частью темы – сказуемым составляет одну синтагму:

2) *Күүкед // дэгтер / умшжана.* – Дети читают // книгу.

При трансформационном анализе коммуникативного членения предложения также учитывается синтагматическое членение. Например: *Эне йовдлын хөөне Харти // Эддерхенде удан бөөсен уга.* - После этого случая Харти // в Астрахани не жил долго. В этом предложении рема состоит из двух сегментов: *Эддерхенде* - в Астрахани - синсемантический сегмент и *удан бөөсен уга* – не жил долго - автосемантический сегмент. В этой комплексной реме при переводе на русский язык должно быть учтено ее соответствующее синтагматическое (сегментное) членение. Рематическая часть *Эддерхенде удан бөөсен уга* - должна быть переведена как - в Астрахани не жил долго, а не как - не жил в Астрахани долго.

При изменении коммуникативной нагруженности частей комплексной темы приходится переставлять местами эти части. При этом локальной трансформации поддаются только такие синтаксические члены, которые составляют самостоятельные синтагмы (автосемантические сегменты), например: *Эне йовдлын хөөне / Харти...* - После этого случая / Харти... или *Харти / эн йовдлын хөөне...* - Харти / после этого случая... Подобное же перемещение коммуникативных единиц только в виде отдельных синтагм наблюдается и при изменении коммуникативного членения, например: *Эне йовдлын хөөне / Харти // Эддерхенде бөөсен уга.* - *Эддерхенде / эне йовдлын хөөне // Харти удан бөөсен уга.* - В Астрахани / после этого случая // Харти / не жил долго.

В качестве следующего базового подхода в теории актуального членения предложения следует назвать вопрос о принципах установления или выделения темы и ремы. Безусловно, прежде всего, решающая роль остается за контекстом. Исходя из него, определяется, какой член предложения получает логическое ударение. Логическое ударение является главным указателем ремы. Если рема выражается одним членом, то логическое ударение получает этот член; если выражается синтаксической группой синсемантических сегментов, то данное ударение падает на один из них. Если рема носит комплексный характер и состоит из нескольких автосемантических и синсемантических сегментов, то все составляющие получают логическое ударение в разной степени. Примеры:

1) *Сарин туршартъ / күүкен // зуг умшдыг / дасвь.* - В течение месяца / девочка научилась // только читать. В данном примере ремой является зуг *умшдыг* - только читать, это сочетание имеет логическое ударение.

2) *Тэрүнэ кэлсен үгөсе // йир дала күүнде / эвго болвь.* - От сказанных им слов // очень многим людям / стало неловко. В этом предложении рематическая часть состоит из двух составляющих: первая часть выражена группой дополнения *йир дала күүнд* - очень многим людям, на неё падает логическое ударение. Вторая часть - группа (сегмент) *эвго болвь* - стало неловко, она меньше первой части, но также принимает логическое ударение. Если на вторую часть ремы не будет падать логическое ударение, она должна быть отнесена к теме.

Если выделение ремы с помощью логического ударения излагается как актуализация логическим ударением, то тема подобным способом не актуализируется. Поэтому, считает М.З. Закиев, лучше говорить об усилении или ослаблении коммуникативной нагрузки как темы, так и ремы (Татарская грамматика, 1995).

Из последних теоретических разработок по указанной проблематике можно назвать серию работ по теории функциональной грамматики. Основные направления этих исследований будут изложены ниже. Здесь следует сделать лишь одно примечание о том, что вводимое в этих работах понятие фокус контраста присуще любому предложению и обусловлено следующим: когда говорящий сообщает что-то, он тем самым отвергает некоторое другое положение (ТФГ, 1992). В данном случае хотелось бы остановиться на пояснениях и замечаниях, касающихся предлагаемой ими системы тестов для установления ремы.

Во-первых, наиболее четко выявляется рема в тех случаях, когда парадигматический контраст связан с ограниченной группой противопоставлений. Постановка в позицию контраста может делать высказывание неотмеченным, или ложным, или изменить смысл сообщения. Например: 1) *Шинжэнде тодь бичег дасна.* - В Синьцзяне изучают ясное письмо; 2) *Тодь бичег Шинжэнде дасна.* - Ясное письмо изучают в Синьцзяне. Первое предложение истинно, второе - ложно, т.к. ясное письмо (старокалмыцкую письменность) изучают не только в Синьцзяне (КНР). Поэтому при заполнении структурной схемы (модели) высказывания на то место, где предполагается фокус контраста, ставится элемент, который по смыслу не допускает противопоставления в составе данного высказывания. Если высказывание после этого оценивается как неотмеченное или ложное, данная позиция связана с фокусом контраста.

Во-вторых, в область действия фокуса контраста могут попадать сразу несколько коммуникативных составляющих (элементов). Каждый из этих элементов лишь допускает возможность контрастивного прочтения. Возможность контрастивного прочтения называется на интерпретации смысла высказывания. Например:

1) *1607 жилде Тара балһсэндъ халимгуд больн хаана цэргин ахлачь хоорьндъ күүндвер болжъ* (ТР, 13) - В 1607 году в городе Тара между калмыками и военачальником царской армии состоялись переговоры. Данное предложение подразумевает (имплицитно) то, что переговоры могли проходить не только в г. Тара и не один раз в этом городе. Это делает предложение неестественным, т.к. это обусловлено тем, что локативная группа попадает в фокус контраста. Изменение порядка следования в таких случаях делает высказывание отмеченным (Николаева, 1982). Например:

1) *1607-гчъ жилде халимгуд больн хаана цэргин ахлачь хоорьндъ күүндвер Тара балһсэндъ болжъ.* - В 1607 году между калмыками и военачальником царской армии переговоры состоялись в городе Тара.

В-третьих, существует группа тестов, в которых рема определяется с помощью подбора соответствующих отрицаний. При этом интонационная структура исходного высказывания должна сохраняться. На материале калмыцких предложений сказанное можно проиллюстрировать следующим образом:

1) *Бадмъ үкер хулджъ аввь.* - Бадма купил корову;

2) *Бадмъ үкер бише, мөре хулджъ аввь.* - Бадма купил не корову, а лошадь;

3) *Бадмъ үкер хулджъ авсьн уга, хөөһән хулдвь.* - Бадма не купил корову, а продал овец;

4) *Бадмь үкер хулджь авсѣн уга, Манжь хулджь авла.* - Бадма не купил корову, а Манджи купил.

Считается, что варианты (2) и (3) есть отрицание (1), т.е. отсюда ремой в (1) могут быть слова *үкер хулджь аввѣ* - купил корову. Вариант (4) не является собственно отрицанием (1), т.к. изменена интонационная структура высказывания (Boguslawski, 1977).

Кроме этого, следует отметить, что разработчики теории функциональной грамматики, вслед за С. Куно, употребляют понятие — фокус эмпатии. Данное понятие понимается как условие, влияющее на выбор начала и способ представления актанта ситуации, иногда за этим понятием стоит степень близости участника сообщения к говорящему (ТФГ, 1992). Допускается, что степень близости к участникам события может влиять на выбор порядка слов. В этом вполне можно убедиться на примерах из калмыцкого языка:

1) *Бадмь дууһән илгѣве.* - Бадма послал младшего брата;

2) *Тэрүге (көвүге) Бадмь гидег ахънь илгѣве.* - Его (мальчика) послал брат по имени Бадма.

Наряду с эмпатией ученые выделяют и понятие смысловой темы, которое по толкованию близко к традиционному понятию тема (топик) (Падучева, 1984). По традиционному определению тема — то, о чем сообщается в предложении, рема — то, что сообщается о теме. В этой связи подчеркивается, что смысловая тема не всегда выступает как исходная точка сообщения, и этим она отличается от темы — топика. Например:

Эне дээрэ кэлегдсен хамьг "Бамбь цэцгин" программин өрөлөсө баһь, наадкь өрөлөнъ бась жигтэ сонин, күн болһна зүрке авльм бии-дуу бась харһна (ТР-69) - Все сказанное выше составляет меньше половины программы "Тюльпана", вторая половина тоже необыкновенно интересна, в ней также встречаются песни и танцы, которые могут очаровать каждого. В этом предложении в качестве смысловой темы рассматривается своеобразие программы ансамбля песни и танца "Тюльпан". Смысловая тема предложения должна совпадать с темой текста или его фрагментом. Тема текста, несомненно, является ведущим фактором при выборе начала для входящих в этот текст предложений или, как в данном отрезке, началом для обобщений и выводов текста. В общем, не раскрывая отношений между исходным и последующим коммуникативным элементом, контекстная заданность, близость к говорящему участка сообщения и тема текста достаточно важны для выявления причин, влияющих на выбор исходной точки (ТФГ, 1992).

Следующее направление, имеющее непосредственное отношение к исходным понятиям актуального синтаксиса, формулируется и как коммуникативная нерасчлененность предложения, и как одночленность высказывания-предложения, или как коммуникативная членимость / слитность высказывания. Если исходить из того, что рема всегда эксплицитна, т.е. выражается словами. Тема же иногда может просто подразумеваться, т.е. выражаться имплицитно. Далее выстраивается следующая цепочка: при описании, например, определенного времени путем перечисления событий, сначала через тему называется время или оно с самого начала подразумевается, затем без повторного названия этого времени перечисляются предложения, выражающие только рему. Такие предложения, по мнению М.З. Закиева, без достаточного основания считаются коммуникативно нерасчлененными (Татарская грамматика, 1995). При этом не учитывается имплицитно выраженная тема, т.е. время. Приведем калмыцкий эквивалент подобных предложений: *Харьһну сө билә.* - Была темная ночь. Если предложение стоит в начале рассказа, рема выражена эксплицитно, а тема — подразумеваемое, описываемое автором время. При эксплицитности темы предложение выглядит следующим образом: *Кэлегдѣхе цагла харьһну сө билә.* - В описываемое время была темная ночь. Считается, что подобного рода предложения чаще всего встречаются в двух случаях. Во-первых, при описании определенного времени или места путем перечисления событий, происходящих в это время или на этом месте. Также предложения сообщают только рему, а тема выражается имплицитно, например: *Үвел. Шуурһн. Шүрүн салькьн.* - Зима. Метель. Сильный ветер. Во-вторых, при описании часто чередующихся явлений также применяются предложения с имплицитно выраженными темами и эксплицитно выраженными ремами: *Долатадан көвүн хөөче болжъ байһндь көделмеште орна. Түүндөн һурвьн жилдән. Түүнә хөөне*

сурхуль. Өрәле жил болад революц... - В семь лет мальчик стал работать у богача подпаском (чабаном). Там три года. После этого учеба. Через полгода - революция...

Поскольку подобного характера предложения достаточно разнообразны и по форме, и по содержанию, считаем необходимым подробнее рассмотреть историю и современные подходы к данному типу предложений. Об одночленных предложениях, которые исходят из мелодики и логического ударения, писал еще Л.В. Щерба (Щерба, 1953). Идею одночленности высказывания развивал В.З. Панфилов. Он считал, что предложения типа: Пошли пароходы; Грачи прилетели; Вечереет; Зима — не имеют актуального членения, т.к. в них в равной мере не выделяются данное и новое, субъект и предикат суждения, хотя первые двусоставны, а вторые односоставны. На материале калмыцкого языка также можно было бы выделить предложения подобного типа: *Хурь орвь.* - Пошел дождь; *Ухан оржана.* - Мысли приходят, умнеет; *Заратрулжана.* - Знобит; *Намър.* - Осень. В связи с приведенными двусоставными предложениями обоих языков следует заметить, что они, по нашему мнению, тяготеют к фиксированным свободным фразеологизированным предложениям. Подобные предложения В.З. Панфилов называет не суждением, а одночленом (Панфилов, 1971). Позже Т.М. Николаева, говоря о членимости высказывания, подчеркивала, что цель данных высказываний — указать на ситуацию в целом, представленную в коммуникации глобально, а не расчлененно (Николаева, 1982). По мнению же Н.А.Слюсаревой, во всех предложениях существует членимость, которая устанавливается намерением говорящего обратить внимание на какой-то один из компонентов ситуации и сделать коммуникативным центром его аналог в предложении (Слюсарева, 1986). Проблему членимости / слитности высказывания в ином ключе рассматривает в своих работах О.Н.Селиверстова. Ученый относит коммуникативную членимость / нечленимость к основным понятиям теории, так как она определяет тип предложения. Данный признак рассматривается и как производная от места фокуса контраста. О фокусе контраста мы говорили выше в связи с тестами по установлению ремы. Коммуникативно нечленимыми, по мнению О.Н. Селиверстовой, можно считать предложение, целиком попадающее в фокус контраста. Понятие "тема" и "рема" в этих работах используется только по отношению к коммуникативно членимым высказываниям (Селиверстова, 1984; ТФГ, 1995).

Изучаемые материалы калмыцкого языка свидетельствуют о том, что найти тесты для разграничения коммуникативно членимых и слитных высказываний довольно трудно. Приведем пример теста, используемого многими лингвистами, в котором коммуникативно нечленимое высказывание должно в целом стоять в фокусе контраста, и, следовательно, вводимое отрицание может относиться ко всему высказыванию:

1) *Һарцхатън! Чонъ оржъ йовна!* - Выходите! Волк проник в загон!

2) *Унтцхатън ! Чонъ орсьн уга, хөд салькнась үргве.* - Спите! Волка нет (в загоне), овцы от ветра испугались.

Кроме того, отмечается, что место фокуса контраста связано с различиями в распределении семантических связей и через область действия этих связей определяется членимость / нечленимость. Называются ряд условий, влияющих на коммуникативную членимость / нечленимость. Безусловно, в текстах могут быть предложения, которые "озаглавливают" некую ситуацию, членимость которых минимальна. Это, прежде всего однословные предложения типа назывных или реплик в составе диалога. Следует также не забывать о том, что вопросы членимости / нечленимости предложения связаны с понятием предикативности предложения. В данном случае речь идет о так называемой скрытой предикативности и влиянии лексического значения сочетающихся слов (см. калмыцкие примеры) на предикативный характер конструкции (Шмелев, 1976).

Итак, проблема коммуникативной членимости / нечленимости высказывания в "Теории функциональной грамматики" по существу видоизменяется и переводится в проблему меньшей или большей степени членимости и выделяется в качестве особого явления в рамках теории актуального членения.

В завершающей части обзора базовых понятий актуального аспекта синтаксиса следует подробнее остановиться на понятиях "комплексная тема" и "комплексная рема".

Эти понятия вводятся для понимания порядка слов в предложении. Исследованные

материалы современного калмыцкого литературного языка говорят о том, что смена мест в составе темы связана с коммуникативной значимостью сегментов (членов) комплекса.

Пример комплексной темы:

1) *Көвүн үкрән // хулджь*. - Мальчик корову // продал;

2) *Үкрән көвүн // хулджь*. - Корову мальчик // продал;

Член (сегмент) предложения, занимающий первое место, с точки зрения говорящего, является более важным предметом сообщения, второе место занимает член, выражающий менее важный предмет сообщения. Первое место занимает тема первой степени, второе место - тема второй степени и т.д. Если сказуемое входит в состав темы, то оно в повествовательной речи всегда занимает твердо установленное, последнее место. На порядок расположения сказуемого в подобных типах речи коммуникативная нагрузка не оказывает никакого влияния: выражает ли сказуемое тему или ремю, оно всегда занимает постпозицию. В составе комплексной темы сказуемое выражает тему последней степени.

Например:

тема 1/ тема 2/ тема 3 // рема // тема 4

1) *Эне маши / эден / давсын жил // балһснась // авчь ирлө*. - Эту машину они / в прошлом году / привезли // из города.

Комплексная рема также состоит из нескольких частей. Каждая часть (сегмент) комплексной ремы занимает свое место по степени своей коммуникативной значимости. Например:

1) *Совхозин мал залус // намърла Хасгин һазрась // көөже ирлө*. - Совхозный скот мужчины пригнали // осенью из Казахстана. В этом примере *намърла* - осенью и *Хасгин һазрась* - из Казахстана выражают для слушателя новые понятия, оба произносятся с логическим ударением. В группе комплексной ремы рема первой степени занимает место непосредственно перед сказуемым. Рема второй степени размещается перед ремой первой степени. Если будет третья часть (сегмент), т.е. рема третьей степени, то она заняла бы место непосредственно перед ремой второй степени. Приведенное выше предложение можно перестроить в следующем коммуникативном варианте: *Залус // намърла Хасгин һазрась совхозин мал // көөже ирлө*. - Мужчины пригнали // осенью из Казахстана совхозный скот; Здесь рема первой степени: *совхозин мал* - совхозный скот; второй степени: *Хасгин һазрась* - из Казахстана; третьей степени: *намърла* - осенью. Если менять местами сегменты этой комплексной ремы, легко улавливается коммуникативная значимость нового, например: *Залус // намърла Хасгин һазрась совхозин мал // көөже ирлө*. - Мужчины пригнали осенью из Казахстана совхозный скот. - ...// *Хасгин һазрась намърла совхозин мал //...* - ...// из Казахстана осенью совхозный скот; ...// *совхозин мал намърла Хасгин һазрась //...* - ...// совхозный скот осенью из Казахстана.

Если взять пример с коммуникативным вариантом, где сказуемое входит в состав комплексной ремы: *Залус намърла // совхозин мал Хасгин һазрась көөже ирлө*. - Мужчины осенью // пригнали совхозный скот из Казахстана. В данной комплексной реме рема первой степени – сегмент, стоящий перед сказуемым: *Хасгин һазрась* - из Казахстана. Рема второй степени – сегмент, расположенный впереди ремы первой степени: *совхозин мал* - совхозный скот. Ремой третьей степени в этом примере является сказуемое *көөже ирлө* - пригнали.

Таким образом, в составе комплексной ремы рема первой степени занимает место непосредственно перед сказуемым, рема второй степени – перед ремой первой степени и т.д. Если сказуемое входит в состав ремы, то оно выражает ремю последней степени.

Кроме этого, следует отметить, что под влиянием разговорной речи в письменном повествовательном предложении, особенно публицистического стиля, сегмент, выражающий особо важную ремю, может выводиться в конец предложения в виде присоединения. Например:

Халимгуд // эврэ бичег-тамһта ульс. XVII зун жиләсе авьн (ХУ). - Калмыки – народ со своей письменностью. С XVII века. В этом предложении комплексная рема выражается сегментами: *эврэ бичег-тамһта ульс. XVII зун жиләсе авьн* - со своей письменностью. С XVII века. Присоединительную конструкцию *XVII зун жиләсе авьн* - с XVII века мож-

но назвать ремой первой степени. Рема второй степени в калмыцком языке выражается сегментом, расположенным перед сказуемым *бичег-тамhta* - с письменностью. Ремой третьей степени можно назвать сказуемое, которое в данном примере занимает место перед присоединительной конструкцией.

Итак, в распространенных предложениях в зависимости от степени коммуникативной значимости могут выделяться тема и рема нескольких степеней, которые в конечном итоге объединяются в комплексную тему и в комплексную рему.

Рассмотренные выше примеры калмыцких высказываний – предложений позволяют утверждать, что указанные теоретические разработки формируют представление о коммуникативной организации передаваемой в высказывании информации. В данных исследованиях учитывается деление на "известную" и "новую" информацию, возможность членения информации на блоки, которые тесно связаны между собой, или выделение отдельных элементов информации, описание организации передаваемой в высказывании информации в плане противопоставленности утверждаемого или устанавливаемого некоторому положению дел. Информация высказывания развертывается следующим образом: семантические связи возвращают мысль от вновь вводимых коммуникативных элементов к предшествующим (ТФГ, 1992).

В калмыцком языкознании до сих пор нет отдельной обобщающей работы, которая закрепила бы основные направления изучения актуального членения высказывания-предложения всеми исследователями и определила бы на материале калмыцкого языка ее основные базовые понятия и отношения к другим структурным составляющим предложения. Нет сомнения в том, что разработки в данной области помогут взглянуть на предложение как на часть текста. Тогда изучение роли актуального членения для обеспечения коммуникативной целостности текста следует рассматривать в разделе "текст". Прикладное значение изучения актуального членения калмыцкого предложения, особенно на нынешнем этапе развития теории и практики калмыцкого языкознания, следует отметить специально. Во-первых, при составлении текстов для определения границ микротекста и образования тема-рематической последовательности необходимы соответствующие разработки и обоснования. Каждое последующее предложение в тексте в коммуникативном плане должно опираться на предшествующее, продвигая высказывание от известного, данного к новому, от темы к реме. Во-вторых, при переводе с русского на калмыцкий и, наоборот, для адекватности перевода следует учитывать особенности соотношения актуального членения со всеми остальными составляющими структурами предложения. Например, если рема выражена сказуемым или сказуемое входит в состав ремы-комплекса, в таких случаях расположение темы и ремы совпадает с их местами в русском предложении: *Өрүндень өрәлэ йисенлә // балһснась һарчъ йоввь.* - Утром в половине девятого // выехали из города. Если же сказуемое не входит в состав ремы, то в отличие от русского языка оно все равно постпозитивно, а рема располагается непосредственно перед сказуемым. В русском предложении в любом случае рема занимает постпозицию например: *Первым прибежал пить // Дымов.* - *Түрүн усь уухар // Дымов // гүүже ирве.* Правильное определение ремы особо важное значение имеет в составлении диалога, реплики которого обычно состоят только из ремы.

Итак, выделение различными способами определенного компонента предложения в зависимости от конкретных условий общения поможет представить коммуникативную и формально-семантическую основу предложения. Способы выделения информации или актуализация компонентов бывает достаточно разнообразной. В устной речи используются, прежде всего, различные просодические средства выделения: ударение, темп и интонация. В письменной речи это выражается в основном посредством формальных показателей и порядка слов. При систематизации и обобщении можно установить следующие способы выделения наиболее важной коммуникативной информации и средства актуализации в структуре калмыцкого высказывания-предложения: с помощью изменения порядка слов, формальных средств актуализации и интонации.

Литература

1. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Прага, 1966.
2. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса (на материале английского языка). М., 1984.
3. Бухарин В.И. Об эффекте актуального членения // НДВШ ФН, 1980, № 4, С. 83-85.
4. Вардуль И.Ф. К обоснованию актуального синтаксиса // Язык и мышление. М., 1967, С. 115-122.
5. Вежибицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996
6. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972.
7. Гаман Н.П. Семиотика предидирующей паузы. Дис... канд.филол.наук. М., 1978
8. Дашдондог Э. Синтаксис простого предложения монгольского языка Автореф. дис... канд. филол. наук. Улан-Батор, 1979.
9. Закиев М.З. Татарская грамматика. Том III. Синтаксис. Казань, 1995.
10. Золотова Г.А. Очерки функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
11. Золотова Г.А. Роль ремы в организации и типологии текста// Синтаксис текста. М., 1979.
12. Кронгауз М.А. Семантика. М., 2001.
13. Кузьменков Е.А. Глагол в монгольском языке. Л., 1984.
14. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
15. Мушаев В.Н. Об актуальном членении предложения калмыцкого языка// "Джангар" и проблемы эпического творчества. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Элиста. 1990. С. 222-223
16. Мушаев В.Н. Калмыцкое предложение в аспекте актуального членения (на материале фольклора и произведений калмыцких писателей)//журнал "Тегин герл", 1996, С. 105-112.
17. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
18. Орловская М.Н. Набор порядков слов в простом повествовательном предложении и некоторые способы актуализации членов предложения в современном монгольском языке//Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения. М., 1984, С. 99-106.
19. Падучаева Е.В. Референциальные аспекты семантики предложения//Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984 т. 43, №4.
20. Панфилов В.З. Грамматика и логика. М-Л., 1963.
21. Прозорова Л.А. Особенности построения коммуникативной перспективы в художественном тексте (на материале английского языка): Дис,... канд. филол. наук. М., 1989.
22. Пумпянский А.Л. О логико-грамматическом членении предложения//ВЯ., 1972, №2, С. 66-76.
23. Пюрбеев Г.Ц. Синтаксис сложного предложения монгольских языков (синхронно-типологическое исследование). Дис....д-ра филол. наук. М, 1982
24. Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970.
25. Реферовская Е.А. Лингвистическое исследование структуры текста. Л., 1983.
26. Селиверстова О.Н. К вопросу о коммуникативной структуре предложения //Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз., 1984, т. 43, №5.
27. Скребнев Ю.М. Некоторые типы синтаксических отношений, выделяемых по функциональному признаку.//Ученые записки Башкирского университета. Вып.21. (Доклады и сообщения), № 9(13), С. 69 –76.
28. Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М.,1981.
29. Слюсарева Н.А. Категориальная основа тема-рематической организации высказывания-предложения//ВЯ, 1986, №4.
30. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.

31. Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. Спб, 1992.
32. Убушиева Б.Э. Структурно-семантические типы безличных предложений в современном калмыцком языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук, М., 1988.
33. Филлмор Ч. Дело о падеже//Новое в зарубежной лингвистике. Вып X, Лингвистическая семантика. М., 1984.
34. Фирбас Я. Функции вопроса в процессе коммуникации//ВЯ., 1972, №2, С. 55-65.
35. Черемисина Н.В. Ритмико-интонационная структура предложения в речи//Синтаксис и интонация. Уфа, 1969.
36. Шанаева Л.Б. Логико-грамматическое членение предложения в калмыцком языке в сопоставлении с русским и английским (на материале политической литературы). Автореф. дис....канд. филол. наук. М., 1987.
37. Шевернина З.В. Некоторые наблюдения над актуальным членением предложения в монгольском языке//Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения. М., 1984, С. 158-164.
38. Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.
39. Boguslawski A. Problems of the thematik-rhematic structure of sentences. Warsaw, 1977.
40. Chomsky N. Deep structure, surface structure and semantic representation//Semantics. London, 1971.
41. Loyons G. Semantics. 2 vols, London; New York, 1977.
42. Gackendoff R. Semantic interpretation in generative grammar, London, 1972.

Монраев М. У.

ИЗ ИСТОРИИ КАЛМЫЦКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Первые сведения о калмыцком языке появились на Западе в XVIII веке. Одним из тех, кто заинтересованно относился к истории калмыцкой лексикографии и придавал ей большое значение, является немецкий ученый Г. Дёрфер. Об этом свидетельствует его труд: Doerfer G. *Ältere Westeuropäische gvelen zür kalmückischen sprachgeschichte* (Witsen 1692 bis Zwick 1827). Wiesbaden. 1965 - Самые ранние западноевропейские источники по истории калмыцкого языка (от Витзена 1692 до Цвика 1827). Висбаден, 1965.

В нем собраны материалы по лексике и лексикографии ученых Н. Витсена, Г. Шобера, Ф. Страленберга, И. Шнитшера, Г. Мюллера, Л. Шлозера, С. Линднейма, П. Палласа, И. Фалька, Б. Бергманна, Ю. Клайрота и Г. Цвика. Как видим, в сборник включены работы немецких, шведских голландских ученых, многие из которых в свое время побывали в России, а некоторые – непосредственно в Калмыцкой степи. Собранный материал представляет в основном живую разговорную речь ойрат-калмыков. Материалы вышеперечисленных ученых позволили Дёрферу осмыслить и описать все то, что происходило в калмыцком языке в тот период. Включенные в сборник материалы, начиная с 1692 года, дают достаточное представление о состоянии калмыцкого языка. По этим небольшим материалам (за исключением тезауруса Фишера) можно судить о тех изменениях, которые произошли в течение 150 лет. Об этом пишет Г. Дёрфер в разделе «Das Schriftoiratische», привлекая для сравнения материалы словаря Г. Рамстедта *Kalmückischen Wörterbuch*. Helsinki, 1935. Например, *nigen* "eins" *spich negen* (= RKV *negn*), *čiloun* "Stein" *lies "Tscholohn"* (wohl etwa = *tšoloun* = RKW *tšölün*), *ино* "Wolf", *lies "Tschono"* (=RKV *tšon^o*) *xonin* "Schaf", *lies "choin"* (=etwa *xoin* = moderne Aussprache RKV *xön*) и другие.

Анализ работ Витсена, Страленберга, Палласа и других показал, что сочетанием *-ou*, *-uh* передается долгота, например, *doulan* - тепло, *toula* - заяц, *buhral* - седой. Лексические единицы *похоi* – собака, *delkei* - вселенная и др. свидетельствуют о том, что перехода дифтонгов в монофтонги еще не произошло. О былой губной гармонии можно судить по таким примерам, как *dolon* - семь, *olon* - много, *kökö* - синий, *орон* - страна, зафиксированном в словарях западноевропейских ученых. В результате сравнительного анализа лексики и словарных работ Г. Дёрфер констатирует, что в первой половине XIX века гласные *o*, и развились в *ц* ь умлаут, а перед *i* перешел в *д*. Только во второй половине XIX века гласные *ф ö* в первых слогах перешли в *в, й*. Умлаут *o* перед *i* развился в *ц*; согласный *-в-> -В->W*; дифтонги *oi>ц, či>I, ou>щ*. Как видим, они дали долгие гласные. Эти особенности старокалмыцкой письменности сохранились в основном языке синьцзянских ойратов (См.: Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста, 2001).

Работа Г. Дёрфера интересна тем, что она дает возможность не только проследить те фонетические изменения, которые произошли в языке калмыков, но также представляет собой ценнейший материал по исторической морфологии. В ней показано развитие структуры слова, изменение форм отдельных морфем и т.д.

В одной из своих статей известный лингвист В.М. Алпатов к наиболее развитым и лучше описанным языкам относит казахский, туркменский и в том числе калмыцкий..., но они, по словам ученого, "в большей степени оказались в тени", потому что "мало общетеоретических и типологических исследований" (Алпатов, 1997, 11). В целом, соглашаясь с мнением профессора В.М. Алпатова, все же хотелось заметить: нерешенных задач в калмыцком языкознании еще достаточно, и одной из них является лексикография,

которая, имея значительную историю, тем не менее, осталась вне поля зрения языковедов.

В данной статье рассматриваются двуязычные и орфографические словари.

Русско-калмыцкий словарь Б. Басангова появился на свет в самое тревожное время для нашей страны. На Западе полыхало пламя войны, и ее приближение к границе нашего государства чувствовалось с каждым днем. Именно в это время был издан "Русско-калмыцкий словарь" (1940) писателя, драматурга Б. Басангова, ставший значительным событием в жизни республики. В предисловии к словарю автор пишет: "В язык хлынули тысячи новых слов и терминов, но одни и те же понятия переводчики часто переводили по-разному, и это вносило в переводную литературу большой разноречивой и путаницы" (с.4). Так писал Б. Басангов о том, как "зародилась мысль о создании данного словаря". О необходимости издания двуязычного тезауруса пишет Э. Каляева: "Работа над словарем была необходимым этапом при переводе "Джангара", так как бережное отношение к эпосу требовало соответствия русской лексики образному содержанию и реалиям древнего калмыцкого эпоса (С. Каляев, 258).

Само название словаря предполагает, что знание русского языка калмыками было слабым. Поэтому основной задачей словаря автор считал – "дать возможность понимать современный русский язык и переводить с русского языка на калмыцкий язык" (там же, с.5).

Как нам представляется, основной тираж словаря так и не дошел до тех, кому он предназначен в первую очередь: переводчикам, учителям, работникам СМИ. Началась Великая Отечественная война (1941-1945), а затем - насильственная депортация калмыков в Сибирь.

Лишь после восстановления автономии республики словарь Б. Басангова был переиздан (1963, отв. редактор Л. Сангаев). По охвату лексикографического материала он довольно объемный (25 тыс. слов), в нём отражены новые слова и понятия, появившиеся после Октябрьской революции 1917 года. Социально-экономические и политические изменения, происшедшие в стране, принесли в Калмыцкую степь массу новых представлений об окружающем мире. Это новое следовало осознать и понять через русский язык.

Несмотря на отдельные недостатки – а в то время они были неизбежны – словарь Б. Басангова нам дорог и ценен тем, что он составлен писателем, драматургом, переводчиком, прекрасно знавшим родной язык, традиции и обычаи своего народа.

Первым двуязычным лексикографическим изданием в конце 50-х годов XX в. считается небольшой по объему и "Русско-калмыцкий словарь (для калмыцких школ)" И.К. Илишкина (1958). Словарь издавался в период массового возвращения калмыков из Сибири на родину. Общеобразовательной школе, начавшей обучение детей на родном языке, нужны были не только национальные учительские кадры, но и словари, учебники, методические пособия. Поэтому оперативное издание небольших лексикографических и других необходимых разработок, подготовка учителей родного языка на краткосрочных курсах – в какой-то степени обеспечивали на первых порах обучение калмыцкому языку.

Словарь И.К. Илишкина издан без вступительной статьи. Структура, подача и отбор материала вполне соответствуют типу словаря, предназначенного для учащихся калмыцких классов. Если учесть время появления данного словаря и как он готовился к изданию, то, как нам представляется, избежать ошибок и упущений было практически невозможно. Тем не менее "Русско-калмыцкий словарь" (более 5000 слов) профессора И.К. Илишкина сыграл положительную роль в обогащении лексики учащихся, привил навыки работы со словарем.

В 1964 г. под редакцией И.К. Илишкина вышел в свет "Русско-калмыцкий словарь" (около 32 тыс. слов), составителями которого являются А.Ш. Кичиков, Ц.К. Корсункин, Б.Д. Муниев, Д.А. Павлов, Д.С. Сельмин, Л.С. Сангаев, Б.С. Санджарыков. Появление данного словаря стало значительным историко-культурным событием в жизни республики. В предисловии к словарю отмечается, что "пополнение словарного состава калмыцкого языка происходит не только за счет использования внутренних речевых средств

родного языка, но и за счет заимствования из русского и через него международных, политических и научных терминов" (Илишкин, 1964, 5). Необходимо отметить, что словарь "отражает современное состояние русского литературного языка", и перед авторской группой стояла сложная задача: найти русским словам соответствующие эквиваленты на калмыцком языке. Если в калмыцком языке отсутствовали равноценные русским словам семантические эквиваленты, то для передачи значений русских слов использовались следующие способы: сочетания слов, либо именные и глагольные аффиксы калмыцкого языка, наращиваемые к основам русских слов, например, *работяга* – *көдлхдэн дурта кун*, команда – *командльлһн*, нормировать – *нормьлхь* и др. Словарь строится по общепринятому в лексикографии принципу. Слова в левой, русской части, расположены в строго алфавитном порядке. Словарь охватывает нормированную и разговорную лексику, извлеченную из ранее изданных лексикографических работ и других источников. Следует обратить внимание на то, что выбор эквивалентов и соответствий во многом зависел от самих составителей, знания как русского, так и родного языков. Включены в словарь многие заимствования, освоенные калмыцким языком (к примеру, валенки – *баальньг*, улица – *уульнцъ*). Используется также лексические кальки.

Таким образом, при подборе калмыцких эквивалентов для русских слов составители использовали не только внутренние резервы родного языка, но и другие возможности, которые тесно связаны с лексико-семантическими особенностями калмыцкого языка. Словарь изобилует заимствованной лексикой и терминами, которым не подобраны соответствующие эквиваленты на родном языке. Данное обстоятельство, видимо, можно объяснить слабой изученностью в тот период ряда вопросов лексикологии и грамматики калмыцкого языка.

"Краткий русско-калмыцкий словарь" (М., 1969, около 14 тыс. слов) составили И.К. Илишкин и Б.Д. Муниев. Это словарь-справочник и в то же время нормативный словарь. Он предназначен для учащихся и преподавателей средней школы, поэтому отбор слов непосредственно связан с прохождением программного материала в общеобразовательной школе. Опыт составления подобных двуязычных словарей у авторов немалый, к тому же преподавательская деятельность в значительной степени способствовала охвату лексики школьных дисциплин. Важно отметить, что словарь включает, помимо общепотребительной лексики, "самые распространенные словосочетания, общественно-политические, научно-технические термины", встречающиеся в школьной программе, а также "дается сравнительно широкая грамматическая характеристика каждого заглавного русского слова: род, формы множественного числа, тип склонения существительных; спряжение и управление глаголов и т.д." (Илишкин, Муниев, 1969, 6, 7), и лишь после этого и соответствующих помет приводится эквивалент на калмыцком языке. Во многом помогает раскрыть семантику слова краткая грамматическая характеристика частей речи русского языка, в которой отмечаются особенности каждой лексико-грамматической категории (имени существительного, прилагательного, числительного, местоимения, глагола и др.).

Надо отметить, что по мере создания двуязычных русско-калмыцких словарей заметно усиливается нормативный аспект. Объем данного словаря краткого типа строго ограничен. За пределами словаря неохваченными остались просторечные и разговорные формы слов. Вместе с тем "Краткий русско-калмыцкий словарь" И.К. Илишкина и Б.Д. Муниева давно стал библиографической редкостью. Переиздание данного типа словаря – требование времени.

Таким образом, двуязычные словари, изданные под редакцией профессора И.К. Илишкина, сыграли положительную роль в освоении русского языка.

Среди различных лексикографических изданий особое место занимает такой тип словаря, как орфографический, при составлении которого необходимо четко придерживаться одного из ведущих принципов орфографии (морфологического, фонетического или морфолого-фонетического), обеспечивающего единообразное написание слов.

Первое издание орфографического словаря Д.А. Павлова вышло в 1962 году. Время было трудное. Республика только вставала на ноги. Тяжело было и в системе народного

образования. Не было в республике не только учебников, различных методических пособий на родном языке, но и национальных кадров, многие из которых погибли в годы ВОВ и депортации калмыков в Сибирь. Практически все начиналось с нуля.

Данный словарь, который включает наиболее употребительные лексические единицы, является нормативным. Словарь начинается небольшой вступительной статьей "Толь олзлһна тускар" ("Как пользоваться словарем"), а завершается сводом правил. Основной принцип расположения слов в данном словаре — алфавитный. Структура словаря сохраняется в последующих изданиях. Неясные гласные на письме не обозначаются. В приложении, помимо правил, дается небольшой список личных имен калмыков. Вопросы орфоэпии не затрагиваются. При написании слов типа *шаржннх* - греметь, *харжъннхъ* - трещать; *түрүнк* - начальный, *икенкенъ* - большая часть и др. автор придерживается морфологического принципа.

При подготовке второго издания (1973 г.) были учтены недостатки и упущения словаря 1962 г. и, по словам автора, он внес ряд "значительных дополнений и уточнений". Следует отметить, что словник остался в том же объеме, но разработан и расширен свод нормативных правил.

Правила, выработанные Д.А. Павловым, дали возможность различать на письме такие слова, как *хөве* (счастье), *хүве* (часть); *өмсхе* (надеть), *үмсхе* (целовать); *түгәхе* (раздавать), *төгәхе* (распространять). Семантика ряда омонимов дается в переводе на русский язык, например, *зуухъ* (очаг), *зуухъ* (кусать); *зун* (то), *зунъ* (цаг). Правила калмыцкой орфографии разработаны автором на основе морфолого-фонетического принципа. В основных правилах дается подробная характеристика гласным и некоторым согласным буквам; когда и где они пишутся в слове. Заметное место в правилах занимает правописание заимствованных слов, различных частиц. В словаре выделены и описаны типы склонений имен существительных, части речи, отмечены фоно-морфологические изменения, происходящие в конце, середине и на стыке слов. Профессор Павлов Д.А. понимал, что без решения этой проблемы существующая орфография далеко не совершенна. Поэтому автор словаря предлагает обозначить неясные гласные только в конце слова (°) знаком, независимо от сингармонизма, т.е. предлагаемый знак может употребляться в твердо- и мягкорядных словах. При этом остается неясным, обозначает ли данный знак фонему. Профессор Д.А. Павлов полагал, что слова *чон°* - волк, *занъ* - слон, *курзь* - лопата являются двусложными. Этот знак (°) дает возможность различать омонимы: *зун* - сто, *зун°* - лето; *көрәд* - замерзая, *көрәд°* - пиле. Важно то, что при этом автор отмечает: в твердорядных словах неясная гласная произносится ы-образно, в мягкорядных - э-образно. Долготу (кроме первого слога) он обозначает знаком (:): *тоолулх* - *тоолулх°*, *адунд* - *адунд°* и др. Как видим, Д.А. Павлов все же выделяет для твердо- и мягкорядных слов разные знаки. Видимо, прав Л.В. Щерба, когда утверждал, что орфоэпические вопросы должны решаться раньше орфографических. Это в равной степени относится к монгольским языкам, в частности, к калмыцкому языку.

В третьем издании словаря (1992 г.) Д.А. Павлов также внес ряд дополнений и уточнений. Во вступительной статье сказано, что словник настоящего словаря заметно вырос в объеме. Орфографический словарь (1962, 1973 г.) помог учащимся, студентам, учителям и работникам средств массовой информации в усвоении правил, обогащении словарного запаса. При подготовке к печати "Калмыцко-русского словаря" (Хальмг-орс толь, Элиста, 1977) составители руководствовались правилами орфографии, разработанными профессором Д.А. Павловым. В издании 1992 г. четко определено, что в основе калмыцкого литературного языка лежат торгутский и дербетский говоры. Систематизирована лингвистическая терминология, например, вместо *үүлдвер үге* употребляется *үүлдэгче* - глагол, внесены коррективы в правила написания слов: *түрүнке*, *икенкенъ* - морфологический принцип заменен фонетическим.

Помимо составления данного орфографического словаря, Д.А. Павлов принимал непосредственное участие в составлении "Русско-калмыцкого словаря" (1964 г.) и "Калмыцко-русского словаря" (1977 г.).

Правила, разработанные Д.А. Павловым, легли в основу калмыцкой орфографии и

орфоэпии, и не одно поколение калмыков обучалось родному языку по этим нормативным требованиям. Однако, как нам представляется, без решения основной проблемы — обозначения неясных гласных — трудно представить будущее калмыцкого языка. Думается, для обозначения неясных гласных нет необходимости придумывать какие-то особые знаки, достаточно использовать возможности калмыцкого языка, в частности, алфавита, и разработать приемлемые и четко сформулированные правила.

Таким образом, одним из первых составителей орфографического словаря и правил правописания калмыцкого языка является профессор Д.А.Павлов, чей вклад в развитие лексикографии трудно переоценить.

В 1977 г. вышел из печати "Хальмг-орс толь" (Калмыцко-русский словарь. М., 1977) под редакцией Муниева Б.Д. Что же собой представляет "Калмыцко-русский словарь"? Во-первых, он является нормативным справочником, во-вторых, в словарь включены общенародная, диалектная лексика, фразеологизмы, устаревшие слова, достаточно широко представлен материал из героического эпоса "Джангар", в ограниченном количестве даются разговорные и просторечные слова. После заглавных слов в квадратных скобках дается их транскрипция. Достаточно большое место в словаре занимают заимствования из русского языка. Краткий грамматический очерк начинается с небольшого введения, а затем следуют разделы "Фонетика", "Морфология", "Краткие сведения из синтаксиса", в которых отмечены и описаны особенности современного калмыцкого языка. Сведений достаточно, чтобы иметь представление о фонетико-морфологической системе языка. При переиздании словаря эта часть, по нашему мнению, подлежит минимальным изменениям и дополнениям, потому что достаточно сжато, но содержательно дана характеристика каждому разделу. Однако, как нам представляется, необходимо включить некоторые правила орфографии.

Выход в свет большого "Калмыцко-русского словаря" стал значительным явлением в историко-культурной жизни республики. Он отличается от ранее изданных лексикографических работ богатым иллюстрированным материалом из эпоса "Джангар", устного народного творчества. Истинным украшением словаря является обилие в нем пословиц и поговорок. Однако перевод некоторых из них требует доработок и уточнений.

С момента выхода в свет "Калмыцко-русского словаря" прошло четверть века. Многое за это время изменилось: появилась масса новых слов и понятий, отражающих рыночные отношения и реалии нашей действительности. Одним словом, словарь требует значительной доработки, обновления словника, корректировки транскрипции, унификации орфографических правил для заимствованных слов, географических названий (перевода их на русский язык). Необходимо также усилить нормативную часть.

В работе Б.Х. Тодаевой "Опыт лингвистического исследования эпоса "Джангар" (Элиста, 1976) впервые проводится текстологическая проработка, систематизация и языковой анализ материала эпоса. Помимо анализа и сверки оригиналов с текстом последующих годов их изданий, описания морфологической структуры слов с указанием частотности употребления форм в ней дается словарь "Джангара" (стр. 177-513), в котором каждое слово фиксируется во всех формах словоизменения и словообразования. "Тем самым, как полагает Б.Х. Тодаева, он создает предпосылки для изучения лексико-семантического и морфологического строя калмыцкого языка в рамках, очерченных материалами памятника" (с. 4). Словарный фонд двуязычного (переводного) словаря отражает богатство героического эпоса, лексические и грамматические особенности текста 12-ти песен "Джангара", изданного в 1940 году (Джангър. Хальмг героическ эпос. Издание АН СССР. М.-Л.)

Предметом нашего изучения является раздел "Словарь" эпоса, которому отводится значительное по объему место. Слова в тезаурусе Б.Х. Тодаевой расположены в алфавитном порядке и каждая словарная статья обеспечена иллюстративным материалом, разъясняющим значение слова в контексте, и переводом на русский язык. Важно также отметить, что, помимо частотности употребления слов, внутри словарной статьи приводятся форма и словообразования (например, имена существительные в косвенных падежах, глагольные и отглагольные формы и присоединение к ним лично-притяжательных, воз-

вратных частиц и т. д.). Хотелось подчеркнуть, что "...при определении значений тех или других слов, - пишет автор "Опыта...", мы исходим каждый раз из самого материала, из понимания смысла зафиксированного, написанного" (с. 4). Устаревшие слова снабжены пометой (уст.). Исходя из содержания конкретного контекста эпоса достаточно четко определены прямое и переносное значение слова, а также различие омонимии и полисемии: первое обозначено римскими цифрами как самостоятельная словарная статья, второе – арабскими цифрами. Думается, выбранная автором форма организации и подача материала вполне оправданы, т.е. в одну статью включены все значения многозначного слова. В данном словаре представлены все слова эпоса "Джангар". Значение каждого слова определяется только из контекста. Например, *бәрце* здесь: строение-преграда; *Арыл Улан Хонһрин бәрце гижэ хатасън харь больд шивө кеже...* 252 для удержания Арак Улан Хонгора они соорудили крепость из черной вороненой стали. Или: *беле I* склон горы; *алькъ уулын белде асхърхинь медхе бишев* 233. Не знаю, на склоне какой горы прольется (чаша крови). *Беле II* бок, стан, талия; *бере күмен үзхлөрен – белинень һурвън товчан сулдхън дахвъ*. 58 женщины, завидев его, бежали за ним, расстегнув три пуговицы на поясах (Опыт..., 213.).

В словаре можно отметить ряд религиозных понятий, свидетельствующих о поздних наслоениях, проникших в эпос в период распространения ламаизма среди ойрат-калмыков. К примеру, *бурхън* - бог, божество", *өрүлхе* - освещать, *аршан* - нектар, святая вода", *маани* - молитва и т.д. Определенное место занимают слова, употребляемые в высоком стиле: *мөрлхе* - идти, ехать; шествовать; *баралххъ* уст. быть на приеме, представляться; *залърхъ* - шествовать; *залхъ* - привозить, взять жену.

"Язык данного памятника, - пишет Б.Х. Тодаева, - мы рассматриваем не только как определенную часть системы современного языка, но и как систему средств и приемов, используемую сказителем (или сказителями) для воплощения и выражения художественного замысла песен эпоса" (с. 176). Наравне с анализом языка оригинала автором учтены те изменения, которые отмечены в последующих изданиях "Джангара". Например, в оригинале часто употребляется форма разделительного деепричастия на *-ад/-өд*, но в последующих изданиях она заменена формами других деепричастий, или употребление «глаголов в стяженной форме – *гижәнө, келжәнө, болжана, уульжана, күрчәнө, зогсчана* и др." (с. 175) вместо *гижэ бәәнө, келже бәәнө, болжъ бәәнө, уульжъ бәәнө, күрче бәәнө, зогсчъ бәәнө*. Отмечается активизация отдельных форм, например, употребление причастия прошедшего времени на *-гсн*.

Определенный интерес вызывает "Приложение" к словарю, который состоит из трех разделов. В первых двух дается ономастический материал, а в последнем – индекс суффиксов словоизменения и словообразования. Думается, ономастика "Джангара" могла бы стать предметом специального исследования. Пространственно-временная модель поэтического мира "Джангара" построена таким образом, что в центре оказывается страна Бумба, за ее пределами – дальние и ближние страны, которые часто привлекают внимание богатырей хана Джангара. Например, поиски невесты, сватовство, угон лошадей и т.д. В эпосе реальноономастические образы тесно переплетаются с мифологическими. Великая гора Сумеру воспринимается нами как реально существующий объект. Кроме страны Бумбы владыки Джангара, в тексте встречаются *Арь Бумбин орън* (Северная страна Бумбы), *Дееде Бумбин орън* (Западная...), *Дордь Бумбин орън* (Восточная...), *Төвед Бумбин орън* (Тибетская...), *Эрцес Бумбин орън* (страна Бумба на Иртыше) и др. Тем самым подчеркивается, что страна Бумбы Джангара находится в самом центре мифопоэтического пространства и является средоточием государственных и политических дел.

В последние годы большое внимание уделяется изучению "Джангара" в школе, средних и высших учебных заведениях. Имеются специальные программы, ряд интересных изданий научного и научно-популярного характера, которые, несомненно, будут способствовать пониманию содержания эпоса, языка, его выразительных средств. Большой интерес вызывают личные имена, ставшие наиболее популярными среди калмыков.

Выход в свет словаря Б.Х. Тодаевой (Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста, 2001). Этот словарь двуязычный, издается впервые, включает 10000 слов.) – большое историко-

культурное событие не только для ойратов Синьцзяна, но и для калмыков, имеющих общие корни с той их частью, которая более двух столетий назад по ряду объективных и субъективных обстоятельств вернулась на прежнюю родину – в Центральную Азию. Разделенные огромным пространством от калмыков России, ойраты Синьцзяна сохранили эпос "Джангар", богатство устного народного творчества, а также традиции и обычаи в первозданном виде, о чем свидетельствует материал словаря Б.Х. Тодаевой. Общность словарного фонда ойратов и калмыков – это, пожалуй, главное достояние, которое нас объединяет и определяет наше будущее на многие годы в области сближения культуры и усиления социально-экономических связей. В предисловии к словарю автор, кроме небольшой содержательной исторической справки об ойратах Синьцзяна и об организации и проведении лингвистических экспедиций в Китае 1955–1957 гг., по поводу подачи материала пишет: "... все ойратские слова даются в **транскрипции** (выделено мной – М.М.) согласно русскому алфавиту. При этом автор стремится достаточно строго придерживаться норм ойратского литературного произношения, "допускающих стечение не более двух согласных на стыках слогов и на границах морфем вообще (с. 10), а также используется, – продолжает Б.Х. Тодаева, – прием транслитерации слов с тодо бичиг посредством русских букв, для чего в круглых скобках приводятся слова в **транслитерации**. Это дает возможность проследить, как передается слово в письменном языке ойратов" (Тодаева, 2001, 10).

Иллюстративный материал взят из ойратской версии песен "Джангара", из художественных произведений писателей ойратов Синьцзяна. Наравне с ними используются пословицы и поговорки, фразеологические сочетания, устойчивые выражения. Обозначение неясных гласных на письме осуществляется следующим образом: в твердорядных словах используется гласный *a* в непервых слогах; в мягкорядных словах пишется гласный *e*, а гласный *i* является нейтральным. Важно также подчеркнуть, что в языке ойратов, в отличие от калмыцкого, сохранился закон губного притяжения, например, *модон* - дерево, *орон* - страна, *хойор* - два, *отог* - род, клан и др., сохраняя тем самым особенности заяпандитской письменности. В ойратском языке долгота во всех позициях определяется удвоением гласного: *марһаан* (*марһаан*) – пари; заклад; *хагсааха* (*хагсааху*) – сушить, высушивать, давать просохнуть. В словарь включено немало заимствований из китайского и тюркских языков (уйгурского, казахского и киргизского), с носителями которых, как отмечает Б.Х. Тодаева, синьцзянские ойраты проживают вместе в течение нескольких веков (с. 10).

Словарь обеспечен ойратским и калмыцким алфавитом, дается приложение, в котором перечисляются суффиксы словоизменения и словообразования. Они во многом совпадают с суффиксами калмыцкого языка. В отличие от калмыцкого языка, в ойратском долгими гласными обозначаются суффиксы разделительного деепричастия *-aad*, *-ood*, *-eed*; побудительная форма: *эцээхе*, *эмнүүлхе*; повелительно-желательная форма (опасение): *унуузай*, *салуузай*; некоторые суффиксы множественного числа: *зуругууд*, *шовууд*, *һолмууд*, *баатурчууд*; суффиксы родительного – *емеелиин*, *винительного* – *емеелинги*, исходного – *арзаасу*, орудного – *ногтоор* падежей.

Думается, слова типа *цонха* "окно", *цагда* "милиция", *хашиг* "ложка", *һулза* "орнамент, узор" и др., по всей видимости, заимствованы из тюркских языков. В калмыцких эквивалентах слов ойрат. *халдаан* - стрельба, перестрелка", *уруул* "губа, губы" долгие *-aa* и *-uu* стали редуцированными, поэтому на письме они не обозначаются: *урл*. В слове *халдаан* долгота перешла со второго слога на первый: *хаалдан*. Во всех случаях значения слов совпадают.

Что же касается пословиц и поговорок, загадок, фразеологических сочетаний, устойчивых выражений, то необходимо отметить, что их варианты с идентичным содержанием существуют в современном калмыцком языке. Например, *һурван хара эмген һалда элкәән энә* (заг.) - Три черные старухи греют у огня свои печенки (тулһиин һурван көл - три ножки у тагана). сравн. калм. *Һурвн гелн элкән ээж* - Три гелюнга свои печенки греют. Надо полагать, что появлению различных вариантов способствовало этно-лингво-куль-

турное окружение, это также связано в большей степени с социально-экономическими и религиозно-идеологическими изменениями.

В 1990 г. вышел в свет “Калмыцко-русский орфографический словарь для учащихся начальных классов”. (Манджикова Б.Б. Чикэр бичлһнэ хальмг-орс толь. Элст, 1990). Словарь содержит около 4000 слов.

При создании словаря автором произведена большая предварительная работа, т.е. “научно-стилистический анализ учебников для начальной школы и учтена активная и пассивная лексика, встречающаяся в них” (Манджикова, 5). Поэтому подача и объем лексического материала вполне соответствует требованиям школьной программы калмыцкого языка. Принятые условные знаки понятны и доступны учащимся. Словарь включает имена существительные, прилагательные и другие части речи, предусмотренные программой и методическими пособиями. Многозначные слова снабжены ударением. К некоторым словам родного языка подобраны синонимы русского языка, например, *аш* – результат, итог, выводы; *ац* – ветка, сучок и др. К данному словарю дается небольшое приложение, включающее калмыцкие мужские и женские имена, а также названия дней недели, месяцев калмыцкого календаря. Свообразие рассматриваемого словаря заключается в том, что он переводной и обе его части выполнены с учетом орфографических норм калмыцкого и русского языков.

В методической части словаря Б.Б. Манджиковой сказано, что он “окажет действенную помощь не только учителям родного языка и учащимся начальных классов, но и учащимся старших классов”. Подобный школьный орфографический словарь издается впервые.

В 2002 г. вышел из печати “Толковый словарь калмыцкого языка” (пособие для учащихся) (Хальмг келнэ төөлвр толь (сурһульчһрт нерэдсн). Элст, 2002) Б.Б. Манджиковой.

История издания данного словаря интересна тем, что за время подготовки его к изданию (с 1994 по 2001 г.) ответственным редактором было несколько человек. Дело в том, что словарь на начальном этапе был подготовлен на существующей (или, как иногда называют, на старой орфографии (отв. редактор В.Э. Очир-Гаряев), затем последовала реформа калмыцкой орфографии и подготовленный к изданию словарь переложили на новую орфографию (отв. редактор М.У. Монраев). Однако указом Президента РК Илюмжинова К.Н. реформирование орфографии было приостановлено. В этой связи словарь Б.Б. Манджиковой вновь начали печатать на старой орфографии (отв. редактор Убушаев Н.Н.). Такова предыстория выхода словаря. Пожалуй, в истории калмыцкой лексикографии не было подобного случая.

Данный толковый словарь калмыцкого языка предназначен в первую очередь для учащихся школ. В нем кратко и доступно раскрываются лексические значения общеупотребительных слов. Подобный тип словаря издается впервые. Лексические единицы (их более 1000) представлены в исходных формах с учетом грамматики родного языка. От одноязычного толкового словаря он отличается тем, что каждая словарная статья обеспечена максимально идентичным переводом на русский язык. Рассмотрим это на следующем примере: *Тавг 1 б.н. 1. 0 көлин нег мөчнь. Ступня, стопа. Көлин тавг. Сарвьһр цаһан тавгинь сөөре деере күлже (Ж.). 2. б.н. 0 Ике көл (тавг). Лапа. Туульц атна тавгин дүнгө лаң шарь алгын сиикин ээмег (Ж.): туульц атн – пятилетний верблюд; лаң – мера веса, равная 37,3 грамма; ээмег – круг (кольцо) у серег). Тавг амьр бөөхе. 0 Амрар бөөхе; көделже бийән эсе зовахь; көдделго бөөхе. Тавг амьр танна хагсу (Х.ү.). Тавг 2, б.н. 0 Модьн ааһь; тәвүр, тевеш. Большое блюдо деревянная чаша. Ике тавг; баахьн тавг; тавгта махьн. Тавгинтен шүүснде күртже йовлав (Ж.).* Как видим, толкование осуществляется посредством дефиниции и иллюстративного материала. Новшество, введенное автором, объясняется тем обстоятельством, что в Республике Калмыкия заметно преобладает русско-калмыцкое двуязычие, поэтому понимание семантики словарной статьи осуществляется не только толкованием на родном языке и примерами, но и русским переводом лексем. Осмысление значения слова происходит на

двух языках: на калмыцком, если учащийся в достаточной степени владеет родным языком, иногда на помощь приходит русский язык. Из приведенных выше примеров видно: за ромбом (<>) помещены фразеологические сочетания, значения которых раскрываются на родном языке, а если в примерах встречаются слова со сложной семантикой, то автор дает разъяснение на русском языке. По объему и отбору словарь нормативный и в какой-то степени селективный.

В словаре используется обширный иллюстративный материал из произведений калмыцких писателей, устного народного творчества, героического эпоса "Джангар". Думается, словарь Б.Б. Манджиковой несомненно станет полезным подспорьем в деле изучения родного языка. Им могут пользоваться учащиеся, студенты, учителя калмыцкого языка.

Таким образом, из анализа отдельных лексикографических работ, изданных в разное время, видно, что в них отражены особенности ойрат-калмыцкого языка. Рассмотренные нами словари, включая лексикографические труды К. Голстунского, А. Позднеева, Г. Рамстедта и др. представляют собой добротный материал по исторической фонетике и морфологии.

Использованная литература

1. Алексеева П.Э. Давние корни двуязычия // Теегин герл, № 2, Элиста, 1990.
2. Алпатов В.М. Алтайские языки и общая лингвистика // ALTAICA I M., 1997.
3. Каляева Э. Каляев Санджи. Письма Еве. Элиста, 2001.

Харчевникова Р.П.

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ПРИЧАСТИЙ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

Причастие, как и прочие грамматические формы глагола, описывалось в ранних и во всех последующих грамматиках монгольских языков, вплоть до нашего времени. Первым специальным исследованием причастий в монгольских языках явилась статья М.Н.Орловской "Употребление причастий в "Сокровенном сказании монголов" - древнем памятнике монгольской литературы (XIII в.) (Орловская, 1958, 101-125). Скрупулезный анализ причастных форм был впоследствии продолжен ею, углублен и подтвердил наличие их как в письменном языке, так и в устной речи монголов с давних времён.

Те же самые формы причастий сохранились в современных монгольских языках, претерпев незначительные внешние и семантико-функциональные изменения. Некоторые из них перестали употребляться, как, например: общемонгольское многократное причастие на *-dag/-deg* в дагурском, монгорском, дунсянском, баоаньском и могольском - "окраинных" монгольских языках, развивавшихся вне остального монгольского ареала. Другая форма причастия настоящего времени на *-ha/-a* отсутствует в монгорском, дунсянском, баоаньском языках (Санжеев, 1963, 133-134, 207, 210). В калмыцком языке количество выделяемых авторами причастий не совпадает, различается по составу включаемых в них форм и их названий: А.Попов находит шесть причастий, А.Бобровников - семь, Вл. Котвич и Г. Рамстедт - четыре.

Начиная с 70-х годов прошлого века, специальным исследованием морфологии и синтаксиса причастий в современном монгольском языке занимается Ц.Цэдэндамба (1970; 1974, 94-99). Предметом отдельного исследования стало причастие на *-х* в калмыцком языке (Дамбинова, 1983). Казалось бы, верно замечание Ц.-Ж. Цыдыпова о том, что о причастиях монгольских языков написано немало, и этот вопрос считается более или менее выясненным в монголистике (Цыдыпов, 1972, 46). Между тем краткий экскурс в историю исследования причастий и накопленные сведения показывают, что необходим углубленный анализ, дополнение и уточнение некоторых вопросов, так как природа и поведение причастий в языке продолжают оставаться до конца не выясненными.

1. Существовало несколько точек зрения относительно этой категории слов, в частности их названия. Так, А. Попов рассматривал причастия как "имя прилагательное, происходящее от глагола и заключающее в себе время и действие его" (Попов, 1847, 136-139). В зарубежной лингвистике вслед за Г. Рамстедтом, обратившим внимание на необычное употребление причастий в монгольских языках (в субстантивном, адъективном и предикативном значении), стали называть их отглагольными именами (*nomen verba*) (Рамстедт, 1903, 17-21; 1957, 32). Г.Д. Санжеев справедливо заметил, что такое терминологическое обозначение затрудняет их отграничение от отглагольных имен, и более приемлемо именовать их причастиями, как принято в русской лингвистике (Санжеев, 1963, 197).

2. В грамматической характеристике и структурно-семантической классификации причастий также прослеживаются противоречия. С одной стороны, Вл.Котвич (1929, 286-289) и М.Н.Орловская (1958), а в 60-е годы к ним примкнул и Г.Д.Санжеев (ГБЯ, 1962, 279; 1963, 195-227), позднее - Б.Б.Бадмаев (1966), Ц.Цэдэндамба (1970; 1974, 94-99) и др. традиционно классифицируют причастия по трём временам: настоящего, прошедшего и будущего времени. Различия возникли лишь в наименовании форм и отнесении их к определённому времени. По Г.Д.Санжееву, в бурятском языке к прошедшему времени относятся причастия прошедшего времени, завершено-прошедшего времени и страда-

тельные причастия; к настоящему времени - причастия многократные, однократные и возможности; к будущему времени - причастие будущее (ГБЯ, 279). С другой стороны, А.Попов (1847) и А.Бобровников (1849) классифицировали причастия по двум признакам: видовому и временному. Первоначально и Г.Д.Санжеев (в 40-е годы) причастия делил на временные (прош. вр. *ябаһан* "пошедший"; буд. вр. *ябаха* "который пойдёт" и наст.-прош. вр. *ябаа* "ушедший") и невременные (многократное причастие *ябадаг* и однократное причастие *ябагша* "ходящий") (Санжеев, 1941, 67-68).

В 70-е годы Ц.-Ж.Цыдыпов, взяв за основу первоначальную точку зрения Г.Д.Санжеева по данному вопросу, предложил классифицировать причастия в монгольских языках на 4 группы: временные (причастия наст.-прош., завершено-прош. и буд. времени), видовые (много- и однократные причастия), модальные (причастия возможности и целесообразности) и диатезальное (страдательное причастие) (Цыдыпов, 1972, 47-48). По мнению Ц.Б.Цыдендамбаева об этой сложной классификации, желание выделить видовые и модальные аналитические конструкции привело автора к необходимости дробить единую систему в рамках принятой концепции глагольных видов, выраженных аффиксами причастий и деепричастий в составе аналитических конструкций. Это же в равной мере относится и к так называемым модальным причастиям. Между тем, как правило, все названные значения: временные, видовые, модальные и диатезальные - придают аналитическим формам, прежде всего, вспомогательными глаголами, а не самими причастиями и деепричастиями (Цыдендамбаев, 1979, 118-119).

Г.Д.Санжеев обобщает традиционную классификацию причастий, ставшую общепринятой: "При уточнении временных значений причастий необходимо отсекают те модификации, которые привносятся разного рода связками и вспомогательными глаголами, участвующими в образовании так называемых сложных временных форм и подлежащих рассмотрению в описательных грамматиках каждого из монгольских языков" (Санжеев, 1963, 197).

3. Нуждается в уточнении определение сущности причастия. Традиционно причастие определяется как производная глагольная форма, имеющая признаки глагола и имени. Придавая причастиям свойства имени, монголисты раннего и более позднего периода, вплоть до настоящего времени, приписывали им именное склонение, не усматривая в употреблении падежных форм причастий их сдвига в сторону существительных. Г.Д.Санжеев различает причастия не только по временному признаку, но и по синтаксическому функционированию их в языке: делит все причастия на две группы - непредикативные и предикативные. К непредикативным он относит причастия, которые выступают в предложении в роли определения, подлежащего, дополнения, а к предикативным - причастия, которые выступают в роли сказуемого (Санжеев, 1963, 197, 201).

По определению А.Бобровникова, причастие показывает отношение действия к действующему субъекту (Бобровников, 1849, 185). Это, несомненно, определяет приоритет атрибутивного функционирования причастий. Исключительно все исследователи подчёркивают, что формы причастий наиболее употребительны в атрибутивной, а затем в предикативной функции. Для подтверждения этого наблюдения рассмотрим анализ синтаксического функционирования причастий в письменных источниках. В "Сокровенном сказании монголов" (Орловская, 1958) отмечено преобладание атрибутивного и предикативного функционирования причастий (буд. вр. - с.102, на -гчи - с.115, многократного - с.116, прош. неокончен. - с.118, прош. совершен. - с.119). В эпосе "Джангар" из 150 случаев употребления причастия буд. вр. значительная часть выступает в роли определения; из 350 случаев употребления причастий прош. вр. на долю определения и сказуемого приходится более трёхсот случаев, из 110 случаев использования в тексте эпоса многократного причастия большая часть падает на функцию определения (Тодаева, 1976, 158-163).

На этом основании можно заключить, что суть действия причастия отличается от действия основного глагола. Это значит, что причастие в монгольских языках называет "процесс (действие или состояние), представленный как признак предмета, протекающий во времени и совмещает в себе свойства глагола и прилагательного" (РГ, 665; Шанский, 212).

4. Явление субстантивации длительное время оставалось вне внимания монголоведов. В научной литературе имелись отдельные высказывания, в которых отмечалось субстантивное свойство имён прилагательных (Попов, 1847, 237; Санжеев, 1941, 31; Алексеев, 1941, 190; Бертагаев, 1968, 63; А. Дарбеева, 1958, 152-165; Бадмаев, 1966, 57-60; Каляев, 1970, 1979 и др.) и причастий (Орловская, 1958, 101,125; Тодаева, 1951, 135; 1960, 34-52; Санжеев, 1963, 201; Бадмаев, 1966, 90-94; Сусеева, 1969, 47-69 и др.).

Процесс субстантивации как неотъемлемое свойство отдельных частей речи - явление давнее, и в современных монгольских языках он усиливается. Первые попытки выявления субстантивации на материале имён прилагательных в халха-монгольском языке сделаны М.Н.Орловской в разделе ее кандидатской диссертации "Прилагательные в функции подлежащего и дополнения" (Орловская, 1953). Позднее, анализируя употребление причастий в "Сокровенном сказании монголов", и в том числе падежных форм, их сочетания с послелогом и показателями принадлежности (притяжательными частицами), она определяет их значения и синтаксические функции, делает замечания о субстантивном употреблении отдельных падежных форм причастий (Орловская, 1958, 105, 115,120).

В это же время субстантивному употреблению имён прилагательных в бурятском языке была посвящена специальная статья А.А.Дарбеевой. Ей принадлежит приоритет в разработке этой сложной проблемы. Автором впервые в монголистике дано обоснование процесса субстантивации в монгольских языках на основе положений общей лингвистики. На материале бурятского языка выработан подход к анализу явления субстантивации в языке: 1) определение лексико-грамматических признаков субстантивированных прилагательных; 2) уточнение степени субстантивации или установление типов субстантивации имён прилагательных (Дарбеева, 1958, 154). Проведено разграничение в терминах "субстантивное употребление прилагательных" (в случае частичной субстантивации, при которой сохраняются значения прилагательного) и "субстантивированное прилагательное" (в случае полной субстантивации, связанной с утратой значения признака). Последний термин применим в сочетании со словом "оказационально", т.е., по Г.Паулю, "временно субстантивированное прилагательное" (цитировано по ст. А.А.Дарбеевой - 1958, 155).

Субстантивное употребление прилагательных обусловлено лексико-грамматической и морфологической характеристикой прилагательных: 1) опущением определяемого существительного; 2) без опущения определяемого; 3) при постпозиции. Краткий анализ статьи предпринят нами не случайно: на причастия в монгольских языках аналогично распространяются выдвинутые выше принципы обоснования явления субстантивации. Представляется, что причастия так же, как и прилагательные, "не имеют форм склонения, а в тех случаях, когда принимают падежные окончания, они опредмечиваются. Иными словами, падежное оформление... указывает на их предметное значение. Употребляясь "в предметном значении... могут принимать все падежные формы имён существительных, а также суффиксы притяжания" (Дарбеева, 1958, 161). Это подчеркивает то, что изначально причастия содержат в себе свойства глагола и прилагательного. Что касается падежных форм, то они все должны рассматриваться как явления различной степени субстантивации, т.е. субстантивного употребления причастий.

Лишь в 70-е годы исследователи обратились к теме субстантивации причастий в специальных работах. Д.А.Сусеевой проанализирована субстантивация причастий в калмыцком языке на материале глагольных словосочетаний (Сусеева, 1969, 47-62; 1978, 158-180). В монгольском языке контекстуальная субстантивация рассмотрена Ц.Цэдэндамбой в его кандидатской диссертации (Цэдэндамба, 1970, 17-18). Впоследствии им была опубликована статья "Субстантивация причастий и их синтаксические функции" (Цэдэндамба, 1972). Вместе с тем, несмотря на то, что в научных статьях упоминается об употреблении причастий в падежных формах, о сочетании их с послелогом и притяжательными частицами, исследователи не выходят за рамки традиционного описания их природы. Так, Ц.Цэдэндамба в монгольском языке, а Б.Б.Бадмаев - в калмыцком одинаково отмечают, что причастию присущи свойства глагола и прилагательного. Однако они подчеркивают, что причастия в названных языках "как по форме, так и по природе (семантике) несколько своеобразнее и шире", чем в русском языке: "монгольские прича-

ствия, с одной стороны, содержат в себе признаки глагола, а с другой стороны - прилагательного и существительного" (Цэдэндамба, 1974, 94). Б.Б.Бадмаев также противоречит принятому определению. После замечания о субстантивации причастий "При полной субстантивации причастия принимают лично-притяжательные частицы: *тер сууснь мана ах* - тот сидящий - наш брат", он неожиданно заявляет о том, что "причастия в современном калмыцком языке, за исключением причастий на -а склоняются, почти не отличаясь от имён существительных" (Бадмаев, 1959, 140; 1966, 93). В "Грамматике калмыцкого языка" (1983) также утверждается, что в калмыцком языке "подобно именам, причастия склоняются по падежам" (Дамбинова, 1983, 234).

Субстантивация причастий

Данное явление заслуживает отдельного рассмотрения, так как в соответствии с нуждами контекста широко употребляются субстантивные формы причастий. Процесс субстантивации возникает в результате того, что определяемое слово, как легко подразумеваемое, очень часто опускается, и причастие приобретает свойства имени существительного. Оно становится зависимым компонентом глагольного словосочетания и функционирует в роли подлежащего, дополнения и обстоятельства. Под влиянием синтаксической роли существительного в причастиях превалирует значение предметности. Если в русском языке субстантивированные причастия продолжают оставаться в падежных формах адъективного склонения, то в калмыцком языке они образуют падежные формы имен существительных (за исключением продолжительного причастия наст. вр. на -а/-ә, причастия возможности на -м и страдательного причастия на -ата/-әтә), могут иметь частицы личного и безличного притяжания. При этом наличие частиц субстантивацию причастий делает устойчивой. Анализируя значения и функции падежей в калмыцком языке, Б.Х.Тодаева указывает на отдельные значения падежных форм причастий (Тодаева, 1960).

Субстантивированные причастия характеризуются двойственностью грамматических свойств: обладая морфологическими категориями имени существительного (формой падежа, числа, принадлежности), они сохраняют грамматические значения глагола (залоговые, видовые, временные). Степень перехода причастий в существительные в монгольских языках бывает различной. Существует два типа субстантивации частей речи, в том числе и причастий (Дарбеева, 1958; Орловская, 1958, 47-69; Бертагаев, 1968): синтаксическая (или неполная) и лексическая (или полная), имеющих принципиальное различие.

При синтаксической субстантивации причастия сохраняют отчетливо свою глагольность, и этот тип бывает двух видов: глагольная субстантивация и окказиональная.

1) При глагольной субстантивации причастие вместе с зависимыми от него словами представляет собой причастный оборот и в целом выступает в синтаксической роли имени существительного, т.е. развёрнутого члена предложения: *Барун бийень ахължъ суудгънь ирегче йирен йисен жилә юмиге таажъ мэддег Күнкән Алтън Чээже* (Ж.) - Сидящий во главе справа - предсказывающий на 99 лет вперед ясновидец Алтан Чееджи. *Цуг әмтен колхоз бүрдәхин тускъ хурьгтъ ирцхәве* (М.Н.) - Все люди пришли на собрание о создании колхоза. *Кэсгәсе нааран холь һазьртъ йовсъндан көвүн ииме сәнер хальмьг нәр үзәд уга* (О.У.) - Из-за длительного пребывания вдали от дома юноша не видел давно такого интересного калмыцкого праздника. В этих примерах субстантивированное причастие является стержневым словом формируемых ими причастных оборотов, выраженных развёрнутыми членами предложения: подлежащим (*барун бийень ахължъ суудгънь* - сидящий во главе справа), дополнением (*колхоз бүрдәхин тускъ* - о создании колхоза) и обстоятельством (*кэсгәсе нааран холь һазьртъ йовсъндан* - из-за длительного пребывания вдали от дома).

Чаще всего глагольной субстантивации в современном калмыцком языке подвергаются причастия прошедшего времени на -сън/-сен и многократное причастие настоящего времени на -дъг/-дег.

2) При окказиональной субстантивации причастие не имеет при себе зависимых слов. Оно в большей степени тяготеет к именам существительным, приобретая категории падежа и числа, но целиком зависит от контекста. : *Даарсъндъ һал түле, өлссенде хотъ өге*

(Посл.) - Озябшего обогрей, голодного накорми (= озябшему, проголодавшемуся). *Цэцен үзсэн, тэнег идсэн* (Посл.) - Мудрый говорит об увиденном, а глупый - о съеденном. В окказиональную субстантивацию включаются причастия прошедшего времени, будущего времени на *-хь/-хе* и многократные причастия настоящего времени.

Эти два вида синтаксической субстантивации обусловлены контекстом, близки между собой и различаются наличием или отсутствием при причастии зависимых слов. Различаются они и тем, что при окказиональной субстантивации возникает тенденция к лексической устойчивости, приобретению значения предметности: *кэлсен* - сказанное, *таньдэг* - знакомый, *мэддег* - знающий и т.д.

При лексической субстантивации причастия, утратив глагольные свойства, полностью перешли в разряд существительных, называя:

а) лицо (субъект или объект) по его действию, характерному занятию или должности в настоящем или постоянно (*ахлыгчъ* - ист. староста, воен. старшина, *нуурлегче* - передовик, *күцэгче* - исполнитель, *таньдэг* - знакомый, *татдэг* - ящик стола, *боодыг* - пруд, *хоцърдыг* - отстающий), в прошлом (*үксен* - умерший, *орһсын* - беглец, сбежавший) и в будущем (*ирхень* - тот, кто придёт, *кэлхень* - тот, кто скажет, *бичхень* - то, что надо написать, *идхееуухъ* - еда, *өмсхе-зүүхе* - одежда, вещи). *Көделхень* - *көшө чолун*, *идхень* - *иревске барсы* (Посл.) - В работе - камень-валун, в еде - рысь и барс (= его работа, его еда). *Эсе үкхиге ээже эсе һарһжъ, эсе үрхиге урьн эсе кэже* (Посл.) - Бессмертного (т.е. того, кто не умрёт) не породила мать, нетленного (т.е. того, что не портится) не создал мастер;

б) лицо, подвергшееся действию (*альгдсын* - убитый, *цаажлыгдсын* - наказанный, репрессированный, *көөгддег* - гонимый); *туугдсын* - изгнанник, *сунһыгдсын* - избраннык;

в) обобщённое название явления (*давсын*, *өнгөрсен* - минувшее, прошлое, *ирегче* - будущее, *кэлсен* - сказанное, *шүүсен* - сок);

г) научные термины (*нэрлегче* - подлежащее, *кэлегче* - сказуемое, *хасыгчъ* - вычитаемое, *хувагчъ* - делимое).

Количество полностью субстантивированных причастий невелико. Некоторые из них, субстантивируясь, продолжают употребляться в своём первоначальном значении причастия: *татдэг* - обычно тянущий, *боодыг* - обычно завязывающий, *күцэгче* - исполняющий. Это явление относится к грамматической омонимии, возникшей в результате распада синтаксической полисемии. Например, слово *татдэг* в зависимости от функции может выступать как причастие, образуя причастный оборот с зависимыми от него словами; как прилагательное, теряя при этом глагольные признаки; как существительное, приобретая категории падежа и числа (Сусеева, 1969, 59), фактически здесь не одно слово, а три "разных по значению, но звучащих одинаково" (Маслов, 1963, 198).

Процесс субстантивации - явление прогрессирующего характера. Субстантивированные причастия могут свободно образовываться в соответствии с нуждами контекста. Они употребляются как в художественной литературе, так и в разговорной речи. Такое более или менее подробное описание явления субстантивации причастий связано с тем, что их падежные формы в типе синтаксической субстантивации (глагольной) участвуют в образовании причастных конструкций (по Д.Сусеевой) или причастных оборотов (по У.Очирову, Г.Пюрбееву), выступающих в синтаксической роли существительного, т.е. развёрнутых членов предложения: подлежащего, дополнения, обстоятельства (образа действия, причины, цели, времени и места). Однако при синтаксической субстантивации причастия сохраняют ярко выраженную глагольность: способность всестороннего управления.

На основании изложенного мы приходим к выводу, что употребление форм причастий в синтаксических функциях имени существительного: в роли подлежащего, дополнения, обстоятельства - легло в основу традиционного определения причастий, как форм, совмещающих в себе свойства имени и глагола, хотя, по сути дела, причастия изначально и в современных монгольских языках представляют собой глагольные образования, которые содержат в себе признаки глагола и прилагательного, а процесс субстантивации в разной степени представляет собой сдвиг причастий в сторону имени существительного, либо обстоятельственного деепричастия, т.е. они подвергаются лексико-семасиологическим модификациям.

Рассмотрение лексико-семасиологической модификации причастий в процессе субстантивации причастий в калмыцком языке требует уточнения. Д.А.Сусеева делит причастия на обычные и необычные. К обычным она относит причастия, характеризующиеся как признаками глагола, так и прилагательного, а также способностью употребляться в падежных формах и выступать в синтаксической роли имени существительного, т.е. субстантивироваться. Однако непоследовательным является, с нашей точки зрения, включение ею в состав необычных причастий падежных форм винительного: ...*иджэхиңь шинжлүв* - я стал наблюдать (что?) ...(мухи) кусают; ...*чамагь үксичен медлөв* - ...я узнал о том, что ты умер (= о твоей смерти - Р.Х.); дательного: *дөкөд хойьр тоолсынды*,... *һарна* - когда во второй раз посчитали (точнее, при последующих двух подсчётах - Р.Х.) (когда?),... *вышло*; *маниге салхды*,... *нилхе билө* - когда мы разлучились (= во время расставания - Р.Х.),... *был маленьким*; именительного: ...*мал усължасьн үзегдвө* - *показался (что?)* водоной скота (Сусеева, 1978, 172-174), которые, несомненно, являясь причастными субстантивами, формируют причастные обороты, выражающие развёрнутое дополнение, обстоятельство, подлежащее.

К необычным причастиям автором отнесены причастия в падежных формах, не являющиеся субстантивами вследствие утраты присущей им некоторой "предметности": ...*харһ-хар ирлө* - ...*приехал встретиться*, ...*услхар йовжь одвь* - ...*отправился поить*; ...*йовхар сэдвө* - ...*хотела направиться* и т.д. Постепенное усиление синтаксической связи необычных причастий с глаголом привело к их превращению в наречия (Сусеева, 1969, 61-62). Трактовка автором данного явления, как адвербиализации, с нашей точки зрения, является ошибочной. Традиционная монголистика и факты современного калмыцкого языка подтверждают наличие в языке "отпричастных форм" обстоятельственных деепричастий: условного (-*хла/-хлө*), предварительного (-*хларьн/-хлэрен*), целевого (-*хар/-хэр*), заменного (-*хар/-хэр*) и продолжительного (-*сара/-сөрө*, -*хара/-хөрө*) (Санжеев, 1963, 240-249; ГБЯ, 1962, 286-292; Шархуу, 1970, 13; Харчевникова, 1983, 256-259), которые, являясь стержневым словом, образуют обстоятельственные деепричастные обороты. Названные "отпричастные формы", т.е. субстантивы причастий, перешли в разряд обстоятельственных деепричастий вследствие утраты ими признаков имени существительного.

Для анализа причастий в современном калмыцком языке нами приняты следующие установки с учетом дополнений, замечаний и уточнений, изложенных выше.

1. Определение причастий должно базироваться на замечании А.Бобровникова о том, что причастие показывает отношение действия к действующему субъекту (Бобровников, 1847, 135), т.е. обозначает действие-признак, состояние-признак, присущие предмету, и его способность к действию, выраженному в производной глагольной основе, и выступает в атрибутивной позиции.

2. Субстантивные формы причастий в разной степени субстантивации должны выделяться в составе причастий как особое явление употребления их падежных форм. Одиночные либо с зависимыми от него словами причастия в сочетании с послелогоми и притяжательными частицами (либо без них) могут обозначать действующий предмет или объект действия, обстоятельство или результат действия и выступают в предложении в синтаксических функциях имени существительного: простого или развёрнутого подлежащего, дополнения, обстоятельства. Причастия в субстантивном употреблении становятся зависимыми от основного глагола словами в глагольном словосочетании. Спецификой причастий определяется особенность глагольных словосочетаний данного типа: простые словосочетания, в образовании которых участвуют одиночные причастия окказиональной или лексической субстантивации; распространённые словосочетания, в которых причастие в падежных формах имеет при себе зависимые слова и выступает как единое целое, т.е. развёрнутый член предложения и сложные словосочетания, в которых среди зависимых от субстантивированного причастия слов обозначен субъект действия в родительном падеже, либо этот субъект содержится в самом субстантивированном причастии, как источнике действия (Сусеева, 1978, 169-170).

3. Предикативность причастия, которое, по А.Бобровникову, изначально является "неокончательной формой" (Бобровников, 1849, 129, 135), за исключением монгольского

языка, проявляется в основном в качестве лексического компонента составного сказуемого, т.е. в аналитической глагольной конструкции. В одиночном употреблении в функции простого сказуемого причастия переходят в разряд изъявительных форм, так как при их помощи выражается "простая констатация факта совершения или несвершения какого-либо действия" (ГБЯ, 1962, 278), т.е. модальность достоверности. Находясь именно в предикативной позиции, причастия наиболее чётко локализируются во времени и приобретают категориальные значения глагола.

Т.А.Бертагаев, анализируя синтаксис простого предложения в современном монгольском языке, указывает на то, что помимо собственно глагола на *-на* в значении будущего времени, к средствам выражения простого сказуемого относятся и глаголы, омонимичные причастиям будущего времени на *-х* и прошедшего времени на *-сан*, которые допускают к себе связку в силу своего родства с ними. От соответствующих причастий такие глаголы отличаются тем, что, сочетаясь с субстанциональными именами и располагаясь в постпозиции к ним, они приобретают все свойства собственно глагола (Бертагаев, 1964, 84, 96-97, 99-100). В калмыцком языке в системе временных форм изъявительного наклонения рассматриваются также омонимичные причастиям формы настоящего времени на *-а/-э* и *-дъг/-дег*, прошедшего *-сън/-сен* и будущего *-хъ/-хе* (Дораева, 1983, 212-214, 222-223, 236-243).

В анализе причастий мы постулируем набор формантов, существующих в современном калмыцком языке и классифицируемых по временному признаку: в трёх временных значениях настоящего: настоящего (*-гчъ/-гче*), многократного (*-дъг/-дег*) и продолжительного (*-а/-э*); прошедшего (*-сън/-сен*) и будущего (*-хъ/-хе*), а также причастие возможности (*-м*) - в рамках настоящего времени и страдательное причастие (*-ата/-этэ*) - в рамках прошедшего времени. При этом исходим из того, что причастие обозначает процесс в виде признака предмета, протекающего во времени, и совмещает в себе свойства глагола и прилагательного.

Адъективные признаки причастий

Свойство прилагательного в причастиях проявляется в том, что они обозначают процесс-признак предмета, ограниченный временем, выраженным в причастных формах: в настоящем (*буудъг будън* - туман, имеющий обыкновение опускаться), в прошедшем (*бусън будън* - опустившийся туман) и в будущем (*буухъ будън* - туман, который опустится). Причастия, подобно прилагательным, сочетаются с определяемым словом способом примыкания, поэтому не изменяются ни по падежам (*кэсен көделмеш* - сделанная работа, *кэсен көделмшин* - сделанной работы, *кэсен көделмеште* - сделанной работе, *кэсен көделмшиге* - сделанную работу, *кэсен көделмшөр* - сделанной работой и т.д.), ни по числам (*кэсен көделмешмүд* - сделанные работы). Оно выступает в синтаксической роли определения и находится в препозиции к имени: *Укхе күн нөкерсег* (Посл.). - Человек, который умрёт, дружелюбен.

Глагольные признаки причастий

Причастия образуются только на базе глаголов (их залоговых и видовых основ). Поэтому они, обозначая процесс, как характеризующий признак предмета, имеют, как правило, общие с ними лексические значения. Так, глагол *умшхъ* - читать обозначает 1) воспринимать написанное, произнося вслух или воспроизводя про себя; 2) произносить, декламировать какой-нибудь текст: *чээжөр шүлег умшхъ* - читать наизусть стихи; 3) произносить с целью поучения, наставления: *номъ умшхъ* - читать молитвы; 4) излагать устно перед аудиторией: *лекце умшхъ* - читать лекцию. Названные значения имеют все возможные формы причастий: 1) *дэгтер умшсън көвүн* - читавший книгу мальчик; 2) *чээжөр умшъгджахъ шүлег* - стихи, читаемые наизусть; 3) *номъ умшдъг өвген* - старик, читающий молитву; 4) *бичкдудте умшсън дэгтер* - книга, читанная малышам.

Глагольные признаки причастий проявляются в том, что они имеют общие с ним лексико-грамматические свойства переходности и непереходности и морфологические категории - залога, вида и времени.

В причастиях сохраняются значения переходности и непереходности глаголов, от которых они образованы. Так, переходные причастия: *һазър өөртхүлегче күүкен* - сближающая земли (=расстояния) девушка; *эмэлин ольң төөлжөхе салдъс* - солдат, расстёгивающий подпругу - образованы от переходных глаголов: *өөртххе* - приближать, *төөлжөхе* - расстёгивать. К непереходным причастиям относятся: *дээгшән һарсън* - вошедший, *буусън* - опустившийся, *сэрсен* - проснувшийся и т.д., образованные от непереходных глаголов *дээгшән һархъ* - взойти, *буухъ* - опуститься, *сэрхе* - проснуться.

Причастия сохраняют залоговые значения производящих глаголов: *Өвген гэрте оржъ ирве.* - *Гэрте оржъ ирсен өвген* (действительный З.) - "Старик вошёл в дом. - Старик, вошедший в дом". *Туссън сумъндъ дэвлем цоолъгдвь.* - *Туссън сумъндъ цоолъгдсън дэвлем* (страдательный З.) - "Попавшая пуля пробила мой полушубок. - Полушубок, пробитый попавшей пулей". *Күүкен хойър күүге иниг болһна.* - *Хойър күүге иниг болһгчъ күүкен* (побудительный залог) - "Девушка делает двоих друзьями. - Девушка, делающая двоих друзьями". *Доржъ аавдан мал услълцвъ.* - *Аавдан мал услълцсън Доржъ* (совместный З.) - "Дорджи помог деду напоить овец. - Дорджи, помогший деду напоить овец". *Хойър яман мөргелдже.* - *Мөргелдсен хойър яман* (соединительный З.) - "Две козы бодались - Две бодавшиеся козы".

От каждой видовой основы глагола образуются соответствующие причастия: *нэмхе - нэмсен* (нейтральный В.) "добавить - добавленный"; *нэмчкхе - нэмчксен* (законченный В.) "взять да и добавить - взятый да и добавленный"; *нэмес гихе - нэмес гисен* (кратковременный В.) "слегка добавить - слегка добавленный"; *нэмцхөхе - нэмцхөдег* (учащательный В.) "подбавлять - подбавляющий".

Причастия с помощью специальных суффиксов образуют формы трёх времён: настоящего (*йовъгчъ, йовдъг, йова* "ходящий, идущий" в значениях постоянства, многократности и продолжительности), прошедшего (*йовсън* "шедший") и будущего (*йовхъ* "тот, который пойдёт"). Действие причастия возможности (*йовъм* "имеющий возможность ходить") совершается в рамках настоящего времени, а действие причастия страдательного (*тата тэрген* - запряжённая телега) совершено в рамках прошедшего времени.

Причастие сохраняет общие с глаголом синтаксические свойства: модели управления (*Бадмъ көгшен эмгиге манаһур сэләнәсе дахулжъ ирлө* (Б.Б.) - *Бадмин манаһур сэләнәсе дахулжъ ирсен эмген* - "Бадма привел к нам старушку из села. - Старушка, приведённая к нам Бадмой из села" и примыкания (*шулуһар умшна - шулуһар умшдъг* "бегло читает - бегло читающий", *эрте босна - эрте босдъг* "рано встаёт - рано встающий", *мэддег күүнәсе* - у знающего человека, *дуулдъг күүке* - поющую девушку; *кэлхе күүнде* - тому, кто скажет).

Причастия в калмыцком языке входят в состав видо-временных глагольных форм. Сочетание причастных форм с вспомогательными глаголами *бөөхе* - быть, *билө* - был, *болхъ* - стать, с различными частицами: утвердительной *-мън/-мен* (<мөн), отрицательными *-го* (<уга), *-ш* (<биш) "не"; вопросительными *-ий/-й, -в/-вь/-ве*; лично-предикативными *-в, -вдън/-вден, -ч, -т* (соответственно, в значениях: я, мы, ты, вы) входит в сферу их глагольных свойств. Они обозначают само действие, выступают в смысле "кто, что сделал?", в роли окончательного сказуемого и, наряду с глаголом, включаются в схему изъявительного наклонения (Санжеев, 1963, 216): *кэлө бөөнө* - продолжает говорить, *зогсагдсън билө* - были приостановлены, *манърсън болад одвь* - как будто затуманилось, *мартсън угав* - не забыл. *Бичкен хурһъд, ямана ишкес хотхър, зуухъ бәрже наадмън* (К.Э.) - Маленькие ягнята и козлята любят играть в ложбинках. *Нохан амъндъ орсън шаһа бүтен һардмън бише* (Посл.) - Кость, попавшая в пасть собаки, не остаётся целой. *Нанла әдел нәге көвүн әсе төрдегве?* (Ж.) - (Хонгор вопрошал:) разве не родится мальчик подобный мне? *Би эврән чиген хая-хая уульдъв* (Бал.А.) - Я и сама изредка плачу. *Мөрнө сөөге довтължъ мэддег* (Посл.) - Достоинство коня познаётся в скачке.

Таким образом, предикативное употребление причастий, становление видо-временных и модальных конструкций в калмыцком языке привело к стиранию различий между причастиями в сказуемостной функции и индикативами. Н.Поппе заметил, что в ряде монгольских языков предпочтение отдаётся глагольным существительным (причастиям -

Р.Х.) для обозначения финитных форм (Porpe, 1955, 218). В связи с этим в данной работе основное внимание нами уделено анализу непредикативного употребления причастий, т.е. их изначально атрибутивной, а также объектной, субъектной и обстоятельственной функций в случаях их субстантивного применения.

Причастия настоящего времени

В калмыцком языке причастия настоящего времени имеют разнообразные оттенки количественной определенности действия, совершенного в сфере настоящего времени, и образуются при помощи специальных суффиксов от залоговых и видовых глагольных основ: *сарвълзъгчъ* - барахтающийся, *сарвълздъг* - имеющий обыкновение барахтаться, *сарвълза* - продолжающий барахтаться. Все причастия настоящего времени выражают тот же самый процесс, что и глагольные основы, от которых они образованы, т.е. имеют с ними общие лексические и категориальные значения. Но каждая форма лишь конкретизирует процесс-признак предмета с точки зрения не только временной, но и количественной определенности, является средством передачи способов глагольного действия. По своим количественно-временным значениям они дифференцируются как однократное (-гчъ/-гче), многократное (-дъг/-дег) и продолжительное причастие (-а/-ә) настоящего времени.

Все три названные причастные формы настоящего времени общемонгольского происхождения (Орловская, 1958, 115-119). В полном объеме они сохранились лишь в трёх современных монгольских языках: монгольском, бурятском и калмыцком (Санжеев, 1963, 206-215; ГБЯ, 1962, 268-269, 275-276; ГКЯ, 1983, 235-236, 243-247). Однако формы многократного причастия (-*daq/-deg*), за исключением отдельных его остатков в виде субстантивных форм, и продолжительного настоящего (-*ha/-a*) утрачены в других монгольских языках: дагурском, монгорском, дунсянском, баоаньском, могольском, развивавшихся на окраинах или даже вне монгольского языкового ареала и под воздействием других иностранных языков (Санжеев, 1963, 133-134).

Однократное причастие сохранилось исключительно во всех монгольских языках и оказалось столь универсальным, что в отдельных из них стало употребляться в значении утраченных причастий настоящего времени, указанных выше. Нельзя согласиться с Г.Д.Санжеевым и солидарным с ним Ц.-Ж.Цыдыповым, которые, очевидно, по количественной характеристике процесса-признака выделили причастия настоящего времени в группу невременных по значению причастий: многократное причастие - *ябадаг* "ходящий" и однократное причастие - *ябагша* "ходящий" (Санжеев, 1941, 67-68) и позднее дополнительно в неё включено и бурятское постоянное на *-ааша* (Цыдыпов, 1972, 48).

Причастия настоящего времени в монгольских языках содержат в себе количественно-временную характеристику и являются средством передачи отдельных способов глагольного действия. Они обозначают, что процесс (действие или состояние), представленный как характеризующий признак предмета, в силу своих главных значений, т.е. количественной определенности действия, совершается в плане расширенного настоящего времени. Количественной определенностью процесса обусловлена и названная временная приуроченность причастных форм, т.е. их действие совершается в сфере расширенного настоящего времени, в то время как "значение форм расширенного настоящего времени изъявительного наклонения является окказиональным, зависящим от контекста" (Санжеев, 1963, 211).

Прежде чем перейти к анализу форм причастий настоящего времени, следует внести уточнение в их терминологическое обозначение, которое в большинстве случаев содержит разноречие, отмечаемое исследователями монгольских языков.

Многократное причастие во всех монгольских языках соответствует количественной определенности выражаемого им действия и представляет собой исторически сложившееся единообразное наименование общемонгольской причастной формы на *-dag/-deg* (в соврем. калм. *-дъг/-дег*).

Традиционное название общемонгольской причастной формы на *-qci* (в совр. калм. *-гчъ/-гче*) "причастие настоящего времени или настоящее однократное причастие", зак-

репившееся в русской монголоведной литературе со времён первых грамматик (Шмидт, 1832, 70; Ковалевский, 1835, 105-106; Бобровников, 1849, 136; Котвич, 1902, 109), сохранилось в виде "однократное причастие". По справедливому замечанию Г.Д.Санжеева, это название не является достаточно точным, т.е. не адекватно содержанию данной причастной формы, действие которой совершается "как единый процесс", и в нём совершенно отсутствуют оттенки "однократности": мгновенность, единичность или меньшая протяженность во времени (Санжеев, 1963, 209). Данная форма отличается полисемантизмом, она способна употребляться в отдельных "окраинных" языках в значении утраченных ими общемонгольских причастных форм, о которых упомянуто выше. По А.де Смедту и А.Мостарту, "однократное причастие в монгольском языке по значению соответствует многократному, отсутствующему в этом языке" (Smedt, 1945, 117), а в монгольском, дунсянском и баоанском языках "однократное причастие является именно причастием настоящего времени и употребляется в значении отсутствующего в названных языках общемонгольского причастия на *-ha/-a*" (Тодаева, 1967, 82, 119-120).

Таким образом, исходя из временной и количественной определённости процесса-признака, совершаемого в пределах расширенного настоящего времени, принимаем для данной причастной формы в калмыцком языке название "настоящее причастие", аналогичное данному ей в своё время А.Поповым названию "причастие настоящего времени" (Попов, 1847, 136). Действие настоящего причастия представляется обычным, свойственным какому-нибудь предмету в течение известного времени, в плане настоящего.

Общемонгольская форма причастия на *-ha/-a* (в совр. калм. *-a/-ə*) А.Бобровниковым названа "причастием прошедшего неоконченного" (Бобровников, 1849, 246), в бурятском - "настояще-прошедшим временем" (ГБЯ, 1962, 263; Цыдыпов 1972, 48), а в "Глаголе" Г.Д.Санжеева - "настоящим причастием" (Санжеев, 1963, 212), в калмыцком языке Б.Б.Бадмаевым она названа "причастием со значением продолжительного действия" (Бадмаев, 1964, 91). Эта форма по присущей ей временной и количественной определённости может быть названа "продолжительным причастием" настоящего времени. Таким образом, в рамках настоящего времени анализируются настоящее причастие (*-гчь/-гче*, их алломорф *-гч* в субстантивных словоформах), настоящее многократное причастие (*-дъг/-дег*, их алломорфы *-д/-дъ/-де* в субстантивных словоформах), настоящее продолжительное причастие (*-a/-ə*) и причастие возможности (*-м*).

Настоящее причастие

Настоящее причастие является общемонгольской формой. В современном калмыцком языке оно образуется от залоговых и видовых основ глагола при помощи суффикса *-гчь/-гче*: *йилнегче жил* - определяющий год от *йилнхе* - определять, *ахльгчь кун* - начальствующий человек от *ахльхь* - начальствовать, *эрвелзегче тэвэг* - развевающаяся грива от *эрвелзхе* - развеваться, *йовьгчь өвген* - идущий старик от *йовхь* - идти. В отличие от действия многократного причастия оно "совершается как единый процесс, не распадающийся на ряд акций" (Санжеев, 1963, 209). Обозначение же суффиксом настоящего причастия *-гчь/-гче* постоянного процесса-признака предмета наглядно прослеживается в сопоставлении с омонимичным суффиксом прилагательных *-гчь/-гче* для образования качественных прилагательных, называющих самок животных по их масти: *улагчь үкер* - красная корова от *улан* - красный, *борьгчь гун* - серая кобылица от *борь* - серый (ГКЯ, 133-139). При опущении же определяемых слов происходит их субстантивация: *улагчь* - краснуха, *борьгчь* - серко и др.

Некоторые исследователи отрицают глагольность настоящего причастия, считая его преимущественно "отглагольным именем деятеля". Однако значение настоящего причастия в монгольских языках, в том числе и в калмыцком, значительно шире. Настоящее причастие обозначает обычное непрерывное действие, представляемое как характеризующий признак предмета, и совершается в плане расширенного настоящего времени. По замечанию Г.Д.Санжеева, это причастие в большей степени, чем многократное причастие, выражает действие расширенного настоящего времени. Это обусловлено его основными значениями, т.е. временной и количественной определёностью действия, в кото-

ром полностью отсутствует значение однократности, единичности или мгновенности.

По своему значению и употреблению настоящее причастие близко многократному причастию и продолжительному причастию настоящего времени. Его полисемантизм выражается в возможности замены в отдельных "окраинных" монгольских языках утраченных ими других причастий настоящего времени, форм на *-daq/-deq* и *-ha/-a*.

В калмыцком языке настоящее причастие используется преимущественно в роли определения: *Сарвълзгчь дөрвөн мөчинь сөөр дээрень тээглеже* (Ж.) - Стянул барахтающиеся его четыре конечности и крепко связал на крупе. *Онһълзгчь бөөрөрень нөрхен цаһан шилврөр найһн хойър гүвдөд унһавь* (Ж.) - Восемьдесят два раза ударил он его по образующейся почечной впадине белым тонким кнутом и повалил. В данных примерах настоящие причастия *сарвълзгчь* и *онһълзгчь* употреблены в атрибутивной позиции. Они характеризуют присущие свойства определяемых ими предметов (*дөрвөн мөчинь* - четыре его конечности и *бөөрөрень* - по его почечной впадине), с точки зрения действия, обозначенного в производящей основе глаголов *сарвълзхь* - барахтаться и *онһълзхь* - впадать, вваливаться.

Как и в других монгольских языках, настоящее причастие в определённых случаях подвергается субстантивации, утрачивая глагольные и собственно причастные свойства, такие, как выражать процесс (действие или состояние) и управлять падежами, переходит в разряд существительных со значением имени деятеля или режы предмета: *нүүрлегче*, *түрүлгче* - передовик, *үүдэгче* - творец, *зэнглегче* - вестник, *чанһагчь* - усилитель, *ирегче* - будущее. Эти субстантивы способны принимать показатель множественного числа: *сэл-вегчнер* - советники, *чанһагчмуд* - усилители и т.д.

Нередки явления, когда подобные субстантивированные формы соотносительны с формами имён существительных: *дахьгчь* = *дахачь* - последователь, *мэдегче* = *мэдэче* - знаток, *эзлегче* = *эзлэче* - владыка, *зуралгчь* = *зурагчь* - плановик и др. Но в целом тенденция настоящего причастия к лексической субстантивации со значением действующего лица или предмета в калмыцком языке несколько ограничена, нежели в монгольском языке, так как для названия отглагольных имён деятеля по его действию или характерному занятию, занимаемой должности существует продуктивный словообразовательный суффикс имён существительных *-ачь/-эче/-чь/-че*: *сурһьмжлачь* - воспитатель от *сурһьмжлхь* - воспитывать, *цутхачь* - литейщик от *цутххь* - лить, отливать, *ахлачь* - глава от *ахлхь* - главенствовать, возглавлять.

Субстантивы от настоящего причастия способны выступать в синтаксической роли имени существительного:

а) подлежащего, принимая лично-притяжательные частицы: *Танась мини сурьгчьм - нэге цөөкен мөнгнө көлсен* (О.У.) - Моя просьба к вам (= просимое мной) - работа за небольшую оплату. *Эсе мэдегчень, маһдльгчнь дала* (Д.Б.) - Непонятного и сомнительного для них много;

б) в качестве дополнения встречается крайне редко: *Хальмыг Танһьчин күче-көлсчнер жирһелтэ ирегчүр зүткже йовна* (Х.ү.) - Трудящиеся Республики Калмыкия стремятся к счастливому будущему. *Алдър нойһн богддан мэдүлгчем эркен арвһн нөөмен насындан би һанць кэвөр юнгад бөөдегве?* (Ж.) - То, что я хотел довести славному богдо: почему я в свои восемнадцать лет одинок?

В калмыцком языке употребление настоящего причастия в роли объекта является весьма редким. В значительно большей степени, чем субстантивация, наблюдается процесс адъективации настоящего причастия. Она возникает в результате утраты данной формой временной определённости действия, а также других глагольных признаков: *һолльгчь төре* - основная работа, *һолльгчь чинер* - главное значение, *харсьгчь мэхө* - оборонительный рубеж, *хөөгче экспедиц* - поисковая, разведывательная экспедиция, *дахьгчь цаасһн* - сопроводительная бумага, *зальгчь күчен* - направляющая сила. *Школмудть ирсен оютһриге багшһрин нүүрлегче дамшълтта танилдулвь* (Х.ү.) - Студентов, посетивших школы, ознакомили с передовым опытом учителей. Но явление адъективации настоящего постоянного преимущественно не выводит их за пределы причастий, так как в речи

продолжают существовать соотносительные формы настоящего причастия с залоговым, видовым и временным значениями: *хəөгчe күн* - ищущий, разыскивающий человек, *дахьгчь өмтен* - сопровождающие люди, *дахьгчь эде-тавьр* - сопутствующие товары и др.

Множественное причастие

Изначально общемонгольская форма причастия на *-daq/-deq* утрачена в "окраинных" монгольских языках и сохранилась в современных: монгольском, бурятском и калмыцком. Г.Д.Санжеев отмечает их почти совершенно одинаковое употребление в указанных языках. В составе форм причастий настоящего времени множественное причастие противопоставляется по своей количественной характеристике как "ряд последовательных акций одного и того же действия" (Санжеев, 1963, 206).

В калмыцком языке множественное причастие образуется от залоговых и видовых основ глагола при помощи суффикса *-дыг/-дег* (его алломорфы *-дг/-дгь/-дге* - в субстантивных формах; *-д/-дь/-де* - в формах настоящего времени изъявительного наклонения) и обозначает, что действие, представленное как характеризующее обычное постоянное свойство предмета, совершается в течение одного и того же времени периодически: *йовулдыг* - заставляющий идти, заставляющий обычно ходить от *йовхь* - ходить; *нисдег* - летающий, имеющий обыкновение летать от *нисхе* - летать; *тоолдыг* - считающий, думающий, имеющий обыкновение считать, думать от *тоолхь* - считать, думать; *суулһдыг* - сажающий, имеющий обыкновение садить, заставляющий сидеть от *суулһхь* - сажать, заставлять сидеть. Таким образом, по временной и количественной определённости множественное причастие относится к сфере расширенного настоящего времени.

Преобладающая часть множественного причастия употребляется в определительной функции: *Далһн күн дамжълдыг далһа шарь шаазьнгар далһн нэге дарад орквь* (Ж.) - Из широкой чаши, которую поднимают семьдесят человек, выпил подряд семьдесят один раз. *Сэдклинь мэддег өөрхен иньгень - тээгин альвэн салкын, уудыг ундынь - эврәнен бүлән харь нулимсын* (Б.Б.) - Понимающий её душу близкий друг - шаловливый степной ветерок, утоляющие её жажду - собственные горячие слёзы. *Кэлсән күцөдег авьяста улс мана тээгте олын бәәнә* (К.С.) - В нашей обширной степи много людей, у которых слово не расходится с делом (= людей, выполняющих своё сказанное)

Подвергаясь субстантивации, множественное причастие приобретает значение объекта действия и значительно реже субъекта: *сэгсердег* - галушки от *сэгсерхе* - трясти, *татдыг* - выдвижной ящик от *татхь* - вытягивать, тянуть; *искдег* - дрожжи от *искхе* - заквасить, *таньдыг* - знакомый от *таньхь* - знакомиться, узнать, *зальдыг* - перен. пьяница от *зальхь* - глотать. Несмотря на то, что подобные субстантивы соотносительны с формами множественного причастия, они отличаются друг от друга лексико-грамматическим значением, парадигмой и дистрибуцией (Санжеев, 1940, 180). Они употребляются как имена существительные: изменяются по падежам и числам, выступают в его синтаксических функциях (*боодыг* - пруд, *боодгин* - пруда, *боодыгть* - в пруду, *боодгиге* - пруд, *боодгар* - прудом и т.д.; множ.ч. *боодгуд* - пруды).

Адъективированные формы множественного причастия переходят в разряд сложных субстантивов: *амьрдыг өдер* - день отдыха, день для отдыха; *унтдыг өрө* - комната для сна, спальня; *мал өскдег совхоз* - откормочный совхоз, откормсовхоз; *нүрздег* (<нүр үздег) - зеркало.

Субстантивные формы множественного причастия способны выступать в форме простого или развёрнутого подлежащего, принимая лично-притяжательные частицы, либо без них: *Зүн бийень ахьлдгьнь Төвшүн Ширкгин ачь гинө* (Ж.) - Возглавляющий их слева - говорят, внук Товшун Ширкига. *Мини көлсенде чини өгдгень нэгхен үкрин үсен бишев* (М.Н.) - Твоя плата за мой труд - это ведь молоко лишь одной коровы. *Би тандь ирдгем, Санжь, нэге көлгнө көшүр танась суржь йовлав* (М.Н.) - Санджи, я пришёл к вам (= мой приход к вам), чтобы попросить ось одной телеги. *Кишго күн, хөрень Ларлу багшь Бадмь хойьрла күүндегчен ике биләл* (Д.Б.) - Ах, ты, нечестивый, то-то твои разговоры с Ларлу и учителем Бадмой были столь частыми.

В качестве дополнения множественное причастие выступает и с частицами возвратно-

го (безличного притяжания) и без них: *Му дөөсен таньдэгтан баатър* (Посл.) - Плохой воин над своими знакомыми "богатырь". *Залхуһин гэрте түлән уга, зальгдгин гэрте хоть уга* (Посл.) - В доме лентяя нет топлива, а в доме обжоры нет еды. *Көделмишэн сөөнөр кэдгәрен, олна кэрегте орълцгарьн эне йир сөн хөөче, энуге мана даалһвэртъ өгтхэ гижэ биден танась суржанавдън* (Н.М.) - Он по своему хорошему отношению к труду, участию в общественной работе очень хороший чабан, мы просим вас отдать нам его на поруки. *Та дала туули мэднэт, эврәнэн мэддгәсен мадъндъ нэге туули кэлже өгтен* (Э.К.) - Вы знаете множество сказок, из хорошо известных вам расскажите нам одну сказку.

Продолжительное причастие

Общемонгольская причастная форма на *-һа/-а* впервые была выделена и названа особой формой причастия Я.Шмидтом, настойчиво утверждавшим, что она употребляется только в сочетании с отрицанием *иқеi* и, кроме этого, нигде в речи не встречается (Шмидт, 1832, 94). Впоследствии это мнение было поддержано А.Рудневым и дополнено тем, что в бурятском языке "эта форма - чуть ли не единственная для выражения прошедшего времени и употребляется как сказуемое главного предложения" (Руднев, 1911, 222). Г.Д.Санжеевым, напротив, отмечено в современном бурятском языке три причастия прошедшего времени на *-аа*, *-һан* и *-һхай* (ГБЯ; 1962, 268-271).

Авторы других ранних и последующих грамматик и научных трудов по монгольским языкам не столь категоричны в вопросе о наличии данной причастной формы только в связи с отрицаниями *едui* - ещё не, *иқеi* - не, когда она обозначает, что действие ещё не совершилось, но должно совершиться. Значит, они не исключают возможность употребления данной причастной формы и без отрицания.

Определение значения данной причастной формы сводилось к тому, что она ("прошедшее неоконченное", по А.Бобровникову) обозначает, что действие наступило и продолжается в момент, когда о нем идёт речь, а следующее действие происходит одновременно с продолжающимся действием причастия (Попов, 1847, 165; Бобровников, 1849, 246; Орловская, 1958, 118). Большинство исследователей отмечает, что данная форма распространена крайне ограниченно в тех языках, в которых сохранилась (в халхаском, чаще в бурятском и южномонгольском диалектах, а также иногда в калмыцком языке). Она утрачена в отдельных "окраинных" монгольских языках (монгорском, дунсянском и баоаньском) и заменяется формой однократного причастия, и совершенно отсутствует в остальных из них. В калмыцком языке нами принят термин - настоящее продолжительное причастие.

Продолжительное причастие в современном калмыцком языке образуется от залоговых и видовых основ при помощи суффикса *-а/-ө* и обозначает начавшееся прежде и продолжающееся в момент речи действие, представленное как характеризующий признак предмета: *кэлэ күн* - человек, продолжающий говорить от *кэлхе* - говорить; *көдлө салькын* - ветер, продолжающий дуть от *көделхе* - дуть (о ветре). *Үзэ нүден, сонса чикен* - Глаза, продолжающие видеть, уши, продолжающие слышать. *Тэрзин өмне урһа модьн... өдер ирвәсе улъм-улъм көкрөд, өсөд, чанһрад йовна* (Т.Б.) - Дерево, растущее перед окном, с каждым днём всё больше зеленеет, растёт, набирается сил.

Это единственная причастная форма в калмыцком языке, которая не подвергается изменению, не присоединяет к себе притяжательных частиц, т.е. никак не субстантивируется и, значит, не употребляется в субъектной и объектной позиции, а выступает в атрибутивной и предикативной позиции, как в монгольском языке. В бурятском языке, как отмечает Г.Д.Санжеев, данная форма довольно часто употребляется в объектно-обстоятельственной функции (Санжеев, 1963, 213). Он уточняет, что форма настоящего прошедшего времени на *-аа* выражает собой действие, совершившееся до момента речи или непосредственно до момента речи, если оно употреблено без какой-либо связки прошедшего времени, а при наличии последней обозначает действие, совершившееся задолго до момента речи или до времени совершения того, о чём идет речь в данном повествовании: *Моридоо Табхаев Шэтэ оруулхань гэжэ Нима дуула һан* (Ж.Тум.Тала, 151) - Нима слышал, что Табхаев собирается отправить лошадей в Читу (ГБЯ, 1962, 263).

Значение особенной продолжительности действия-признака предмета данной причастной форме, употребляемой в атрибутивной и предикативной роли, придаёт утвердительная частица -л: *кэлэл күн* - человек (всегда говоривший и продолжающий говорить). *Бадмь күүкдинен тускар кэлэл* - Бадма продолжает говорить о своих детях.

Выступая в форме сказуемого (простого и сложного) главного предложения со связкой и без неё, продолжительное причастие теряет адъективные признаки и приобретает, как и другие причастные формы, модальный оттенок констатации достоверного действия и обозначает продолжительное действие настоящего времени изъявительного наклонения, в отличие от бурятского языка, в котором употребляется для выражения прошедшего времени (Руднев, 1913-1914; ГБЯ, 1962).

К существенным различиям относится то, что вместо отрицательной формы продолжительного причастия, употребляемого в монгольском и бурятском языках, в калмыцком языке употребляется разделительное деепричастие с отрицанием: *кэлэд уга* - не сказанное = не говорил; *ирэд уга* - не пришедший = не пришёл; *үзэд уга* - не видевший = не видел. Эта форма выражает действие, которое ещё не совершилось, но, очевидно, как ожидаемое действие, должно произойти в будущем. Таким образом, в значении и дистрибуции формы продолжительного причастия в названных языках наблюдаются заметные различия.

Анализ значений всех трёх причастных форм настоящего времени показывает, что каждая из них выражает действие расширенного настоящего времени в силу своего основного и главного значения, т.е. временной и количественной определённости. Внутри своего ряда они противопоставляются друг другу по тому, что настоящее причастие обозначает признак предмета как "единый процесс", многократное причастие - обычный постоянный признак предмета, несмотря на то, что процесс распадается на "ряд акций", т.е. повторяющееся одно и то же действие, а продолжительное причастие обозначает признак предмета как процесс, начавшийся прежде и продолжающийся в момент речи или повествования. Существенное отличие расширенного настоящего времени причастия от расширенного настоящего времени изъявительного наклонения - временная определённость этих причастных форм как расширенного настоящего времени, заложенная в них самих, благодаря количественной определённости, а значение расширенного настоящего для формы изъявительного наклонения на *-на/-нэ* является окказиональным, целиком зависящим от контекста.

Причастие прошедшего времени

По происхождению своему исконно монгольские и самые древние формы причастия на *-qsan/-qsen* - для единственного числа и *-qsat/-qset* - для множественного числа (Ramstedt, 1903, 88) у большинства исследователей получили название причастия прошедшего времени, за исключением наименований А.Бобровникова "причастия прошедшие оконченные" (Бобровников, 1849, 136-139) и М.Н.Орловской "причастие прошедшее совершенное" (Орловская, 1958, 119). Причастие это имеется во всех монгольских языках и диалектах и отличается сходством значений и употреблений в них. Г.Д.Санжеев отмечает, что оно в гораздо большей степени, нежели остальные причастия этих языков, сохраняет и выявляет исконную природу причастий вообще, а поэтому оно в некоторых отношениях нуждается и в более подробном рассмотрении (Санжеев, 1963, 215).

Причастие прошедшего времени в калмыцком языке образуется от всех залоговых и видовых основ глагола при помощи суффикса *-сьн/-сен* (его алломорфы *-сн/-с/-сь/-се*) и обозначает, что процесс (действие или состояние), представленный как характеризующий признак предмета, совершился полностью в прошлом, до момента речи или до наступления другого действия, выраженного либо основным глаголом, либо его сочетанием с вспомогательным глаголом и связками: *сонссьн* - слышавший и услышанный от *сонсхь* - слушать, слышать; *сонсхасьн* - провозглашённый, объявленный от *сонсхяхь* - провозгласить, объявить; *сонсцхасьн* - слышавшие не раз от *сонсцхяхь* - слышать не раз; *бәрсен* - державший от *бәрхе* - держать; *бәрчксен* - схвативший, поймавший от *бәрчкхе* - схватить, поймать, *бәрегдсен* - взятый, пойманный от *бәрегдхе* - быть взятым, быть пой-

манным; *бәрегдечксен* - схваченный, пойманный от *бәрегдечкхе* - быть схваченным, быть пойманным; *бәрүлсен* - позволивший, заставивший держать от *бәрүлхе* - позволить, заставить держать; *бәрелцсен* - помогавший держать от *бәрелцхе* - помочь держать, поймав; *бәрелдсен* - схватившиеся друг за друга от *бәрелдхе* - хвататься друг за друга.

Данные калмыцкого эпоса подтверждают, что наиболее часто причастия прошедшего времени употребляются в роли определения и сказуемого (Тодаева, 1976, 161). Выступая в позиции определения (обычного, либо развёрнутого, т.е. причастного оборота), причастия определяют предметы с точки зрения процесса, совершенного в прошлом: *Сүргәсе салсын гөрәсен әәмтхә гидег әсе билү* (Ж.) - Разве не говорят, что труслив сайгак, отбившийся от стада. *Арһта Хонһрин арь бийдень шигдсен тавын минһен жидин үзүр бась хуһрад үлдве* (Ж.) - Наконечники пяти тысяч копий, вонзившихся в тело Хонгора, остались позади. *Халад хәәкерсен дуундь шиле һәрде бәәшен дәәвләд одвь* (Ж.) - От его возбуждённого голоса задрожал дворец из стекла и золота. *Бийән әсе асьржь чадсын күн кү асьржь чадьшго* (О.У.) - Человек, не способный заботиться о себе (= не заботившийся о себе), не сможет заботиться о других. В приведённых примерах действие причастия прошедшего времени совершено самим определяемым предметом: *салсын гөрәсен* - отбившийся сайгак, *шигдсен жидин үзүр* - вонзившиеся наконечники копий, *хәәкерсен дуундь* - от возбуждённого голоса, *әсе асьржь чадсын күн* - человек, не заботившийся о себе.

Вместе с тем, если причастие прошедшего времени образовано от глагольной основы побудительного залога, процесс-признак может быть совершён в прошлом не самим определяемым предметом, а другим лицом или предметом: *Дәл мөнгәр кээрүлсен дәлтринь төвве, дэгце зурһан давхър тохминь төвве* (Ж.) - Сперва положили подпотник, украшенный серебром, затем положили шестислойный потник. *Әврә бийем хан болад бәәве чиген, хәрин дәәсенде халһсын, хамьг һазьрть алдършьгсын арвьн хойьр бодьнгасьм сурут* (Ж.) - Хотя сам являюсь ханом, прошу выслушать моих двенадцать богатырей, закалённых в боях с врагами и прославленных во всех землях. В этих примерах причастия прошедшего времени определяют предметы с точки зрения действия, совершенного в прошлом не ими самими, а другими лицами: *кээрүлсен дәлтринь* - (кем-то) украшенный серебром подпотник, *хәрин дәәсенде халһсын арвьн хойьр бодьнгасьм* - у закалённых врагами двенадцати моих богатырей.

Аналогичное явление, когда действие причастия совершено в прошлом не самим определяемым предметом, а другим лицом, т.е. выражает значение страдательности, наблюдается в алтайских и других (например, в японском - Конрад, 1937, 200) языках. В калмыцком языке причастные определения прошедшего времени (*умшсын дэгтер* - прочитанная книга, *идсен махьн* - съеденное мясо, *усьлсын мал* - напоенный скот и др.), а также страдательные причастия на *-ата/-этә* в форме действительного залога, выражают такое значение, когда определяемый предмет (=объект) подвергается действию другого лица (субъекта в форме родительного падежа): (*күүкнә*) *умшсын дэгтер* - девушкой прочитанная книга, *чонын идсен махьн* - волком съеденное мясо, *эцкин кәсен көделмеш* - сделанная отцом работа, *Бадмин хаһьлчксын һазьр* - вспаханная Бадмой земля, *көвүнә соңссын зәнге* - услышанное юношей известие; (*Бадмин*) *дәлгүдень хаһьлчксын һазьр ике холась күриже, күүнә нүднә бахьмжь болжь үзегднә* (О.У.) - Сплошь вспаханная (Бадмой) земля темнеет вдали и радуется глаз. *Асхьндьнь соңссын сонин зәнге көвүнә толһаһась холдь одьлго бәәве* (Э.К.) - Интересное известие, услышанное вечером, не выходило из головы мальчика.

Временные значения причастий прошедшего времени, функционирующих в атрибутивной позиции, связаны с обозначением не только абсолютного, но и относительного времени. Действие абсолютного прошедшего времени выражается: 1) во взятом вне контекста сочетании определяемого имени с причастным определением: *гүүсен мөрән* - бежавшая лошадь, *йовсын күн* - шедший человек, *увелзсен мал* - зимовавший скот, *кәсен көделмеш* - выполненная работа; 2) при оформлении основного глагола в предложении формами прошедшего времени, либо настоящего времени (со значением расширенного настоящего времени) изъявительного наклонения: *Сарин гәрелде үсень, һарьнь сарсасын*

күүкед күн Бадьмдъ шулмъ болжъ мэдегдвѣ (О.У.) - Женщина с торчащими волосами и растопыренными пальцами при лунном свете показала Бадме ведьмой. Аавин кэлсен туулясь кэсгенъ тодължъ авлав (П.Д.) - Из сказок, рассказанных дедом, многое я запомнил. Авгин сурсън авъясь әмен хартъл мартыгдшго. - Прежде усвоенные привычки не забываются до последнего дыхания.

Однако в контексте причастные определения могут выражать и относительное время, устанавливаемое на основании временного значения глагольного сказуемого: Эндәсе йовсън кү дахулад, көвүге нан таль илгәчктен (К.А.) - Мальчика отправьте ко мне с человеком, который поедет сюда. В этом предложении временное значение будущего времени глагола-сказуемого повелительного наклонения илгәчктен - отправьте относит характеризующий признак причастия прошедшего времени йовсън - пошедший в план будущего (человека, который поедет). А в предложении Дордъ үзгәсень көделсен чанһъ салькындъ нигте көке хулсън нәәхелнә (М.Н.) - От сильного ветра, дувшего с востока, колышется густой камыш. Действие глагола-сказуемого нәәхелнә - колышется наблюдается в момент речи и относит характеризующий признак причастия прошедшего времени үләсен - дувшего в план настоящего времени.

Причастия прошедшего времени активно подвергаются субстантивации, получают падежное оформление и выступают в функции имён существительных, но в случае глагольной субстантивации сохраняют ярко выраженную глагольность, которая проявляется в наличии при них зависимых слов и сохранении общих с глаголом синтаксических свойств: модели управления и примыкания: Чонъ эндер туулала харһжъ ирсендән бийән ике хөвтәде тоолжъ байрълвь (Х.Т.) - Волк обрадовался своему счастью, что сегодня встретился (=встрече) с зайцем.

Особенностью глагольной субстантивации всех причастий, в том числе и причастий прошедшего времени, является то, что в синтаксической роли существительного выступает не одно причастие, а вся его группа в целом, которая представляет собой причастный оборот, выраженный развёрнутым членом предложения: развёрнутое подлежащее, дополнение, обстоятельство - образа действия, причины, цели, места и т.д. При окказиональной субстантивации падежные формы не имеют при себе зависимых слов, они больше тяготеют к имени существительному, приобретая категории падежа и числа: Эдегсенде эмче кэрегго, һатълсъндъ онһць кэрегго (Посл.) - Выздоровевшему не нужен доктор, переправившемуся не нужна лодка. Субстантивированные причастия при этом обозначают лицо по какому-либо признаку, например: эдегсенде - выздоровевшему, һатълсъндъ - переправившемуся, либо "опредмечивают процесс-признак" (действие, либо состояние): харһжъ ирсендән байрълвь - обрадовался тому, что встретился (= своей встрече).

Причастие прошедшего времени в форме именительного падежа, обозначая действие, совершённое каким-либо лицом, либо само действие, выступает в предложении подлежащим и нередко сопровождается лично-притяжательными частицами: Дөтелсен дөрвѣ хондъг (Посл.) - Прямо идущий четыре дня потеряет. Һазъртъ кииссен һазър түшже босдъг (Посл.) - Упавший на землю встает, опираясь на неё. Мана бригадтан күүндсемден йир сонин болжъ мэдегдвә (И.Л.) - То, о чём мы беседовали (= наша беседа) в своей бригаде, показалось очень интересным. Одакъ ирже йовсънтън дунь бөөже (Б.Б.) - Тот, кто шёл сюда, оказался её младшим братом.

Прошедшее причастие в форме родительного падежа употребляется в сочетании с послелогом хөөне, ардъ - после и вместе с зависимыми словами образует причастный оборот, выраженный развёрнутым обстоятельством времени: Дәәнәсе ирснә хөөне өвген хө хәрүлдег болвь (И.У.) - После возвращения с фронта старик стал пасти овец. Бичкен үүрән хәрже одсна ардъ би санвьв (Б.Ал.) - Я задумался после ухода своего маленького друга домой. Олна хуръг чилснә хөөне колхозникүд һурвад-дөрвөдәр цуглард, шине ши-идврин тускар күүндцхәвѣ (М.Н.) - После окончания общего собрания колхозники собрались по трое-четверо и стали обсуждать новое решение. А с послелогом тускъ, тускар - о, про обозначает предмет речи и выступает в качестве косвенного дополнения: Тииме мэктә аратъ ирснә тускар олын туули хальмыг фольклортъ бөөнә (О.Б.) - В фольклоре много сказок о том, как приходит хитрая лиса (= о приходе лисы).

Причастие прошедшего времени в форме винительного падежа с частицами притяжания и без них выполняет функцию прямого дополнения и обозначает действие, происходившее в прошлом: *Чикнэ сонссиге нүден үздег* (Посл.) - Что уши услышат (= услышанное ушами), то глаза увидят. *Сэн күн үзсен-сонссан, мунхыг күн идсен-уусан кэлдмен* (Посл.) - Умный рассказывает о том, что видел и слышал (= об увиденном и услышанном), а глупый - о том, что ел и пил (= о съеденном и выпитом). *Тадна кэлситен эден дарандьнь цугтнь бичже авчана* (И.Л.) - Излагаемое вами они полностью записывают.

В дательном-местном падеже субстантивная форма причастия прошедшего времени обозначает: а) причину действия - *Холь хаалһдан идхе хотан көвүн эрте чилэсендөн хундад йовна* (Б.Б.) - Юноша огорчён, потому что раньше времени закончилась еда, которую он должен был есть в продолжение длинного пути; б) лица, в пользу которого совершается действие - *Даарсьндь һал түле, өлссенде хоть кэ* (Посл.) - Для озябшего разведи огонь, для проголодавшегося приготовь пищу; в) цель действия - *Сонсхды мэнде бахта, идхде өөкен бахта* (Посл.) - Чтобы слушать (= для слуха), приветствие желанно, а чтобы есть (= для еды), сало приятно

В форме орудного падежа причастие прошедшего времени указывает на причину совершенного действия: *Дуудулсар көвүд военкоматур ирже йовцхана* (О.У.) - Так как вызвали (= по вызову), юноши идут в военкомат. *Орьс талмыш мэдсэрен күүкен тэденлэ талть-мулть мэделцэд күүндэд бөөве* (О.У.) - В меру своего владения русским языком, девушка кое-как обменивалась с ними, разговаривала. *Адучь көвүн чаһь болсар мөрнөсе унсьн уга* (К.А.) - Так как оказался крепким, табунщик не упал с лошади.

Из ряда форм причастий прошедшего времени в орудном падеже выделяются случаи, когда данные формы, утратив свойства субстантива, обозначают длительно протекавшее действие, в продолжение которого совершается действие предикативного глагола. На базе соотносительности действия данной формы прошедшего времени в орудном падеже с действием глагола формируется образование продолжительного деепричастия (Бобровников, 1849, 262): *Хавьр эрте ирсэрэ, тэг дэлгүдэн көкерже одвь* (К.А.) - С тех пор, как наступила ранняя весна, степь сплошь зазеленела. Продолжительное деепричастие отличается от субстантивной формы причастия прошедшего времени в орудном падеже тем, что не присоединяет к себе частиц притяжания. Значение продолжительного деепричастия передаётся в бытующих и ныне говорах калмыцкого языка. Например, в форме *-сара/-сэрэ* в дербетском: *Мана ике көвүнөсе дээнде одсара зэңге уга бөөве* - От нашего старшего сына с момента ухода на войну не было известий (Кичиков, 1963, 73) и *-хара/-хэрэ* в торгутском: *Сахльм намагь хөрөн тавтадьм урһла, үсем төрхэрэ бөөһө* (Х.т.) - Усы мои выросли, когда мне было двадцать пять лет, а волосы - с того момента, как родился (=с момента рождения).

Субстантивное употребление причастия прошедшего времени в исходном падеже с послелогом *нааран* - с обозначает время, с которого началось действие предикативного глагола: *Дэн чилснөсе нааран ветеран малдь көдлэ* (О.У.) - Со времени окончания войны ветеран продолжает трудиться в животноводстве. *Хан таниге йовснась нааран эрүл бөөнө* (Х.т.) - После вашего отъезда хан находится в здравии.

Значение места действия передаётся также сочетанием причастия прошедшего времени в форме именительного падежа с послелогом *талась* (= застывшей в исходном падеже форме *талъ*): *Бууһин хундгар дайльсьн талась салдсьмуд һарад гүүһэд бөөцхэнэ* (Н.М.) - Солдаты выбегают с места, где взмахнули прикладом ружья. *Үүлен һарсьн талась хурь эжелже орна* (Посл.) - Дождь начинает идти с места появления туч.

Употребление причастия прошедшего времени в форме направительного падежа при глаголах движения обозначает объект или место действия, к которому направлено действие предикативного глагола: *Хөөһэд йова йовжь, өмне өдертенъ тэмдеглеснүрен анһучньр күрэд ирцхөве* (Д.Б.) - После долгих поисков охотники пришли к отметке, сделанной в предыдущий день. Значение направленности действия передаётся также сочетанием причастия прошедшего времени с послелогом *талъ* - к, равным по значению с формой направительного падежа: *Шамин һал үзэгдсен талъ* (=үзэгдснүр) *төөрсен көвүд һарад йовцхавь* (Д.Б.) - Заблудившиеся юноши направились к увиденному свету лампы.

Таким образом, выше рассмотрены наиболее продуктивные формы субстантивного употребления причастий прошедшего времени.

Причастия будущего времени

Исследователями монгольских языков была отмечена обшемонгольская причастная форма будущего времени с суффиксом *-qu/-ku*. Наряду с ней в древнейших памятниках употреблялись и её разновидности: формы *-qui/-kui* и множественного числа *-qun/-kun*, отсутствующие в современных монгольских языках (Орловская, 1958, 101).

Причастие будущего времени в современном калмыцком языке образуется от залоговых и видовых основ глагола при помощи суффикса *-хь/-хе* и обозначает, что процесс (действие или состояние), представленный как характеризующий признак предмета, совершится в будущем, после момента речи: *батълхь тогтавьр* - постановление, которое будет утверждено; *мордхь күүкен* - девушка, которой предстоит выйти замуж; *диилхе бөке* - борец, который победит; *унхь шүден* - зуб, который выпадет.

Форма причастия будущего времени является грамматической омонимией двух форм глагола. Во-первых, инфинитива - глагола на *-хь/-хе* в значении абстрактного действия, существование которого традиционно отрицалось в монголоведении (ГБЯ, 1962; Санжеев, 1963; Касьяненко, 1968, 13). Другие монголисты инфинитивом считают форму, совпадающую с формой 2 л., ед. ч., повелительного наклонения (Дарбеева, 1985, 73), а третьи - форму на *-х* (Попов, Рамстедт, Бертагаев, Цэдэндамба, Харчевникова). Данная форма, обозначающая "действие без всякого ограничения времени, числа и действующих лиц" была названа А.Поповым формой "неопределённого или неокончательного наклонения" (Попов, 1847, 134). Т.А.Бертагаев, поддержавший мнение Г.Рамстедта (1903), писал: "Инфинитив как особая глагольная форма, несомненно, имеется в монгольских языках. Это начальная, исходная глагольная форма, лишённая значения времени, наклонения, лица и числа. Инфинитив - это не причастие, с которым он совпадает по форме" (Бертагаев, 1961, 18; 1963, 41), ему присущи только категории залога и вида, в предложении функционирует в роли сказуемого и обозначает действие неопределённого времени (Цэдэндамба, 1974, 224-225). Благодаря своей минимальной грамматической нагруженности инфинитив используется как словарная (исходная) форма глагола: *батълхь* - утверждать, закреплять; *мордхь* - выходить замуж, отправляться в путь; *диилхе* - победить, *унхь* - падать, выпадать и т.д.

Во-вторых, форма причастия будущего времени является грамматическим омонимом формы будущего времени изъявительного наклонения (Бертагаев, 1964, 84, 96-97, 99-100). О последней Б.Б.Бадмаев заметил: "Некоторые монголоеды считают, что в калмыцком языке нет специальной формы будущего времени, она передаётся причастием будущего времени. Однако это не так, это внешнее совпадение, а фактически формообразование у них разное. К этой форме наращиваются сказуемые частицы, которые не наращиваются к причастиям, если последние выступают действительно в функции причастий. Однако она и без сказуемых частиц выражает действие будущего времени изъявительного наклонения, т.е. в предложении является сказуемым, например: *Савһьр намчинчһн сүүдэрте сэрглен иньгүд саналдхь* (Б.Б.) - В тени кудрявых твоих ветвей будут весёлые друзья отдыхать. Эта форма изъявительного наклонения требует отрицания *уга, -шь/-ше* - не, например: *ирхе уга* - не придёт, *кэлхе уга* - не скажет (Бадмаев, 1963, 85-86), *одхшгьв* - не пойду (Тодаева, 1976, 160), а причастие будущего времени имеет отрицание *эсе* "не", например, *эсе ирхе күн* - человек, который не придёт, *эсе кэлхе күн* - человек, который не скажет (ГКЯ, 1983, 91).

В современном монгольском языке форма причастия будущего времени в предикативной позиции почти не употребляется, особенно без связок. Значение настоящего и будущего времени в нём передаётся преимущественно формой глагола на *-на/-нэ* и конкретизируется контекстом или условием употребления данного глагола. В бурятском же языке форма глагола на *-на* в значении будущего времени не употребляется и имеет только одно значение - настоящего времени. Она не указывает на длительность или кратковременность совершения действия (Бертагаев, 1964, 97, 99). В калмыцком языке она

выражает значение настоящего конкретного, но в основном выделяется значение расширенного настоящего (Харчевникова, 1983, 206-207). Таким образом, для обозначения действия, которое совершится в будущем в бурятском и калмыцком языках имеется специальная форма глагола на *-ха/-хэ* (в бур.) и *-хь/-хе* (в калм.), омонимичная причастию будущего времени и инфинитиву.

Употребление будущего причастия в атрибутивной функции преобладает. В этом случае оно обозначает процесс-признак (действие или состояние) определяемого предмета и его способность к действию, которое совершится в будущем. Функцию определения может выполнять одиночное причастие, а также причастие с зависимыми словами: *Гөрөлхө гөрөсөн кэээ учърхвь гижө, татълдждь шүүрелдже суудьг болна* (Ж.) - Богатыри сидят, разговаривают и, хватая друг друга, громко спорят о том, когда же встретятся дикие звери, на которых можно будет поохотиться. *Анһахь амта, эделдег хооль уга* (Заг.) - С пастью, которая раскроется, но не имеет горла, чтобы глотать (Ножницы). *Бүрөн төгөс бөөһөд, күүнде оржь өгвө гихө алдършь уга му нэрен* (Ж.) - Несмыаемый позор (= который не смыть) - находясь в благополучии, кому-либо сдаваться. *Бэрэд мордхь дэл уга, батхнь хөрхө сүүле уга* (Посл.) - Нет гривы, чтобы, цепляясь, подняться, нет хвоста, чтобы отмахиваться от мух. *Күүнде кэлхө үгө эсө кэлегдхлө, күцөхө кэргэн бүтөхдө бэрке* (О.У.) - Если не высказать человеку слова, которые должны быть высказаны, трудно выполнить своё дело, которое предстоит сделать.

В приведённых примерах причастия имеют значения конкретного будущего времени, т.е. следования за моментом речи. Но причастие будущего времени может обозначать и процесс-признак, присущий данному предмету, как его назначение: *дасхь дэгтер* - учебник для изучения, *умшхь дэгтер* - книга для чтения, *анньхь ноха* - охотничья собака, *саахь үкер* - дойная корова, *мал бордхь совхоз* - откормочный совхоз, *нарьн һархь үзег* - сторона восхода солнца. Вместе с тем причастия будущего времени в атрибутивной позиции характеризуют определяемые предметы с точки зрения уже совершившегося действия, т.е. они употреблены со значением прошедшего времени: *Һунь орхь насъндан арьнзыл зээрдин үрө цагть көлө өргжө мордсьн* (Ж.) - Когда пошел ему третий год, он сел на своего трёхлетнего Рыжко.

Причастие будущего времени значительно чаще других причастий, подвергаясь синтаксической субстантивации, употребляется в падежных формах, сочетается с послелогоми, принимает частицы личного и безличного притяжания, вместе с зависимыми от него словами формирует причастный оборот и выступает в функциях имени существительного: развёрнутого (дополнения, обстоятельства и реже подлежащего).

В объектном употреблении может быть и одиночное причастие: *Уйдхан санад, туувьгдсьн йовдльг* (Фольк.) - Беспokoится, думая о предстоящей тоске. Время действия причастия будущего времени в этом случае определяется временным значением основного действия, выраженного глаголом или другими формами причастий: оказывается будущим не к моменту речи, а ко времени действия, выраженного глаголом: *Дөлөрксен көкиге Хоңһрин үүденде тоххин сэлгэн болвь* (Ж.) - Настала пора оседлать (= для оседлания) перед дверью Хонгора ретивого скакуна Бурко. *Нааран һархинен өменхен ямаран жаңһьрта дөрөлдөнде орсиге мэджөнчө* (Б.А.) - Тебе известно, в каких трудных соревнованиях (я) участвовал перед самым выездом сюда.

Будущее причастие в падежных формах с послелогоми выполняет также и обстоятельственные функции. Так, будучи в родительном и исходном падежах и сочетаясь с послелогоми *өмне, урдь* - перед, прежде, до, указывает на время совершения действия: *Намрин сарь эжелхин өмне эден өвсөн зөөчклө* (Х.ү.) - До наступления осени они вывезли сено. *Нүүхөсөн өмне тэден тал оджь харһса* (Б.А.) - Как бы мне встретиться с ними до их отъезда. *Кэмер эднөхөн нүүхэр бөөхлө, Батагь йовхась урдь цуһар тэре хүремде яһад больвчын одхмьн* (Э.К.) - Если они собираются откочевать, то перед отбытием Баты все мы непременно должны пойти на ту свадьбу. *Баатриге орьн-нутгась ирхөсө урдь альвтынь нүүлһөд авад йовжь оджь болна* (Х.т.) - До возвращения богатыря на родину его подданных, оказывается, заставили перекочевать.

Формы родительного падежа причастия будущего времени с послелогоми *өмне, урдь*

выражают не предварительность, как ошибочно отмечено В. Дамбиновой (Дамбинова, 1983, 84), а последовательность его действия по отношению к действию предикативного глагола, т.е. выступают в своём основном значении следования, но не ограниченного близостью или отдалённостью от совершения действия глагола.

Однако причастия будущего времени в формах родительного и именительного падежей, сочетаясь с послелогоми *алдъндь* - около, *кэмде* - вовремя, указывают на близкое ограниченное время до совершения действия предикативного глагола: *Дэн төгсхин алдъндь* (= *төгсхин кэмде*) *эцкень кундэр шавтжъ* (Н.М.) - Накануне окончания войны её отец был тяжело ранен.

Причастие будущего времени в родительном и именительном падежах с послелогоми *хооръндь* - между тем, как; *зуурь* - в промежутке, между, в, во время; *дээрэ* - в момент имеют значение одновременности, т.е. обозначают отрезок времени (фон), в течение которого протекает действие предикативного глагола: *Өрүн асхъндь орад хархъ хооръндь оньдин Батаһар сонимсже күүндцхэнэ* (Э.К.) - Когда забегаешь мимоходом к ним по утрам и вечерам, всегда с интересом говорят о Бате. *Нааран йовжъ йовхъ зууран би санлав* (ХОТ) - Я вспомнил об этом, когда шел сюда. *Сүүре сэххе зуурь нэге цөөкен үге кэлве* (ХОТ) - Во время открытия собрания он произнёс небольшую речь. *Орчльң сэлгэтө болхънь күлхе дээрэ күлелций, чирхе дээрэ чирелций* (Ж.) - Коли в мире всё сменяется, то, когда будут связывать, поможем связать, когда будут волочить, поможем волочить. С послелогом *дээрэ* - в момент данная форма может иметь и значение ближайшего отрезка времени: *Хаалһдъ йовхъ дээрэн, тэрген-мөрнөнэн зиһэн сээнэр хэлэве* (ХОТ) - Перед отправлением в путь он ещё раз тщательно проверил свою упряжь.

Сочетание имени с послелогом *дээрэ* преимущественно совпадает по значению с формой дательного-местного падежа: *һазър дээрэ* (= *һазъртъ*) *унхъ* - упасть на землю, *цаасън дээрэ* (= *цаасъндъ*) *бичхе* - писать на бумаге. Напротив, сочетание причастия будущего времени с послелогом *дээрэ* и форма дательного-местного падежа расходятся по значению (одновременность, либо ближайшее время для совершения действия глагола и отдалённое время для выполнения действия глагола в плане прошедшего времени: *йовхъ дээрэ* - в момент отправления; перед тем, как пойти и *йовхдъ* - когда был в пути; *одхъ дээрэн* - в момент отправления, перед отправлением и *одхдъ* - когда ходил имеет значение результата действия и определённого его достижения): *Насънь ирсен өвген улъм гэмьень икдэд, үкхдэн өөрдэд ирнэ* (Х.т.) - К старости дед ещё больше заболел, приблизился к смерти. *Намагъ тэднәһүр одхдъ гэрэн бөрөд дуусхдан өөрдже йовла* (О.У.) - Когда я побывал у них, они заканчивали строительство дома (= приблизились к завершению строительства). Причастие будущего времени в форме дательного-местного падежа также имеет и значение "причинной обусловленности действия": *Борисиге цэргәсе ирхде экень йир икәр байрльв* (О.У.) - Мать сильно обрадовалась тому, что Борис прибывает из армии (= прибытию Бориса).

К этому же ряду относится и сочетание причастия будущего времени с послелогом *дутьм, дутман* "чем больше,.. тем...", обозначающее одновременное усиление процесса протекания действия предикативного глагола на фоне усиления действия причастного оборота: *Салькын икәр үләхе дутьм мөртө күн салькиге хараһад йоввь* (ХОТ) - Чем сильнее становился ветер, тем больше всадник его проклинал. *Тэре кэлхе дутман улъм хурцдад ирве* (ХОТ) - Чем больше он говорил, тем сильнее распалялся (= речь его становилась острее). *Мөриге шавдхъ дутман тэрүнә көлень чанһъдад йовна* (Э.К.) - Чем больше подстёгиваешь лошадь, тем сильнее улучшается её бег.

В сочетании с послелогом *күртел* - до форма причастия будущего времени обозначает, что действие причастия является пределом, до начала которого должно совершиться действие глагола: *Манһдур өрүн нарън мандълхъ күртел мини нурһън дээрэ торъ* (Х.т.) - Продержись на моей спине до того, как завтра утром засияет солнце. Употребляясь в качестве отглагольного имени (т.е. в случае лексической субстантивации), подобное сочетание имеет прямое обозначение предела: *Уухъ-идхәсен авън өмсхе зүүхе күртел мана гэрте дүүрен*. - Наш дом полон пищи и одежды (= начиная с пищи до одежды).

Объектное употребление будущего причастия в родительном падеже с послелогом

төлө "для, ради", кэреге "для того, чтобы..." обозначает также цель действия: *Малыгь киитен үвләсе сәәнәр һарһхин төлө үкерче күче-көлсән хармнъл уга кәделве* (Д.Б.) - Скотник работал, не жалея сил, чтобы вывести скот из холодной зимовки хорошо упитанным. Причастный оборот выражает значение следования действия по отношению не к моменту речи, а к действию глагола в предикативном значении: *Баһчудыгь кәделмеште дасххин төлө орън-нутыгь профессиональн-техническ школмуд дэлгержәнө* (Х.Ү.) - В стране расширяется сеть профессионально-технических школ для обучения молодёжи труду. *Сәәнәр сурхь кэреге дэгтер икәр умшжъ, тэрүнәсе зөрмень бичже авхмън* (О.У.) - Для того, чтобы хорошо учиться, надо много читать и конспектировать.

Сочетание причастия будущего времени в родительном падеже с послелогом *тускъ* "о, про, в отношении" обозначает предмет речи: *Цуг әмтен колхоз бүрдәхин тускъ хурьгьт ирве* (М.Н.) - Все люди пришли на собрание о создании колхоза.

Причастие будущего времени с послелогом *орчдъ (=оръмдъ)* "вместо" в форме родительного падежа передаёт заменное значение действия причастия действием глагола: *Хәре һазьртъ оджъ, арһсън-түләнө күн болжъ, зарьгдхин орчдъ әгер харъ булгин көвөде ааһъ цусан асхълцнав* (Ж.) - Чем быть в чужой стране сборщиком аргала, я лучше пролью чашу крови на берегу чёрной реки. *Иигже үкхин оръмдъ шаазһа сән нәәждән күрәд үзий* (Х.Т.) - Чем так умирать, лучше попытаемся добраться до нашего хорошего друга-сороки. Причастные обороты, формируемые сочетанием причастия будущего времени в родительном падеже с послелогом *орчдъ (=оръмдъ)*, по содержанию аналогичны с оборотом заменного деепричастия на *-хар/-хәр* "чем..., лучше...", образованного на базе причастного субстантива будущего времени в орудном падеже.

Причастие будущего времени в дательном-местном падеже с частицей притяжания и без неё выступает в различных функциях и обозначает: 1) адресата действия, в пользу которого совершается действие: *Мәргенде гөрәсе шахъ, мэдхде үге кәле* (Посл.) - Меткому помогай в облавной охоте на диких зверей, говори тому, кто поймёт (= понимающему). *Ирхдөн үүдөн өргәр сәкәтә бәәхе болтха* (Э.К.) - Пусть для проходящих дверь их будет всегда открыта; 2) назначение и цель действия: *Эргү күн сурһьхдан дурьлна, ухата күн сурхдан дурьлна* (Посл.) - Недалёкий человек тяготеет к поучению, а умный тяготеет к учёбе; 3) обстоятельство времени, действие которого предшествует действию глагола в прошлом: *Медицинск институт чиләхдән Әлзәте дотър гәмин эмче болжъ кәделхе зөвтә билә* (Б.А.) - По окончании института Эльзата должна была работать терапевтом. *Колхоз тогтахдъ эне түрүн болжъ бичегдлә* (Н.М.) - В период образования колхоза он записался первым.

Функция обстоятельства времени выполняется и сочетанием причастия будущего времени с послелогом *цагть* "во время": *Бата Саратовдъ сурһуль сурчъ йовхъ цагть Занда школдъ багшъ кәделже бәәлә* (Н.М.) - Во время учебы Баты в Саратове Занда работала в школе учительницей.

Причастие будущего времени в винительном падеже обозначает процесс действия и выступает в функции прямого дополнения: *Саһъг дөрвен туруһарън дөчен йисен хонга һазьртъ гүүхән санвь* (Ж.) - Стал думать о том, что ему предстоит бежать (= о своём беге) четырьмя волосатыми копытами расстояние, равное сорока девяти дням пути. *Юңгад эне хаалһъ тосхжахиге тәден цәәлһдег билә* (О.У.) - Они разъясняли, почему ведётся строительство этой дороги. *Үкерче сәәнәр малан хәләжәхиге совхозин зоотехник мәднә* (Б.Ал.) - Зоотехник совхоза знает, что скотник хорошо ухаживает за скотом.

В орудном падеже субстантивная форма причастия будущего времени употребляется непременно с частицей притяжания и выступает в роли обстоятельства образа действия, а также средства совершения действия: *Окоп талан үкен гүүхәрен салдъс хурдължъ йовла, гәнткен тэрүнә өөре өшәтнә хайсън бомбъ хаһьрвь* (Н.М.) - Солдат быстрым бегом мчался к окопу, вдруг около него взорвалась брошенная врагами бомба. *Әмген үкхәрен әәлһдег, күүкен уульхарън әәлһдег* (Посл.) - Старуха пугает своей смертью, а девушка пугает своими слезами. С другой стороны, формы субстантивированного причастия будущего времени в орудном падеже без притяжания аналогичны отымённым глаголам: *Көвүн мөрнә гүүхәр довтължъ йовла* (Бадм. Б.) - Юноша галопировал, пользуясь бегом коня. В данном случае *мөрнә гүүхәр = мөрнә гүүдләр* "бегом коня".

Данная субстантивная форма орудного падежа причастия будущего времени является грамматической омонимией целевого и заменного деепричастий и отличается от них тем, что преимущественно принимает частицы притяжания, а формы целевого и заменного деепричастий - не принимают: *Өвген тэре салат бөөсен хуьдгась мөред усълхар одла, - гиже Болха кэлве* (Э.К.) - Болха сказала, что старик отправился поить лошадей из колодца, находящегося в балке. *Үге мэдешго күүнде үге кэлхэр, үкрин өвер дээре зарьм цаць* (Посл.) - Чем разговаривать с непонимающим человеком, лучше посыпать просо на рога коровы.

Таким образом, от субстантивных форм причастия будущего времени в орудном падеже отпочковались формы целевого и заменного деепричастий, представляющие собой в современном калмыцком языке грамматическую омонимию.

Причастие будущего времени в субстантивном употреблении очень редко выступает в функции подлежащего, оно принимает только лично-притяжательные частицы и обозначает чаще всего отвлечённое действие или процесс действия: *Уухь-идхень элвэг. - Питьё и еда у них в изобилии. Зурахан цагасьн өмне куцөхень мандь эрте мэдэгдлө* (О.У.) - Нам давно было известно, что работа будет выполнена ими досрочно (= их досрочное выполнение). *Өмнөсөнь нарьн-сарь болгсьн сөөхөн бэре дуульн аашхьнь үзегдвэ* (Х.т.) - Было видно, как навстречу с песнями шла молодая женщина, подобная луне и солнцу (= её шествие).

В субъектном употреблении причастия будущего времени наблюдается и то, что подлежащим оно является формально, фактически же является обстоятельством времени, аналогичным временному значению условного деепричастия (-хла/-хлө), образованного на базе причастного субстантива будущего времени в соединительном падеже: *Төрскен сэлэнүрен күрөд ирхень, кэсег баһь цагин үүрмүд, тодълвьрмуд күүнө санандь оржь, хуучиге сэргөнө* (Д.Б.) - Как только приезжает (= его приезд) в родное село, воспоминания пробуждают в памяти человека много друзей молодости, прошлое. *Ан шову харьвжь йовхьнь, күчтө кулгин тоосьн харьгдвь* (Ж.) - Когда охотился на птиц, вдали показалась пыль из-под копыт боевых коней.

В калмыцком языке будущее причастие в соединительном падеже, как и в других монгольских языках, в субстантивном значении не употребляется, это отмечалось исследователями монгольских языков (Попов, 1847, 165; Бобровников, 1849, 144; Котвич, 1915, 116). По замечанию М.Н.Орловской, данная форма явилась "родоначальником условного деепричастия с окончанием -хула (-хүле)" (Орловская, 1958, 105).

Вышеизложенный анализ причастий будущего времени показывает, что оно представляет собой одно из наиболее продуктивных причастных форм в современном калмыцком языке. Употребление в атрибутивной функции в значительной степени раскрывает сущность природы причастия будущего времени. В субстантивном употреблении преобладают падежные формы (с послелогоми, с частицами притяжания и без них) родительного, дательного-местного, винительного и исходного падежей. Формы орудного падежа в субстантивном употреблении выступают более ограниченно, это обусловлено тем, что часть из них стала базой для формирования целевого и заменного деепричастий, а формы причастий в соединительном падеже вообще не употребляются в субстантивном значении, так как они, как и названные формы орудного падежа, утратив всякие субстантивные свойства, перешли в разряд обстоятельственных деепричастных форм. Называя второстепенные действия, соотносительные с основным действием глагола, они выражают различные обстоятельства его совершения.

Потенциальное причастие

Впервые об этом причастии на -ма/-мэ и -м (после гласных), как употребляемом только при описании величины и расстояния предметов, упомянул А.Бобровников: *Суму харбум газара...* - на расстоянии выстрела стрелой (от нашего дома) (Бобровников, 1849, 250). Позднее Вл.Котвич причастную форму на -мр (-мл) включил в группу причастий страдательного состояния: *гурмр (гурмл) "плетённый", хатамр (хатамл) "засохший"* (Котвич, 1929, 286-299). По определению Г.Д. Санжеева, назвавшего эту форму причастием возможности,

она характеризует объект или предмет такого действия будущего времени, совершение которого признается очевидным, вероятным, неизбежным, возможным, допустимым или необходимым. В предложении это причастие употребляется преимущественно в атрибутивной и предикативной позициях, а также и прочих синтаксических функциях, если оно сопровождается, как правило, вспомогательным глаголом в одной из причастных или деепричастных форм. Суффикс данного причастия на *-мар*, по его мнению, представляет собою генетически отглагольное имя в орудном падеже (Санжеев, 1963, 134; 205).

В определении потенциального причастия явно прослеживается два ряда значений: очевидное и вероятное, неизбежное и возможное, необходимое и допустимое, которые предполагают совершение действия не только в будущем, но, представляется, и в плане расширенного настоящего времени, обусловленного такими значениями достоверности, как очевидное, неизбежное и необходимое.

Данное причастие достаточно сложно для анализа. Так, в "Грамматике калмыцкого языка" - 83 содержание главы "Причастие возможности" (Дамбинова, 1983, 247) представляется ошибочным, так как в их составе анализируются относительные прилагательные с суффиксом *-мр* (*-мар*) и предварительное деепричастие на *-м* цацу, но совсем отсутствует сам предмет анализа - причастие возможности.

В современном калмыцком языке потенциальное причастие (термин принят Б.Бадмаевым - 1964, 93) образуется от ограниченного количества глагольных основ при помощи суффикса *-м*, является малопродуктивным и обозначает действие-признак предмета, совершение которого оказывается возможным, вероятным и допустимым в будущем, либо действие-признак признаётся очевидным, неизбежным и необходимым и совершается в рамках расширенного настоящего времени. И в отличие от других монгольских языков оно встречается только в атрибутивной позиции (Бадмаев, 1964, 94): *күцэм кэрег* - дело, которое возможно выполнить и выполняемое дело; *сонсьм ө* - звук, который возможно услышать и слышимый звук; *кэлем үге* - слово, которое можно сказать и произносимое слово. *Дөрвен зүсен мал дөгөжө кэлхлө, һазрин көрсен эсе үзегдем ольн* (Х.т.) - Если сказать о четырёх видах скота, преувеличивая, то невидима кора земли (=невозможно увидеть). *Цааран хөлөхөнь цаадь дала заһсьн тоольгдъм сөөхөн...*(Ж.) - Если взглянет вдале, можно рыбу пересчитать в дальнем океане...

Значение возможности или очевидности действия-признака усиливается присоединением к данной форме подтвердительной частицы *-л*, например: *кэлмел күн* - человек, который, весьма возможно, скажет и ...весьма очевидно, способен говорить. При сочетании данной формы со словом *дүнгө* "приблизительно" значение возможности и очевидности, напротив, ослабляется: *кэлмел дүнгө күн* - человек, который, возможно, сумеет сказать и, очевидно, сумеет сказать.

Вызывает возражение утверждение Б.Бадмаева о том, что "в современном калмыцком языке это причастие выступает в функции определения, поэтому его лучше считать отглагольным прилагательным" (Бадмаев, 1964, 94), так как потенциальное причастие обладает основным свойством глагола управлять другими именами. С помощью суффикса *-м* (*-мьр/-мер*) образуются относительные прилагательные, мотивированные глагольной основой, и обозначают признак предмета по результату действия: *күртем* - достаточный от *курхе* - хватать, быть в достаточном количестве; *идем* - съедобный от *идхе* - есть, кушать; *гүрмер* - плетёный от *гүрхе* - плести; *хатхмьр* - вышитый от *хатххь* - вышивать; *өлгмер* - вязаный от *өлгхе* - вязать; *умшмьр* - читабельный от *умшхь* - читать. Они отличаются от причастия возможности тем, что обозначают только признак и не обладают способностью управлять падежами: *Алтн утцар кээрүлсен хатхмьр махла*. - Вышитая шапка, украшенная узорами из золотистой нити.

Причастие потенциальное в калмыцком языке, как и продолжительное причастие настоящего времени на *-а/-ө* и страдательное причастие на *-ата/-өтө*, не подвергается субстантивации.

Из существующих двух терминов: причастие возможности и потенциальное причастие - последний представляется предпочтительным, так как содержит в себе все перечисленные значения данной причастной формы.

Страдательные причастия

О страдательных причастиях на *-ата/-этэ*, отмеченных Вл.Котвичем, Г.Д.Санжеев писал, что они часто употребляются вместо страдательных глаголов в определительной и предикативной позициях, особенно в случаях субъектно-объектной необратимости, когда речь идёт о предметах (Санжеев, 1963, 57). На наш взгляд, было бы вернее отметить, что данное причастие само выражает значение страдательности и является одним из средств выражения значения субъектно-объектной необратимости.

В калмыцком языке суффикс страдательного причастия *-ата/-этэ* образуется присоединением окончания совместного падежа *-та/-тэ* к форме продолжительного причастия на *-а/-э*. Страдательные причастия на *-ата/-этэ* образуются от основ переходных глаголов действительного и побудительного залогов нейтрального вида и употребляются преимущественно в случаях, когда речь идёт о неодушевлённых предметах. Они обозначают действие-признак, которому подвергается или в котором пребывает определённый предмет. Предметы-объекты как не могут сами активно производить действие, так не могут и "переживать", в точном смысле этого слова, действие (Конрад, 1937, 200). Поэтому они чаще всего не вступают в отношения субъектно-объектной обратимости, т.е. в залоговое противопоставление актива и пассива: *татата тэрген* - запряжённая телега от *татхь* - запрячь, *хатхата жидмуд* - воткнутые копыя от *хатххь* - воткнуть, *дэлгэтэ харь ишкэ* - постеленная чёрная кошма. *Хажудьнь хуралхата өтег арһснь салькьн ордыг нүктөһөр хоршульгад, өдел-өдел багар тэвкерлөтэ* (Э.К.) - Нарезанный кизяк сложен рядом одинаковыми кучками с отверстиями для проветривания.

Страдательное причастие употребляется преимущественно в определительной позиции и указывает, что действие-признак определяемого предмета уже совершено в прошедшем времени.

Использованная литература

1. Алексеев Д.А. Части речи в бурят-монгольском языке // Записки БГИЯЛИ. т.V-VI, Улан-Удэ, 1941.
2. Бадмаев Б.Б. Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста, 1966.
3. Бертагаев Т.А. О морфологическом строе бурятского языка. М., 1961.
4. Бертагаев Т.А. О комплексной характеристике частей речи // Вопросы теории частей речи. Л., 1968, с. 240-244.
5. Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительно-историческом освещении. Простое предложение. М., 1964.
6. Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
7. ГКЯ - Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983.
8. ГБЯ - Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962.
9. Дарбеева А.А. О субстантивном употреблении имен прилагательных в бурятском языке // Филология и история монгольских народов. М., 1958, с. 152-165.
10. Дамбинова В.Д. Причастия будущего времени в монгольских языках. Автореф... канд. филол. наук. Элиста, 1983.
11. Каляев А.Л. Имя прилагательное в современном калмыцком языке. Автореф... канд. филол. наук. М.- Элиста, 1970.
12. Касьяненко З.К. Современный монгольский язык. Л., 1968
13. Ковалевский О. Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань, 1835.
14. Конрад Н.И. Синтаксис японского национального литературного языка М., 1937.
15. Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Петроград, 1915; Ржевице у Праги, 1929.
16. Кичиков А.Ш. Дербетский говор (Фонетико-морфологическое исследование) Элиста, 1963.
17. Маслов Ю.С. Омонимы в словах и омонимия в языке // Вопросы теории и истории языка. М., 1963.
18. Орловская М.Н. Основные именные части речи в монгольском языке (имена су-

ществительные и прилагательные). Автореф... канд. филол. наук, М., 1953.

19. Орловская М.Н. Употребление причастий в «Сокровенном сказании» монголов // Филология и история монгольских народов. М., 1958, с. 101-126.
20. Очиров У.У. Причастный оборот // Вопросы калмыцкой филологии. Элиста, 1984, с. 63-90.
21. Очра У. Өдгэ цагин хальмг келн. Синтаксис. Элст, 1990.
22. Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1938.
23. Poppe N. Introduction to mongolian comparative studies – MSFOng, 1955, s. 251-291. T. 110.
24. Попов А. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847.
25. Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения. Элиста, 1977.
26. Ramstedt G.J. Uber die Konjugation des Khalkha-mongolischen. – MSFOng, t. XIX. Helsingfors, 1903.
27. Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. Перевод с немецкого. М., 1957.
28. Руднев А. Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб., 1911.
29. Руднев А. Хори-бурятский говор (Опыт исследования, тексты, перевод и примечания). Т.І. XXX. VIII, вып.І, СПб., 1913-1914.
30. РГ - Русская грамматика. Т.1. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразования, морфология. М., 1980.
31. Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1941.
32. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.
33. Smedt A. et Mostaert A. Le dialecte monguor, II partie, Grammaire, Peking, 1945.
34. Сусеева Д.А. К вопросу о причастиях в калмыцком языке // Научные труды преподавателей Калмыцкого государственного пединститута. Ставрополь, 1969.
35. Сусеева Д.А. Закономерности развития калмыцкого языка в советскую эпоху. Элиста, 1978.
36. Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951
37. Тодаева Б.Х. Значения и функции падежей в калмыцком языке // Записки КНИ-ИЯЛИ. Вып.1. Элиста, 1960.
38. Тодаева Б.Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1967.
39. Тодаева Б.Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста, 1976.
- Харчевникова Р.П. Система глагола ....
40. Цэдэндамба Ц. Грамматическая характеристика и структурно-семантические особенности причастий в монгольском языке (в сопоставлении с причастиями русского языка). Автореф... канд. филол. наук. М., 1970.
41. Цэдэндамба Ц. Субстантивация причастий и их синтаксические функции // Эр-дэм шинжилгээнэй бичиг. Улан-Батор, 1972, №41, с. 55-75.
42. Цэдэндамба Ц. Очерки по сопоставительной грамматике русского и монгольского языков. Улан-Батор, 1974.
43. Цыдыпов Ц.-Ж. Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972.
44. Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в сравнительно-историческом освещении. М., 1979.
45. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. Словообразование. Морфология. М., 1981.
46. Шархуу А. Деепричастия и деепричастные конструкции в современном монгольском языке в сопоставлении с аналогичными фактами русского языка. Автореф... канд. филол. наук. М., 1971.
47. Шмидт Я. Грамматика монгольского языка. С-Пб., 1832.

Омакаева Э.У.

О НОВЫХ ПОДХОДАХ И МЕТОДАХ ГРАММАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА*

В настоящей статье рассматриваются основные понятия, формирующие целостное представление синтаксического компонента калмыцкого языка как важнейшего фрагмента языковой системы в целом и грамматического строя в частности. По мнению Л.В. Щербы, «грамматика в сущности сводится к описанию существующих в языке категорий» (Щерба 1957, 12). Отправной точкой описания должен служить системный подход к изучению языковых явлений. Как известно, условием реализации речевой деятельности, понимаемой как «система речевых действий и операций, выполняемых в процессах порождения и восприятия текста» (Касевич 1988, 10), является наличие языковой системы. Любая система представляет собой определенным образом структурированную совокупность элементов (компонентов), объединенных общей функцией.

Нас интересуют прежде всего такие традиционные компоненты языковой системы, как морфологический и синтаксический. Традиционно основными разделами описания грамматического строя калмыцкого языка были грамматическое учение о слове (морфология) и грамматическое учение о предложении (синтаксис). Каждый компонент (подсистема) описывался автономно, без учета взаимосвязей между морфологией и синтаксисом. Между тем, функционирование грамматических категорий (например, глагольной категории времени и наклонения) в высказывании свидетельствует о наличии в системе речевой деятельности связей не только между морфологией и синтаксисом, но и морфологией и семантикой. Категория времени, будучи семантической, формально находит выражение в словоформе, изучением которой занимается морфология. Что касается наклонения, то оно обычно трактуется как способ выражения модальности – категории весьма неопределенной и расплывчатой, не получившей характеристики в грамматиках калмыцкого языка. Между тем модальность высказывания была исследована монгольским ученым Монх-Амгаланом и бурятским лингвистом на материале соответствующих языков. Сложность трактовки данной категории в калмыцком языке определяется тем, что, во-первых, форманты индикатива и времени являются однопорядковыми, во-вторых, императив связан не с выражением модальности, как индикатив, а с передачей коммуникативной установки, а это две разные семантические категории. Такие факты послужили основанием для выведения императива вообще за рамки категории наклонения и для объединения последней с категорией времени (Володин, Храковский 1977).

Трудность теоретического осмысления ряда явлений, составляющих грамматическую категорию, состоит в том, что каждое явление должно быть понято в его закономерных взаимосвязях с другими явлениями. Как пишет В.Б. Касевич, «выясняя значение грамматических форм, мы должны исходить из того, что хочет сообщить говорящий употреблением данной формы, т.е. как он интерпретирует некоторый факт действительности» (Касевич 1977, 72).

Таким образом, грамматические особенности калмыцкого языка, зафиксированные в нормативных грамматиках, требуют уточнения и переосмысления в свете новейших достижений современной лингвистической науки.

Ядро морфологического компонента калмыцкого языка представлено в последней грамматике (Грамматика калмыцкого языка 1983) классифицирующими (лексико-

грамматическими) категориями частей речи (в другой терминологии - классов слов). Внутри каждой части речи выделяются формообразующие категории. Например, для имен существительных называются только категории падежа и числа. Не совсем понятно, имеет ли место в калмыцком языке категория притяжания. Среди важнейших глагольных грамматических категорий отмечаются категории наклонения и времени, вида, залога, переходности/непереходности. Кроме вышеуказанных проблем в отношении выделения категорий глагола, необходимо обратить внимание и на сложность семантического устройства таких категорий, как вид, каузатив и др. Видимо, следует ввести в грамматическое описание и категорию таксиса. При подготовке новой грамматики представляется важным учесть результаты недавних исследований ученых в области изучения именных (Трофимова 2001 и др.), глагольных (Кузьменков 1984, Дугарова 1991, Харчевникова 1995 и др.) категорий.

Глагол является, наряду с существительным, одной из двух основных частей речи (классов слов) в монгольских языках. Любая часть речи должна описываться не только с точки зрения формы, но и содержания, и функции. Специфика глагола заключается в том, что он обозначает действие, свойство, состояние или отношение как процесс, происходящий во времени и соотносящийся с субъектом. В этом отличие глагола от существительного, которое тоже может обозначать действие, но в отвлеченной от времени форме. Основная синтаксическая функция глагола — сказуемое, выраженное личной формой глагола.

Глагол представляется нам самой сложной в грамматическом отношении частью речи. Выявить систему глагола — значит определить границы глагольной системы (круг форм) и ее внутреннюю организацию (семантические оппозиции). Теоретическое осмысление данных вопросов — необходимое условие характеристики производных конструкций монгольских языков. Затруднения вызывает определение статуса некоторых глагольных образований. Так, для монгольских языков характерно употребление рядом двух глагольных форм — причастная или деепричастная + личная глагольная форма. Возникает закономерный вопрос: это аналитическая форма глагола или синтаксическая конструкция?

В лингвистической литературе неоднократно указывалось на важность разграничения морфологических и синтаксических категорий, а также использования грамматической категории как основания для сопоставления в типологическом плане родственных и неродственных языков. Как пишет Л.С. Ермолаева, «такой подход приносит наиболее ощутимые результаты, так как подсказывается самой онтологией описываемого объекта» (Ермолаева 1987, 19). При этом следует иметь в виду, что даже в близкородственных языках состав морфологических и синтаксических категорий может не совпадать. Даже при наличии в сопоставляемых языках сходных категорий они различаются удельным весом грамматических средств выражения. Кроме того, отдельные категории могут вообще отсутствовать в одном из сопоставляемых языков. Так, например, в монгольском языке нет глагольной категории лица-числа, а в калмыцком она имеется. В монгольских языках по сравнению с русским нет грамматической категории рода, но есть категория каузатива, которая отсутствует в русском языке.

Одним из недостатков существующих грамматических описаний калмыцкого языка является нерепрезентативность иллюстративного языкового материала, т.е. ограниченное, недостаточное количество примеров, что не позволяет сформировать представление о системном характере той или иной грамматической категории и освещает ее несколько односторонне без учета системных межуровневых и внутриуровневых связей. Слова обычно рассматриваются как словоформы и как лексемы, поэтому при выявлении категорий слова необходимо как учитывать как минимум оба аспекта — лексикологический (лексикографический) и морфологический.

Исходя из коммуникативно-знаковой природы языка, рассмотрим синтаксический компонент калмыцкого языка в качестве основы системности языка в целом. Представляется целесообразным выделять валентностные категории, которые относятся к так называемым скрытым категориям. Выделение классов слов (глаголов) по их

валентности позволяет выделить модели глагольного управления и в конечном итоге модели элементарных синтаксических конструкций, составляющих основу синтаксиса любого языка.

Валентность обычно определяется как способность слова сочетаться с другими словами. Термин был введен, как известно, Теньером в отношении глагола. Впоследствии стали изучаться сочетательные возможности и других частей речи. В отечественной лингвистике валентностная проблематика разрабатывалась прежде всего в рамках лексической семантики (Ю.Д. Апресян, И.А. Мельчук и др.). И это не случайно. Описание значения слова (глагола) невозможно без указания на его валентности.

Под лексикографическим толкованием глагольной лексемы понимается перечисление всех участников ситуации, обозначаемой лексемой, - участников, на которых эта ситуация с необходимостью распространяется. Будем считать, что лексема имеет валентность на X, если в ее толковании упоминается имя X – обязательного участника ситуации. Такого рода валентность является обязательной. Помимо этого существуют и факультативные (необязательные) валентности. Если обязательные валентности отражают участников ситуации, которые должны в ней участвовать, чтобы данная ситуация имела место, то факультативные отвечают тем участникам ситуации, которые могут в ней участвовать.

От семантических, или содержательных валентностей отличаются синтаксические, или формальные валентности, которые так же бывают структурно обязательными и необязательными (факультативными). Обязательные синтаксические валентности должны быть замещены, чтобы соответствующая конструкция могла использоваться как неэллиптическая – без опоры на контекст. Незамещенные факультативные валентности не делают конструкцию эллиптической. В наименьшей степени различаются синтаксические и семантические валентности на материале элементарных синтаксических конструкций (ЭСК). Элементарными являются такие предикативные конструкции, которые являются контекстно свободными, минимальными по составу, неэллиптическими и не могут быть представлены в качестве трансформации какой-либо другой конструкции /Касевич 1988/. Сказанное означает, в частности, что в ЭСК замещены лишь обязательные валентности.

Сравнительный анализ моделей глагольного управления в калмыцком и русском языках требует определения некоего исходного списка русских и калмыцких глаголов, систематизированного в виде пар семантически эквивалентных лексем (русский глагол – калмыцкий глагол), установления модели управления для каждого глагола.

В качестве основания для составления списков глаголов может быть избран признак частотности. Полученные списки должны быть сопоставлены таким образом, что каждому глаголу одного списка подбирался эквивалент из другого. Конечно, далеко не все глаголы смогут образовать такие пары, поскольку списки наиболее частотных глаголов русского и калмыцкого языков не совпадают, а лишь пересекаются. Для глаголов, оставшихся за пределами области пересечения, эквиваленты могут быть подобраны из переводных словарей.

При составлении общего списка калмыцких и русских глагольных лексем необходимо стремиться к взаимно однозначному соответствию между его русской и калмыцкой частями. Вполне естественно, при выполнении этой задачи встретились определенные трудности. Причины их носят разный характер. Первая касается проблемы категории глагольного вида, семантическое устройство которой довольно сложно.

Еще более сложную систему образуют глаголы движения. Помимо них выделяется целый ряд меньших (включающих по два-три члена) групп глаголов, имеющих неоднозначные корреляты. Эти и другие трудности, возникающие в процессе поиска семантических эквивалентов для отдельных глаголов, требуют специального обсуждения.

Для полученных в конечном счете коррелирующих пар русских и калмыцких глаголов необходимо построить модели управления. Семантические поля членов пары в большинстве случаев могут не совпадать полностью, а лишь пересекаться, но поскольку эти глаголы интересуют нас лишь как эквиваленты друг друга, мы должны учитывать

только модели управления, соответствующие именно (и только) пересекающимся значениям членов коррелирующей пары.

За основной вариант, на основе которого строится модель ЭСК, принимается фраза с фиксированной (конечной) позицией сказуемого: актант/актанты – сказуемое (глагол). Для ЭСК и строятся в первую очередь модели управления. Далее учитываются трансформы этих конструкций, и трансформационные потенции глаголов служат одним из параметров классификации глагольных лексем.

Мы учитываем трансформы лишь двух видов: развертывания (или распространения) и свертывания. К трансформации распространения в первую очередь относится введение сирконстантов и разного рода определений. В какой-то мере к ней можно отнести и введение отрицаний, модальных и фазовых глаголов и некоторых других слов. Но это – особый тип трансформации; в частности, модальные и фазовые глаголы перестраивают конструкцию, вытесняя ядерный глагол исходной фразы и становясь синтаксической вершиной образуемого ими высказывания. Очевидно, такое изменение фразы все же ближе к трансформации вставления, когда мы имеем дело с правилами введения одной ЭСК в другую. С другой стороны, распространение за счет определений или замена одиночного именного актанта группой слов, эквивалентной ему по своим синтаксическим функциям, действует, как правило, внутри конкретного синтаксического узла вне зависимости от его роли в предложении /Касевич 1988, 119/. Поэтому под трансформацией распространения мы будем подразумевать лишь введение сирконстантов, которые непосредственно связаны с ядерным глаголом и отражают его факультативные валентности.

Другой вид неэлементарных синтаксических конструкций, учитываемых в нашем исследовании, это фразы, получаемые из ЭСК в результате трансформации свертывания. Этот вид трансформации в типичном случае связан с правилами эллипсиса. Однако в отличие от эллиптирующих трансформаций, делающих исходное предложение неполным, учитываемые нами трансформации свертывания, в результате которых исходная фраза опускает тот или иной актант, не приводят к эллиптической ущербности высказывания. Ряд глаголов в каждом из рассматриваемых языков может употребляться без второго (и/или третьего) актанта, давая при этом законченные, контекстно свободные фразы. Другие глаголы допускают опущение актанта лишь при условии его частичного замещения разного рода сирконстантами. В этом случае свертывание сопровождается развертыванием.

Таким образом, модели управления глаголов калмыцкого и русского языков строятся в первую очередь для ЭСК, затем для конструкций, полученных из ЭСК в результате применения к ним трансформаций развертывания и свертывания в том смысле и объеме, который был очерчен выше. Каждая модель управления отражает определенный класс однотипных предложений языка и представляет собой с формальной точки зрения набор символов, соответствующих различным классам, подклассам слов или же конкретным словам, связанным друг с другом отношениями подчинения. Дается подробное описание моделей управления для всех русских и английских глаголов, входящих в сформированные списки.

К проведению сопоставительного анализа моделей глагольного управления естественно подходить как к сравнению классификаций этих моделей. Поскольку каждая такая модель лежит в основе предикативной синтаксической конструкции, указанная задача оборачивается сопоставлением систем предикативных конструкций.

Возможны разные пути подобного сопоставления. Наиболее удобным представляется такой, когда сначала отдельно и независимо классифицируются конструкции каждого из языков, а затем полученные классификации сопоставляются. При наложении классификаций и выявляются как зоны общего, так и зоны расхождений, которые представляют равным образом теоретический и практический интерес.

Основные параметры, по которым проводится классификация, таковы: 1) число валентностей глагола или, иначе, актантов образуемой им конструкции; 2) реальное наполнение той или иной валентности конкретного глагола – выбор падежной или послеложно-падежной формы именной лексемы, занимающей позицию актанта, и 3) трансформационные потенции ЭСК, соответствующей глагольной лексеме.

Первые два параметра, положенные в основу анализа глаголов, учитываются при рассмотрении только ЭСК.

По числу актантов все глаголы делятся на три класса: одновалентные, двухвалентные и трехвалентные. Признак формального выражения актантов дает возможность разбить каждый из этих классов на группы. В первую очередь этот признак актуален для двух- и трехвалентных глаголов, демонстрирующих наибольшее разнообразие в оформлении второго и третьего актантов (сказанное отнюдь не означает, что форма первого актанта всегда одна и та же). Этот признак значительно более существенен для русских глаголов, так как русский язык отличается богатством падежных форм. Кроме собственно именных актантов учитываются и возможности конкретных глаголов управлять предикативными актантами, в том числе зависимыми конструкциями, придаточными предложениями разного рода и “прямой речью”.

Последний этап систематизации глаголов – учет трансформационных потенций образуемых ими конструкций как классификационного дифференциального признака. Способность ЭСК, отвечающих тем или иным глаголам, подвергаться различным трансформациям используется в пределах уже выделенных групп и подгрупп глаголов, открывая возможность их дальнейшего разбиения на еще более мелкие и более однородные по своим синтаксическим характеристикам множества.

Представленная в работе классификация отражает результат наложения полученных нами систем глаголов русского и калмыцкого языков. Каждая выделенная группа (подгруппа) – это определенный класс глаголов, отвечающих ЭСК конкретного типа. Модели управления русских глаголов и модели управления калмыцких глаголов определенным образом приравниваются друг другу, т.е. сводятся в соотносимые пары. Тем самым удается установить принадлежность к единой группе (подгруппе) в равной степени русских и калмыцких глаголов. Иными словами, если русскому глаголу и его калмыцкому корреляту отвечают ЭСК с моделями управления, признанными аналогичными, оба глагола включаются в одну и ту же группу (подгруппу), но если модели ЭСК таких глаголов расходятся по существенным признакам, то русский глагол и его калмыцкий коррелят попадают в разные группы (подгруппы).

Ниже производится список основных ЭСК калмыцкого языка (в скобках указаны наиболее типичные глаголы, образующие данную конструкцию).

1. $Ac_1 (Abs) + V I / ирхе_1$ “приходить”, $ирхе_2$ “приходить, появляться”, $нархъ_2$ “выходить, появляться”, $орхъ_2$ “идти, падать (об атмосферных осадках)”, $унтхъ$ “спать”, $бусълхъ$ “кипеть”/.
2. $Ac_1 + V I / бөөхе$ “иметь место”, $болхъ$ “наступать”, $эжелхе$ “начинаться”, $чилхе$, $дуусхъ$ “кончаться”/.
3. $Ac_1 (Abs + Com) + V I / харһхъ$ “встречаться”, $золһхъ$ “приветствовать”, $мэнделхе$ “здороваться”, $ханилхъ$ “дружить”, $ниилхе$ “объединяться”/.
4. $Ac_2 (Abs) + Ac_1 + V II$ / глаголы-связки $бөөхе$ “быть, есть”, $болхъ$ “становиться”/.
5. $Ac_2 (Abs) + Ac_1^{com} + V II$ / глаголы-связки $бөөхе$ “быть, есть”, $болхъ$ “становиться”/.
6. $Ac_1 (Exp) + Ac_2^{dat} (Ex) + V II / иткхе$ “верить”, $һүндхъ$ “обижаться”, $байрълхъ$ “радоваться”, $нөөлхе$ “надеяться”/.
7. $Ac_1 (Abs) + Ac_2^{dat/dir} (Term) + V II / орхъ_2$ “входить”, $шингехе$ “проникать”/.
8. $Ac_1 (Abs) + Ac_2^{dat} (Term) + V II / күрхе_2$ “достигать”, $тусхъ$ “попадать, падать”/.
9. $Ac_1 (Abs) + Ac_2^{dat/дээр} (Term) + V II / одхъ$ “отправляться”/.
10. $Ac_1 (Abs) + Ac_2^{dat/дээр} (Loc) + V II / бөөхе$ “находиться, располагаться”, $бөөршелхе$ “располагаться”, $багтхъ$ “помещаться”/.
11. $Ac_2^{dat} (Loc) + Ac_1 (Abs) + V II / бөөхе$ “иметься, быть в наличии”/.
12. $Ac_1 (Abs) + Ac_2^{dat} (Com) + V II / таархъ$ “подходить”, $зокхъ$ “соответствовать”/.
13. $Ac_1 (Abs) + Ac_2^{dat} (Goal) + V II / бэлдхе$ “готовиться”, $сурхъ$ “научиться”, $дасхъ$ “привыкать”, $заншхъ$ “привыкать”/.
14. $Ac_1 (Abs) + Ac_2^{dat} (Ben) + V II / түслъхъ$ “помогать”/.
15. $Ac_1 (Abs) + Ac_2^{acc} (Res) + V II / бичхе$ “писать”, $зүрхъ$ “рисовать”, $уйхъ$ “шить”/.

16. $Ac_1(Ag) + Ac_2^{acc}(Pt) + V II$ /алхь “убивать”, сэкхе “открывать”, арчхь “вытирать”, умшхь “читать”, идхе “есть”, уухь “пить”, хаахь “закрывать”/.
17. $Ac_1(Exp) + Ac_2^{acc}(Ex) + V II$ /үзхе “видеть”, ажгълхь “наблюдать”/.
18. $Ac_1(Exp) + Ac_2^{acc/тухай}(Ex) + V II$ /ухалхь “думать”, санхь “думать, вспоминать”, мэлдхе “знать”/.
19. $Ac_1(Abs) + Ac_2^{acc/dir/тал}(Term) + V II$ /хөлөхе “смотреть”, ширтхе “вглядываться”/.
20. $Ac_1(Rec) + Ac_2^{acc}(Abs) + VII$ /авхь “получать”, олхь “находить”/.
21. $Ac_1(Abs) + Ac_2^{acc}(Ben) + V II$ /харсхь “защищать”, авърхь “спасать”, дөңнехе, дэмжхе “поддерживать”/.
22. $Ac_1(Abs) + Ac_2^{abc}(Abs) + V II$ /нархь₂ “выходить”, салхь “отделяться”, мөлтерхе “избежать, выскользнуть”, сүлдхь “избавляться, освобождаться”, тасърхь “отбиться”/.
23. $Ac_1(Exp) + Ac_2^{abi}(Ex) + V II$ /ичхе “стыдиться”, өөхе₂ “бояться”, эмөхе “стесняться”/.
24. $Ac_1(Abs) + Ac_2^{com}(Com) + V II$ /харһьхь “встречаться”, учърхь “встречаться”, ханыцхь “дружить”, ниилхе “объединяться”/.
25. $Ac_1(Ag) + Ac_2^{instr}(Pt) + V II$ /оралдхь “возиться”/.
26. $Ac_1(Ag) + Attr^{gen} + Ac_2^{instr}(Pt) + V II$ /тэверхе “обнимать”/.
27. $Ac_1(Ag) + Attr^{gen} + Ac_2^{dir}(Pt) + V II$ /цокхь “бить”, дэвсхе “ударять”/.
28. $Ac_1(Don) + Ac_3^{dat}(Rec) + Ac_2^{acc/тухай}(Abs) + VIII$ /кэлхе “говорить”/.
29. $Ac_1(Don) + Ac_3^{dat}(Rec) + Ac_2^{acc/aa}(Abs) + VIII$ /өгхе “давать”, бэлгелхе “подарить”/.
30. $Ac_1(Ag) + Ac_3^{dat/dir}(Term) + Ac_2^{acc/aa}(Pt) + VIII$ /төвхе “ставить”, кэхе “класть?”, наливать”, дүрхе “погружать, опускать”, чикхе “набивать, пихать”, өлгхе “повесить”/.
31. $Ac_1(Ag) + Ac_3^{instr}(Ins) + Ac_2^{aa/acc}(Pt) + VIII$ /боохь “завязывать, обвязывать”, орахь “обвертывать”/.
32. $Ac_1(Ag) + Ac_3^{dat}(Ins) + Ac_2(Pt) + VIII$ /боохь “завертывать”, орахь “завертывать”/.
33. $Ac_1(Ag) + Ac_3^{acc}(Pt) + Ac_2^{instr}(Nom) + VIII$ /сунһьхь “выбирать”, шиидхе “назначать”/.
34. $Ac_1(Ag) + Ac_3^{acc}(Pt) + Ac_2^{гэж}(Nom) + VIII$ /нэрэдхе “называть”, дуудхь “называть”, үзхе₂ “считать кого, что-либо кем, чем-либо”, санхь₂ “считать кого, что-либо кем, чем-либо”/.

В производных конструкциях фиксированное соотношение синтаксических и семантических единиц исчезает, хотя I актанта сохраняет свою формальную маркировку (за исключением ЗК, где при определенных условиях I актанта может получить другие формально-грамматические признаки).

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие Евразии» (проект «Лингвистический ландшафт Евразии: Грамматический строй калмыцкого языка в сравнительно-историческом и сопоставительно-типологическом освещении»).

Использованная литература

1. Володин А.П., Храковский В.С. Об основаниях выделения грамматических категорий (время и наклонение) // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.
2. Дугарова Г.С. Глагольный вид в современном монгольском языке. Новосибирск, 1991.
3. Ермолаева Л.С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М., 1987.
4. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
5. Кузьменков Е.А. Глагол в монгольском языке. Л., 1984.

6. Трофимова С.М. Именные части речи в монгольских языках. Улан-Удэ, 2001.
7. Харчевникова Р.П. Система глагольных наклонений в современном калмыцком языке. Элиста, 1995.
8. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Харчевникова Р.П.
Убушаев Н.Н.

МЕСТОИМЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая работа посвящена исследованию системы калмыцких местоимений и функционирования их единиц с позиций нового подхода к изучению данной части речи, выработанного в современном общем языкознании и в монголоведении в последние десятилетия (Маслов, 1975, 217-219; Надеяев, 1988, 3-76; Рассадин, 1991, 89-99; Ауюш, 1995 и др.). Объектом исследования системы местоимений как факта языка и речевого употребления является научный и практический материал, накопленный в рамках создания академической «Граматики современного калмыцкого языка».

Местоимения представлены в системе языка сравнительно немногочисленным замкнутым списком, но очень употребительны в речи. Проблема изучения и описания местоимений является достаточно сложной. Исключительно важная роль местоимений в языке заключается в их способности замещать не только слова других частей речи, но и словосочетания, целые предложения и даже микротексты из нескольких предложений во избежание повторений и делать речь краткой, лаконичной. Например: *Түрүн олън тэнгерте төрнө, тэрүндө урьлдъ шамъс шатна* (К.Д.) – Первая звезда на небе загорается, с нею состязаясь, горят лампочки. *Цаг түдөл уга мини цэцен бэриге авхулгън, тэрген цугинь мэднө* - Не теряя времени, пригласите мою мудрую сноху, она все знает. ...*төвед кэлэр бичсен ном, түүге давтад умшад бээхлө, киленцөсе хөөһдемен* (Э.К.) - ...молитва написана на тибетском языке, если ее, повторяя, читать, избавляет от греха.

Местоимения современного калмыцкого языка в описательном аспекте исследованы в соответствующих разделах грамматик советского периода, они нашли отражение в рамках освещения системы частей речи (Санжеев, 1940, 57-59; Бадмаев, 1966, 69-76; Убушаев, 1983, 161-175). Однако до сих пор нет единого мнения относительно типологии калмыцких местоимений, отражающей их специфические особенности и логику системы в целом, о критериях классификации их по разрядам. Противоречия существуют в количестве выделенных разрядов (Г.Д.Санжеев - 6, Б.Б.Бадмаев - 8, Н.Н.Убушаев - 7), их номенклатуре и составе единиц в них. Они прослеживаются на отдельных примерах, соответственно, в названных грамматиках:

1) местоимение *зэрм* – некоторый исследователями отнесено к разным разрядам: указательным, неопределенным и определительным местоимениям;

2) в разряд возвратных включен разный состав местоимений: (только *эврэн* – сам), (*эврэн, бийнь* – сам, *бийэн* – себя), (*эврэн, бийнь и бийснь* – сам и сами, *эврө* - свой);

3) разряд притяжательных местоимений (*мини* – мой, *чини* – твой, *тана* – Ваш, *энүнө и үүнө, терүнө и түүнө* - его, *мана* и *мадна* – наш, *тадна* – ваш, *эднө и теднө* - их, *эврө* - свой) выделен только в одной «Грамматике» (Бадмаев, 1966, 69, 73-74);

4) разряды определительных, неопределенных и отрицательных местоимений с разным составом единиц были выделены Б.Б.Бадмаевым и Н.Н.Убушаевым. Все они отсутствуют в классификации Г.Д.Санжеева.

5) два лексико-грамматических разряда: служебные, или наречные (*энд* - здесь, *тенд* - там, *цуг* - все) и глагольные (*иих* – эдак сделать, *тиих* - так сделать и *ягъх* - как быть) - впервые были выделены Г.Д.Санжеевым в составе местоимений калмыцкого языка (Санжеев, 1940, 57). Эти два специфических разряда впоследствии Н.Н.Убушаевым были включены в состав лексико-грамматических разрядов указательных и вопросительных место-

имений как группы пространственно- и глагольно-указательных и вопросительных местоимений, наряду с выделенными в них группами предметно-, качественно- и количественно-указательных и вопросительных местоимений. В разряде вопросительных местоимений дополнительно были вычленены вопросительно-временные и причинно-вопросительные группы местоимений (Убушаев, 1983, 163, 171-172).

Таким образом, во всех анализируемых «Грамматиках» выделены личные, указательные, вопросительные и возвратные местоимения, при этом последние три - с разным составом.

Вопрос о дифференциации местоимений *эврэн* – сам и *эврэ* – свой, *бийень* – сам и *бийэн* – себя, традиционно называемых возвратными (Бадмаев, 1966, 74-75; Убушаев, 1983, 170-171), рассматривался в рамках исследования других лингвистических проблем (Чариков, 1975, 117-118; Пюрбеев, 1993, 68-73). Специально с целью уточнения и упорядочения существующего членения местоимений по лексико-грамматическим разрядам в монгольских языках был проведен системный анализ состава возвратных, притяжательных и определительных местоимений как речевого факта языка, а также становления категории притяжания и способов ее выражения в современном калмыцком языке (Харчевникова, 2004, 305-309). Каждая приведенная пара местоимений восходит, соответственно, к некогда общим основам *öber* – сам, свой и *beje* – тело, организм, здоровье. На современном этапе развития языка по своим семантико-функциональным признакам они распределяются по разным разрядам. Местоимения *эврэн* и *бийень* относятся к определительным, *эврэ* – к притяжательным, а *бийэн* является собственно возвратным местоимением.

Б.Б.Бадмаев в своей «Грамматике» рассматривал местоимения как указательные слова, соотносительные только с именными частями речи. Г.Д.Санжеевым и Н.Н.Убушаевым был сделан значительный шаг вперед в выявлении специфических единиц в составе местоимений калмыцкого языка. Однако и они, отдавая дань традиционным взглядам на природу местоимений, включали их в систему именных частей речи.

Истинная природа калмыцких местоимений, как и местоимений в других монгольских языках, в том, что они выполняют не только заместительную, но и указательную функцию. При этом они замещают не только именные части речи, но и наречия, а также глаголы и соотносятся с ними в плане содержания, грамматических и словообразовательных признаков. В.М.Наделяев объективно обозначает местоимения в современном монгольском языке термином местословие (позднее – общесловие), называя их «особой частью речи, являющейся указательным обобщением всей системы конкретных частей речи» (цитировано по В.И.Рассадину, 1991, 94). Он, выделив большой объем слов-указаний, оставляет местоимения в системе частей речи. По их соотносительности со словами других частей речи, по обобщенным категориально-грамматическим типам он подразделяет местословия в монгольском языке на местословия-существительные (включающие личные и возвратные местоимения), местословия-прилагательные (указательные, определительные и притяжательные местоимения), а также местословия (-числительные, -наречия и -глаголы) (Наделяев, 1988, 104-105).

Разряд указательных местоимений по данной классификации в полном составе отнесен к местоименным прилагательным. Однако следует заметить, что в разряд указательных местоимений (как и в разряды вопросительных и неопределенных местоимений – Р.Х.) входят слова разнообразных семантических типов, объединенных в различные группы. Они по логике должны быть распределены по разрядам, соотношенным с соответствующими знаменательными частями речи: местословий (-существительных, -прилагательных, -числительных, -глаголов и -наречий). Воззрение В.М.Наделяева на природу местоимений в монгольском языке, высказанное им в 50-х годах прошлого века, стало в лингвистике приоритетным. Теоретически обоснованное, оно предварило дальнейшее решение проблемы местоимений в современном языкознании, русистике, монголоведении и тюркологии (Наделяев, 1988, 3-76; Маслов, 1975, 217-219; Русская грамматика, 1980, 531-539, 543-544, 574; Рассадина, 1991, 89-99; Татарская грамматика, 1997, 252-264 и

др.). Произведенная им классификация монгольских местоимений по их соотношенности со знаменательными частями речи базируется на традиционном членении всего состава местоимений по семантике и функционированию.

Специальное изучение системы калмыцких местоимений как факта языка связано с уточнением их классификации по лексико-грамматическим разрядам и группам местоимений, входящих в их состав, которые по степени обобщения и абстрактности содержания близки с конкретными соотносительными частями речи и характеризуются их морфологическими свойствами и синтаксическими функциями. Исследование речевого функционирования (наличие собственного набора сочетаемостных признаков анализируемых слов, адекватное использование в речевой ситуации и контексте) позволяет выявить типологию калмыцких местоимений как факта речи.

На этом основании с учетом нового подхода к изучению местоимений они рассматриваются нами как особая часть речи. Описание системы местоимений дается по двум параметрам: 1) разряды по соотношенности со знаменательными частями речи; 2) лексико-грамматические разряды с уточненным составом. В системе частей речи местоимения правомерно расположить после наречий. Членение системы калмыцких местоимений по соотношенности с частями речи производится с учетом их семантики и функционирования. Выделяются следующие разряды, в соответствии с терминологией, употребляемой в современном языкознании и принятой в монголоведении: субстантивные местоимения, адъективные местоимения, нумеральные местоимения, адвербиальные местоимения, вербальные местоимения.

В отличие от знаменательных частей речи, обладающих лексическим значением, местоимения не называют явлений объективной действительности (конкретные предметы, признаки предмета и действия, количество, действия), а лишь указывают на них. Соотношенность местоимений со словами знаменательных частей речи раскрывается в контексте или речевой ситуации, так как сами по себе местоимения индивидуального лексического значения не имеют.

В разряд **субстантивных местоимений** входят все личные, включая лично-указательные местоимения 3-го лица, употребляемые вместо устаревших *и - он, а - они*: (ед. ч. *би - я, чи - ты, Та - вы, эне и тэре - он, она, оно*; мн. ч. *биден и мадын - мы, тадьн и тааньр - вы, эден и тэден - они*), предметно-указательные (*эне - этот, эта, это; тэре - тот, та, то*), предметно-вопросительные (*кэн? - кто?, юн? - что?*), неопределенные с предметным значением (*кэнчен и кэн чигн - кто-либо, юнчын и юн чиген - что-либо*), определятельные (*цуг - весь, цугтан и цуһар - все, хамьг, бүгде - весь, все; эврэн - сам, бийень и бийсень - сам и сами*) и возвратное бийэн - себя.

Субстантивные местоимения указывают на наименования лиц или предметов, выраженных именами существительными и субстантивированными словами других частей речи, в которых предметно представлены качества, признаки предмета и действия, действия и явления реальной действительности. Подобно именам существительным, они характеризуются морфологическими категориями падежа, числа и принадлежности (*та - тана, тандь, таниге, танар - Вы - Вам, Вас, Вами; цуһараһасьмдын - от нас всех, чамдан - тебе своему*).

Синтаксическую связь с другими словами в контексте субстантивные местоимения осуществляют теми же средствами, что и имена существительные: с помощью словоизменительных аффиксов (*намагь зована - мучают меня, эднэсе күлэнэв - жду от них*), притяжательных частиц (*цугтадгын даалһжь - поручили вам всем, цугтаһинь тосад - встретив всех их*), послелогов (*чамась көлтэ - из-за тебя, тана төлэ - ради вас, тэден дундь - среди них*) и способа примыкания (*чини кэлсен үгмүдиге - сказанные тобой слова, бийэсен ахь көвүдиге - юношей, старше себя*).

В предложении субстантивные местоимения выполняют те же функции, что и имена существительные (подлежащего, дополнения, сказуемого, определения, обстоятельства). Например: *Тэденчен сонсхларын, чамдь дурь уга болх* (Э.К.) - Они, услышав, возненави-

дят тебя. Ода намагъ Ноонин көвүд кээнь ирже зована, гих ухан Батадъ тоб болад одвь (Э.К.) - Теперь когда же появятся сыновья Ноони мучить меня, - промелькнула мысль у Баты. Совхоздъ көделмеш һархмън гиге,.. би танась тэрүнө тускар сурхар ирже йовнав (К.А.) – В совхозе начинаются работы,.. Я пришел спросить у Вас об этом. Соңссън хамьгтънь сэрженнесен салькън, сольнтърсън сарин гэрел хойър гэрче болвь (Э.К.) – Всеуму услышанному стали свидетелями легкий ветерок и свет сияющей луны. Не, захъ-зухинь соңслав, тадниге кэнлэтен йөрөхембе? - гиге Бата хойранень һаринь зэрег атхън бөөже сурвь. – Ну, кое-что я слышал, с кем вас поздравить? – спросил Бата, одновременно пожимая им обоим руки.

К адъективным местоимениям относятся качественно-указательные (име - такой, такая, такое и тииме – этакый, этакая, этакое), качественно-вопросительные (ямаран? - какой?), качественно-неопределенные (ямаранчън и ямаран чиген - какой-либо, алькьчън и алькь чиген – какой-нибудь), притяжательные (ед. ч. мини - мой, чини - твой, тана - Ваш, энүнэ и үүнэ, терүнэ и түүнэ - его; мн.ч. мана и мадна - наш, тадна - ваш, эднэ и теднэ - их; эврэ - свой) и выделительные (зэрем – некоторые, талдан и ондан – другой, иной) местоимения.

Адъективные местоимения указывают на признак, свойства и качества лиц и предметов и, подобно именам прилагательным, характеризуются неизменяемостью (түүнэ гэр, түүнэ гэрин, түүнэ гэрте – его дом, его дома, его дому; түүнэ гэрмүд – его дома).

В плане синтаксическом адъективные местоимения сочетаются с именем существительным способом примыкания и занимают препозитивное положение. Типичная синтаксическая функция адъективных местоимений – определение и сказуемое. Субстантивированные адъективные местоимения в предложении могут выполнять функции подлежащего, дополнения и т.д. Например: Ижел - холдъ шүүгел шүүһөд, иктэ, баһта захъсн торад, име юмън бөөдвэ, тииме юмън бөөдвэ (Х.т.) – Как на Волге-реке неводили, поймали рыбу малую и большую. Надо же такому вот случиться, надо же такому делу приключиться. Мини Цаста тииме, ду һархъш (Э.К.) – Моя Цаста такая, молчит. Цаста нандь йосъндан уурължъ йовна, ииминь мэдсен болхънь, ирхен уга билөв – Цаста на меня не на шутку сердится. Если бы знал об этом (=о таком), я бы не пришел. Тэднөде мал-геринь хэлэлшөд, дахад нүүһө йовдъг хойър угатя өрке-бүле бөөже (Э.К.) – У них было две семьи бедняков, которые кочевали с ними и помогали пасти скот и присматривать за домом.

В разряд нумеральных местоимений входят количественно-указательные (эдү - вот столько, тэдү - вон столько), количественно-вопросительное (кэдү? - сколько?) и количественно-неопределенные (эдүчен и эдү чиген – вот столько то, тэдүчн и тедү чиген – вон столько-то). Нумеральные местоимения указывают на количество и порядок лиц и предметов по счету и характеризуются способностью приобретать формы других разрядов имен числительных (эдү жилмүд – столько лет, тэдү дэгтер – столько книг, эдүгөд – по столько, тэдүдегче – такой по счету). Они, подобно именам числительным, примыкают к именам существительным и занимают преимущественно препозитивное положение. В предложении нумеральные местоимения выполняют те же синтаксические функции, что и числительные (определения, сказуемого, обстоятельства и т.д.). Например: «Кэдүтөвч?» - гиге сурхла / Күүкен: «Тавтав», - гиве (К.Д.) – Когда спросил: «Сколько тебе?» / Девочка ответила: «Мне пять». Тэдү наста көвүн тэре жилин, тэре сарин, тэре өдер шарь-лхад гэмтөдүквэ (Х.т.) – Мальчик во столько лет в тот день того года, того месяца заболел и умер.

К адвербиальным местоимениям относятся пространственно-указательные (энде - здесь, тэнде - там, эндөсе – отсюда, тэндөсе – оттуда, ийгән – сюда, тиигән – туда), пространственно-вопросительные (али? и альдь? – где?, хама? – где?), вопросительно-временные (кээ? – когда?) и причинно-вопросительные (яһад? и юңгад? – почему?).

Они указывают на признак действия и, подобно наречиям, примыкают к глаголу, характеризуются наличием производных слов (тэнде - тэндөсе - там – оттуда, тэндөһүр

- там, там по поверхности, *тэдүкенде* – в отдалении), способностью выражать неопределенность признака (*эндәсе-тэндәсе* – отовсюду, *иигән-тиигән* – туда-сюда, во все стороны). Аналогично наречиям синтаксическая функция адвербиальных местоимений – обстоятельство и сказуемое. Например: *Төөлте һарад тэдүкенде зогсчасьн харулчиге дудвь* (Н.М.) – Теелте вышел и позвал стоявшего поодаль караульного. *Электрическь гэрел... Кэзэнь ииме гэрел орульчксьн болхьв?* (Б.А.) – Электрический свет... Когда же провели такой свет?

К вербальным местоимениям относятся глагольно-указательные (*иигхе* - делать так как тот, *тиигхе* - делать эдак, таким образом), глагольно-вопросительные (*яхь?* - что делать?).

Они указывают на действия лица или предмета, которые выражаются как финитными (спрягаемыми), так и нефинитными (неспрягаемыми) формами глагола и характеризуются универсальными грамматическими категориями залога (*иигхе* - *иигүлхе* - делать вот так - заставить делать так, *тиигелдэд* - делая так все) и вида (*тиигхе* - *тиигжәхе*, *тиигчкәд* – делать вон так - длительно делать вон так, сделав вон так).

Финитные формы вербальных глаголов, подобно собственно глаголам, обладают категориями наклонения (*ииге* – *иигтен* - делай так - делайте так, , *иигий* - делай сделаем так, *иигтхә* - пусть сделают так), времени (*иигнә* - *делает так*, *иигве* – *сделал так*, *иигже* – *оказывается сделал так*, *иигхе* – *сделает так*), лица и числа (*тиигнәв*, *тиигнәвден* - я делаю так, вы делаете так) и в предложении выполняют функцию сказуемого. Например: *Күүкдин сад зарядкь кежәнә: көлән иигтен, һаран тиигтен.* – Детский сад делает зарядку: ноги – ставьте так, руками взмахните таким образом (показывает жестами).

Категорией времени характеризуются, подобно причастиям, и причастные формы вербальных местоимений (*иигдег*, *иигсен*, *иигхе* – *делающий* вот так, *сделавший* вот так, *который* *сделает* вот так), в предложении они выступают в функции определения. Субстантивирываясь, они могут выполнять функции имен существительных (дополнения, обстоятельства и др.). Например: *Эднә кәсен көделмеш үзчкәд, эне гәртән бась тиигхе болжь санвь* (Э.К.) – Увидев их работу, он решил сделать то же самое дома. *Иигсен хөөне эднәсчен өнгәвер уга* (Э.К.) – После того, что так сделали, на них никакой надежды нет.

Деепричастные формы вербальных местоимений указывают на второстепенные действия, дополняющие основное действие, либо указывают на обстоятельство совершения основного действия, выраженного глаголом и, подобно деепричастиям, в предложении выступают в функции какого-либо обстоятельства. Например: *Эден тиигже мәке һарһна. Сельсоветде бөөсен эднә малын то өсхеш* (Э.К.) – Они вот так ухищряются. Количество их скота, что находится в списке сельсовета, не растет. *Фашистск бомбардировщикиге сүүләрень эврәнен истребителин винтәр цокхь санан энүнде нәге агчьмдь учьрвь. Тиигже шииден, бомбардировщикин сүүлде эне өөрдәд ирве* (О.У.) – У него мгновенно возникла мысль винтом своего истребителя повредить хвост фашистского бомбардировщика. Решив так сделать, он приблизился к хвосту бомбардировщика.

В основном по указательному значению и отчасти по заместительной функции калмыцкие местоимения делятся на следующие разряды: личные, указательные, вопросительные, определительные, притяжательные, возвратное, неопределенные и выделительные. Внутри отдельных разрядов (указательных, вопросительных и неопределенных) выделяются разнообразные группы, объединяющие по семантике, по морфологическим свойствам и синтаксическим функциям слова, соотносительные с разными знаменательными частями речи.

Личные местоимения

В разряд личных местоимений входят *би* - я, *чи* - ты, *та* – Вы, *эне* и *тәре* - он, она, оно, *биден* и *малън* - мы, *тадън* и *тааньр* - вы, *эден* и *тәден* – они. Они указывают на лицо, выражают отношение лиц к говорящему: *би* указывает на самого говорящего и

относится к 1-му лицу (*би көделмешчев – я рабочий*), *чи* и *та* – на собеседника, 2-е лицо, на того, к кому непосредственно обращается говорящий (*чи сурһульчъч – ты - ученик, та багшът – Вы - учитель*), *эне* и *тэре* указывают на того, о ком идет речь, 3-е лицо или предмет (одушевленный/неодушевленный), не принимающие непосредственного участия в речевой ситуации, которые могут присутствовать (*эне*), находиться в некотором отдалении или отсутствовать вовсе (*тэре*). Например: *Би, чи, эне, тэре – цуһар эгел нутъг* (дун) - Я, ты, он, она – вместе целая страна.

Личные местоимения в единственном числе *би, чи, та* указывают только на одно лицо. *Та* – Вы является формой вежливого обращения, соблюдения в беседе традиционного этикета. Отсюда поговорка: *Чи гисен чичсенлә әдел, Та – гисен таалсънла әдел* - Сказать «ты» - тычку подобно, сказать «Вы» - ласке подобно.

Формы множественного числа личных местоимений образуются от основ личных и лично-указательных местоимений единственного числа посредством суффиксов *-дън/-ден* и *-нър*

	ед. число	мн. число
1 л.	<i>би</i> - я <i>ма*</i>	<i>биден</i> - мы (с присутствующими) <i>мадън</i> – мы (без присутствующих)
2 л.	<i>та</i> - Вы	<i>тадън</i> - вы <i>таанър</i> – вы
3 л.	<i>эне</i> - он <i>тэре</i> - он	<i>эден</i> - они <i>тэден</i> - они

Несмотря на общность основ, личные местоимения 1 и 2-го лица множественного числа *биден* и *тадън, таанър* отличаются по лексическому значению от местоимений единственного числа *би* и *та*. Местоимение *биден* обозначает группу лиц, включающую говорящего («*би – я + кто-либо другой или другие, но не би + би + би – я + я + я*»). Кроме того, оба местоимения 1-го лица множественного числа *биден* и *мадън* по содержанию различались друг от друга. *Биден* является инклюзивной формой, т.е. включающей самого говорящего в круг других лиц, присутствующих в речевой ситуации. *Мадън* именуется противоположной, эксклюзивной (исключающей) формой, при помощи которой говорящий включает себя в круг других лиц, отсутствующих в речевой ситуации (он действует от их имени). В современной живой речи этот стилистический нюанс не соблюдается, различие в их содержании носит скорее диалектный характер.

Местоимения *тадън* и *таанър* образованы от *та* – Вы (формы вежливого обращения). В первом, *тадън* значение вежливости утрачено, а во втором, *таанър* – сохранилось, и оно употребляется в официальном обращении, в высоком стиле. Общим для *тадън* и *таанър* является то, что они обозначают совокупность лиц, нескольких участников речевой ситуации («*та + та + та – Вы + Вы + Вы*»), а также все лица, включая собеседника («*тадън - Вы + другие*»).

Благодаря общности основ, местоимения 1-го лица *би* и *биден* и 2-го лица *та* и *тадън, таанър* являются формами числа одного слова, несмотря на семантические расхождения между ними, отмеченные выше.

В современном калмыцком языке есть и другие способы обозначения множественности: а) форма вежливого обращения *та* употребляется в значении множественного числа в сочетании с количественными числительными *хойър* – два и *һурвън* – три. Например: *Энүнәсе нань та хойъртъ кэдег юмън угай?* – У вас двоих (=обоих) нет дел кроме этого? *Эне мини хөве-кишег та һурвна күчен...* – Мое счастье – это вас троих поддержка. Иногда словосочетание дополняется именем собственным, например: *Ниднәһә Кольч та хойър тэднәде одхдан...* (Э.К.) – В прошлом году, когда вы с Кольчи (вдвоем) были у них,...

б) нередко употребляются словосочетания *ма хойър* - мы вдвоем (=оба), *чи ма хойриге* – нас с тобой (=нас обоих), *та ма хойър* – мы с вами (=мы оба), когда речь идет о двоих (*ма* является усеченной формой личного местоимения 1-го лица множественного числа *мадън*, присутствует в основе местоимения *биден* в косвенных падежах – *ман-*, а

также входит в основу местоимений ед. ч. *би* и *чи* в винительном падеже *на-ма-* и *ча-ма-*). Усеченная форма *ма* самостоятельного употребления не имеет, словосочетания с ней аналогичны по способу образования и по содержанию с словосочетаниями *чи мадън хойър*, *чи биден хойър* – мы с тобой, *та биден хойър* – мы с Вами, *Эрдне биден хойър* – мы с Эрдни, *эне/тэре хойър* – они вдвоем (=они оба).

В семантическом плане эти словосочетания служат для выражения значения совместности. Например: *Күүндхэн күүндечкөвден, та ма хойъртэ күүнддег үге уга* - Обо всем переговорили, у нас с Вами не осталось слов. *Бата ма хойъртэ колхоз нэжэд мөре унулвэ* (Э.К.) – Нам с Батой колхоз выделил по одной лошади. *Тэре хойрасэ ииме сонин зэнге сонсув* (Б.А.) – От них обоих услышал такое интересное сообщение. *Дэля, чини кэлсен үгмүд нандэ таасгүдвэ. Болвэ чи биден хойър санандан орсан кэһэд бөөже болдмьн бише* (Б.Ал.) – Дэля, твои слова мне понравились. Однако мы с тобой не можем делать все, что на ум придет.

В синтаксическом аспекте компоненты названных типов словосочетаний составляют один неделимый распространенный член предложения. В процессе словоизменения падежные окончания принимают числительные *хойър* и *хурвьн*, находящиеся в постпозиции (*Кольчэ та хойър* – подлежащее, *та хурвна*, *та ма хойъртэ*, *чи ма хойриге* – дополнения).

Личные местоимения 1 и 2-го лица не могут замещать имена существительные. Они указывают на лицо и выражают отношение лиц в речевой ситуации. Для указания на животных и предметы они используются обычно при олицетворении.

С существительными соотносятся лично-указательные местоимения 3-го лица *эне* и *тэре* – он, *эден* и *тэден* – они, отличающиеся от личных местоимений тем, что в одинаковой степени указывают на лицо, животных и предметы. Для замещения существительных широко употребляются все словоформы множественного числа от *эден* и *тэден* – они и словоформы косвенных падежей от *эне* и *тэре* – он. Например: *Көндрэд, юмэ эсе кэһэд бөөхлэ, эденчен уурълна*. – Если не двигаться и не заниматься делом, они (=хозяйева) сердятся. *Ээрчкесен хөөдүл малын ялынь кэн даахьмьбэ? Эднитен өмтен хулха була хойрар чилэжэнэ*. – За дойных коров кто будет отвечать? Люди воруют и растаскивают их. *Би Лижин Күлментэ хоюрн бүрэ бүшкүр татнавдън. Эдниге хадһлад, иигэд эдлэд, шине айсмуд орулад, эврэ хальмьг оркестр кэһэд авхла, сэн зөөре болхмьн* (Э.К.) – Мы с Лиджиевым Кюльменом вдвоем играем на фанфарах. Будет большим достижением, если их хранить, использовать, сочинять мелодии и создать калмыцкий оркестр.

Лично-указательные местоимения 3-го лица единственного числа *эне* и *тэре* – он, она, оно в именительном падеже для замещения имен существительных в функции подлежащего используются чрезвычайно редко.

Например: *Көвүтөһөн нэге отартэ көделш угав... Тэре намагэ амрахар сэдэд, мини көделмшиге гиигрүлхэр зүткэд, мини орчдэ көдлэд йовхмьн* (Бал.А.) – С сыном я не буду работать в отаре. Он будет стремиться облегчить мне работу, работать вместо меня, чтобы я отдыхал. *Эмнүлхе цаг уга, үр. Дөөлелдхе кэргтэ - гижэ, тэренэ хэрү өгвэ* (Х.к) – Нет времени лечиться, друг. Воевать надо, - ответил он (хромой солдат).

Это, очевидно, обусловлено тем, что в контексте и речевой ситуации широко употребляются их грамматические омонимы: исходная форма предметно-указательных местоимений *эне* – этот, эта, это и *тэре* – тот, та, то в субстантивных словосочетаниях (*эне төре* – этот вопрос, *эне зэнге* – эта новость, *тэре оютнър* – эти студенты, *тэре туулис* – эти сказки, *тэре цагасэ нааран* – с того времени). Например: *Күүкнэ эне инөдень Сергейиге омгшулвэ. Эне санамрдвэ* (Б.А.) – Этот смех девушки вдохновил Сергея. Он успокоился.

Лично-указательные местоимения *эне* и *эден*, *тэре* и *тэден* являются формами числа одного слова и совпадают по семантике. Формы множественного числа *эден* и *тэден* указывают на группу лиц или предметов, о ком/чем идет речь и обозначают «эне/тэре + эне/тэре + эне/тэре - он + он + он и другие». Например: *Уүден хоорьндэ Босха үзегдвэ, цаад бииденэ Арьлтан. Хаалһэ. Эрдни эден* (Б.А.) - В дверях показалась Босха, за ней Арлтан,

Халга, Эрдни и другие. Шура, Шиндэ эден шуугад лыжар дошна (Б.Б.) - Шура, Шиндя и другие шумно на лыжах катаются.

В грамматическом отношении разряд личных местоимений в целом соотносится с существительными. Они имеют полную парадигму склонения.

Склонение личных местоимений
(единственное число)

Им.	<i>би - я</i>	<i>чи - ты</i>	<i>та - Вы</i>
Род.	<i>мини – для меня, мой</i>	<i>чини – для тебя, твой</i>	<i>тана – для вас, Ваш</i>
Дат.-мест.	<i>нандь - мне</i>	<i>чамдь – тебе</i>	<i>тандь - Вам</i>
Вин.	<i>намагь - меня</i>	<i>чамагь – тебя</i>	<i>таниге - Вас</i>
Оруд.	<i>нанар - мной</i>	<i>чамар - тобой</i>	<i>танар - Вами</i>
Соед.	<i>нанла - со мной</i>	<i>чамла - с тобой</i>	<i>танла - с Вами</i>
Совм.	<i>нанта - со мной</i>	<i>чамта - с тобой</i>	<i>танта - с Вами</i>
Исх.	<i>нанась - от меня</i>	<i>чамась - от тебя</i>	<i>танась - от Вас</i>
Напр.	<i>нанур – ко мне</i>	<i>чамур - к тебе</i>	<i>танур - к Вам</i>

(множественное число)

Им.	<i>биден</i>	<i>мадън - мы</i>	<i>тадън</i>	<i>таанър – вы</i>
Род.	<i>мана</i>	<i>мадна - для нас, наш</i>	<i>тадна</i>	<i>таанрин - для вас, ваш</i>
Дат.-мест.	<i>мандь</i>	<i>мадъндь - нам</i>	<i>тадъндь</i>	<i>таанъртъ - вам</i>
Вин.	<i>маниге</i>	<i>мадниге - нас</i>	<i>тадниге</i>	<i>таанриге - вас</i>
Оруд.	<i>манар</i>	<i>маднар – нами</i>	<i>таднарт</i>	<i>аанрар - вами</i>
Соед.	<i>манла</i>	<i>мадънла – с нами</i>	<i>тадънла</i>	<i>таанърла - с вами</i>
Совм.	<i>манта</i>	<i>мадънта - с нами</i>	<i>тадънта</i>	<i>таанърта - с вами</i>
Исх.	<i>манась</i>	<i>маднась - от нас</i>	<i>таднась</i>	<i>таанрась - от вас</i>
Напр.	<i>манур</i>	<i>маднур – к нам</i>	<i>таднур</i>	<i>таанрур - к вам</i>

Своеобразие системы словоизменения личных местоимений выражается в следующем: их склонение (за исключением *мадън*, *тадън* и *таанър*) характеризуется наличием супплетивных падежных форм. Так, личные местоимения 1 и 2-го лица единственного числа имеют по четыре основы *би-*, *мин-*, *нан-*, *нама-*; *чи-*, *чин-*, *чам-*, *чама-*, а 1-го лица множественного числа *биден* и форма 2-го лица единственного числа *та* – по две основы: *биден-*, *ман-* и *та-*, *тан-*.

Парадигма склонения лично-указательных местоимений 3-го лица совпадает с парадигмой склонения предметно-указательных местоимений. Данные словоформы являются грамматическими омонимами, их лексическое значение раскрывается в контексте и речи (таблица их склонения дана в разряде указательных местоимений, в отдельной графе отражено лично-указательное значение).

Личные местоимения в форме именительного падежа выполняют в предложении синтаксическую функцию подлежащего и сказуемого, а в косвенных падежах – дополнения и различных обстоятельств (в послеложных конструкциях – сочетаниях местоимений с послелогоми).

Например: *Би энүнде боок нось уюлжь өгнөв* (Э.К.) – Я для него закажу хромовые сапоги. *Мадън кэлсен үгдөн күрхевден, өшөтнөсө өшөһән лавта авхъвдън, тадъндь үгөн өгчөнөвден, - гиче кэлчхөве* (Х.к.у.) – Мы сдержим свое слово, непременно отомстим врагу, даем вам слово, - сказали. *Кэвелжэнэ Манжь хөрөн хойър күүнэ нэре дуудад умшжь өгве. Тэден дундь мини нэрен бась харвь* (Д.Б.) – Кевельдженов Маджи огласил имена двадцати двух человек. Среди них прозвучало мое имя. *Чамась көлтэ энде бөөсен мандь амрьл уга болжана* (Э.К.) – Из-за тебя здесь нам нет покоя.

Формы 1 и 2-го лица обоих чисел в качестве сказуемых выступают только при наращении лично-предикативных частиц, которые являются их собственными усеченными формами – показателями лица (-в < *би*, -ч < *чи*, -вдън/ -вден < *биден*, -т < *та* и *тадън*,

тааньр): бив – это я, чич – это ты, тат – это Вы, тадьнт и тааньрт – это вы, бидневден и мадньвдн – это мы. Например: *Эсе кэлсен үгин эзен – бив, кэлсен үгин эзен – чич* (Посл.) – Не сказанных слов хозяин – я, сказанных слов хозяин – ты. *Тииме хуучьн бөөделлө йоста кэвэр ноолдхь салдьсмуд биденвден (Хкү)* – Солдаты, способные бороться с прежней жизнью – мы. *Мана төрелде ахьнь тат* (Бадм.Б.) – В нашем роду старший – Вы. *Эзелже йовсьн дөрвен зүсен малын эздүд тадьнт* (Э.К.) – Хозяева выращенных четырех видов скота – вы.

Формы винительного падежа личных и лично-указательных местоимений являются объектом и выполняют функцию прямого дополнения, а также - субъектом самостоятельных причастных и деепричастных оборотов. Например: *Тэрүге алтн одар ээже Төрскень ачльвь* (Ш.В.) – Родина-мать наградила его золотой звездой. *Өдертень эдниге амьрсн цагть Бата Барбос хойьр хө хөлөдег сэлгөтэ ульс* (Э.К.) – Днем, когда они отдыхают (= во время их отдыха), наступает очередь Баты с Барбосом пасти овец. *Тэдниге харчь одхла, мандь усь бусльһжь өгөд кэвтүлечклэт.* – Когда они (=их) вышли, вы нам вскипятили воду и уложили в постель. *Маниге сэлэнүр өөрдже йовтъл, нэге ике харь ноха гүүже ирэд хувь* (С.Б.) – Когда мы (=нас) приближались к селу, к нам подбежала большая черная собака и залаяла.

Личные местоимения 1 (за исключением форм от *би* > *биичен* – я твой и *биитен* – я ваш) и 2-го лица обоих чисел в именительном падеже не принимают вообще, а в косвенных падежах принимают ограниченно притяжательные частицы, образованные от усечения словоформ родительного падежа в их собственной (а также лично-указательных местоимений) парадигме склонения. В предложении они выступают дополнениями. Например: *Биичен (биитен) авь гихлө - өгсинь авдгь, бичө гихлө - хойринь авдгь күмбе.* – Я (=я твой, я ваш) – такой человек, когда говорят бери – даваемое беру, если говорят нет – беру два. *Надтгн бась зовльн дала* (Э.К.). – У меня тоже много бед. *Өдрин дуусьн чаманан өрче дотран хадһьлав* (Дун) – Целый день хранил тебя (=твой образ) в душе своей (=в груди). *Таднан төрүц мартышгов* (Э.К.) – Я вас (=вас своих) никогда не забуду.

Лично-указательные местоимения 3-го лица обоих чисел, напротив, в полном объеме присоединяют к себе притяжательные частицы: *энем/энчен/энень* и *тэрэм/тэрчен/тэрень* – (мой, твой, его) он, *энемден/эnten/энень* и *тэрэмден/тэртен/тэрень* – (наш, ваш, их) он, *эднемден/эдентен/эднень* и *тэднемден/тэдентен/тэднень* – (наши, ваши, их) они; *тэрүгән* – его своего, *эдентөһән* – с ними своими). Они являются исходными формами в парадигмах лично-притяжательного и безлично-притяжательного склонений и выражают значение принадлежности 3 лица (присутствующего или отсутствующего) или того, о ком/чем идет речь в контексте, лицу/не лицу, которому говорящий указывает на них. Данные словоформы в предложении не могут быть определениями, они выполняют функции подлежащего, сказуемого, дополнения и обстоятельства. Например: *Энень бась авһь гэлөндән бөөнө* (Э.К.) – Он тоже живет у своего дяди – гелюнга. *Экин гэснэсе харсьн,/ Эне йиртемжде бөөсен/ Авгара чамла эдел / Күн тэрчен* (К.Д.) – Появившийся из чрева матери,/ Живущий в этом окружающем мире, / Изначально с тобой одинаковый / Человек – он. *Эрвен, энүндөн кэлен биилдег айсь цокжь өге* (Э.К.) – Эрвена, сыграй ему мелодию для танца с припевом. *Эне тээгин аэропорт. Тэрүнө нурһьн талась... Илмуд ниселдөд һарад бөөцхәнө* (Б.А.) – Это - степной аэропорт. С его летной полосы... вылетают «Илы».

В парадигме словоизменения личных и лично-указательных местоимений словоформы родительного падежа *мини* – мой и *мана/мадна* – наш, *чини* – твой и *тана/тадна* – ваш, *энүнө / терүнө* - его и *эднө / теднө* - их отличаются многозначностью и многофункциональностью. В зависимости от типов связи с другими словами в предложении они могут выражать не только определительные, но и субъектные, объектные и обстоятельно-определительные отношения.

1. В субстантивных словосочетаниях, являясь в них атрибутивной составляющей, они выражают значение принадлежности. Будучи зависимым компонентом, они выступают в функции определений: *мини мөрен* – моя лошадь, *мана нутгь* – наши владения, *чини*

хөвө — твоя судьба, тана/тадна мал — ваш скот, энүнэ эзен — его хозяин, эднэ/теднэ күүкен — их дочь. По своим семантико-функциональным признакам они в современном языке выделились в группу лично-притяжательных местоимений.

2. В самостоятельных причастных оборотах употребляется в значении субъекта, не тождественного с субъектом-подлежащим в предложении. Например: *Мини зөвө гисиге чи юнгад буру гинэч* (Ж.) — Почему ты отвергаешь то, что я считаю правильным (=сказанное мной). *Чини кэлсен үгчен чидел нандь өгнэ* (И.Л.) — Слова, сказанные тобой, придают мне силы.

3. В послеложных конструкциях, сочетаясь с послелогоми төлө - для, тускар — о, способны выражать значение собственно личных и лично-указательных местоимений и выступают в значении объекта. Например: *Тана төлө теднэс (=өшөтнэс) ошөһөн лавта авхьвдһн.* — За вас непременно отомстим врагу. *Чонь мана ардась гүүһэд йовна* (Хку) — Волк продолжает бежать за нами. *Тэднэ тускар Тэмэнегте зууран күргже кэлхмен, - гиге Бата саналдвь* (Э.К.) — О них попутно надо сообщить Темянегу, - вздохнул Бата.

4. В глагольных словосочетаниях они обозначают обстоятельственно-определятельные отношения и выполняют в предложении функцию обстоятельства. Например: *Тэвченгү чирэтэ эмген / Тэднэ өмне зогсжь, / Хамбъл Хажь хойрур / Хармь төрже хөлөнө* (К.Д.) — Старушка с добрым лицом / Остановившись перед ними / На Хамбыла и Хаджи / посмотрела с жалостью. *Мана хөөне бась эмтен орьлдад, һарч иреддэд бөөнө* (Э.К.) — После нас люди тоже входят в дом и выходят.

Указательные местоимения

Особенность разряда указательных местоимений заключается в том, что в него входят слова разнообразных семантических типов. Одни слова указывают на предметы (*эне* — этот, эта, это, *тэре* — тот, та, то), другие — на их признаки (*ииме* — вот такой, такая, такое, *тииме* — вон такой, такая, такое), количество (*эдү* - вот столько, *тэдү* - вон столько), место совершения действия (*энде* — здесь, *тэнде* — там) и собственно действия (*иигхе* — делать вот так, *тиигхе* — делать вон так).

Все указательные местоимения восходят к некогда общим, ныне омертвелым корневым основам, именуемым в современном словообразовании связанными основами:

<i>эне</i>	э - н - е	<i>тэре</i>	тэ - ре
<i>энде</i>	э - н - де	<i>тэнде</i>	тэ - н - де
<i>ии</i>	э - йи -	<i>тии</i>	тэ - йи -
<i>ииме</i>	э - йи - мү	<i>тииме</i>	тэ - йи - мү
<i>ииг-хе</i>	э - йи - ге-	<i>ииг-хе</i>	тэ - йи - ге-

Указательные местоимения в калмыцком языке, как и в других монгольских языках, по их семантико-грамматическим особенностям и соотносительности со знаменательными частями речи подразделяются на следующие группы:

- 1) предметно-указательные местоимения *эне, тэре, эден, тэден*;
- 2) качественно-указательные местоимения *ииме, тииме*;
- 3) количественно-указательные местоимения *эдү, тэдү*;
- 4) пространственно-указательные местоимения *энде, тэнде*;
- 5) вербально-указательные местоимения *иигхе, тиигхе*.

В каждой группе указательные местоимения различаются по локальному и временному значению на находящиеся вблизи кого-/чего-либо (*эне, ииме, эдү, энде, иигхе*) или более отдаленные (*тэре, тииме, тэдү, тэнде, тиигхе*), чем другие подобные им предметы, признаки и т.д.

Предметно-указательные местоимения *эне, тэре, эден, тэден* указывают на предметы,

они обладают свойством словоизменения имени существительного по падежам. В системе местоимений современного калмыцкого языка они представляют грамматическую омонимию. Значения собственно предметно-указательных и лично-указательных местоимений 3-го лица раскрываются в контексте или речи.

Склонение предметно-указательных и лично-указательных местоимений
единственное число

Значения	Предметно-указательное				Лично-указател.	
Падеж						
Им.	<i>эне</i>	- этот	<i>тэре</i>	- тот	он	
Род.	<i>энүнэүүнэ</i>	- этого	<i>тэрүнэ</i> <i>түүнэ</i>	- того	его	
Дат.-мест	<i>энүнде</i> <i>үүнде</i>	- этому	<i>тэрүнде</i> <i>түүнде</i>	- тому	ему	
Вин.	<i>энүге</i> <i>үүге</i>	- этого, это	<i>тэрүге</i> <i>түүге</i>	- того, то	его	
Оруд.	<i>энүгэр</i> <i>үүгэр</i>	- этим	<i>тэрүгэр</i> <i>түүгэр</i>	- тем	им	
Соед.	<i>энүнлэ</i> <i>үүнлэ</i>	- с этим	<i>тэрүнлэ</i> <i>түүнлэ</i>	- с тем	с ним	
Совм.	<i>энүнтэ</i> <i>үүнтэ</i> (<i>энүтэ</i>) (<i>үүтэ</i>)	- с этим	(<i>тэрүтэ</i>) (<i>түүтэ</i>)	- с тем	с ним	
Исход.	<i>энүнэсе</i> <i>үүнэсе</i>	- из этого	<i>тэрүнэсе</i> <i>түүнэсе</i>	- из того	от него	
Напр.	<i>энүнүр</i> <i>үүнүр</i>	- к этому	<i>тэрүнүр</i> <i>түүнүр</i>	- к тому	к нему	

множественное число

Значения	Предметно-указательное		Лично-указательное		
Падеж					
Им.	<i>эден</i>	- эти	<i>тэден</i>	- те	они
Род.	<i>эднэ</i>	- этих	<i>тэднэ</i>	- тех	их
Дат.-мест.	<i>эденде</i>	- этим	<i>тэденде</i>	- тем	им
Вин.	<i>эдниге</i>	- этих	<i>тэдниге</i>	- тех	их
Оруд.	<i>эднэр</i>	- этим	<i>тэднэр</i>	- теми	ими
Соед.	<i>эденлэ</i>	- с этими	<i>тэденлэ</i>	- с теми	с ними
Совм.	<i>эдентэ</i>	- с этими	<i>тэидентэ</i>	- с теми	с ними
Исход.	<i>эднэсе</i>	- от этих	<i>тэднэсе</i>	- от тех	от них
Напр.	<i>эднүр</i>	- к этим	<i>тэднүр</i>	- к тем	к ним

В парадигме словоизменения местоимений *эне* и *тэре* обнаруживается, что в косвенных падежах они имеют вставочный элемент *-үн/-ү-*, благодаря которому, во-первых, образовались алломорфы *эне-/энүн-/энү-* и *тэре-/тэрүн-/тэрү-*, во-вторых, по справедливому замечанию Б.Бадмаева, этот вставочный элемент, став долготным первым слогом, образует вторичную основу с собственной параллельной парадигмой склонения (Бадмаев, 1966, 73). В современном калмыцком языке их употребление дифференцируется: словоформы первичных основ являются литературными, а вторичные основы - атрибутами устной разговорной речи.

Словоизменение предметно-указательных местоимений множественного числа *эден* и *тэден* осуществляется по аналогии со склонением имен собственных (*Нарьн, Ноһан*) в 1-м типе склонения, когда согласный *-н* в исходе основы является устойчивым. Они в отличие от лично-указательных местоимений не принимают притяжательных частиц, предметно-указательное значение данными местоимениями выражается редко. В предложении они выступают дополнением и сказуемым, например: *Эдниге амрар хаһлнав, гижэ санжъ болшго* (К.Т.) – Нельзя думать, что это (=эти вопросы) легко разрешимо (-ы). *Хэлөһит, баячуд иигже тарахь ульс эден* (Э.К.) – Смотрите, богачи – это люди, которые вот так и разорят. Это, очевидно, связано с тем, что в речи значение указания на предмет наиболее продуктивно выражают омонимичные с ними по форме лично-указа-

тельные местоимения 3-го лица, которые указывают не только на лицо, но в одинаковой степени - на животных и предметы. С другой стороны, значение указания на множество предметов передается субстантивными словосочетаниями с атрибутивным компонентом – предметно-указательными местоимениями единственного числа *эне*, *тэре*, в которых определяемое слово – имя существительное во множественном числе: *эне үкермүд* – эти коровы, *тэре дэгтермүд* – те книги.

Словоформы предметно-указательных местоимений *эне* и *тэре* соотносятся в полном объеме с именем существительным в парадигме словоизменения и в синтаксической функции, выступают в предложении подлежащим, сказуемым дополнением и обстоятельством. Нередко они присоединяют к себе притяжательные частицы. Например: *Эне – мана урын литератур өсчөхе тэмдег* (К.Т.) – Это – признак развития нашей литературы. *Тэрген үнен. Би ардан гэмтэ экэн хайъчкад харлав* (Б.А.) – Это правда. Я выехала, оставив дома больную мать. *Цагин сэлгэн ирнэ гидег – эне.* - гиге Санһжь дотран байрльвь (Б.А.) – Что такое времена меняются - вот это, - обрадовался Санджи. *Амбарть бөөсен буудя цэверлүлхэр бөөхлө, тэргүгэн кэлэд төвчкө* (Б.А.) – Если хочешь, чтобы провеяли зерно, скажи об этом и отпусти. *Би үүнэсен өөмег орнав. Сурһуль сурхь болхлачын, би чамагь ода нэге сарась ирэд авнав* (Н.М.) – Я отсюда поеду в аймак. Если хочешь учиться, я через месяц приеду и заберу тебя.

В функции обстоятельства эти местоимения выступают в сочетании с послелогоми *хоорндь*, *нааран* и др. Например: *Тэре хоорндь машин өмнэсен ирсен барьг нохасла урьлдад, сэлөһөр оржь ирве* (Б.А.) – Между тем машина, перегоняя прибежавших навстречу огромных собак, въехала в село. *Тэре цагась нааран таарад, ахньр нэгдвө* (Б.Б.) – С того времени поладили братья и объединились. *Түүнө дару би ондан һазрур харчь йовад, хойьр жил шаху бөөһөд, дарунь Лаганьд ирже буувьв* (Б.Т.) – После этого я переехал в другие места, почти два года отсутствовал, затем прибыл в Лагань.

Предметно-указательные местоимения *эне* и *тэре* широко употребительны в определительной функции. Они чаще других местоимений являются определяющим компонентом в субстантивных словосочетаниях. Грамматически они, подобно прилагательным, примыкают к имени существительному, не изменяются - не согласуются с ним ни в падеже, ни в числе: *эне/тэре зэнге* – эта/та новость, *эне/тэре зэнгин* – этой/той новости и т.д., *эне/тэре зэнгүд* – эти новости. Семантическая особенность этих местоимений в том, что они указывают на предмет, обозначенный именем существительным, и отчетливо выделяют его из массы других однородных предметов. Например: *Ессентуки - бась хальмьг нэрен. Эне балһсна ормьд йисен туг нэге цагть хатхьгдсын бөөже* (Б.Т.) – Ессентуки – тоже калмыцкое название. На месте этого города когда-то было водружено девять знамен. *Тэре дөөлөлдөнде Санжь эврэнен кэсег энкер үүрмүдэсен ханцвь* (Хку) – В том бою Санджи потерял многих своих дорогих друзей. *Эне төрмүд мана урын үгдө ормь эзелнө гисен ике байьрта йовдъл* (К.Т.) – Очень отрадно, что эти проблемы имеют место в нашей художественной словесности.

Местоимения *эне* и *тэре*, употребляемые в качестве определяющего слова субстантивного словосочетания с атрибутивным компонентом - именем прилагательным, конкретизируют указание на предмет, выделяемый из массы однородных предметов. Например: *Эне сонин зэнге эргэд тээгүр нисве* (Б.Б.) – Эта интересная новость полетела по степи. *Тэре өндөр толһаһась өмөрэн сэлөнө правлян күртел зурһан дууна* (Н.М.) – От того высокого кургана до сельсовета шесть километров. *Тэре баахьн залугь бэрэнэсе һарһад бийдэн өөрдхже авна* (Х.т.) – Освободив этого молодого человека, он приблизил к себе (= ко двору).

Путем удвоения основы предметно-указательных местоимений (*энлем эне*, *тэрлем тэре*) и сочетания с усилительной частицей *минь* (*минь эне*, *минь тэре*) также усиливается указание на предмет, явление, о котором идет речь. Например: *Тэрлем, тэре! Ирнэв, - гиге кэлсн, күрэд ирвеш.* – Вот же, вот! Обещал приехать, вот и приехал. *Минь эне мини бөрже йовсын тайьгла өдел моддуд билө* (Э.К.) – Вот с этой тростью, которая в моей руке, деревца были одинаковыми.

Предметно-указательные местоимения, сочетаясь с послелогом *хоорьндь*, *бийень*, *саамдъ* и др., участвуют в образовании союзов и союзных слов: *Тэре бийень, ялжъ энүлэ харһхъв*, - *гиже Зоя санвь* (Б.А.) – Если и так, как с ним встречусь, - подумала Зоя.

Качественно-указательные местоимения *ииме* – такой, как этот, *тииме* – такой, как тот указывают на признак именно этого предмета, подобного тому, о ком/чем уже известно из предыдущего контекста или предстоит сказать, станет известно. Сущность качественно-указательных местоимений проявляется в двух типах широко употребительных в речи субстантивных словосочетаний, в которых они являются атрибутивным компонентом: *ииме цагла* – в такое время, *ииме дэгтермүд* – такие книги, *ииме цэцен өвген* – такой вот мудрый старик, *тииме сонин кэрег* – такое интересное дело. Они соотносительны с именем прилагательным: занимают препозитивное положение к определяемому слову, остаются неизменяемыми и выступают в функции определения.

Определяемое слово в этих словосочетаниях является носителем тождественных признаков в других предметах, поэтому указание на признаки предметов, передаваемое данными местоимениями, не являются абстрактными, лишенными цвета, вкуса, силы, энергии, яркости. Например: *Адъгтан ииме юмь өгхен яһна*, - *гиже, оньдинде шоглад йовдъг Белоконь, хурһарън хоолан шавдвъ* – Наконец, хоть бы такую штуку дали, - сказал всегда шутивший Белоконь, щелкнув себя по горлу. *Тииме көделмеш Альмадь олдхъ гиже саннав* (Б.А.) – Думаю, такая работа Альме найдется.

Будучи определяющим словом субстантивного словосочетания с атрибутивным компонентом - именем прилагательным, местоимения *ииме*, *тииме* указывают на высокую степень проявления качества или оценки, которым характеризуется предмет, выраженный именем существительным. Например: *Ииме бичкен хурһиге экөсень салһьдвъ?* (Б.Б.) – Такого маленького ягненка можно отделить от матери. *Эне жил ииме татухън хур-чиг болъвчън, төрөн му бише*. – Хотя в этом году так маловато осадков, хлеба неплохие. *Тииме бичкен цогцъ ииме ике гэр дүүргже бөөсинь ода ирже мэджөнөв* (Ж.А.) – Только сейчас начинаю понимать, что такая крохотная фигурка наполняла такой большой дом. *Тииме догшън завърта болхла, арһ уга одхъ кэрегтө*, - *болжъ Адучъ зөвөн өгве* (Б.А.) – Если такое строгое распоряжение, делать нечего, надо идти, - согласился Адучи.

Удвоением основы местоимений *ииме*, *тииме* еще более подчеркивается высокая степень качества и оценки признака. Определяемое слово в этом словосочетании обычно стоит во множественном числе: *Ииме-ииме гэрмүд нандъ таасъгдна* – мне нравятся такие вот дома. Напротив, парные основы указывают на неопределенность признака: *Тэрчен ииме, тииме гиһэд ховльсън болхий?* (Ж.А.) – Может он насплетничал, что она такая-сякая.

Качественно-указательные местоимения, употребляясь без определяемого слова, субстантивируются и склоняются как имена существительные:

Им.	<i>ииме</i> - такой	<i>тииме</i> - этакый
Род.	<i>иимин</i> - такого	<i>тиимин</i> - этакого
Дат.-мест	<i>иимде</i> - такому	<i>тиимде</i> - этакому
Оруд.	<i>иимөр</i> - таким	<i>тиимөр</i> - этаким
Соед.	<i>иимлэ</i> - с таким	<i>тиимлэ</i> - с этаким
Совм.	<i>иимтэ</i> - с таким	<i>тиимтэ</i> - с этаким
Исх.	<i>иимэсе</i> - из такого	<i>тиимэсе</i> - из этакого
Напр.	<i>иимүр</i> - к такому	<i>тиимүр</i> - к такому

Субстантивированные местоимения *ииме* и *тииме* замещают названия предметов и выступают в предложении сказуемым и дополнением. Например: *Аврълтъ уга йовдлын ашънь иимеж, гиже эден санһьдвъ* (Э.К.) – Следствие безжалостных поступков таково, - подумали все. *Би ямаранчън худъл соңслав, болвъ тиимиге...соңсар чиген*

бөөхшев (Б.А.) – Я какую-то ложь слышала, но такую ... и слушать не хочу. *Жирхел ямаран чиген му кэле сонсхдан бэлен билэ. Зуг иимиге, иимиге...кэмжэнэ* (Б.Т.) – Джиргал готов был услышать какие-то плохие слова. Но такие, такие... не знаю. *Өгсиге эсе авхла, иимэсе чиген хоосын үлдхеч* (Э.К.) – Если не возьмешь то, что дают, ты и без этого можешь остаться.

Местоимения *ииме, тииме* в сочетании с вспомогательным глаголом в форме отдельных обстоятельственных деепричастий, а также в форме исходного падежа образуют союзы и союзные слова. Например: *Тииме болхла, сэн. Альдь көдлевчен дурьн-сэджлэн өгче көделхе кэрегтэ* (Б.А.) – Если так, хорошо. Где бы ни работал, всегда нужно работать с душой.

В речевой ситуации, замещая целое предложение либо микротекст, местоимение *тииме* преобразуется в утвердительное слово «да, так»: *Тииме, - болжъ нэгхэн үгэр хэрү өгве*. (Б.А.) – Так (=да), - одним словом ответила она.

Качественно-указательные местоимения участвуют в словообразовании наречий и прилагательных: *иимэр* – вот таким образом, *тиимэр* – так, таким образом; *иимхен* – только вот такой, *тиимхен* – только, лишь столько.

Количественно-указательные местоимения *эдү* – вот столько, *тэдү* – вон столько употребляются для указания на количество, величину, важность предметов, явлений, процессов. Эти местоимения обладают всеми семантическими и грамматическими особенностями числительных. Они могут указывать как на количество (*эдү, тэдү* – столько), так и порядок при счете (*эдүдегче, тэдүдегче* – такой по счету), принимать форму собирательных (*эдүлен, тэдүлен* – в таком количестве) и разделительных (*эдүһэд, тэдүһэд* – по столько) числительных, могут сочетаться с послелогоми приблизительного счета *шаху* – почти, около, *һарь* – более, за (*эдү шаху* – почти вот столько, *тэдү һарь* – более того).

Количественно-указательные местоимения, как и качественно-указательные местоимения, являются атрибутивным компонентом в субстантивном словосочетании, занимают препозитивное положение к определяемому слову – имени существительному, либо присоединяются к субстантивному словосочетанию с определяющим словом – именем прилагательным и выполняют в предложении функцию определения. Например: *Эдү мөнгө альдасъ арһълхъв?* – *болжъ хотна улсин нэгень кэлле* (Н.М.) – «Где достать столько денег?» – сказал один из жителей села. *Тэдү наста көвүн тэре жилин, тэре сарин, тэре өдөр шарльхад гэмтэд үкве* (Х.т.) – Мальчик во столько-то лет, в таком-то году, в таком-то месяце, в такой-то день заболел желтухой и умер.

Послелог *дүнгэ* и усилительная частица *минь* – только что, сразу, именно сейчас усиливают важность указания на количество, качество. Например: *Тэдү дүнгэ цаһан сэджкелтэ, өре өвче эмген бөөсмен* (Б.А.) – Настолько была добрая, соперечающая старушка. *Хөөче Доржин гэрген Харка минь эдү кэмде эзен Ноонин үкөрмүд оньдин ирже саана* (Э.К.) – Харка, жена чабана Дорджи, именно в это время всегда приходит доить коров хозяина Ноони.

Количественно-указательные местоимения, употребляясь без определяемого слова, субстантивируются и указывают на количество, отвлеченные числа при счете, употребляемые в арифметических действиях, поэтому имеют парадигму склонения. Они изменяются по 3-му типу склонения.

Склонение нумеративно- указательных местоимений

Им.	<i>эдү</i>	<i>тэдү</i> – столько
Род.	<i>эдүгин</i>	<i>тэдүгин</i> – столькоих
Дат.-мест.	<i>эдүде</i>	<i>тэдүде</i> – столькоим
Вин.	<i>эдүге</i>	<i>тэдүге</i> – столько
Оруд.	<i>эдүгэр</i>	<i>тэдүгэр</i> – столькоими
Соед.	<i>эдүлэ</i>	<i>тэдүлэ</i> – со столькоими
Совм.	<i>эдүтэ</i>	<i>тэдүтэ</i> – со столькоими
Исх.	<i>эдүгэсе</i>	<i>тэдүгэсе</i> – от столькоих
Напр.	<i>эдүгүр</i>	<i>тэдүгүр</i> – к столькоим

Количественно-указательные местоимения участвуют в словообразовании. В сочетании с серийными послелоговами *мэте*, *мэтэр* – подобно образуют наречие. Например: *Тэдү мэт үлгүрмүд Боован көделмеште ольн* (К.Т.) – Подобных примеров в работе Боовы много. *Өөрдөн, төрскен нутган тэдү мэтэр дөрве дөкже магтвь* (К.Т.) – Ойратию, свою родину, таким образом, он четыре раза воспел.

Парные основы данных местоимений служат для указания на неопределенное количество: *Эдү-тэдү хөн харувъ гифэд*, *Ноони мана күзүн дээрэ мордьчкад үкен-үкетлэн зархар сэдхе* (Э.К.) – Посчитав, что столько-то овец недостает, Ноони сядет на шею и будет эксплуатировать до самой смерти. *Эдү-тэдү болтъл, хөрхе цаг болвъ*. – Пока то да сё, настало время идти домой.

К пространственно-указательным местоимениям относятся слова с общим пространственным значением *энде*, *энүнде/үүнде* – здесь, *тэнде*, *тэрүнде/түүнде* – там, *иигэн* – сюда и *тиигэн* – туда и производные от них слова *эндәсе* – отсюда и *эндөһөр/эндөһүр* – здесь по поверхности, *эдүкенде* – вблизи, *тэндәсе* – оттуда и *тэндөһөр/тэндөһүр* – там по поверхности, *тэдүкенде* – в отдалении, *иигэрэн/иигэлэн* – сюда и *тиигэрэн/тиигэлэн* – туда. Все они по семантике и грамматически соотносятся с обстоятельственными наречиями места.

В образовании пространственно-указательных местоимений, как и в наречиях, участвуют изолированные словоформы дательного, орудного, исходного и направительного падежей, в которых окончания, утратив свое словоизменительное значение, превратились в словообразовательные суффиксы (Орловская, 1974, 194; Монраев, 1980, 38). Все они являются производными от различных основ: от предметно-указательных местоимений *эне* – этот и *тэре* – тот, количественно-указательных местоимений *эдү* – вот столько и *тэдү* – вон столько с помощью уменьшительного суффикса *-кн/-хн* и словообразовательного суффикса *-де*, от основ вербально-указательных местоимений *иигхе* – делать вот так и *тиигхе* – делать вон так с помощью суффикса *-эн*

Пространственно-указательные местоимения различаются по семантике, представляют собой антонимичные пары. Все они являются зависимым компонентом в адвербиально-глагольных словосочетаниях, примыкают к глаголу, в предложении выполняют функцию обстоятельства места и указывают на пространственное расположение явления, процесса действия или состояния:

- на местоположение действия (*энде*, *энүнде/үүнде* – здесь и *тэнде*, *тэрүнде/түүнде* – там, *эдүкенде* – вблизи и *тэдүкенде* – в отдалении);

Местоимения *энде* и *тэнде* могут указывать на более широкое, а *энүнде/үүнде* – здесь и *тэрүнде/түүнде* – там, напротив, – на более узкое пространство. Например: *Би энде ирснәсе нааран нәге чиген шову хаһад угальм* (Б.Б.) – После своего прибытия я здесь ни одной птицы не стрелял. *Эне өмне бийде Харь Цохъ гидег толһадъ эднәхнә хөөнә хошъ йовна*. *Түүнде Шэве гифэд нәге өвген бөөнә, түүнәсе мөрэн тэргинь татулжъ авад хәре* (Б.Б.) – На этой южной стороне холма Хар Цох находится их кошара. Там живет старик по имени Шев, возьми у него подводу и поезжай домой. *Минь үүнде гүн тоха бөөнә, мөрән амратън, ундъ эделтен* (Н.М.) – Здесь есть глубокий овраг, коню дайте отдохнуть, напиток примите.

Местоимения *эдүкенде* и *тэдүкенде* предполагают наличие какого-либо объекта, относительно которого на расстоянии совершается действие. Например: *Тэре ормасън босад, эдүкенде өвсе түүжәсен күүкед улсур ирве* (Б.А.) – Встав с того с места, (он) подошел к женщинам, вблизи половшим траву.

- на направленность действия от ориентира (*эндәсе* – отсюда и *тэндәсе* – оттуда). Например: *...эндәсе Канур олад, эрсте өлгәтә бөөсен домбър авад, Эрвенгин һартъ бәрүлве* (Э.К.) – ...отсюда подошел Канур, снял висевшую на стене домбру и дал в руки Эрвене;

- на направленность действия к ориентиру (*иигэн* и *иигэрэн/иигэлэн* – сюда, *тиигэн* и *тиигэрэн/тиигэлэн* – туда). Например: *Би басъ тиигэн һарчанав. Района дундъ школдъ директор болжъ одхъв* (Б.А.) – Я тоже туда перебираюсь. Буду директором районной средней школы.

- на ненаправленное действие по поверхности чего-либо (*эндәһәр/эндәһүр* – здесь по поверхности, *тэндәһәр/тэндәһүр* – там по поверхности). Например: *Чи эндәһәр йовь, би тэндәһәр йовсыв, хаана үүденде харһия* (Заг.) – Ты иди по этой стороне, я пойду по той стороне, встретимся у ханских ворот (Отгадка: *ишкә гэрин бүсе* – опояска юрты).

Следует отметить, что пространственно-указательные местоимения, указывающие на направленность/ненаправленность действия, сочетаются преимущественно с семантическим классом глаголов движения.

Неопределенность места совершения и направления действия передается парными пространственно-указательными местоимениями. Они приобретают более обобщенное значение: *энде-тэнде* - повсюду, *эндәсе-тэндәсе* - отовсюду, *энде-тэндәһүр* - там и сям, *иигән-тиигән* – туда-сюда, во все стороны. Например: *Күцөгче комитетин уть коридорть энде-тэнде багльрвь* (Б.А.) – В длинном коридоре исполнительного комитета то там, то здесь собрались группы. *Харладь энде-тэндәсе зүсен-зүүле зэнге ирнө* (Н.М.) – Харле отовсюду поступают разные известия.

Вербально-указательные местоимения *иигхе* – делать вот так и *тиигхе* – делать вон так, таким образом указывают на действия, тождественные глагольным действиям, которые совершались, совершаются либо будут совершаться. Они употребляются во всех финитных - собственно глагольных (залоговых, видовых, временных, наклонения) формах, обладают словоизменением и в предложении выполняют предикативную функцию. Например: *Көделмшәсен ирчкәд, эне мэл иигнө. Өдөр болһын алхь, булхь болна.* – Придет с работы и всегда так делает. Каждый день – убью, зарежу. *Наарьлч. Энүгичен иигехмен* (Б.Б.) – Подойди сюда. Это надо сделать так. *Тиигтхө. Йөрөл бүттхө.* - *гилдже эмгнө сәджлинь тэвчелдәд, йөрөлдень багтьлдад, наадкьсьнь хошад-һурвад цаһан мөнгөд өгәд, арслынгуд һарһад өгцхәве* (Э.К.) – Пусть будет так. Сбудется благопожелание, – сказав, из уважения к старушке, поддерживая ее благопожелание, стали класть по две-три серебряных монеты и давали рублями.

Вербально-указательные местоимения могут образовывать нефинитные глагольные формы (причастий и деепричастий), которые характеризуются неизменяемостью и субстантивируются подобно причастиям.

Употребляясь в речи в форме соединительного, разделительного, реже слитного деепричастий, местоимения *иигхе* и *тиигхе* являются обстоятельно-определятельным компонентом адвербиально-глагольного словосочетания и в предложении выступают в функции обстоятельства образа действия. Они замещают целые предложения и с глаголом сочетаются контактно. Например: *Иигже бәәснәсе сән юмьн уга.* – Нет ничего лучше такой жизни. *Вася, буйһн болтха, авад йович. Көлдчен мөргнөв, - гиһәд уульвь.* – Бата, *тиигже бичө кәле* (Э.К.) – Вася, пожалуйста, возьми с собой. Поклонюсь тебе в ноги. – сказав, заплакал. – Бата, ты так не говори. *Зуг бичкә иигже хәләһич* (Б.Б.) – Только не смотри так, пожалуйста.

Широко употребительны адвербиально-глагольные словосочетания, в которых компоненты расположены дистантно, так как поясняются другими членами предложения, чаще всего обстоятельствами образа действия, усиливающими указание на действие, выраженное глаголом. Например: *Эден иигәд мандь өнгәр көделнөхен, угатя улсь эделтхә гиже нәге бүрү-һунжь өгхе сәдкел мэл уга* – Они вот так даром на нас работают, нет совсем желания дать беднякам для пользования бычка или корову-трехлетку. *Ода иигәдел чадсь-чидсәрен көдлөд бөөневлен* (Э.К.) – Вот так мы по мере возможности работаем. *Тиигже бийлөһән кәсег ноолдвь.* – Так она долго боролась с собой. *Тиигәд эден оньдинде бичгән авьлщихана* (Б.А.) – Так они постоянно обмениваются письмами.

Вербально-указательные глаголы *иигхе* и *тиигхе* в форме предельного деепричастия указывают на действие, на фоне которого совершается действие глагола. Например: *Та хойьр «орсь» өдмегтөгәр идхмен болхьговт, - гиһәд Муузра өдмег углад, тәвже өгәд, эврән гиичнертөһән суувь. Тиигжәтел һазакь үүден «хард» гиһәд, ...дотакь үүден арһул сәкегд-ве* – Сказав, вы, двое русских, конечно же, будете есть с хлебом, - Музра нарезал хлеб и

поставил перед ними, сам сел с гостями. Пока так пребывали (=делали), хлопнула наружная дверь,.. тихо открылась внутренняя дверь. *Тиигэ бөөтел, нарън сууһад бүрүл орвь* (Э.К.) - Пока так пребывали, солнце село и спустились сумерки.

Присоединение к данным формам притяжательных частиц *-ан/-эн* указывает на предельность действия, тождественного действию глагола. Например: *Яһад намагъ иигтлэн шоодад бөөнет?* – Почему вы меня так (=до такой степени) осуждаете? *Цаадкъ үүринчен хормадън юн һал орсымбъ, тиигтлэн гүүгэд йовхъ.* - гиже *Цаста инэмсже кэлве* (Э.К.) - У того твоего друга не огонь ли под полой, так быстро мчится, - насмешливо сказала Цаста.

Местоимения *иигхе* и *тиигхе* в форме условного и последовательного деепричастий указывают на действие-следствие, тождественное действию глагола. Например: *Тэден маниге хармынш уга. Тиигхлэ биден чиген тэдниге хармынш угавдън* (Э.К.) – Они нас не пощадят. Если так будет, то и мы их не пощадим. *Намъртан хэрү одхъв гинчи? Мана хө кэн хөлэхемб? Тиигхлэрен амрад бөөсен биден тэре* (Э.К.) – Осенью опять хочешь отправиться? Кто будет пасти наших овец? Если так будет, то мы так «отдохнем» (иронично = лишимся всего).

Парное сочетание вербально-указательных местоимений указывает на неопределенность действия и протяженность его во времени. Например: *Хоть иде гихлэ, иигсен-тиигсен болжаһад, босад йовжъ одна.* – Когда предлагаешь ему поесть, он поест кое-как (=так-сяк), поднимается и уходит. *Иигэ-тиигэ суутъл, кино дарунь чилже одвь* (Э.К.) – Пока так-сяк посидели, кино закончилось.

Будучи во временных формах причастий, вербально-указательные глаголы являются определяющей составляющей в субстантивном словосочетании с атрибутивным компонентом – причастием, они занимают препозитивное положение и, подобно прилагательным, примыкают к определяемому слову, остаются неизменяемыми. Например: *Совхоз өскжөхе шовудыгъ эздудте чиген тиигхе кэрег болжана* (Б.Бат.) – Птиц, выращиваемых совхозом, посылно таким образом выращивать и хозяевам (частникам). *Асхъндън нөөрте гүүхе кэрегтө, мандъ тиигдег чөлөн уга* (Э.К.) – Вечерами надо бегать на посиделки, у нас нет такой возможности.

Причастный субстантив от вербально-указательных местоимений *иигхе* и *тиигхе* участвует в образовании наречия времени *иигхеде* и *тиигхеде* – тогда, в то время от изолированных форм дательного-местного падежа, указывающих на время действия. Например: *Сөөни өрөле давтъл йовлавдън, һатльһна һанц модна өөре кэсег бөөлөвден. Тиигхлэн ю күүндсен болхъв?* – Заполночь гуляли, у одинокого дерева у брода долго стояли. Тогда (=во время гуляния) о чем же мы говорили? *Элстде сотнь тогтахдъ угатя, батрак улсь цуглулжъ авла. Тиигхде Мишкиге сурһуль уга болвь чиген, сөн орсь кэлтө, батрак тохъм-та күн гиһэд, сотня командир шиидлө* (Э.К.) – Когда в Элисте создавали сотню, собрали батраков. Тогда (=когда собрали) Мишку поставили командиром сотни, несмотря на то, что он был безграмотным, как человека, знающего русский язык и батрацкого происхождения.

Притяжательные местоимения

В современном калмыцком языке притяжательные местоимения представлены формами родительного падежа личных местоимений 1 и 2-го лица обоих чисел (*мини* – мой и *мана/мадна* – наш, *чини* – твой и *тана/тадна* – ваш) и безлично-притяжательным местоимением *эврэ* - свой, традиционно именовавшимся возвратным. Принадлежность 3-му лицу обоих чисел обозначается формами родительного падежа лично-указательных местоимений (*энүнө/үүнө* и *тэрүнө/түүнө* - его, *эднө* и *тэднө* - их).

Все они являются определяющими словами в субстантивных словосочетаниях с атрибутивным компонентом – притяжательными местоимениями и по значению делятся на 2 группы:

- лично-притяжательные местоимения *мини* и *мана/мадна*, *чини* и *тана/тадна*, *энүнө/үүнө* и *тэрүнө/түүнө*, *эднө* и *тэднө* указывают на принадлежность предмета обладания

конкретному лицу, выраженному определением, либо имени существительному в родительном падеже, выраженному дополнением;

- безлично-притяжательное местоимение *эврэ* - свой выражает значение принадлежности предмета обладания любому лицу, либо субъекту, выраженному подлежащим.

Значение принадлежности данными местоимениями передается аналитическим способом, двумя моделями: 1) притяжательное местоимение + имя существительное (*мини гэр/гэрмүд* – мой дом и мои дома, *мана/мадна гэр/гэрмүд* – наш дом и наши дома, *чини гэр/гэрмүд* – твой дом и твои дома, *тана/тадна гэр/гэрмүд* – ваш дом и ваши дома, *энүнэ/үүнэ гэр/гэрмүд* – его дом и его дома, *эднэ/тэднэ гэр/гэрмүд* – их дом и их дома; *эврэ/эврэнэн гэр/гэрмүд* – свой дом и свои дома) и 2) притяжательное местоимение + имя существительное с притяжательными частицами, образованными вследствие усечения притяжательных местоимений (*мини гэрэм/гэрмүдем* – мой дом и мои дома, *мана гэрэмден/гэрмүдемден* – наш дом и наши дома, *чини гэрчэн/гэрмүдчэн* – твой дом и твои дома, *тана гэртен/гэрмүдтен* – ваш дом и ваши дома, *энүнэ/тэрүнэ гэрень* – его дом, *эднэ/тэднэ гэрень* – их дома; *эврэ гэртэн/гэрмүдтэн* – в своем доме и в своих домах).

Притяжательные местоимения соотносятся с именами прилагательными. Они занимают препозитивное положение в отношении существительного, обозначающего в субстантивном словосочетании предмет обладания, остаются неизменяемыми и выполняют в предложении функцию определения. Например: *Эnten мини эзен Ноонин көвүн* (Э.К.) – Он – сын моего хозяина Ноони. *Мана тээgte чонь кэзэнэ элвэг билэ.* – Прежде в нашей степи волков было много. *Энүнэ ахнь Москвадь сурхуль сурчь йовна* (Хку) – Его брат учится в Москве. *Би эднэ настан буута дээнде йовлав* (К.Д.) – Я в их возрасте был на войне с оружием. *Экен уга болхла, эврэ толһа чиген ацан* (У.) – Глупому и своя голова обуза. *Биден эврэнэн Төрскендэн кэмжэн уга дуртавдн* (Хку) – Мы любим свою Родину безгранично. *Эврэнэн уулинцль оржь авад, Гэрэн Басьн шудрад йовна* (Б.Н.) – Гаряев Басанг вышел на свою улицу и пошел.

Притяжательные местоимения, употребляемые без определяемого слова, субстантивируются и склоняются по 3-му типу склонения.

Простое склонение субстантивов притяжательных местоимений

Падежи	Простое склонение субстантивов притяжательных местоимений						Безл.-притяж. местоим.
	1 лицо		2 лицо		3 лицо		
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.	
Род.	<i>мини</i> мой	<i>мана</i> наш	<i>чини</i> твой	<i>тана</i> ваштүүнэ	<i>үүнэ/теднэ</i> его	<i>эднэ/свой</i> их	<i>эврэ</i>
Дат.-мест.	<i>миниде</i>	<i>манадь</i>	<i>чиниде</i>	<i>танадь</i>	<i>үүнэде</i>	<i>эднэде</i>	<i>эврэде</i>
Вин.	<i>миниге</i>	<i>манагь</i>	<i>чиниге</i>	<i>танагь</i>	<i>үүнэге</i>	<i>эднэге</i>	<i>эврэге</i>
Оруд.	<i>миниһэр</i>	<i>манаһар</i>	<i>чиниһэр</i>	<i>танаһар</i>	<i>үүнэһэр</i>	<i>эднэһэр</i>	<i>эврэһэр</i>
Соед.	<i>минилэ</i>	<i>манала</i>	<i>чинилэ</i>	<i>танала</i>	<i>үүнөлэ</i>	<i>эднөлэ</i>	<i>эврөлэ</i>
Совм.	<i>минитэ</i>	<i>маната</i>	<i>чинитэ</i>	<i>таната</i>	<i>үүнэтэ</i>	<i>эднэтэ</i>	<i>эврэтэ</i>
Исх.	<i>миниһэс</i>	<i>манаһась</i>	<i>чиниһэсе</i>	<i>танаһась</i>	<i>үүнэһэсе</i>	<i>эднэһэсе</i>	<i>эврэһэсе</i>
Напр.	<i>миниһур</i>	<i>манаһур</i>	<i>чиниһур</i>	<i>танаһур</i>	<i>үүнэһур</i>	<i>эднэһур</i>	<i>эврэһур</i>

В неполных парадигмах притяжательных местоимений совмещены словоформы двух склонений: словоформы простого склонения – только в родительном падеже, они служат исходной основой для двойного склонения, начинающегося с дательного падежа. В содержательном плане значение словоформ 1, 2 и 3-го лица множественного числа расширяется до понятий «дом» или «семья» конкретного лица.

Субстантивированные формы притяжательных местоимений выполняют в предложении функции сказуемого, дополнения и обстоятельства. Например: *Чини зурьг миниһэсе сээхен болжь* (Хку) – Твоя фотография оказалась лучше моей. *Эврэһэн энкерлэд.*

күүнәге һазалад бөөже болшго (С.-Б.Х) – Нельзя своего ласкать, а чужого отталкивать. Тана мана уга дүркелсен бөөдег (Ж.) - Живут радостью полны, не зная «ваше» и «наше». Би эне күүкитен ишкә дорь дарад, әмтнәсе бултулад, танадл сөөһәр авчь ирлүс (Э.К.) – Я эту вашу девушку, укрыв кошмой и спрятав от людей, к вам (=в ваш дом) ночью привез ведь.

Лично-притяжательные местоимения 3-го лица множественного числа способны принимать притяжательные частицы. Например: ...эднәнчен үкерте оржана – устраивается в их (=твой ваш) гурт; эднәдген бүкел цә өртәвден – Им (=им твоим) мы должны целую плитку чая; ...тәднәһитен нүүлһже авла - их (=ваших их) перевезли к себе.

Притяжательные местоимения 1, 2 и 3-го лица множественного числа субстантивизируются также при помощи суффикса *-хън/-кен* и выражают собирательно-множественное, обобщающее значение «племя, род, аймак, улус»: *манахън* - все наши, *танахън* - все ваши, *эднәкен* и *тәднәхен* - все они. Данные формы способны принимать суффикс множественного числа *-с*, при наращении которого выпадает неустойчивый согласный *-н* в исходе основы: *манахъс*, *танахъс*, *эднәхес* и *тәднәхес*. Данные субстантивные формы имеют полную парадигму словоизменения:

Им.	<i>манахън</i>	<i>танахън</i>	<i>эднәхен</i>	<i>тәднәхен</i>
Род.	<i>манахна</i>	<i>танахна</i>	<i>эднәхнә</i>	<i>тәднәхнә</i>
Дат.-мест.	<i>манахъндь</i>	<i>танахъндь</i>	<i>эднәхенде</i>	<i>тәднәхенде</i>
Вин.	<i>манахниге</i>	<i>танахниге</i>	<i>эднәхниге</i>	<i>тәднәхниге</i>
Оруд.	<i>манахнар</i>	<i>танахнар</i>	<i>эднәхнәр</i>	<i>тәднәхнәр</i>
Соед.	<i>манахънла</i>	<i>танахънла</i>	<i>эднәхенлә</i>	<i>тәднәхенлә</i>
Совм.	<i>манахънта</i>	<i>танахънта</i>	<i>эднәхентә</i>	<i>тәднәхентә</i>
Исх.	<i>манахнась</i>	<i>танахнась</i>	<i>эднәхнәсе</i>	<i>тәднәхнәсе</i>
Напр.	<i>манахнур</i>	<i>танахнур</i>	<i>эднәхнүр</i>	<i>тәднәхнүр</i>

Данные субстантивированные формы выполняют в предложении функцию подлежащего, сказуемого, определения, дополнения и обстоятельства. Например: Эднәхен нүүлхәр бөөнә гисен үнен бөөже билтәл (Э.К.) – Оказывается верно, что они все собираются кочевать. Тәнде үзегдже бөөхе хотън – манахън. - Видимый в отдалении хотон – наш. Танахна хурьл хаахъмжь гисен зәнге ниднәсе нааран жирес-жирес гиһәд һара билә – Известие о том, что ваш хурул закрывают, распространялось с прошлого года. Кәсег күн манахъндь ирсен бөөнә (Э.К.) - Много людей приехали к нам (=в хотон, аймак).

Притяжательные местоимения участвуют в словообразовании наречий: *миниһәр* – по-моему, *манаһәр* – по-нашему, *чиниһәр* – по-твоему, *танаһәр* – по-вашему, *эврәһәрен* – по-своему. Безлично-притяжательное местоимение *эврә* - свой является мотивирующей основой глаголов: *эврәлхе*, *эврәшелхе* – присваивать.

Определительные местоимения

В современном калмыцком языке к определительным местоимениям относятся синонимичные по семантике слова *цуг*, *цугтан*, *цуһар*, *хамъг*, *бүгдә* – весь, все, всё, указывающие на совокупность предметов и лиц, а также синонимы *эврән* и *бийень* – сам, указывающие на индивидуальный предмет или лицо.

В группе местоимений *цуг*, *цуһар*, *цугтан* последние два образованы от разных падежных форм первого – *цуг* с помощью суффикса *-н*: от формы орудного падежа - *цуһарън* и совместного падежа – *цугтан*. Каждая из них имеет собственную парадигму склонения и в косвенных падежах присоединяют к себе лично-притяжательные частицы 3-го лица.

Из местоимений, указывающих на совокупность предметов и лиц, наименее употребительным является *бүгдә*.

Склонение определительных местоимений

Им.	цуг	хамъг	бүгдe	цуһар	цугтан	- весь, все, все
Род.	цугин	хамгин	бүгдин	цуһараннь	цугтаннь	- всего, всех
Дат.-мест.	цугть	хамъгть	бүгдте	цуһараднь	цугтаднь	- всему, всем
Вин.	цугиге	хамгиге	бүгдиге	цуһараһинь	цугтаһинь	- все, всех
Оруд.	цугар	хамгар	бүгдөр	цуһараһарнь	цугтаһарнь	- всем, всеми
Соед.	цугла	хамъгла	бүгдлө	цуһаралань	цугталань	- со всем, со всеми
Совм.	цугта	хамъгта	бүгдтө	цуһаратань	цугтатань	- со всем, со всеми
Исх.	цугась	хамгась	бүгдәсе	цуһараһаснь	цугтаһаснь	- от всего, от всех
Напр.	цугур	хамгур	бүгдүр	цуһараһурнь	цугтаһурнь	- ко всему, ко всем

В парадигме местоимений *цугтан* и *цуһар* во всех косвенных падежах образуются алломорфы: к исходной основе словоформы *цуһар* наращивается гласная фонема <a> (*цуһара-*), в словоформе *цугтан* происходит усечение конечной фонемы <n> (*цугта-*).

Определительные местоимения занимают преимущественно постпозитивное положение к определяемому слову и принимают падежные окончания и притяжательные частицы. Сочетаются они с именами существительными (*бах чуд цуһарън* – молодежь вся, *сэлэнэ ульс цугтан* – селяне все, *шүлгүдэн цуһараһинь* – стихи свои все, *дэлкө бүгдөрөн* – вселенная вся), с местоимениями (*эне хамгиге* – это все, *эне хамган* – это свое все, *маниге цуһараһимден* – нас всех, *эдниге цугтаһинь* – их всех), с субстантивированными причастиями (*нөөрте бөөсен ульс цуһар* – присутствующие на празднике все, *тэре заасън хамгинь* – то указанное все, *эне дээрэ кэлегдсен хамъгтънь* – ко всему сказанному выше).

Указывая на совокупность предметов и лиц, они употребляются не только в словосочетаниях, но и самостоятельно, в предложении функционируют в роли подлежащего, сказуемого и дополнения. Например: *Хөөчнер кээрe хурхларън, цугтан эврөнен бөөсен эдүдинен тускар күүндег болад ирцхэве* (Э.К.) – Чабаны все, когда собирались в степи, стали говорить о своих хозяевах. *Тавън, орън-нутган цуһар босчъ харсхъ кэрегтө* (Б.Н.) – Таван, на защиту родины должны встать все. *Тэлтер цугтаһинь тосад, үге кэлүллго цөөлһве* (Б.Н.) – Телтер опередил всех, не дав сказать ни слова, пояснил. *Цаһаниге күлөл уга йовхлачън, маниге цуһараһимден алхъ* (Э.К.) – Если ты отправишься, не дождавшись Цаган, нас всех будут ругать. *Алдър Гэсер богдъ хан Арагни-го хатан өмен өдел дотальгсън, өмтен бүгдәсе бултульгсън бөөдег болна* (Ф.) – Великий Гэсер богдо хан свою супругу Арагни-го оберегал больше жизни, от всех людей прятал.

Значение совокупности лиц, передаваемое местоимениями *цугтан* и *цуһар*, дополняется значением совместности действия субъекта, выраженного подлежащим, с другими лицами, выраженными определяемым словом и местоимением, которые оба находятся в соединительном падеже (*Бата... наадъкъслань цуһаралань* – Бата... со всеми другими). Например: *Бата Василий хойър хургасъ шуугълдад һарчъ йовсън улсла цуһаралань һар атхжъ мэндлөд, ике гидег байърта Муузраниге тэмцэд һарцхавъ* (Э.К.) – Бата с Василием, поздоровавшись за руку со всеми людьми, шумно выходящими с собрания, возбужденные, направились к дому Музры.

В препозитивном положении местоимения *цуг*, *цугтан*, *цуһар*, *хамъг* употребляются в различных падежных словоформах и значениях, функционируют в предложении в роли определения:

- в исходной форме: *Энтел хан цуг мэдрелтө цэцен улсан цуглулад сурна* (Х.т.) – Хан этой стороны собрал всех своих мудрых людей и спросил. *Хамъг монһлын чуулһан экелве.* – *Всеомонгольский конгресс начался. Шиндөде болхла, Баатър - тэрүнө цуг ирегчень, кишгень чиген болхъ... Кэн мэдхев?* (Ж.А.) – Для Шинды Баатър – все ее будущее, и, может, даже счастье... Кто знает? *Харь үкер тэнгер хөлөже, хамъг ульс тэрүге хөлөже* (Заг.) – Черная корова в небо смотрит, а весь люд на нее смотрит (отгадка: котел).

- в родительном падеже в значении принадлежности (*цуһаранень һар* – руки их всех,

цуһарангын һартъ – в руках вас всех). Например: *Бата цуһарангын чирэ кэден-кэден хэлэчкэд, муһхьлзжэ инэве* (Э.К.) – Бата, переходя с места на место, вглядываясь в лица всех, усмехнулся.

- в форме род. и исх. падежа употребляется в значении выделительном: единичного из множества. Например: *Залху уга Муузрангын өөре цугинен отхн болад, эрклэд йовсын бийем кэсег зовльн үзлэв*. – Несмотря на то, что около своего непоседливого брата Музры был младше всех и обласкан, я видел много горя. *Цуһараһасьнь бичкен Мууша гидег көвүге Бата оньдин эвлэд, бий талан ээлтэ кэһэд авчквь* (Э.К.) – Мальчика Муушу, младшего из всех, Бата, уговаривая, приблизил к себе.

- местоимение *хамьг* в родительном падеже приобретает значение слова-интенсива и, подобно словам *маш, йир, зөвөр* – очень и т.д., в сочетании с качественными именами прилагательными и наречиями обозначают усиленную степень качества и признака. Например: *Байкал - моһьльцг һазьр дээрэ бөөсен нуурмудась хамгин гүн нур* (Х.ү.) – Байкал – самое глубокое озеро на земном шаре. *Балдра Харка – хамгин нэртэ саальч* (Б.Т.) – Самая знаменитая доярка – Болдырева Харка. *Шине ирсен бичкен бэрэд хадьдан, мэдэтэ улсть хамгин түрүнде һанзинь авад, тэмке нэрже өгдемен* (Э.К.) – Молодые снохи прежде всего (=в самом начале) свекру и пожилым людям, взяв их трубки, набивают табаком и прикуривают. *Цуг эне төрте Петр хан хамгин үүлдверче кэвэр орьльцвь* (С.А.) – Во всех этих делах царь Петр участвовал самым деятельным образом.

Указывая на исчерпывающий охват отдельных однородных предметов, местоимения *цуг, цугтан, цуһар, хамьг*, употребляются в значении обобщающих слов. Например: *Урдьнь намагь ахньр-дүүнер, үйнер цуһаргын дөөгелдег билэ*. – Прежде старшие и младшие братья и ровесники – все дразнили меня. *Не, цуһарадьнь: Муузрадь, Зунһрудь, Хардь, Цаһандь эркен цаһан мэнде кэлтен*. – Ну, всем: Музре, Зунгру, Хару и Цаган – передайте искренний привет. *Эврэн үзже, мэдже йовсын хамган иигэд бичже болхьмжэ, - гижэ Бата гүүнөр саналдвь* (Э.К.) – Бата глубоко вздохнул, – оказывается, можно так писать самому обо всем увиденном и известном.

Определительные местоимения *эврэн* – сам и *бийень* – (он) сам имеют значение противоположное значению совокупности предметов и лиц и указывают на индивидуальный предмет или лицо.

Местоимение *эврэн* (в торгутском говоре форма мн.ч. *эверсэн* – сами) функционирует в языке только в форме именительного падежа, выступает в предложении подлежащим и обозначает, что кто- или что-нибудь является действующим субъектом. Например: *Эврэн кэхе көделмшэн күүнде бичэ даалһ* (Пог.) – Работу, которую должен сделать сам, не поручай другому. *Купеде гүүже оржэ ирве. Өвкенрин бөөсен, эврэн өссен һазьртан күрче ирсэн Дорж мэдве* (Б.Н.) – Забежал в купе. Дорджи понял, что уже прибыл на землю, где жили предки, где вырос сам. *Тэре хуучын хамхьрха «СТЗ», «НАТИ» трактормудыг биден эверсэн яснавльн* (Б.А.) – Те старые сломанные тракторы «СТЗ», «НАТИ» мы сами отремонтируем.

Местоимение *эврэн* в речи чаще употребляется в постпозиции к имени, в том числе и к личным местоимениям для усиления его субъектного значения: *Дорж эврэн* – Дорджи сам, *би (чи, тэре) эврэн* – я (ты, он) сам, *биден (тадьн, тэден) эврэн* – мы (вы, они) сами. При условии, что предикат предложения оформлен лично-предикативной частицей, местоимение *эврэн* употребляется самостоятельно. Например: *Уга, би эврэн талдан отарты эзен болхар сэджэнэв* (Э.К.) – Нет, я сам хочу быть хозяином в другой отаре. *Эврэн мэднэв: дээрэ больвчын, күүнэл* (Б.Т.) – Сам знаю: лучше, но чужая. *Яһжэ бичхень эврэн мэджэхговьч*. – Как писать, ты сам знаешь. *Олна дү отхн көвүн гиһэд, эрклүлө бөөже, эврэн үрэжэнэт, гиһэд...* *Цаһан һаньдглад бөөнэ* (Э.К.) – Цаган возмущается: считая мальчика младшим среди братьев и сестер, балуете, вы сами портите его.

Местоимение *бийень* – (он) сам выделилось как самое употребительное в речи в ряду других форм с лично-притяжательными частицами, присоединяемыми к имени существительному *бийе* – тело, организм, личность (*бийем* – я сам, *бийемден* – мы сами, *бийень* – он сам, *бийчен* – ты сам, *бийтен* – вы сами, *бийсень* – они сами). Лично-

притяжательные частицы придают слову *бийе* конкретное содержание «сам» + значение лица», а не принадлежности лицу. Во множественном числе оно оформляется аффиксом множественности *-с*: *бийсень* – сами.

Местоимения *бийень/бийсень* имеют полную парадигму словоизменения:

	Единственное число	Множественное число
Им.	<i>бийень</i> – он сам	<i>бийсень</i> – они сами
Род.	<i>бийинень</i> – его самого	<i>бийсинень</i> – их самих
Дат.-мест.	<i>бийдень</i> – ему самому	<i>бийсдень</i> – им самим
Вин.	<i>бийинь</i> – его самого	<i>бийсинь</i> – их самих
Оруд.	<i>бийэрень</i> – им самим	<i>бийсэрень</i> – ими самими
Соед.	<i>бийлэнь</i> – с ним самим	<i>бийслэнь</i> – с ними самими
Совм.	<i>бийтэнь</i> – с ним самим	<i>бийстэнь</i> – с ними самими
Исх.	<i>бийэсень</i> – от него самого	<i>бийсэсень</i> – от них самих
Напр.	<i>бийүрень</i> – к нему самому	<i>бийсүрень</i> – к ним самим

В именительном падеже *бийень* выступает как грамматический омоним местоимения *эврэн*, а в косвенных падежах является в предложении дополнением. Местоимение *бийень* употребляется в контексте самостоятельно (*бийдтен му болхъ* – вам самому будет плохо, *бийдем бичэ өөрдтен* – не приближайтесь ко мне самому, *бийинь магтхъ* – хвалить его самого). Однако оно занимает преимущественно постпозиционное положение к имени (*Боктадь бийдень* – Бокте самому, *Харкан бийлэнь* – с Харкой самой), либо к лично-указательным местоимениям 3-го лица (*эне/тэре бийень* – он сам и *эден/тэден бийень* – они сами), образуя нераздельное словосочетание. Например: *Ноони бийсень удан унтад сэрсен бөөделтэ*. – Ноони, видимо, сам проснулся после долгого сна. *Дөкөд күче-көлсчнер бийсень зөве гиһэд, эне хурла ике гэриге олзълхар энде школ һарһла*. – Поэтому трудящиеся сами решили открыть здесь школу, чтобы использовать этот большой хурульный дом. *Харкан бийдень өвдгэн даржъ, нилхе күүкендэн көке көкүлдег чөлөн күртхеш* – Харке самой не хватает времени, чтобы присесть и покормить грудного ребенка. *Ике харъ миис бийинь маажхар дэверсен болжъ зүүден орвь* (Э.К.) – Приснилось, что большая черная кошка хотела его (=его самого) поцарапать. *Чини муңхьг һацанчын бийичен зоваһад йовна* (Б.А.) – Твое глупое упрямство мучает тебя самого.

Местоимение *бийень* часто выступает как парное слово *эврэн бийень* – сам в им. п. в качестве подлежащего. Например: *Эврэн бийень күрче чадшго больвчын, үүрмүдень эрдни-шишөде оньган өгче хэлэве* (Б.А.) – Хотя он сам не мог добраться, его друзья заботливо ухаживали за кукурузой..

Местоимение *бийень* в сочетании с предметно-указательным местоимением *тэре* – тот, существительными и причастиями в сложно-подчиненных предложениях выполняет функцию союзов и союзных слов: *Тэре бийень энүнде барльгдсын материалмуд сэджелзүркенде өөрхен болна* (Б.А.) – Несмотря на это, материалы, печатающиеся здесь, захватывают душу. *Гүн тэнгсин бийень ширгэд, / Гүүсен элстэ көдөде хүвердег* (К.Д.) – Даже глубокое море, испаряясь, / Превращается в пустыню – зыбучие пески. *Бичкен күүкдин бийень мэднэ* (Б.А.) – Даже маленьким детям понятно. *Сумьн күцэд бөөсен бийень эне сумнась һавшунар дальтрад йовна* (по В.Гюго) – Хотя пули летели вдогонку, он ловко от них ускользал.

Бийень подверглось грамматикализации и перешло в послелог. Например: *Хулхачь... ишкэ авад, хойър-һурвь сажад, хөөнө өрү бийдень дэлгэд, Доржта хойурьн кэвтве* (Э.К.) – Хулхачи,.. взяв кошму, встряхнув два-три раза, постелив с подветренной стороны, улегся рядом с Дорджи. *«Победа» зүн бийдке хаалһар һарвь* (Б.А.) – Победа пошла по левой дороге.

Бийе- как основа местоимения *бийень* – сам участвует в словообразовании глагола (*бийеркхе* – быть самолюбивым) и прилагательного (*бийеркег* – самолюбивый).

Возвратное местоимение

Местоимение *бийэн* – себя, как и определительное местоимение *бийень* – сам, восходит к имени существительному *бийе* – тело, организм, личность в форме безаффиксального винительного падежа, которое при наращении безлично-притяжательной частицы *-эн* приобрело собственно возвратное значение и относится ко всем трем лицам в ед. и мн. числе. Например: *Би (чи, тэре) бийдэн гэр тосхввь (тосхввч, тосхвь)*. – Я (ты, он) построил себе дом. *Биден (тадън, тэден) бийдэн гэр тосхввьдън (тосхввт, тосхъцхавь)*. – Мы (вы, они) построили себе дом.

Местоимение *бийэн* соотносится с именем существительным, имеет неполную парадигму склонения, начинающуюся с дательного-местного падежа, и изменяется по типу безлично-притяжательного склонения, наращивая за падежным окончанием простого склонения соответствующие безлично-притяжательные частицы.

Парадигма склонения возвратного местоимения

Дат.-мест.	<i>бий-д -эн - себе</i>
Вин.	<i>бий-0-эн - себя</i>
Оруд.	<i>бий-эре-н - собой</i>
Соед.	<i>бий-лэ-рен /бий-лэ-н-эн – с собой</i>
Совм.	<i>бий-тэ-н-эн – с собой</i>
Исх.	<i>бий-эсе-н – от себя</i>
Напр.	<i>бий -үре-н – к себе</i>

В контексте возможно употребление формы родительного падежа *бий-ине-н*, управляемой послелогом, выражающими целевые, объектные и противопоставительные отношения в послеложной конструкции: *бийинен төлэ - ради/за себя, бийинен тускар – о себе, бийинен оръмдъ – вместо себя*. Например: *Жирен күртлэн һанцхън бийинен тускар ухалад бөөнөч* (Б.А.) – До шестидесяти лет думаешь только о себе.

В словоформах местоимения *бийэн* отсутствует морфологическая категория числа. Противопоставление в числе выражается синтаксически, т.е. формами слов, с которыми оно сочетается (лицо или глагол во мн.ч.). Например: *(Биден) бийдэн даалһсын кэргиге эрүн төре гиге тоолад, тэруге сөөнөр күцэхэр йовнавдън* (К.С.) – (Мы) считаем ответственным порученное нам (=себе) дело и стремимся выполнить его хорошо.

В предложении возвратное местоимение *бийэн* всегда является дополнением, обстоятельством или определением и связано с подлежащим. Будучи дополнением, оно выражает объектные отношения, в которых объект одновременно выступает и как субъект действия, т.к. реальное содержание местоимения *бийэн* совпадает со значением подлежащего и указывает на тождество объекта с субъектом. Например: *Нарън бийэн эрэ бэрже сууна* (Б.Н.) – Наран сидит, едва сдерживая себя. *Эне эврэнен һуужмулан бийэрен халхлад, харсхар дөверве* (по И.Т.) – Он (воробей) своих птенцов, прикрывая собой, бросился на защиту. *Эмче кэдү сэн болвь чиген, бийдэн тусьлдго* (У.) – Как бы ни был хорош лекарь, себе помочь не может. *Көке тэнгсин усън бөөрен улсиге бийүрен көделмшин бөөрнүр дуудвь* (Б.Н.) – Воды Каспия манили к себе местных жителей на места работы.

Послеложные конструкции *бий талан – к себе* и *бий дээрэн – на себя*, семантически адекватные словоформе дательного-местного падежа возвратного местоимения *бийдэн – себе*, выполняют в предложении функцию обстоятельства места. Они образовались с помощью пространственных послелогов *таль – к* и *дээрэ – на*, управляющих мотивирующей основой возвратного местоимения *бийе*, присоединив к себе безлично-притяжательные частицы *-ан/-эн*. Например: *Цаһан Батагъ ээмөсень хатхъчкад, хумха хурһарън бий талан дайльвь*. – Цаган, ткнув Бату в плечо, указательным пальцем поманила к себе. *Тииме зөв кэн бий дээрэн авхъ?* (Э.К.) – Кто на себя возьмет такое право?

Словоформы соединительного падежа в сочетании с послелогом *эдел – подобный*, а

также исходного падежа - в сочетании с именами прилагательными выражают сравнительные отношения и, являясь атрибутивным компонентом в субстантивном словосочетании, выполняют роль определения: *бийлѳхѳн ѳдел кѳвѳд* – юношей, подобных себе, *бийѳсен дѳ нѳкедтѳ* – с помощником младше себя, *бийѳсен ѳндѳр ѳѳртѳ* – с другом, выше себя, *бийѳсен ухата эгчѳсен* – у сестры, умнее себя). В данном случае субстантивное словосочетание в целом связано с подлежащим-субъектом действия. Например: *Бийлѳхѳн ѳдел кѳвѳд партизанск отрядмудтѳ бастѳ бѳѳнѳ гѳже, Костя сонсдѳг билѳ* (Б.А.) – Костя слышал об одинаковых с ним (=с собой) ребятах, которые находятся в партизанских отрядах. *Костя бийѳсен ахѳ кѳвѳдтѳ ѳѳрелнѳ*. – Костя дружит с мальчиками старше себя.

Возвратное местоимение *бийѳн* – себя часто употребляется в сочетании с определенными местоимениями *ѳврѳн* и *бийѳень* – сам. Например: *ѳврѳн бийѳн би / ѳнде ѳлѳхѳн мѳдлѳв* (К.Д.) – Сам себя я/ Здесь лишним почувствовал. *Буудян ѳкен хахѳржѳ, / бийѳень бийѳн хоражѳ, / Бѳчертѳн дѳкнѳсе бийѳн / Бѳрдѳже давтна гидег* (К.Д.) – Семена зерна, разорвавшись,/ Сами себя умерщвляют,/ В колосьях заново, себя/ Создавая, повторяют – говорят. *Меньшиков бийѳень бийдѳн таасѳгджана* (Б.Бат.) – Меньшиков сам себе нравится.

Падежные формы *бийѳн* – себя, *бийдѳн* – себе входят в состав фразеологических сочетаний, классифицирующих поведение субъекта: высокомерие (*бийѳн бив гисен кѳн* – человек особого мнения о себе, *бийѳн икде тоолхѳ* - возомнить о себе, *бийѳн богдѳ кѳхе* – выдавать себя за богдо-хана), самоуважение (*бийѳн мѳдхе* – знать себе цену, *бийдѳн зѳв уха ухалсѳн улѳс* - люди, рассчитывающие на себя, свои возможности), проявление сдержанности (*бийѳн ѳѳтрѳлхе* – успокаивать себя, *бийѳн хартан бѳрхе* – взять себя в руки, *бийѳн зааглѳхѳ* – отстраниться от дел), внешность человека (*бийѳн жалдхѳ* – наводить красоту, наряжаться).

Удвоение основы *бий бийѳн* употребляется в значении «друг друга». При словоизменении склоняется второй компонент (*бий бийдѳн* – друг другу, *бий бийѳсен* – друг от друга)

Вопросительные местоимения

В разряд вопросительных местоимений входят, как и в разряд указательных местоимений, различные по семантике слова, близкие по своему содержанию с общим категориальным значением знаменательных частей речи. Особенно отчетливо степень абстрактности значения местоимений прослеживается на словах данного разряда: *кѳн?* – кто?, *юн?* – что?, *ямѳр/ямаран?* – какой?, *кѳдѳ?* – сколько?, *али?*, *альдѳ?*, *хама?* – где? *кѳзѳ?* – когда?, *яѳад? юнгад?* – почему? *яахѳ?* – что делать? Вопросительные местоимения выступают мерилем не только именных частей речи, но и наречий, глагола и глагольных форм. Они в полном объеме охватывают слова, входящие в знаменательные части речи, с которыми они соотносятся, и по значению подразделяются на группы:

- предметно-вопросительные *кѳн, юн*;
- качественно-вопросительные *ямаран, алькѳ, альдкѳ* – который;
- количественно-вопросительные *кѳдѳ*;
- пространственно-вопросительные *али, альдѳ, хама*;
- вопросительно-временные *кѳзѳ*;
- причинно-вопросительные *яѳад, юнгад*;
- вербально-вопросительные *яахѳ*.

Путем словоизменения и словообразования от указанных исходных форм образуются другие словоформы и новые слова, например: *кѳн* – кто, *кѳнѳ* – кого, *кѳнде* – кому, *кѳниге* – кого; *хама* – где, *хамаран* – куда, *хаманасѳ* – откуда, *хаманар* – где; *али* – где, *альк* – какой; *альд* – где, *альдкѳ* – который и т.д. Все они служат для выражения вопроса и употребляются в вопросительных предложениях.

Предметно-вопросительные местоимения *кѳн* и *юн* – это слова, на которые отвечают все имена существительные, они являются средством противопоставления друг другу,

как и в других монгольских языках, по признаку лицо/нелицо. Вопрос *кэн* - кто употребляется только в отношении человека, а *юн* — что ко всем остальным живым существам, к предметам и явлениям. В условиях контекста *юн* может выражать вопрос и в отношении человека. Например: *Юунчын билэ чамд?* — Кем он доводится тебе? «*Би*» *гисен юмби?* (К.Д.) — «Я» - что это такое?

Кэн и *юн* не имеют форм множественного числа. Значение множественности передается лишь словом *кэн* и только синтаксически - через его сочетаемость с лично-указательными местоимениями 3-го лица множественного числа *эден* и *тэден* — они, а также с глаголами-сказуемыми в форме множественного числа. Например: *Эденчен/тэденчен кэн билэ?* — Кто они есть? *Кэн кэлцхэвэ?* — Кто сказали?

Местоимения *кэн* и *юн* обладают категорией падежа. Их словоизменение формирует парадигму простого склонения, а при наращении притяжательных частиц — парадигмы лично- и безлично-притяжательного склонений.

Простое склонение субстантивно-вопросительных местоимений

Им.	<i>кэн?</i>	- кто ?	<i>юн?</i>	- что ?
Род.	<i>кэнэ?</i>	- кого ?	<i>юуна?</i>	- чего ?
Дат.-мест.	<i>кэнде?</i>	- кому ?	<i>юунд?</i>	- чему ?
Вин.	<i>кэниге?</i>	- кого ?	<i>юуг?</i> <i>ю?</i>	- что ?
Оруд.	<i>кэнэр?</i>	- кем ?	<i>юуһар?</i>	- чем ?
Соед.	<i>кэнлэ?</i>	- с кем ?	<i>юунла?</i>	- с чем ?
Совм.	<i>кэнтэ?</i>	- с кем ?	<i>юута?</i>	- с чем ?
Исх.	<i>кэнэсе?</i>	- у кого ?	<i>юунась?</i>	- из чего ?
Напр.	<i>кэнүр?</i>	- к кому ?	<i>юунур?</i>	- к чему ?

Сингармонические варианты падежных окончаний имен существительных (за исключением окончаний родительного падежа 2 и 3-го типа склонения) идентичны падежным окончаниям предметно-вопросительных местоимений *кэн* и *юн*.

Предметно-вопросительные местоимения по своему лексическому значению и грамматически в предложении выполняют синтаксическую функцию существительных, которые они замещают, и выступают в роли подлежащего, сказуемого, определения и дополнения. Например: *Арһсэ түүдег, үкер саадьг му бэре тииме цэцен гижэ кэн мэдхе билэ?* — Кто знает, что окажется такой мудрой сноха, занимавшаяся только тем, что собирала кизяк и доила коров? *Та кэмбет?* - *гиже нанась арһул сурвь.* — Кто Вы? — тихо спросил он у меня. *Кэнэ хүрем болжахьмбэ энтен?* - Чья это свадьба здесь? *Сурһуль гиһэд энсэд бөөхе юн адь гэме ирсем энүнде?* — Что за безумие приключилось с ним - беспрерывно рыдать об учебе? *Кэнтэ юн кэргэр ирвеч?* - *гиже сурвь* (Э.К.) — С кем и по какому вопросу вы явились? *Юунась гүрсен маляве?* — Из чего сплетен кнут? *Ода юуһан кэлхев?* — Что я скажу в данный момент? *Же, көвүн, кэле, ю соңсвьч, ю үзвеч, - гижэ зэрлег болвь* (ж.) — Стой, мальчик, что слышал, что видел? — изрек он.

Обобщенное значение предметно-вопросительных местоимений особенно отчетливо проявляется при их употреблении без вопроса. Например: *Кэн ю кэлжэхень мэдегдхеш.* — Кто, что говорит, непонятно. *Кэнэ аалень мэдегдженэ* (Э.К.) — Понятно, чьи это проделки.

В сочетании со словами *больвчын* местоимения *кэн* и *юн* приобретают значение неопределенных местоимений. Например: *Күн бөөсен гэрте кэн больвчын ирдмен* (Пог.) — В дом, где живут люди, кто-либо может прийти. *Хаалһдь йовсын күүнде юн больвчын харһна* (Пог.) — Человеку в пути что-нибудь может встретиться.

Предметно-вопросительные местоимения *кэн* и *юн* употребляются в парных словах: *кэн-ян* - кто такие, *кэнэ-яна* — чьи такие; *юн-күн* и *ю-кү* - кое-что. Например: *Маниге кэн-янинь өвген мэдже авхар бөөнэ* (Э.К.) — Старик хочет узнать, кто мы такие. *Тэре ю-кү мэдхе зөвтэ* (ХОТ) — Он дролжен кое-что знать. Указанные местоимения употребляются в качестве относительных союзных слов в составе сложных предложений. Например: *Түрүлже кэн ирнэ, тэрень алвь автха* (по А.П.) - Кто первый прибежит, тот пусть

получит выигрыш. *Кэнде цаась өгтхэ гилэт, тэрген уга бөөже* (Н.М.) – Тот, кому вы поручили передать бумаги, не оказался на месте.

Качественно-вопросительные местоимения *ямър?/ямаран?* – какой? – это слова, на которые отвечают все имена прилагательные. Они обозначают вопрос о качестве, свойстве, признаке предметов и употребляются не только в вопросительных, но и в повествовательных предложениях. Они замещают имя прилагательное, определяющее имя существительное, занимают препозитивное положение в субстантивном словосочетании, остаются неизменяемыми и выступают в функции определения. Например: *Одактън ямаран бөөделтэ күмбе?* (Э.К.) – Какая внешность у того человека? *Ямаран улсэв, цаг бише цагты ирдег?* (Б.А.) – Что за люди, не вовремя приходят? *Ямаран назьртъ одьвчън, аң-гөрөсен олдхь.* – В какую бы местность ни поехать, найдутся звери для охоты. *Дөрө ямаран уты болвь чиген, назьртъ күрдго* (У.) – Каким бы длинным ни было стремя, до земли не достает.

В восклицательных предложениях эти местоимения, утратив значение вопросительного слова, выражают высокую эмоциональную оценку признака. Например: *Ямър жигтэ юмън бөөсембе* (ХОТ) – Что за удивительная штука. *Арвън долата насън ямаран сөөхен насън* (Б.Ал.) – Семнадцать лет - какой прекрасный возраст. *Ямър өмтөхен цө чанжъч* (ХОТ) – Какой вкусный чай ты сварил

К группе качественно-определятельных местоимений тяготеют по своему содержанию и грамматически местоимения *альк?* и *альдкъ?* – который? (=какой?), мотивированные основами пространственно-вопросительных местоимений *али?* и *альдь?* – где? Они служат для выяснения какой по порядку или какой именно из нескольких пространственно-связанных между собой предметов следует выделить по признаку и качеству, подобно местоимениям *ямър?/ямаран?* Например: *Алькэ эрсүрөнъ хөлэвчен, цуг намчъ, сиилвер.* – На какую из стен ни посмотришь, вся в узорах и резьбе.

Употребляясь без определяемого слова, местоимения *ямър?/ямаран?*, *альк?* и *альдкъ?* субстантивируются и приобретают словоизменение по падежам.

Склонение адъективно-вопросительных местоимений

Им.	<i>ямаран ?</i>	- какой?	<i>альк ?</i>	<i>альдкъ ?</i> – который?
Род.	<i>ямарана ?</i>	- какого?	<i>алькин ?</i>	<i>альдкин ?</i> – которого?
Дат.-мест.	<i>ямарандъ ?</i>	- какому?	<i>алькдъ ?</i>	<i>альдкдъ ?</i> – которому?
Вин.	<i>ямарагъ ?</i>	- какого	<i>алькиге ?</i>	<i>альдкиге ?</i> - которого?
Оруд.	<i>ямараһар ?</i>	- каким?	<i>алькар ?</i>	<i>альдкар ?</i> - которым?
Соед.	<i>ямаранла ?</i>	- с каким?	<i>алькла ?</i>	<i>альдкла ?</i> - с которым?
Совм.	<i>ямара(н)та ?</i>	- с каким?	<i>алькта ?</i>	<i>альдкта ?</i> - с которым?
Исх.	<i>ямаранасъ ?</i>	- из какого?	<i>алькасъ ?</i>	<i>альдкасъ ?</i> – из которого?
Напр.	<i>ямаранур ?</i>	- к какому?	<i>алькур ?</i>	<i>альдкур ?</i> - к которому?

Субстантивы качественно-вопросительных местоимений наращиваются нередко лично-притяжательными частицами 3-го лица. Например: *Тэнүге ямаранынь кэн мэдлэ, гиһэд, Цаста хамър доран эрэ сонсхъжъ кэлве* (Э.К.) – Кто знал, каков он, - себе под нос, едва слышно произнесла Цаста. *Эне хойър моһан алькынь эре, алькынь эминь эсе мэдлхэтен, биден дөөһэр дөвернэвден* (Х.т.) – Если не определите, какая из этих двух змей – самец, какая – самка, мы пойдем на вас войной. *Ода, Цагда, мэдвеч?/ Орчлън ямараһинь узвеч?* (Д.П.) – Сейчас, Цагда, понял? Увидел, какова вселенная?

В устной речи нередко употребляется парное слово *ямаран-кэмэрэн* как же, каким же образом со значением неопределенности.

Количественно-вопросительное местоимение *кэдү?* – сколько? – это вопрос, на который отвечают все имена числительные о количестве предметов. Производные от него основы обладают всеми особенностями имен числительных, с которыми они соотносят-

ся. Они служат для указания на последовательность расположения предметов и порядка при счете (*кэдүдегче?* – который?), на совокупность предметов (*кэдүлен?* – сколько в целом?), на распределение предметов по одинаковым группам (*кэдүһэд?* – по сколько?), на возраст кого-/чего-либо (*кэдүтэ?* – сколько лет?).

Все указанные формы количественно-вопросительных местоимений являются определяющим компонентом в субстантивных словосочетаниях с определительным словом – количественно-вопросительным местоимением. Подобно именам прилагательным, они занимают препозитивное положение, остаются неизменяемыми и выступают в предложении определением. Например: *Бата кэдү зовльн үздег болвь чиген, урдньн школдь орад дассан мартхьш.* – Сколько бы ни видел трудностей, Бата не забывает о прежних годах учебы в школе. *Би тиигехде кэдүтэ бөөсен болхьв, гиже Бата маннаһан бөрэд, уха тунһавь* (Э.К.) – Сколько же мне было лет тогда, – задумался Бата, держась за лоб.

Абстрагируясь от указания на количество предметов, указывая на отвлеченные числа в арифметическом счете, количественно-вопросительное местоимение *кэдү?* приобретает словоизменение по падежам и имеет полную парадигму склонения.

Им.	<i>кэдү?</i>	- сколько ?
Род.	<i>кэдүнө?</i>	- сколько стоит ?
Дат.-мест.	<i>кэдүде?</i>	- скольким?
Вин.	<i>кэдүге?</i>	- сколько ?
Оруд.	<i>кэдүгэр?</i>	- за сколько ?
Соед.	<i>кэдүлэ?</i>	- со сколькими ? во сколько? (= в какое время?)
Совм.	<i>кэдүтэ?</i>	- со сколькими?
Исх.	<i>кэдүгэсе?</i>	- от скольких ?
Напр.	<i>кэдүгүр?</i>	- к скольким ?

В разряде вопросительных местоимений шире представлены различные семантические типы вопросительных слов, соотносительных с наречиями. Они выделены в отдельные группы: пространственно-вопросительные, вопросительно-временные и причинно-вопросительные местоимения. Подобно наречиям, они не изменяются, сочетаются с глаголом и в предложении функционируют как обстоятельство места, времени и причины.

Пространственно-вопросительные местоимения *али?*, *альдь?*, *хама?* – это слова, на которые отвечают наречия, называющие место процесса действия или состояния. Например: *Тииме дала мөнген нандь альдь бөөхе билэ?* – Где у меня будет столько денег? *Одакь мини мэйэркегче күн альдь бөөнө?* (Б.А.) – Где находится мой соперник?

Производные от них пространственно-вопросительные местоимения различаются по семантике и служат для выяснения пространственного расположения явления, процесса действия или состояния, для указания на направленность действия от ориентира (*алин?*, *альясь?*, *альдась?*; *хамаһин?*, *хамаһась?* – откуда?), на направленность действия к ориентиру (*алюр?*, *альдаран?*, *хамаран?* – куда?), на ненаправленное действие по поверхности чего-либо (*альяр?*, *альдаһар?*, *альдаһур?*; *хамаһар?*, *хамаһур?* – где?). Например: *Альдась йовжь йовнач?* *Ю хөөже йовнач?* – гиже өвген көвүнөсе сурна (Х.т.) – Откуда идешь? Что ищешь? – спрашивает старик у мальчика. *Бичкен жалвар көделхе тииме кү би хамаһась олхьв?* – *гинэ* (по А.П.) – Откуда я найду такого человека, который будет работать за небольшой заработок? *Альдаран, хамаран һарчь йовнат?* – *гиһэд Бата үгән залһьлдульв* (Э.К.) – Куда, куда вы направляетесь? – присоединился с вопросом Бата.

На неопределенность места действия, направления движения указывают парные пространственно-вопросительные местоимения: *хама-яма* – где-то, *хамаран-ямаран* – куда-то. Например: *Харьһну сө хасьн сумьн мэте хамаран-ямаран одсьнь мэдегдсен уга* (Э.К.) – Подобно пуле от выстрела в ночи, непонятно, куда удалился.

Вопросительно-временное местоимение *кэээ?* – когда? – это слово, на которое отвечают наречия, называющие время процесса действия или состояния. Производные от

него основы *кээһәсе?* и исходная форма *кээ?* в сочетании с послелогоми уточняют начало времени совершения действия (*кээһәсе авьн?*, *кээһәсе нааран?* – с какого времени?, с каких пор?) и предел совершения действия (*кээ күртел?* – до каких пор?). Например: *Фуф, мандь кээ нэжэд ииме мөред учьрхьмбь?* (Э.К.) – Пуф, когда же у нас появится по такой лошади? *Кээ эне назьрть өмнень ирсэн Дорж мэдхеш* (Б.Н.) – Дорджи не помнит, когда прежде он был в этой местности. *Көвүн, эне Цастагь кээһәсе авьн таньдывч?* (Э.К.) – Юноша, эту Цасту с каких пор знаешь?

Вопросительно-временное местоимение *кээ?* участвует в словообразовании наречия: *кээһә/кээһәһә* – давным-давно, употребительных в зачине сказок, *кээде* – постоянно, всегда, *кээһәһәсе нааран* – с давних пор, издавна и прилагательного *кээһә* – давнишний, древний. Например: *Кээһәһә бөөже, эмген өвген хойьр бөөже* (Х.т.) – Давным-давно жили старик со старухой. *Кээһә хуучьн авьяс мэднә.* – Исстари существующие традиции знает.

Парным словом *кээ-яз* – когда-то, в какое-то время передается значение неопределенности.

Причинно-вопросительные местоимения *яһад?*, *юнгад?* – почему?, зачем? представлены словоформами разделительных деепричастий, образованными соответственно от глагольно-вопросительного местоимения *яахь?* – что делать? и синтеза глагольного словосочетания *юн гихе?* – что сказать?

Яһад? и *юнгад?* – это слова, на которые отвечают наречия, называющие причину процесса действия или состояния. Например: *Ода дээрэн эдниге сольдьг эмтен уга.* – *Яһад уга болжахьмбь?* (Б.А.) – Пока что нет людей, чтобы их заменить. Почему же нет? *Яһад эден нанась йилһрэд бөөнә?* (Б.А.) – Почему они сторонятся меня? *Юнгад чини кэсен юмьн сөөхен бүтэд бөөнә?* (С.А.) – Почему все, что ты делаешь, исполняется так хорошо?

Вербально-вопросительное местоимение *яахь?* – что делать? – это слово, на которое отвечают все глаголы, называющие процесс действия или состояние. Все другие словоформы от местоимения *яахь?* не имеют в корне долгий гласный *jaa-*, в речи употребителен его алломорф *яһ-* с интервокальным согласным *-һ*. Подобно вербально-указательным местоимениям *иигхе* и *тиигхе*, вербально-вопросительные местоимения употребляются во всех глагольных формах:

- Будучи в финитных – собственно глагольных (залоговых, видовых, временных и склонения) словоформах, вербально-вопросительные местоимения обладают словоизменением и в предложении выполняют предикативную функцию. Например: *Түрд ги, хөөмень, цә уу, сөөһәр яһнач?* – Подожди, дорогой, выпей чаю, сейчас ночью что будешь делать? *Не, юн болвь, даалинтьн яһла?* – *гиже Бата бэриге тосвь.* – Со словами – «ну, что случилось, что стало с вашей переметной сумой?» Бата встретил сноху. *Манцин Кэцин ахлачьв гинәт, махлата малын бөөдел һарад, яһжахьмт?* – Называете себя начальником поселка Манцин кец, что же вы себя ведете как тупой, недалекий человек? *Чонстан томсырта Эмбә, хөөрхен,/ Чонсигән яһтха гисембе?* (Э.К.) – Уважаемый в своем Чоносе Эмбә,/ о господи, что будет делать со своим Чоносом? *Ода яһжасьм энев? Эне чи, кишго хөве уга – эгоист!* (Б.А.) – Что это я делаю? Эх ты, несчастный эгоист!

- Вербально-вопросительные местоимения могут употребляться в нефинитных глагольных формах и, подобно им, характеризуются неизменяемостью. В предложении они выполняют роль обстоятельства образа действия, либо являются определением в субстантивном словосочетании. Например: *Ээждән энүнә тускар яһжь кэлхев?* – Как я скажу об этом бабушке? *Та яахла сән болхь гиже мэджәнәт?* – Если это сделать, будет хорошо, как вы думаете? *Яһсьн сөөхен сэдкелтә күүкембе?* (Э.К.) – С какой прекрасной душой девушка?

Причастные формы вербально-вопросительных местоимений могут

субстантивироваться, к ним наращиваются притяжательные частицы. Они употребляются в падежных формах и в предложении выполняют функцию дополнения. Например: *Махинь идхэн мэдсен күн, ясинь яахинь эврэн мэдждег болхговъч?* – Человек, знавший, как есть мясо, сам, наверно, знаешь, что делать с костями? *Гиичэн «тооһад» һарһъчксын эмген уурлад, бизһень көдлэд, яахан мэдхеш.* – «Попотчевав» и проводив своих гостей, старуха, сердясь и нервничая, не знает, что же делать. *Яһсндъм нандь өмскүл өмскхе билэ? - гиже Василий Муузран ардась нэжже кэлве* (Э.К.) – За что же содеянное мной мне подносить подарок? – Василий поспешил сказать Музре.

Парное вербально-вопросительное местоимение *яхь-кэхе* – что и как делать? выражает значение неопределенности. Например: *Эздүдте энүнэ яһсын-кэгсен кэрегтэ бише* (Э.К.) – Хозяевам безразлично, что и как будет делать он.

Неопределенные местоимения

Местоимения, входящие в данный разряд, указывают на неопределенное, неизвестное лицо, предмет или явление, признак, качество или свойство, неточное количество предметов, неполноту чего-либо, обстоятельство и действие.

Все неопределенные местоимения являются производными. Они образованы от всех семантических групп вопросительных местоимений с помощью уступительного слова *чиген* и частицы *-чын/-чен* – результата его усечения, либо *больвчын* – словоформы уступительного деепричастия от вспомогательного глагола *болхь* – быть: *кэн чиген /кэнчен/ кэн больвчын* – кто-то, кто-либо, кто-нибудь, *юн чиген/юунчын/юн больвчын* – что-то, что-либо, что-нибудь, *ямаран чиген/ямаранчын/ямаран больвчын* и *альк чиген/алькчын/алькь больвчын* – какой-то, какой-либо, какой-нибудь, *кэдү чиген/кэдүчен/кэдү больвчын* – сколько-то, сколько-либо, сколько-нибудь, *альд чиген/альдчын* и *хама чиген/хамачын* – где-то, где-либо, где-нибудь, *кээ чиген/кээчен/кээ больвчын* – когда-то, когда-либо, когда-нибудь, *яһад/яһж чиген / яһадчын/яһжчын/ яһад/яһж больвчын* – как-то, как-либо, как-нибудь, *яхь чиген/яхьчын/яхь больвчын*. При наличии в предложении предиката с отрицанием они приобретают значение отрицательного местоимения. Эта закономерность контекстуально обусловлена, поэтому в калмыцком языке нет оснований для выделения разряда отрицательных местоимений. Например: *Эндер хурьгть эке-эцкенр-өсе кэнчен юучын кэлсен уга.* – Сегодня на собрании от имени родителей никто ничего не сказал. *Биден хойрин хоорьндь ямаран чиген нуувчь уга биший* (И.Л.) – Между нами обоими нет ведь никаких секретов. *Давжь одсын цагиге ямаран чиген арһымжар бэрже болшго* (У.) – Прошедшие времена никаким арканам не удержишь. *Тэдүнэ элит, эдүнэ нэгдегче класс гидег то-диг альдчын уга* (Б.А.) – Столько элиты, столько первого класса – вот такого учета нигде нет.

Неопределенные местоимения образуются с помощью *нэге* (усеченной основы числительного *нэген* – один) в роли неопределенного артикля, присоединяемого в препозитивном положении к существительным *күн* – человек, *юмьн* – вещь, предмет (*нэге күн* – кто-то, *нэге юмьн* – что-то). Падежному словоизменению подвергаются слова *күн* и *юмьн*. Например: *Колхоз талась нэге мөртэ күн довтлад аашна* (Б.А.) – Со стороны колхоза скачет какой-то всадник. *Адучь Очирович, нэгдегче бригад оржахла, конторур дэврэд, нэге кү авад ире* (Б.А.) – Адучи Очирович, если едешь в первую бригаду, заедешь в контору, привезешь кого-нибудь. *Нэге бичкен юмьндь өөлэд йовжь одвь.* – Из-за какой-то мелочи обиделся и ушел.

Кроме того, *нэге* присоединяется в постпозитивном положении к некоторым вопросительным местоимениям (*кэн нэген* – кто-либо, *ямьр/ямаран нэге* – какой-либо, *аль нэге* – который-нибудь, *кээ нэге* – когда-нибудь). При словоизменении *кэн нэген* склоняется слово *нэген*, а *ямьр нэге*, *аль нэге* и *кээ нэге* остаются неизменяемыми, так как выступают в речи атрибутивными компонентами в субстантивных словосочетаниях (*ямьр нэге кэрег* – какое-либо дело, *аль нэге бөөренде* – в какой-нибудь местности, *кээ нэге цагть* – в какое-нибудь время).

Выделительные местоимения

Выделительные местоимения служат для противопоставительного указания на какой-либо признак лица или предмета в отличие от названного признака лица или предмета. В современном калмыцком языке к ним относятся слова: *зэрем* – некоторые, *талдан* и *ондан* – другой, иной, употребляемые в качестве атрибутивного компонента в субстантивном словосочетании.

Местоимение *зэрем* – некоторый указывает на какую-либо часть общего количества лиц или предметов (*зэрем көвүд* – некоторые юноши, *зэрем төрмүд* – некоторые проблемы), а местоимения-синонимы *талдан* и *ондан* – другой, иной указывают на другой, отличающийся от названного признак лица или предмета (*талдан/ондан өдөрмүд* – другие дни, *талдан/ондан үге* – другое слово).

Будучи определяющим компонентом, все выделительные местоимения остаются неизменяемыми. Например: *Зэрем үкермүдөн ондин өөре зогсчана, зэрмень тэдүкенде кэвтнэ* (Х.М.) – Некоторые коровы стоят около корыта, некоторые лежат в отдалении. *Кэмер көвүһэн талдан күүнде өгечкве, гийһэд ярвадхар сэдхлөн, нандь зэңгелчктен* (Э.К.) – Если начнет выговаривать, что отдали своего мальчика чужим (=другим) людям, то сообщите мне. *Ондан орни урын кэже чадхын уга* (Ж.) – Мастер из другого ханства не сможет починить (дротик). *Жомбахась талдан хоть уухшыв, жораһась ондан мөре унхшыв* (Ү.) – Не буду пить другого напитка, кроме джомбы, не буду садиться на лошадь иную, чем иноходец.

Местоимение *зэрем*, употребляясь без определяемого слова, субстантивируется. Оно способно присоединять к себе лично-притяжательную частицу 3-го лица *-нь* (*зэрмень*), а также аффикс множественного числа *-с-* (*зэремсень*). Обе словоформы имеют полную парадигму склонения.

Им.	<i>зэрем</i>	<i>зэрмень</i>	<i>зэремсень</i>	-	некоторые
Род.	<i>зэрмин</i>	<i>зэрминень</i>	<i>зэремсинень</i>	-	некоторых
Дат.-мест.	<i>зэремде</i>	<i>зэремдөн</i>	<i>зэремсдөн</i>	-	некоторым
Вин.	<i>зэрмиге</i>	<i>зэрминь</i>	<i>зэремсинь</i>	-	некоторых
Оруд.	<i>зэрмөр</i>	<i>зэрмөрөн</i>	<i>зэремсөрөн</i>	-	некоторыми
Соед.	<i>зэрмлэ</i>	<i>зэрмлэнь</i>	<i>зэремслэнь</i>	-	с некоторыми
Совм.	<i>зэрemtэ</i>	<i>зэрemtэнь</i>	<i>зэремстэнь</i>	-	с некоторыми
Исх.	<i>зэрмэсе</i>	<i>зэрмэсень</i>	<i>зэремсэсе</i>	-	от некоторых
Напр.	<i>зэрмүр</i>	<i>зэрмүрөн</i>	<i>зэремсүрөн</i>	-	к некоторым

Субстантивированные формы выделительного местоимения *зэрем*, *зэрмень*, *зэремсень* – некоторые в предложении выполняют функции подлежащего и дополнения. Например: *Зэрмень сүүдэрте амрад, зөвэрте күр кэнэ, үзсен, сонссан хувалцад, унгинь товчължь чадна* (Т.Э.) – Некоторые, отдыхая в тени, длительное время беседуют, делятся увиденным и услышанным и обобщают. *Зэремсень тиигэд чиген бөөве* (Б.Н.) – Некоторые так и поступали. *Уульдган уурсын зэрминь/ оньдин инэсэр үзнөв* (К.Д.) – Некоторых, переставших плакать,/ Я вижу всегда смеющимися.

Выделительные местоимения участвуют в словообразовании: наречия *зэремдэн* – иногда, имени существительного *зэрем-зүрем* – кое-что (<*зэрем*); наречий *талданар/ онданар* – особо, обособленно, глаголов *талдархь/ ондархь* – изменяться, перестраиваться; имени прилагательного при повторении основ *тал талдан, ондан ондан* – разные, отличные друг от друга (<*талдан/ ондан*).

В условиях контекста выделительные местоимения *зэрем* и *талдан/ ондан* грамматизируются и переходят в разряд послелогов. Например: *Тэрүнэсе талдан кэду кэрег Цэкер Кукаевичин килемжде бөөнэ* (Д.Б.) – Сколько дел, помимо этого, находится под наблюдением Цакира Кукаевича? *Чамась ондан мини кэлсен үгде хөрү өгдөг күн уга.* – Кроме тебя, некому дать ответ на мои слова.

Таким образом, краткий обзор изучения и семантико-функциональный анализ местоимений в калмыцком языке показывает, что все существующие до сих пор противоречия в их освещении должны решаться с позиций нового подхода к их исследованию, как фактам языка и речи, так как они неоднородны по семантике, морфологическим свойствам и синтаксическим функциям. Они представляют собой часть речи не только с заместительной, но и с указательной функцией.

Использованная литературы

1. Аууш Т.Б. Сопоставительно-типологическое исследование местоимений в монгольском и русском языках. Автореф. канд дисс., Улан-Удэ, 1995.
2. Бадмаев Б.Б. Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста, 1966.
3. Большова Ю. Образуются ли новые местоимения в современном русском языке? РЯНШ, № 4, 1970.
4. Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.
5. Ермакова О.П. Отрицательные местоимения типа «никто» в русском языке // РЯШ, № 4, 1969.
6. Котвич В.Л. Исследование по алтайским языкам. М., 1962.
7. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1975.
8. Монраев М.У. Наречие в современном калмыцком языке. Элиста, 1974.
9. Надеяев В.М. Современный монгольский язык. Новосибирск, 1988.
10. Орловская М.Н. Способы образования производных наречий в монгольском языке // Исследования по восточной филологии. М., 1974.
11. Очиров У.У. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1964.
12. Пюрбеев Г.Ц. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания. М., 1993.
13. Рассадин В.И. Местоимения в монгольских языках // Вопросы грамматики монгольских языков. Новосибирск, 1991.
14. Русская грамматика. В 2 томах. Том I. М., 1980.
15. Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. М.-Л., 1940.
16. Татарская грамматика. Том II. Морфология. Казань, 1997.
17. Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика, морфология. М., 1951.
18. Убушаев Н.Н. Местоимение // Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983.
19. Чареков С.Л. К вопросу о безлично-притяжательных формах винительного падежа в монгольских языках // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Серия лингвистики. М., 1975, с 117-118.
20. Харчевникова Р.П. Семантико-функциональная дифференциация возвратных местоимений // «Джангар» в евразийском пространстве. Материалы международной научной конференции. Элиста, 2004, с. 305-309.

Харькова С. С.

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Образование имен существительных в калмыцком языке, также как и в других монгольских языках, происходило путем приращения к основам на уровне глагольно-именных омоформ особых формантов, которые по сути есть первоначальное образование места совершения действия в преломлении объекта действия. Причем данный ряд словообразования, также как имен прилагательных и глаголов, проистекал из данности языка как средства общения на уровне говорения в предположении абсолютности своего понимания в ряду человека-индивида в череде конкретного социума, который имеет свою абсолютную закономерность развития как абсолютно совершенная совокупность данных в рамках соответствующих произносительных норм. Таким образом, морфология представляет собой некий совершенный ряд в его обобщении, представленный в языке через совокупность неких данных.

Так называемая асимметрия в языке, отступление от упорядоченности, регулярности, единообразия в строении языковых единиц является, возможно, следствием перехода от языка понятий к языку слов, но не следствием того, что сам язык, развивающийся как средство общения, “вместе с тем включался в процессы мышления, дополняя два первоначальных его вида — практически действенный и наглядно-образный — новым, качественно высшим видом словесно-логического мышления, и тем самым стимулирую развитие мышления вообще” (ЛЭС, 607). В таком случае в канве его раздробления без последующей его взаимосвязи с сопряжением начала и конца, т.е. без соотнесения его конца к предыдущему началу. Поэтому можно считать, что так называемая асимметрия в языке не есть факт ее изначального присутствия в языке.

Морфология, как отдельный подвид лингвистики, по-видимому, должна рассматривать процессы словоизменения как факты их словообразования, формы которых, став исключительно вспомогательным звеном, потеряли свою былую понятийную насыщенность, поскольку стали представлять собой выхолощенный инструментарий без достаточно осознанной связи с их изначальными формами-понятиями, т.е. в череде утверждения только значений в рамках понятия, сопряженного со смыслом.

Следует заметить, что глагольно-именные омоформы в языке понятий, вероятно, имели взаимообусловленную связь, существуя в виде парного сопоставления имени в значении лица (предмета), к которому соотносилось то или иное выражение действия, и просто глагольной основы, передающей само действие. Поэтому необходимо особо отметить, что такой морфологический формант как аффикс со значением результата действия прежде был показателем места совершения действия как преломление совершаемого (совершившегося) действия в конкретном объекте.

Аффикс -ач / -эч < * -yāci / -gēci

При помощи данного аффикса образуются имена существительные, обозначающие лицо, для занятия которого характерно то, что выражается данной глагольной основой (Поппе, 1937, 93; Котвич, 1929, 102; ГКЯ, 1983, 71).

К алм .умш- — читать, ср. унши- — читать, хорч., архорч., бар., орд. омшi-, джал., дурб.

онши-, онн., найм., харч., тум. онши-, хеш., дарх.- мянг., чах. умши-, шгол., урат. унши-, п.-монг. *ungsi-* (Тодаева, 1981, 216) < **u,ma,si-*, *-si* – аффикс становления, *-ma* – аффикс со значением способности или возможности совершения действия, < **u-*, имя существительное *умшач* – чтец может восходить к глагольной основе *умш-* < **u,ma,si* – в побудительной форме, т.е. **u,ma,si,ya-*, см. текст ниже.

Калм. *зур-* 1. рисовать, чертить; 2. бороздить; 3. чиркать, ср. *зура-* 1. рисовать, чертить; 2. бороздить; 3. чиркать, дарх., джас., дурб., архорч., бар., шгол., уцаб., чах. *джура-*, орд. *джуру-*, п.-монг. *jiru-*, *jugu-* (Тодаева, 159) < **jiru-* < **jiraî-* + аффикс побудительности *-ya* < **-yab* > *ji,rab,ya-* > калм. *зурач* – художник; см. *jiryūāci* – рисовальщик < **jiru-* – рисовать (Поппе, 93).

Калм. *бич-* – писать, ср. *бичи-* – писать, хорч., джал., дурб., горл. *биши-*, архорч., бар., онн., найм., хеш., харч., тум., шгол., уцаб., чах., орд. *бичи-*, п.-монг. *бии-* (Тодаева, 122) < **bi,če-* + аффикс побудительности *-ge* < **-geb* < **bi,če,ge-* > калм. *бичөч* – писатель, см. *бичээч* – писарь; технический секретарь, хорч., джал., дурб., горл. *бишеш*, архорч., бар., онн., найм., хеш., харч., тум., шгол., уцаб., чах. *бичеч*, п.-монг. *биčegeci* (Тодаева, 122), см. *биčigēci* – писец < *бичи-* – писать (Поппе, 93).

Калм. *хард-* – ведать, заведовать, ср. *гарда-* 1. делать что-либо руками; 2. перен. ведать, заведовать, хорч., архорч., шгол., уцаб., чах., орд. *гарда-*, п.-монг. *γарда-* (Тодаева, 134) < **γa,ra,da-* + аффикс побудительности *-ya* < **-yāi* < **γa,ra,da,ya-* > калм. *хардач* – руководитель.

Таким образом, вычленяемый Н. Поппе аффикс *-yāci* / *-gēci* (Поппе, 93) в современном калмыцком языке претерпел стяжение, что косвенным образом свидетельствует о том, что в современном калмыцком языке прошла не только тотальная редукция гласных в слове, но зачастую и их полное исчезновение. Однако язык тем не менее в черед его носителя хранит былую память о своем первоначальном облике уже без очевидного соотнесения с самим носителем. См. образование новых форм, связанных с возникновением новых понятий в жизни человека, *телехэләһөч* – телезритель, где аффикс побудительности как бы обозначивается вновь, *-hөч*. Аффикс побудительности, фиксирующийся в рассматриваемом аффиксе, подтверждает предположение о том, что в языке понятий древнего человека (прототипа этноса-носителя праязыка) глагольная форма передавала только само действие без соотнесения с лицом (предметом), в отличие от именной формы, поэтому при образовании слов рассматриваемого ряда аффикс побудительности становился необходимым звеном. Далее, если учитывать аффикс побудительности в данном контексте, то становится возможным рассмотрение его в ключе основы-понятия **ya-* – быть тем, что является территорией, площадью в сопряжении с конкретным местом в пространстве и во времени, реставрируемой в монгольских языках. Регистрируемая Н. Поппе долгота в *-yāci* / *-gēci*, предполагает реставрацию аффикса побудительности, содержащегося в данном аффиксе, с пограничным маркером *î*, который, видимо, сопровождал в свое время морфемы-понятия в слове. О форманте *-ci* в *-yāci* / *-gēci* см. ниже.

Аффикс -ч < * -ci.

При помощи данного аффикса образуются имена существительные, обозначающие название профессий или лиц, имеющих отношение к тому, что выражается основой (Поппе, 106; Котвич, 87; ср. ГКЯ, 70).

Калм. *хөөч* – чабан < *хөн* – овца < **qo,neb,n*, ср. *хоньчин* – пастух овец, чабан, хорч., джал., дурб., горл. *хөөш*, архорч., бар., харч. *хөөч*, п.-монг. *qoniči* (Тодаева, 236), см. *хониči* – овчар < *qonin* – овца (Поппе, 106).

Калм. *эмч* – врач < *эм* – лекарство < *em, ср. *эмч* – врач, доктор, лекарь, хорч., джал., дурб., горл. *емш*, архорч., бар., онн., найм., хем., харч., тум., шгол., уцаб., чах. *емч*, п.-монг. *emči* (Тодаева, 269), см. *емчи* – лекарь < *em* – лекарство (Поппе, 106).

Калм. *адуч* – табунщик < *адун* – табун < **a,dai,yun*, ср. *адууч (ин)* – табунщик; конюх,

хорч., джал., дурб., горл. адууш, архорч., бар., онн., найм., харч., тум., чах. адууч, шгол., уцаб. адуучин, орд. адуучин, п.-монг. *adiyüci*, адуу (н) 1. табун, косяк лошадей; 2. лошади, кони, хорч., джал., дурб., архорч., бар., онн., найм., харч., шгол., уцаб., чах., орд. адуун, п.-монг. *adiyün, adayün* (Тодаева, 107-108).

Калм. аңһуч - охотник < аң? - зверь < *а,з, ср. анч(ин) - охотник, зверолов, хорч. аңшин, джал., дурб., горл., джар. авшин, архорч., бар., онн., хеш. аңчин, уцаб., чах. аңчин, орд. аңчи, п.-монг. *angčün, аң (г)* - звери, дичь, хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., харч., тум., шгол., чах., орд. аң, п.-монг. *ang* (Тодаева, 112-113).

Аффикс -ч < *-či, в монгольском также -чин, в п.-монг. -či, -čün, возможно, восходит к основе- понятию *či - все то, что является тем, что может иметь протяженность в пространстве и во времени, *či- - быть тем, что может иметь протяженность в пространстве и во времени, ср. аффикс -ч, сопровождающий образование глаголов в калмыцком языке (ГКЯ, 185), аффикс -п в -čün, вероятно, аффикс со значением процесса действия (Поппе, 101).

Калм. хөөч - чабан < хөн - овца < *qo,nei,n, ср. хоньчин - пастух овец, чабан, хорч., джал., дурб., горл. хөөш, архорч., бар., харч. хөөч, п.-монг. *qoniči* (Тодаева, 236), см. *xoniči* - овчар < *qonin* - овца (Поппе, 106).

Калм. эмч - врач < эм - лекарство < *em, ср. эмч - врач, доктор, лекарь, хорч., джал., дурб., горл. емш, архорч., бар., онн., найм., хем., харч., тум., шгол., уцаб., чах. емч, п.-монг. *emči* (Тодаева, 269), см. *emči* - лекарь < *em* - лекарство (Поппе, 106).

Калм. адуч - табунщик < адун - табун < *a,dai,yün, ср. адууч (ин) - табунщик; конюх, хорч., джал., дурб., горл. адууш, архорч., бар., онн., найм., харч., тум., чах. адууч, шгол., уцаб. адуучин, орд. адуучин, п.-монг. *adiyüci*, адуу (н) 1. табун, косяк лошадей; 2. лошади, кони, хорч., джал., дурб., архорч., бар., онн., найм., харч., шгол., уцаб., чах., орд. адуун, п.-монг. *adiyün, adayün* (Тодаева, 107-108).

Калм. аңһуч - охотник < аң? - зверь < *а,з, ср. анч(ин) - охотник, зверолов, хорч. аңшин, джал., дурб., горл., джар. авшин, архорч., бар., онн., хеш. аңчин, уцаб., чах. аңчин, орд. аңчи, п.-монг. *angčün, аң (г)* - звери, дичь, хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., харч., тум., шгол., чах., орд. аң, п.-монг. *ang* (Тодаева, 112-113).

Аффикс -ч < *-či, в монгольском также -чин, в п.-монг. -či, -čün, возможно, восходит к основе- понятию *či - все то, что является тем, что может иметь протяженность в пространстве и во времени, *či- - быть тем, что может иметь протяженность в пространстве и во времени, ср. аффикс -ч, сопровождающий образование глаголов в калмыцком языке (ГКЯ, 185), аффикс -п в -čün, вероятно, аффикс со значением процесса действия (Поппе, 101).

Аффикс -вч < *-bči.

При помощи данного аффикса образуются имена существительные со значением хранилища или футляра для того предмета, который обозначается основой (Поппе, 106; Котвич, 87; ГКЯ, 71).

Калм. зүүвч - игольник < зун - игла < *jegün*, ср. зүүвч - игольник, хорч., джал., дурб., горл. джүүвши, ахорч., бар., харч. джүүвчи, шгол. дзүүвчи, орд. джүүбчи, п.-монг. *jegübči*, зүү (н) - игла, иголка, хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., онн., найм., хеш., тум., уцаб., чах., орд. джүүн, шгол. дзүүн, п.-монг. *jegün* (Тодаева, 161).

Калм. гижгвч - назатыльник (к зимней шапке для защиты затылка и шеи от холода) < гижг- 1. затылок; 2. коса (у девушек), косички (у мужчин) < *gejige, ср. монг. гээгг - коса (волосы), п.-монг. *gejige*.

Калм. тохавч - налокотник, зимняя рукавица (закрывающая руку до локтя) < тоха - локоть, локтевой сустав < *toqai, ср. монг. тохой - локоть, п.-монг. *toqoi*.

Калм. хурвч - наперсток < хурһн - палец < *qu,rai,yan, ср. хуруувч (ин) - наперсток, хорч., джал., дурб., горл. хуруубши, архорч., бар., онн., найм., харч., тум. хуруубчи, хеш., шгол., уцаб., чах., орд. хуруувчи, п. - монг. *guryübči*, хуруу (н) - палец, хорч., джал.,

горл., бар., онн., найм., хеш., харч., тум., шгол., уцаб., чах., орд. хуруун, архорч. хуруун, хурган, п.-монг. *giguуun* (Тодаева 245).

Аффикс *-вч* < **-bči*, возможно, восходит к **-bai,či*, где аффикс **-bai* в монгольских языках может сопрягаться с аффиксом со значением кратности совершения действия или прошедшего совершенного (недавнопрошедшего) времени, в свою очередь восходящего к основе-понятию **bai-* — быть тем, что существует как-то каким-то образом в пространстве и во времени, *-иi* соответственно к основе-понятию **-či* — все то, что может иметь протяженность в пространстве и во времени.

Аффикс *-yp/-yp* < **-yūr/-gür*.

С помощью данного аффикса образуются имена существительные со значением предмета, служащего орудием для свершения действия (Поппе, 94; Котвич, 102; ГКЯ, 77).

Калм. *бүлүр* — мутовка, мешалка (для пахтанья масла) < *бүл-* — взбалтывать, сбивать (напр. кумыс, масло) < **bü,le -*, ср. монг. *бүлүүр* — мутовка, мешалка (для взбивания кобыльего молока при приготовлении масла или кумыса), бур. *бүлүүр* — мутовка; деревянная мешалка (для пахтанья масла), п.-монг. *bülegür*.

Калм. *дамжур* 1. палка, шест (для переноски тяжестей вдвоем); 2. носилки < *дамж-* — делать при посредничестве кого-чего-либо < **da,ma,ji -*, ср. монг. *дамжуур* 1. перекладина, мостик; 2. приставная лестница, п.-монг. *damjiуur*, *дамжи-* 1. переходить, перебираться, передвигаться; 2. карабкаться, взбираться, п.-монг. *damji-*.

Калм. *нүдүр* — пестик, колотушка < *нүд-* — толочь, измельчать < **ni,deb -* ср. монг. *нүдүүр* — пест; колотушка, п.-монг. *nidügür*, также ср. п.-монг. *nüdü-* — толочь, измельчать.

Калм. *малтур* — деревянный скребок (для чистки снега, навоза и т.п.) < *малт-* — копать, рыть < **ma,la,ta-*, ср. монг. *малтуур* — деревянный скребок (для чистки снега, навоза и т.д.), п.-монг. *malta-* — копать, рыть.

Калм. *хусур* — скребок < *хус-* — скоблить, соскабливать < **qu,sab-*, ср. монг. *хусуур* — скребок, п.-монг. *хисууиг*, п.-монг. *qusa-* — соскабливать, скоблить.

Данный аффикс, по-видимому, как-то соотносится с аффиксом *-yūri / -gūri* (Поппе, 97) со значением места совершения действия, являясь его конкретным обобщением в ряду единичного. Аффикс *-yūr / -gür*, вероятно, восходит к аффиксу побудительности **-yab -* > *-yi -* и *-rai* > *-ri* — аффиксу со значением места совершения действия в ряду результата действия в преломлении объекта действия (Поппе, 96).

Использованная литература

1. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983.
2. Калмыцко-русский словарь. М., 1977.
3. Котвич Вл. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Прага, 1929.
4. ЛЭС - Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
5. Монгольско-русский словарь. М., 1957.
6. Поппе Н. Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.-Л., 1937.
7. Тодаева Б.Х. Язык монголов Внутренней Монголии. Материалы и словарь. М., 1981.
8. Харьковская С. С. К вопросу о пограничном маркере в монгольских языках. // Монголоведение. Элиста, 2003.
9. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. М., 1973.

Харчевникова Р.П.
Бадмаев Б.В.
Лиджиева Л.А.

РЕФОРМА ОРФОГРАФИИ: ИТОГИ АНКЕТИРОВАНИЯ

В Калмыцком госуниверситете на кафедре калмыцкого языка с 2000 г. при финансовой поддержке конкурса грантов Министерства образования РФ по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук (2000 и 2002 гг.), Российского гуманитарного научного фонда (2006 г.) и внутривузовского гранта Калм. ГУ в области филологии (2000-2001 и 2003 гг.) ведется научно-исследовательская работа (НИР) по созданию I тома “Академической грамматики калмыцкого языка (Фонетика. Фонология. Интонация. Словообразование. Морфемика. Морфонология. Морфология)”.

Данная фундаментальная НИР начата после приостановления реформирования орфографии калмыцкого языка по восстановлению на письме всех типов гласных (долгих, кратких, неясных) во всех позициях в слове (на основе Указов от 7.05.98 и от 5.11.98 гг.) 3-им Указом Президента РК “О проблемах калмыцкого языка” от 10.06.01. В данном Указе обосновано приостановление реформы и предложена “более тщательная, глубокая и неспешная научная проработка вопросов, обусловленных языковой практикой народа”.

“Академическая грамматика” станет самым полным системным описанием грамматического строя современного калмыцкого языка. В ходе подготовки I тома “Грамматики” нами был опубликован сопутствующий НИР научный сборник “Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка”, вып. 1, Москва - Элиста, 2002 (19,5 а.л.). В 2006 г. будет опубликован 2-й вып. названного сборника. По проблемам грамматики и реформирования орфографии калмыцкого языка учеными КГУ опубликовано за этот период более 30 статей и в научных сборниках других научных учреждений страны. В процессе работы нам желательно было получить от методобъединений (либо персонально от желающих) учителей калмыцкого языка школ Республики Калмыкия ответы (мнение) на спорные вопросы по реформированию орфографии, включенные в Анкету.

В 2005 г. нами выборочно были направлены в адрес 9 средних школ г. Элисты и 8 сельских средних школ Анкеты, содержащие наиболее актуальные 8 спорных вопросов по реформированию орфографии

№	Обозначения в опубликованных КИГИ нормативных материалах: Орфографическом словаре и Своде орфографических правил в нем (1999; 2000):	Обозначения, предлагаемые авторским коллективом «Грамматики», исходя из современной языковой практики
	1	2
1		

с просьбой к каждому респонденту написать в приложении к таблице (в графе 1 или 2) **согласие** (Да) или **несогласие** (Нет) на каждый вопрос в отдельности. Если есть иное мнение по поставленным вопросам, написать в графе “Примечания, предложения”.

Ф.И.О.	№	Орф. словарь и Свод правил	Предлаг. обозна- чения в ГКЯ	Примечания, предложения
		1	2	
	1			
	2			
	3			
	4			
	5			
	6			
	7			
	8			

В анкетировании участвовало 89 учителей (64 учителя из сельских средних школ и г. Элисты, а также 25 учителей из разных районов, проходивших курсы усовершенствования в РИПКРО в июне 2005 г.).

Из ответов на вопросы Анкеты выяснилось, 55 учителей (61,8 %) поддерживают необходимость реформирования орфографии, а 34 учителя (38,2 %) - против реформирования действующей орфографии. Противниками реформирования орфографии выступили учителя СШ № 12 (7 чел.), СШ № 21 г. (11 чел.) и часть учителей СШ № 17 (8 чел.) г. Элисты, Ульдючинской СШ Приютненского р-на (7 чел.) и 1 учитель на курсах повышения квалификации учителей. Введение новой орфографии они считают нецелесообразным, так как это, по их мнению, «вызывает дополнительные затруднения в преподавании», «введение неясных гласных будет отпугивать молодых родителей, осложнит изучение родного языка, замедлит темп урока», предлагают «обозначать неясные гласные значком (ε), как в словаре Д.А.Павлова». Эта часть педагогов, на наш взгляд, «игнорирует» состояние современной языковой ситуации в калмыцком обществе, когда родной язык постепенно вымирает и в изучении языка в школе барьером становится стечение большого количества согласных в непервых слогах слова. Транслитерация исходных форм слов (обозначение значком ε) возможна лишь в словаре, а в орфографии, формируемой на базе языка и речевой деятельности, существуют свои закономерности и принятые на их основе правила письма.

Учителя, поддерживающие реформирование орфографии, предлагают «создать учебники нового поколения для начальных классов и «Төрскн келн» для 7 класса с учетом мнения учителей-практиков», «увеличить количество часов по калмыцкому языку и литературе с 1 по 11 классы», «обращать больше внимания на развитие речи в начальных классах, а на углубленное изучение грамматики - в средних классах», «вести пропаганду по возрождению и сохранению родного языка», «поднять престиж учителя калмыцкого языка, материально стимулировать их работу».

Ниже подведены итоги ответов учителей на каждый из 8 заданных в Анкете спорных вопросов в графе 1 и в графе 2. Обнаружилось, что при ответе на отдельные вопросы респонденты не смогли выразить четко свое согласие или несогласие и отметили в обеих графах приложения Да, либо Нет. В этом случае мы объективно считаем, что респондент не определился с ответом на вопрос. Из 55 человек, поддерживающих реформирование орфографии, 3 – за частичное реформирование (конкретных ответов на поставленные вопросы не дали). Таким образом, ответивших на вопросы Анкеты оказалось 52 человека. Подсчет произведен по 3 параметрам: поддержавшие 1 вариант обозначений гласных (графа 1), поддержавшие 2 вариант обозначения гласных (графа 2) и не определившиеся с ответом респонденты.

Вопрос 1

	1	2
1	<p>Восстановление <u>всех типов гласных (долгих, в кратких, неясных) во всех позициях в слове</u>. Например: мэдел – мэдделгечи; андынар - андынарлылһын, андһарлылһына; хуверхе - хуверулхе, хуверулелһен, хуверулелһенэ; эмеген, элесен; хаан, хөөн, тээг, буу, зээ, күүн.</p>	<p>Восстановление <u>только неясных гласных</u> в <u>непервых слогах в слове</u>. Например: мэдел – мэдделгче; андһар - андһарлълһын, андһарлълһна; хуверхе - хуврлхе, хуврлелһен, хуврлелһнэ; эмген, элсен; хан, хөн, тэг, бу, зэ, күн.</p>

За – 3 чел. (5,76%)

За – 41 чел (78,84%)

Не определившиеся с ответом – 8 чел. (15,38%)

Вопрос 2

2	1	2
	<p>Обозначение неясного гласного в твердорядных словах <u>буквой ы</u>: ахы, боорцыг; аадырхы - аадырулхы, аадырулылһын, аадырулылһына; агсымнылһын, агсымнылһына.</p>	<p>Обозначение неясного гласного в твердорядных словах <u>буквой ъ</u>: ахъ, боорцъг, аадырхъ - аадырулхъ, аадырулълһын, аадырулълһна; агсымнълһын, агсымнълһна.</p>

За – 5 чел. (9,61%)

За – 41 чел (78,84%)

Не определившиеся с ответом – 6 чел. (11,53%)

Вопрос 3

	1	2
3	<p>Обозначение неясного гласного <u>и</u> после восьми согласных: л, н, д, т, ж, ш, ч, й. Например: сули, хани, боди, боти;</p> <p>ээжи, жажилхы - жажилжи, кэмелхе - кэмелжи; кишиг, багши; ачи, эмчи; хойир, байир, үйи</p>	<p>Обозначение неясной гласной <u>и</u> <u>только после</u> <u>палатальных согласных л, н, д, т:</u> сули, хани, боди, боти; <u>После согласных ж, ш, ч, й</u> неясный гласный обозначать по гармонии гласных буквами <u>е/ъ</u>: ээже, жажълхъ - жажължъ, кэмелхе - кэмелже; кишег, багшъ; эмче, ачъ; хойър, байър, үйе</p>

За – 18 чел. (34,61%)

За --25 чел (48,07%)

Не определившиеся с ответом – 9 чел. (17,30%)

Вопрос 4

	1	2
4	<p>Обозначение падежных окончаний: <u>Родительного -иин/-ыын</u> (эке – экиин, ахы – ахиин, гэр – гэриин, мал – малыын, чоны – чоныын). <u>Винительного -ииги/-ыыги</u> (экииги, ахииги, гэрииги, малыыги, чоныыги); <u>-ги</u> (күзун - күзүги, чирэ - чирэги, шовун - шовуги, ноха - нохаги).</p>	<p>Обозначение падежных окончаний: <u>Родительного -ин/-ын</u> (эке - экин, ахъ – ахин, гэр - гэрин, мал - малын, чонъ – чонын) <u>Винительного -иге/-ыгъ</u> (экиге, ахиге, гэриге, малыгъ, чоныгъ); <u>-ге/-гъ</u> (күзүге, чирэге, шовугъ, нохагъ).</p>

За – 2 чел. (3,84%)

За – 48 чел (92,30%)

Не определившиеся с ответом – 2 чел. (3,84%)

Вопрос 5

	1	2
5	<p>Неясные гласные и после согласных ж, ч, ш и е/ы после согласной ц сохраняются:</p> <p><u>сажи</u>-хы - саживы, сажилыг, сажисын; <u>бичи</u>-хе - бичижәнә, бичижи; <u>ачи</u>-хы - ачивы, ачисын, ачидыг; <u>эце</u>-хе - эцесен, эцеве, эцежи; <u>хуцы</u>-хы - хуцыжана, хуцылыг;</p> <p><u>дүүжил</u>-хе - дүүжилүлхе, дүүжилелһен; <u>көгшир</u>-хе - көгширүлхе, көгширелте; <u>хальшир</u>-хы - хальширүлхы, хальширахы;</p> <p><u>ээжи</u> - ээжинер, ээжиде, ээжилә, ээжитә; <u>малчи</u> - малчиныр, малчиды, малчита; <u>билцег</u> - билцегүд, билцегиин, билпегииги; <u>ацы</u> - ацымуд, ацыды, ацыта.</p>	<p>Неясный гласный и по морфонологическим законам не сохраняется: в конечной позиции исходной основы глагола (в инфинитиве): <u>саж</u>-хъ - сажвъ, саждыг, сажсън; <u>бич</u>-хе - бичжәнә, бичже; <u>ач</u>-хъ - ачвъ, ачсън, ачдыг; <u>эц</u>-хе - эцсен, эцеве, эцже; <u>хуц</u>-хъ - хуцжана, хуцдыг; явления усечения и метатезы: <u>дүүжел</u>-хе - дүүжлүлхе, дүүжелһен; <u>көгшер</u>-хе - <u>көгшр</u>үлхе, <u>көгшрел</u>те; <u>хальшър</u>-хъ - <u>хальшр</u>уляхъ, хальшрахъ; при словоизменении: <u>ээже</u> - <u>ээж</u>нер, ээжде, ээжлә, ээжтә; <u>малчъ</u> - <u>малчнър</u>, малчды, малчта; <u>билцег</u> - <u>билцг</u>үд, билцгин, билцгиге; <u>ацъ</u> - <u>ацм</u>уд, ацды, ацта.</p>

За – 2 чел. (3,84%)

За – 41 чел (78,84%)

Не определившиеся с ответом – 9 чел. (17,30%)

Вопрос 6

	1	2
6	<p>Обозначение лично-предикативной частицы 1 л, мн.ч. -виден (көделжәнөвиден, мөргехе - мөргевевиден, жажилжанавиден, йовхывиден).</p>	<p>Обозначение ... по гармонии гласных -вден/вдън (көделжәнөвден, мөргхе - мөргвевден, жажължанавдън, йовхъвдън).</p>

За – 17 чел. (32,69%)

За – 24 чел (46,15%)

Не определившиеся с ответом – 11 чел. (21,15%)

Вопрос 7

	1	2
7	<p>Обозначение аффиксов деепричастий -хелә/ -хыла, -хеләрен/-хыларын (көделхелә, көделхеләрен, йовхыла, йовхыларын, мөргехелә, мөргехләрен, жажылхыла, жажылхларын); аффикса 3 л. желательного склонения -техә/ -тыха (көделтехә, мөргетехә, йовтыха, марты-хы - мартытыха); аффикса учаstantialного вида и мн.ч глагола -цехә/-цыха (кәле - кәлцехәхе, көделцехәхе, ав-хъ - авцыхахы)</p>	<p>Обозначение ... -хла/-хлә, -хларън/-хләрен (көделхлә, көделхләрен, йовхла, йовхларън, мөргхлә, мөргхләрен, жажълхла, жажълхларън); аффикса 3 л. ... -тха/-тхә (көделтхә, мөргтхә, йовтха, март-хъ - марттха); аффикса ... вида и мн.ч. глагола -цхә/-цха (кәл-хе - кәлцхәхе, көделцхәхе, ав-хъ - авцхахъ).</p>

За – 4 чел. (7,69%)

За – 44 чел (84,61%)

Не определившиеся с ответом – 4 чел. (7,69%)

Вопрос 8

	1	2
8	<p>Обозначение лично-притяжательных частиц</p> <p>1 л., мн. ч. -миден (эгчи - эгчимиден, эгчииги - эгчимиден; hosын - hosмиден; hарииги - hариимиден);</p> <p>2 л., ед. ч. -чинь (эгчичинь, эгчиинчинь, эгчииги - эгчиичинь; hosынчинь - hosна-н-чинь; hарчинь, hариинчинь, hариичинь; үкерчинь, үкриинчинь).</p>	<p>Обозначение ...по гармонии гласных:</p> <p>-мден/-мдън (эгче - эгчемден, эгчиге - эгчимден; hosън - hosъмдън; hариге - hаримден);</p> <p>2 л, ед. ч. -чен/-чън (эгччен, эгчинчен, эгчиге - эгчичен; hosънчън - hosна-н-чън; hарчън, hаринчън, hаричън; үкерчен, үкриичен).</p>

За – 3 чел. (5,76%)

За – 39 чел (75%)

Не определившиеся с ответом – 10 чел. (19,23%)

Таким образом, за обозначение всех типов гласных во всех позициях (графа 1) высказалось 12,9% опрошенных респондентов. 72,83% – за восстановление только неясных гласных (графа 2). 14,18% опрошенных респондентов четко не определились в вопросах обозначения гласных.

В современных условиях исчезновения национальной среды общения вопрос о сохранении и дальнейшем развитии калмыцкого языка приобретает особую актуальность для нашего этноса. Наша с Вами задача в том, чтобы возрождение, сохранение и дальнейшее развитие языка стало стратегической задачей правительства РК, общенациональной программой. Деятельное участие калмыцкой общественности в обсуждении спорных вопросов поможет продолжению работы по восстановлению неясных гласных. Огласовка слов поможет учащимся в школе и всем желающим изучать и знать свой родной язык.

В авторском коллективе по созданию I тома “Академической грамматики калмыцкого языка (Фонетика. Фонология. Интонация. Словообразование. Морфемика. Морфонология. Морфология)” участвуют профессора и доценты КалмГУ: Р.П.Харчевникова, П.Ц.Биткеев, Д.А.Сусеева, Т.С.Есенова, Б.В.Бадмаев, В.Э.Очир-Гаряев и Н.Н.Убушаев - с.н.с. Отдела языкознания КИГИ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Харчевникова Р.П. Задача создания новой грамматики калмыцкого языка в свете продолжения работ по реформированию орфографии	5
Сусеева Д.А. Словообразовательная парадигматика имен существительных калмыцкого языка	11
Очир-Горяев В.Э. О природе модальности и ее содержании	27
Лиджиева Л.А. Падежи и послелогои с пространственно-временными значениями в современном калмыцком языке	33
Харчевникова Р.П. Функциональный аспект исследования категории падежа в современном калмыцком языке	47
Сусеева Д.А. Принципы описания имени прилагательного и наречия в калмыцком языке (формально-семантический и функциональный аспект)	68
Есенова Т.С. Синтаксис текста: единицы и их свойства	78
Омакаева Э.У. Проблемы грамматического анализа предложения и текста разноструктурных языках (на примере калмыцкого, монгольского и русского языков)	90
Мушаев В.Н. Об актуальном членении калмыцкого предложения	99
Монраев М.У. Об истории калмыцкой лексикографии	111
Харчевникова Р.П. К вопросу о семантико-грамматическом статусе причастий в калмыцком языке	120
Омакаева Э.У. О новых подходах и методах грамматического описания калмыцкого языка	145
Харчевникова Р.П., Убушаев Н.Н. Местоимения в современном калмыцком языке	152
Харькова С.В. О некоторых способах словообразования имен существительных	183
Харчевникова Р.П., Бадмаев Б.В., Лиджиева Л.А. Реформа орфографии: итоги анкетирования	187

Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка

Выпуск 2

Сборник научных статей

Подписано в печать 15.06.2006
Гарнитура Times Kalm. Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 22,32
Тираж 200 экз. Заказ № 537

Издательство Калмыцкого университета
358000 г. Элиста, ул. Пушкина, 11

